

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Р. Р. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

ВЫПУСК 6

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2012

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза Писателей
при участии
Академии Русской Словесности и
Изящных Искусств им. Г.Р.Державина*

Под общей редакцией Е.П.Раевского

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П.Раевский

**Редколлегия: Л.П.Кизик, А.Н.Молоканов,
Л.Б.Ильина, С.Н. Скакун, А.Губаревская,
Е.В.Сакс, Ю.В.Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmssp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2011 года*

ISBN 978-5-4343-0093-1

© Коллектив авторов, текст, 2012
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2012
© Фото на обложке Е.В.Сакс, 2010

Уважаемый Евгений Павлович!

Исполком Международного Сообщества писательских Союзов сердечно поздравляет Вас с 65-летием со дня рождения и 50-летием творческой деятельности!

Юбилей творческого плодородия Вы встречаете достойно - Ваше дарование и неиссякаемая энергия по праву заслужили признание читателей, Ваших коллег и соратников по писательскому цеху.

Примите искренние пожелания здоровья, благополучия, дальнейшего созидания во имя великой русской литературы.

Дружески обнимаю,

*Председатель Исполкома
Международного Сообщества
Писательских Союзов*

Юрий Бондарев

ВЕЛИКИЙ ВЛЮБЛЁННЫЙ

(О книге Евгения Раевского «Ученик Петрарки»)

Мы не знаем, как именно состоялась встреча Раевского и сонета, но мы видим органичность и даже непреложность их дружбы... Мы чувствуем и муки слова, поиски наилучшего выражения чувств и мыслей. Это уже школа его отдалённого предшественника Франческо Петрарки: «Кто в состоянии выразить, как он пылает, тот охвачен слабым огнём».

Владислав Шошин, профессор, ведущий сотрудник Пушкинского дома.

Из отзыва на книгу Е. Раевского «Любовь моя – волшебное дитя»

Большинству из нас дано познать наследие первого крупного мастера сонета Франческо Петрарки исключительно по переводам. Но далеко не все переводчики – опытные лингвисты, искусствоведы и даже одарённые поэты К. Батюшков, Вяч. Иванов, А. Эфрос, В. Брюсов и другие, кто брался за это нелёгкое и почётное дело, смогли... вдохнуть в свою интерпретацию жизнь и сказать новое слово в собственно Русской поэзии. И, как знать, быть может, в сонетах Евгения Раевского есть частица души Великого Влюблённого...

Елена Сакс. Из предисловия к книге «Ученик Петрарки»

С творчеством русского поэта Евгения Раевского мне удалось познакомиться почти лет на десять раньше, чем с самим автором. В 2003 году мне попала в руки его книга «Ученик Петрарки» – массивный том страниц на четыреста с лишним, этакий фолиант времён Западного Ренессанса.

На лицевой стороне привлекал внимание портрет усатого молодого человека с копной тёмных спадающих на плечи, вьющихся волос. Ни дать ни взять светский лев эпохи Возрождения. Но необыкновенно выразительными были у покорителя дамских сердец глаза – пронзительный, проникающий прямо в душу взгляд... Петрарка, как известно, был одним из родоначальников сонетов о любви. При этом вся его изящная любовная лирика была посвящена одной женщине – прекрасной Лауре, в которую поэт был безнадежно влюблён. В отличие от ловеласа, изображенного на портрете на лицевой стороне обложки. А потом оказалось, что это... вовсе не ученик самого Петрарки, а сам Раевский в молодости. А название книги «Ученик Петрарки» поэт взял не для эпатажа, а скорее из творческого озорства. Назвал же Евгений Павлович свой первый поэтический сборник – «Вся власть сонетам!».

Да, да, Раевский, изменив всего одну букву в лозунге «Вся власть революционным Советам!», перевернул весь философский смысл оригинала. Не стоит совершать революции и проливать кровь в гражданских войнах. Не лучше ли отдаться власти сонетов, воспевающих самое прекрасное чувство – Любовь?

Как говорит Е. Раевский, «выше любви только творчество». В самом деле, только творческие натуры могут повести за собой народ к высоконравственным идеалам. Но едва я так подумал, как, повернув книгу, на задней обложке я увидел яркое образное выражение этой мысли: православный крест и Ангела, взмахнувшего крылом и указывающего на белый ступок солнечной энергии, из-за которого даже не видно Солнечного диска, но во все стороны расходятся светлые лучи. Один белый луч или упирается в верхний конец креста или же исходит из него, символизируя, что Православие несёт свет верующим. А над всем этим благодатным свечением крупными буквами – изречение автора книги: «О, творчество – ты счастье. Без тебя Мир превратится в хаос и бессилие». Творчество и Творец – однокоренные слова. Творец превращает космический хаос в счастливую гармонию окружающего нас Мира. Очевидно,

Золотое Слово-6

так же и филигранно обточенная фраза поэта превращается в тот сгусток солнечного света, который и светится на обложке.

Мне захотелось впитаться в творчество Раевского, которое для него стало синонимом Счастья. И я стал листать страницы, начиная с конца и двигаться к началу книги, утопая в красоте сонетов. Так иногда делает нерадивый школьник-двоечник, заглядывая в конец учебника, чтобы найти правильный ответ к задачке. Но если двоечнику претит математика, и ему не постичь гармонию цифр, то я, напротив, упивался изяществом сонетов, афоризмов, переводов иностранного языка Раевского и сам находил правильный ответ к задачке, которую поэт замаскировал в названии книги «Ученик Петрарки». Когда-то мэтр поэзии Золотого века Василий Жуковский написал набирающему силу талантливому ученику Александру Пушкину: «Победителю-ученику от побеждённого учителя». Чтобы признать своё поражение и поздравить своего «противника», надо действительно обладать мужеством. Но для Жуковского это было не поражение, а подлинный триумф.

Мне думается, что читая книгу «Ученик Петрарки» Раевского, отчасти понимаешь чувства Жуковского. Даже названия сборников в разделе «Библиография» звучат, как лирическое стихотворение-верлибр: «Власть сонетам!», «Я видел нечто светлое», «Любовь моя – волшебное дитя» (ещё светлее и прекраснее), «Тем, кто меня не любил» (интригуяще), «Увидимся во сне» (словно неразгаданный сон или нераспечатанное письмо: пока не увидишь текста, не понимаешь взаимоотношения между двумя любящими людьми), «Благодарю» (а что ещё можно сказать любимой?)...

Мудрый, многоопытный критик тут мог бы осерчать на меня: ну, что же ты, друг любезный, всё талдычишь об одном и том же – всё про Любовь и про Любовь. Ведь есть на свете и порочные мысли и страсти. Есть невежды, клеветники, трусы, коварные интриганы и завистники. Отнюдь. Раевский любовью восхищается, а пороки-то язвительно и хлётко бичует. Вот лишь несколько афоризмов: «Невежество – враг будущего», «Клеветник всегда бездарен», «Те, кто могут преодолеть страх, вознаграждаются», «Коварство – свойство слабых», «Лень – привилегия рабов». Но, пожалуй, красной нитью, верно связующей все элементы книги, стал следующий афоризм: «Не истину ищите, ищите Любовь».

Как бы мне ни хотелось отрываться от миниатюр и двустий в конце книги «Ученик Петрарки», но усилием воли я всё же открыл страницу, на которой напечатано заглавное стихотворение «Великий Некто», задающее тон всей книге. И вдруг обнаружил, что всё, о чём я писал на страницах первой главы, Евгений сумел уместить в двух четверостишиях:

*Стереть улыбкой взгляды всех врагов,
Любовью петь, презреть непониманье,
Предугадать жестокости долгов,
Чтоб не блуждать в позоре и обмане.*

*И так блестеть талантом и душой,
И так световеленно яркословить,
Чтобы лететь кометою большой,
Которая дополнит в людях совесть...*

В самом деле, Раевский живет в другом измерении и ему мало пространства земного шара – душа рвётся в космос. В нём и только в нём можно летать огромной кометой и светло великолепно яркословить – заметьте, какие неологизмы родились!

Но для Евгения полёт не самоцель. Он нужен для главного предназначения русского поэта – дополнять в людях совесть, заставляя их задуматься о своей жизни, о своих поступках. Именно совесть отличает человека от животного, от скота. И вот я уже по-другому взглянул на портрет молодого человека с книжной обложки. И вовсе этот парень не ловелас и не дон Жуан. И в глазах не похоть, а мудрость и доброта, а взгляд не только проникает в душу, а устремлён

Золотое Слово-6

вдаль, в будущее. А пока Раевскому приходится применять в борьбе с завистью, корыстью и подлостью своё самое сильное в мире оружие, которое наповал сражает врагов: тихую, слегка заметную, блуждающую на лице снисходительную улыбку.

Но тайну взгляда провидца, который запечатлён на портрете, я отыскал в прошлом Е. Раевского и его прародителей – в глубоких духовных традициях семьи Раевских. Согласно архивным данным, предки Евгения Павловича с 18 века были священнослужителями. В одном из своих интервью Е. Раевский сказал: «Говорят, что поэты – проводники Господни. Им доступно нечто большее, чем другим людям. Для поэтов не существует понятий пространства и времени. Главное, что в настоящем поэте ощущение этого чувства граничит с вечностью». Прекрасная иллюстрация сказанному – отрывок из стихотворения «У Никольского собора в Петербурге»:

*Удары... Звон... Колокола...
Непревзойдённость воспринять.
Меня здесь музыка нашла,
Чтоб одарить теплом объятья.*

*Святая солнечность молитв,
Крестосплетенья с блеском неба,
Ветров потеха в стиле битв
И птиц подоблачная нега...*

Вера в понимании поэта это и верность своей стране и родному городу. Вот одно из его ранних стихотворений:

*Я бесконечно горд, что был рождён в России,
И признаюсь ей в том, что преданно влюблён
В её лесов таинственные сини,
Поля её и рек извечный марафон.
Я пил росу с испачканных ладоней
Смолой янтарных сосен вековых,
Дышал зарёй, валяясь на соломе,
И хлеб жевал с кобылой на двоих.*

Какой звонкий, светлый голос у юного поэта! В стихотворении чувствуется влияние есенинского творчества, но при этом и самобытность его также ощущается. Она сквозит в метафоричности стихов Раевского. Он не прибегает к привычным клише, штампам.

Раевский не только коренной петербуржец. Он проживает в самом экзотическом месте Санкт-Петербурга – на Васильевском острове. Когда-то Петр Первый мечтал сделать из Васильевского вторую Венецию, прорыв каналы вместо улиц. Но проекту Петра не суждено было сбыться. Хватает в нём и без «каналов» Васильевского острова речек и настоящих каналов, чтобы название Северная Венеция звучало органично. Жил на Васильевском острове и Нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский, который эмигрировал в Америку. Но и за океаном не мог забыть про свой сказочный остров детства. Ностальгически звучит его поэтическое «завещание»: «*На Васильевский остров я приду умирать*». Но судьба распорядилась по-своему, Бродского похоронили не в Северной Венеции, а просто в Венеции, небольшой провинции Италии. Не сумел вернуться Бродский на Родину. А Раевский, как и все его предки, никогда и не помышлял её покидать, а служил и продолжает служить Родине верой и правдой. Свои «Воспоминания о Малом проспекте» Евгений посвятил милому сердцу уголку, где проживал в юности. Название этого стихотворения очень созвучно с «Воспоминаниями в Царском селе» юного лицеиста Пушкина. Продолжая лицейскую тему в судьбе Александра Сергеевича, нельзя не привести знаменитую строку из стихотворения «19 октября»: «Отечество нам Царское Село».

Золотое Слово-6

Отечество для русского поэта Раевского – Малый проспект Васильевского острова. Приведу одно четверостишие из «Воспоминаний о Малом проспекте»:

*Я ныне вспоминаю, как вздыхал,
Под небо новой улицы входя,
А Малый больно в сердце громыхал
Трамваями по рельсам средь дождя...*

В стихотворении «Воспоминания...» есть ещё одна деталь в строфе, которая связывает Раевского с Пушкиным:

*Бессонницей обкрадывая ночь,
Ждал я, а не боялся наводнений,
Себя мне и теперь не превозмочь,
Красавице ль отказывать в свиданье?
Я полнюсь ею, радуюсь ей втайне...
Да Питер ли без таких явлений?*

В поэме Александра Сергеевича «Медный всадник» лирический герой с именем, как у поэта Раевского – Евгений, мечется в страхе по Петербургу, не зная, где спрятаться, спастись от наводнения. А лирический герой Евгения Раевского он сам, поскольку стихотворение называется «Воспоминания о Малом проспекте». Наводнения и мрака ночи поэт не боится, а спокойно поджидает, своей «бессонницей обкрадывая ночь...».

Тема родного города, Петербурга, является основополагающей для нашего героя, так же как и тема Поэта и Поэзии:

*Склоняясь над иконою листа пустой бумаги,
Я не прошу ни тем, ни вдохновенья...
Лишь слов прошу и сил,
Терпенья как отваги...*

Раевский на пустой листок бумаги смотрит как на икону. Выше личных благ ценит Евгений Павлович поэзию, литературу, культуру и считает, что если перестанет существовать великая русская литература, как значительная часть мировой культуры, то не будет и великой России и успехов в экономическом развитии страны.

Несомненно, Евгений Раевский, мыслящий так глобально, относится к плеяде подвижников. Антон Павлович Чехов очень точно сказал о важной роли в общественной жизни подвижников: «...Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешёвые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба... есть ещё люди иного порядка, люди подвига, веры и осознанной цели».

Сонеты становятся талисманом для Евгения Раевского и для тех, кому он посвящает свои сонеты: своей Музе, Прекрасной Даме, возлюбленной.

*Ты – мой соавтор, муза и душа,
Царица строк, рождающих напевность,
Вновь не хватило мне карандаша,
Чтоб написать тебе Любовь и Верность!*

*Тебя пою, восторгов не тая,
Пусть защитит тебя поэзия моя!*

Золотое Слово-6

В другом сонете лирический герой Раевского мечтает о чистоте взаимоотношений с возлюбленной:

*Пленителен твой запах чистоты,
И я плещусь, влекомый чистотою,
По телу твоему одной мечтою,
Что всплеском ласк сейчас ответишь ты.*

Лирический герой умоляет женщину не упоминать, не вспоминать о прошлом:

*Не вспоминай о нежности былой,
О прелестях бывшего совершенства –
И наслажденье вовсе не блаженство,
Где как сравненье помнится другой...*

*Я несравним, как несравненна ты,
Нет для меня желанней чистоты...*

Я долго не понимал, откуда у поэта Раевского возникают такие сногшибательные образы. Вроде бы он и не скрывает своих учителей. Вот и книгу назвал «Ученик Петрарки». Но вдруг наткнулся на одно любопытное обстоятельство. Он учился у самых лучших во всем мире лингвистов – детей. Корней Чуковский об этом не только написал научный труд, но и создал литературный шедевр. Его книга «От двух до пяти» известна всему человечеству. Дети не испорчены рамками правил и правописания и они творцы новых слов.

После школы Женя Раевский поступил ночной няней в детсад, чтобы воспитывать детей. А сам получил от них такие великолепные уроки раскованного свободного творчества, что помнит их до сих пор. Тогда-то он и стал писать забавные детские стихи, которыми мог бы гордиться любой маститый писатель. Вот одно из них – «Старенькая Катя»:

*В садике гуляла маленькая Катя,
Вдруг сказала грустно, что гулять ей хватит,
Что уже устали маленькие ножки,
Целый час таскают тёплые сапожки.*

*Возразила Кате девочка другая:
«Разве ты устала, ты же молодая?»
Объяснила Катя: «Нет, я не устала,
Просто от хождения старенькою стала».*

После такой идиллии трудно возвращаться в такой жестокий бытовой мир, где ругаются матом, звучат пошлые фразы, оскорбления. Да и поступки совершаются вульгарные, неприглядные. Но поэту Раевскому хоть и претит бессовестное поведение юнцов после нескольких выпитых стаканов бормотухи, он не опускается до ханжеского морализма. Евгений с лёгкой иронией высмеивает их, спрессовав три катрена сонета в один и не тронув двестишестидесяти:

*Трётся ночь о шершавые вязы,
Комары благодушеством заняты,
Слышу мата отборные фразы –
Кавалер изъясняется даме.*

*Пьют портвейн они из гранёного,
Но не стану мешать: вдруг влюблённые!*

Золотое Слово-6

Вот потому и рождаются у Раевского два стихотворения «О брани» и «Языческое». Услышав «мата отборные фразы» поэт, скорбя, что наш великий и могучий засоряется, воскликнул: «Язык наш – часть души!». Сел за письменный стол и написал «О брани». Остаётся только удивляться мастерству Евгения, что и о брани, гневаясь и возмущаясь, можно написать изящно, прекрасно, филигранно. Для иллюстрации моего тезиса привожу две строфы:

*Язык наш дик, когда испачкан бранью,
Унижен он в разнuzданных речах,
Испуган злом, растерян от отчаянья,
Ведь не таким он создан изначально,
Его мы опошляем сгоряча...*

В конце стихотворения, без назидательности, без менторского тона он просит говорящих на русском языке беречь свое сокровище. И прежде чем сказать сгоряча что-то непотребное, мысленно поискать в памяти чистые светлые слова:

*Средь множества звучащих сочетаний
Найдите в мыслях чистые слова;
Язык наш – часть души и зодчий знаний,
Не мучайте себя бездушьем брани,
Брань – речи враг, стара сия молва.*

Читателю может показаться, что я немного лукавил, говоря, будто Раевский не скатывается до морализма – мол, почему же поэт поучает: «Брань – речи враг, старя сия молва». Нет, дорогие мои друзья, никого Евгений не поучает. Он просто разъясняет свою точку зрения.

А стихотворение «Языческое» с таким же успехом могло бы называться «Языковым». Потому что Раевский, вспомнив о знаниях, почерпнутых в университетах детского сада, радуясь солнечному утру, так и сыплет неологизмами: «*златоокий лучепад*», «*комареет и пчелеет*», игра «*солнцесловья, ясновстречья*», которое рифмуется с красноречьем, с каким «*все птицы замелодили*» в «заберезнившихся» рощах, над которыми «заперламутровилось» небо. Это языковая, языковедческая часть стихотворения. А языческое оно потому, что поэт, вспоминая озорство его подопечных в коротких штанишках, сам забавляется, восхваляя, как и наши славянские предки, прелесть восходящего солнца.

«Обыденность гнетёт наш быт и ум», – пишет Евгений в одном из своих стихотворений. Она убивает любовь, а людям так хочется сказки. Уехав далеко загород, углубившись в лес, поэт находит там Берендеево царство, зимнюю сказку. Если в русской народной сказке сумасбродная мачеха отправила падчерицу в январский лес собирать подснежники, то у поэта Раевского стояла другая, тоже почти не выполнимая задача – уехать от дождливого бесснежного января и отыскать заснеженный январский лес. Ему это удалось. И он пишет об этой идиллии, назвав её «Маленькая сказка»:

*Ели-королевы красят лес хрустальный,
Засыпают в чащах голубые тайны,
Дивно, осторожно, с веток не слетая,
Снег застыл в движенье мехом горностая.*

*На берёзах ветер сплёл из снега вазы –
В них горят на солнце снежные алмазы.
Лебедей фигуры на ветвях рябины,
В жемчуг облачились сосны-исполины.*

Золотое Слово-6

*Меж кустов в засаде снежные драконы:
Носороги, тигры – всякие персоны.
Чудеса и только! Красотою греюсь.
Милая, мы вместе вспомним эту прелесть.*

*Чувством мы сияем вслед за чудесами,
В эту сказку чудом мы явились сами...*

Лирический герой Раевского попадает чудом в маленькую сказку, притом не один, с милой дамой. Герой греется сказочной красотой, а милой нежной девушке показывает эту необыкновенную прелесть зимнего леса.

Разве стройная красавица лесная ель не похожа на королеву в своей расклешенной темно-зеленой бархатной шубке, с воротником из горносталя? Для неё лес – хрустальный замок. И в этом замке сокрыты голубые тайны отброшенных теней от сосен-исполинов в жемчужных ожерельях.

Надо иметь острый глаз и необыкновенное фантастическое воображение, чтобы в устремившихся ввысь берёзках увидеть изящные вазы, украшенные драгоценными алмазами, а в ветвях рябины белоснежных лебедей. И не пугают, а оберегают случайно повстречавшуюся в лесу парочку, воспылавшую любовью, снежные драконы, носороги и тигры, притаившиеся в кустарнике до поры до времени. Пока их помощь влюблённым не понадобится.

К переводам «Римских оргий» Марка Лукана Евгений Раевский обратился в назидание потомкам: потеряв любовь, никто не становится счастливым.

Для иллюстрации этой мысли я приведу два примера:

*Ах, ах, зачем так много мне мужчин?
Все только лгут и грезят о победах.
Мне б одного, чтоб не было причин
Остаться в блудных помыслах и бедах.*

*...В бесстыдных оргиях никто и не заметит,
Что я вообще жила на этом свете...*

Так задумалась о своей пропавшей, растроченной молодости одна из героинь «Римских оргий».

А теперь слово герою упомянутого цикла стихов:

*У ног бесчувственных красоток
Хмельную юность расточал,
А говорят, что был я кроток
В начале всех своих начал.
Теперь, гонимый, ненавистный,
Считаю, сколько задолжал,
Как виноград, гнию и кисну
И на судьбу точу кинжал.*

Но вернёмся к сонету. Сонеты сейчас не в моде – слишком сложная форма. Теперь попроще пишут: «Через речку, через мост, липовый берёзка рос...». Может быть, и звучит мотивно, а слушать противно. А таких поэтов как Раевский, говорящих на языке поэтов Серебряного века днём с огнём не сыщешь. Евгений виден, а остальных через микроскоп разглядывать нужно или морской с двадцатикратным увеличением бинокль. Многие задают

Золотое Слово-6

Евгению стереотипный вопрос: почему он выбрал именно сонет. Многие пытаются использовать форму стихосложения, которую довели до совершенства поэты Ренессанса: Данте, Франческо Петрарка, Пьер де Ронсар. Но попримеряют на себя эту форму, да и отбросят в сторону, то мала - в подмышках жмёт, то велика – рукава длинны, и пообедать, не сняв форменный камзол, не удаётся с комфортом. В общем, ну его к бесу, этот сложный сонет. Не всякому он по зубам приходится. На что Раевский отвечает: «Я пробовал себя в разных ритмах и размерах. И вдруг понял, что четырнадцать строк сонета – это идеально. В них можно сказать всё. В этой форме есть мистика. Сонет диктует свои условия – простота, лаконичность».

Чувствуете ли вы, уважаемые читатели, вникая в прелесть сонетов Раевского, что со страниц книги «Ученик Петрарки» будто бы слышится песенная мелодия, слова сонетов Евгения, начинают звучать, превращаясь в песню или романс. Он стал сочинять стихи с четырнадцати лет, но путь к вершинам Поэзии был долог и труден.

«Я был сначала просто повествователь, – вспоминает Евгений. – Не лез в глубины души человеческой. Но спустя некоторое время понял, что созрел, чтобы рассказать о любви – нравственном влечении двух душ и тел друг к другу. То есть нравственность, построенная не на расчете к женщине. Я сам отношусь к женщине возвышенно, я восхищаюсь ею, я осуждаю её, ревную и корю. Иногда даже ненавижу, но всё равно люблю и боготворю».

Именно такое чувство решил воспеть поэт Евгений Раевский в «Восторженном сонете»:

*Еще вчера вся жизнь рвалась на части,
Теперь для нас собралась вещей новью,
Вхожу в тебя душою и любовью,
Движений обливных вбираю счастье.*

*Лилейность плеч, волос твоих касанья,
Прохладный плеск груди и губ цветок,
Святые ласки глаз, восторг дыханья –
Всем полнюсь я, как чувственный поток.*

*Величье торжества, где пальцев ожерелье
Сомкнула ты, а влагу губ и глаз
Смешала в повелительный приказ
Поющим быть во власти откровенья.*

*Здесь повелитель я... Но ты – царица,
Которая, любя, мне подчинится.*

Оба лирических героя одновременно участвуют сразу в двух ипостасях: он – повелитель и раб, она – рабыня и повелительница.

Любая прекрасная и капризная дама мечтает провести испытание на смелость для своего избранника. Но и тут вмешиваются в чистую любовь нотки узурпатора или узурпаторши. А потом влюбленные, казалось, вроде бы даже до гроба, почему-то вдруг понимают, что никакой любви-то и не было – так, каприз:

*Поймешь ли ты: каприз – смешная мелочь,
Союзница бездумной красоты.
Зачем во мне ценить мужскую смелость
И исказить той смелости черты?*

Золотое Слово-6

*К ногам твоим я нежность лью до капли,
Следов на ней никто не оставлял.
О, если бы писал я Клеопатре,
То никогда бы слогом не сиял...*

У историка и философа Ключевского есть любопытное высказывание об исследовании своего и чужого характера: «Наблюдение чужих пороков очень полезно для самоисправления: собственный порок становится особенно противен, когда увидишь его в другом и почувствуешь, как неприятно обладать тем, что сейчас осмеял, ибо мы любим осмеять всех и вся, кроме себя и своего».

После всего сказанного и размышлений Раевского посмотрите, под каким углом зрения поэт рассматривает женский каприз:

*Ах, настроенье, в чем его причины?
От женского каприза спасу нет,
Но если Вас так чувствует поэт,
В его Вы сердце сердцем облачимы...*

*Вы поняты как утро, как Весна,
И стоит ли осенней притворяться?
Я пробовал характеру вверяться –
Душа моя для чувств была тесна...*

У Вацлава Воровского есть такое высказывание: «Есть духовные ценности, без которых не может существовать человек, по крайней мере, обыкновенный, средний человек. К ним в первую очередь принадлежит нравственная мирооценка. Если вы отнимете у человека его этический критерий, не давая ему нового, – вы погружаете его в мрак, вы толкаете его, слепого, на бездорожье, готовите ему погибель».

А Евгений Раевский не желает мрака и гибели людей, потерявших нравственные ориентиры. Он своим поэтическим творчеством несёт свет истины, весеннее настроение и дарит влюбленным искренние, светлые лирические стихи. Один такой сонет Евгений посвящает «Женщине весны»:

*Изящный взгляд весенних глаз,
Скольжение из рук великолепя,
Сил трепетность благих волшебной цепью –
Вот то, что истолковывает Вас.*

*Порой непониманье Ваше – месь
За зрелость любящего Вас так романтично,
Но честность Вашу движет только честь,
А это людям нынче непривычно.*

*Я Вас умою майской чистотой
И оберну в сияние восторга.
Любовь и рифмы в истине простой,
Она Вас из сомнения исторгла.*

*Да будут так все женщины честны,
Как Вы, мой свет, как Женщина Весны!*

Золотое Слово-6

Мудрецы говорят, что жить вместе, вдвоём – целая наука. А любить друг друга это целое мировоззрение. Поэт Раевский видит и знает не только азы и свет, исходящий от этого мировоззрения. Его лирический герой, убелённый сединами, замечает прозрачность своей нимфы, в которую он трепетно влюблён. Герой обещает любимой женщине посвятить ей стихи. Булгаков в «Мастере и Маргарите» сказал, что талантливые рукописи не горят. А Раевский в стихотворении «Прозрачный облик» говорит, что стихи о любви нетленны, а любовь вечна:

*Зачем я Вам, что движет Вас ко мне:
Влечение, Любовь, Благоедеянье?
Усталость? Или в нежной седине
Скрываю я от Вас мечты и тайны?*

*Друг трепетный! Я думаю о Вас,
Вы мне не безразличны в этом мире...
Как не воспеть сияющий алмаз?
Как молча пребывать в поющей лире?*

*Скажите что-нибудь из доброты,
Покоем освежите мой рассудок,
Глазами цвета зрячих незабудок
Мой мир верните в звуки и мечты...*

*И Ваш прозрачный облик, безупречный,
В стихах моих останется навечно...*

Потрясающий облик не только любимой женщины лирического героя создал поэт. Он гениально представил на суд читателя и прозрачную душу героя, который пытается разобраться в чувствах своей героини. Что же движет ею: «Влечение, Любовь, Благоедеяние? Усталость? Или в нежной седине скрываю я от Вас мечты и тайны?». Несомненно, у героя есть тайная мечта. Разве не соблазнительны характерные черты юной девы: «Скажите что-нибудь из доброты, покоем освежите мой рассудок, глазами цвета зрячих незабудок, мой мир верните в звуки и мечты...».

Вот и открыта тайна героя. Он очарован, околдован «*глазами цвета зрячих незабудок*». Эти глаза и волнуют воображение и рождают сладостные грёзы и мечты у седовласого мужчины, которые сияют у него в видениях, как алмазы.

Никогда не исчезнет любовь и не погибнет то, чем жил когда-то поседевший мужчина. Были разлуки, потери на жизненном пути, но в памяти людской хранится всё: и плохое и хорошее. Только человеческая память тем и хороша, что избирательна. Плохое быстро забывается, а хорошее помнится и делает жизнь лучше, светлее. Нельзя же, как сказал когда-то поэт Раевский, постоянно вспоминать, что «*завистью искусан был до ран*». Воспоминания должны становиться для выдавших виды в жизни людей великим их достоянием, бесценным богатством.

Благодаря воспоминаниям не стирается из памяти «*прозрачный облик*» любимой женщины. И даже если ее нет рядом, то все равно ждешь свидания с милой дамой, как в юности. Об этом великолепно сказано Евгением Раевским в стихотворении «Ожиданье»:

*Вцепилась в грудь мне ночь, терзает душу,
Заткнула уши злая тишина,
Поэзия терпенья лишена.
Мгновенье – и Господь перо иссушит...*

Золотое Слово-6

*Рассудок-пилигрим изыскивает свет,
Но море темноты мне плещет в нервы...
О, где же Вы, где Ваш кабриолет,
Летящий по завьюженной Галерной?..*

Я уже писал, что Евгению Раевскому свойственно перемещаться, как в машине времени сквозь века. Вот и сейчас его лирический герой в воспоминаниях мчится в Серебряный век на завьюженную Галерную, чтобы краем глаза увидеть «Прекрасную Даму», летящую в кабриолете. И тогда вдруг ожиданье превратится в неожиданное свидание. Точно так же сам поэт окунается во времена Франческо Петрарки, приступая к написанию очередного сонета. Манит его в Ренессанс изящество и красота стихотворных образов, музыкальность поэзии.

Сонет Раевского «Волшебной женщине» по духу именно из эпохи Возрождения:

*Волшебной женщине – волшебные слова,
Что льются песней, воздухом, весельем,
Но женщина волшебная права,
Когда сама согреет друга пеньем.*

*Мудреет мысль влюблённого тогда,
Когда его избранница и муза,
Как ангел, как хранящая звезда,
Избавит от надуманного груза.*

*Пусть лишь тогда, когда Фортуна мстит
И не сразится мне с веленьем Рока,
Прошу я музу: «Будь со мной жестока»,
Прошу за то, и Бог её простит...*

*Но если ты волшебная, как прежде,
Я о Любви прошу, о Вере, о Надежде.*

В статье «Поэтический мир Евгения Раевского» литературовед, профессор Ефим Роговер касается такой тонкой темы, как эротика: «Евгений Раевский нередко затрагивает и откровенно эротические мотивы. В этом неповторимость разработки им любовной темы в таких, например, лирических пьесах, как «Два голоса», «Сонет женской груди», «Волшебной женщине». Целое «Ожерелье эротических сонетов» создаёт поэт, составляя его из пряных и дышащих страстью произведений. Он варьирует здесь чувственные мотивы, любит красоту наготы, слиянием любящих: «одна душа блистает в двух телах», «мы в наслажденье слиты воедино». Но при этом автор никогда не забывает о духовном единстве любящих и передаёт его неизменно: «Твоё впитал я сердце, мысли, ритмы».

Солидарен в оценке «Эротического ожерелья сонетов» Раевского и критик Геннадий Муриков. В статье «И женщину он выпьет словно мед» Муриков пишет: «Однако последователем Баркова его назвать невозможно. «Клубнички» по крайней мере, в опубликованных сборниках поэта нет».

Присоединяюсь и я к высказываниям Е. Роговера и Г. Мурикова. Без «Ожерелья эротических сонетов» творчество Евгения Раевского было бы неполным. Поэт, пишущий о любви, не должен писать только про романтическую и платоническую любовь. Как последователь поэтов Ренессанса, которые возродили культ обнажённого тела человека, Евгению Раевскому так же не чужд эро-стиль в его сонетах. Взять хотя бы сонет поэта из одной катрены:

Золотое Слово-6

*Светлейший, ласковый каприз,
Откуда вы передо мною?
На блеске ваших глаз Париж,
Явились вы красой иною...*

Тут Евгений одним словом – Париж – словно бы напоминает нам о французском поэте эпохи Возрождения Пьере де Ронсаре, мастере эротического стихотворения. Женщины благоговели перед Ронсаром, они с упоением читали про интимные подробности, но с таким изяществом и тактом, чувственностью и страстью описанные французским поэтом.

Но и у Раевского это ещё не эротика, а прелюдия к ней. Обратимся к «Сонету женской груди», упомянутому Ефимом Роговером. Он только обозначил тему Раевского, но упустил изысканность сонета и его необыкновенную метафоричность:

*Два чутких холмика, два трепета святых,
Теплом пикантным льнущих к поцелую,
Две сказочных волны боготворю я
В источнике надежд и чувств моих.*

*Жемчужины вершин тех волн бесценных
Меж губ моих волшебной чистотой
Скользят в меня, и музыкой-мечтой
Я повторяюсь, гордый и нетленный...*

*Все вкусы чувств пылают на губах,
И рук воспламенились очертанья,
Но вдруг прохладой волн необычайных
Я освежён, и мне не ведом страх.*

*Теплом добра увенчан трепет перл,
Я допою им всё, что не допел...*

Вот как увязал поэтическое творчество с эротикой, с притягательностью обнаженного женского тела Раевский: «*Теплом добра увенчан трепет перл, Я допою им всё, что не допел...*». Итак, Муза вдохновляет поэта создавать стихи, а обнажённое женское тело вдохновляет его писать стихи эротические.

Образ женской груди, как колышущиеся две морские волны, невольно навеян прекрасной фигурой Афродиты, рождённой из пены морской. Волны моря вздымаются и колышутся от ласк ветра, а грудь Афродиты вздымается и колышется от непонятого доселе предчувствия чего-то прекрасного, запретного, но непреодолимо притягательного. Того, о чём мечтает и мужчина и женщина – о любви.

В «Сонете женской груди» ни намёка на пошлость. Мы привыкли с восхищением рассматривать обнажённые тела женщин на картинах мастеров-живописцев, у которых нагота и эротика не превалируют. Так почему же нельзя восхищаться талантливыми эротическими сонетами Евгения Раевского? Приведу четверостишие, которое отбивает всевозможные ханжеские нападки на эротические стихи Евгения:

*Безлюдный остров. Женские черты,
До слез родные, до изнеможенья...
А в небе сокол – чудное вторженье,
Парящая душа моей мечты.*

Золотое Слово-6

Любая возлюбленная пара мечтает об уединении, мечтает оказаться на безлюдном, необитаемом острове и слиться воедино в объятиях. Да так, что от этого блаженства душа соколом взвьется ввысь и будет там парить бесконечно долго.

В этом-то и магия «Ожерелья эротических сонетов» Раевского. Ожерелье состоит из пятнадцати сонетов. В сонете четырнадцать строк, и, казалось бы, и в ожерелье эротических сонетов следовало остановиться на четырнадцатом. Но у Раевского не просто набор сонетов, а ожерелье. Как известно, жемчужин для ожерелья мало, необходима и застежка, замочек, чтобы оно удерживалось крепко на шее. Вот Евгений и составил свое ожерелье из пятнадцати элементов.

В третьем сонете Раевский снова обращается к волнующей женской груди:

*Как грудь твоя волнительно блестит,
Подобная двум лилиям в пиалах.
Молчи! Мне тишины для ласки мало,
И пусть твое молчанье Богу льстит.*

Но разве можно безропотно молчать, ощущая ласки друга? И третий сонет оканчивается у Евгения весьма эмоционально:

*Волнения вне власти в этот миг,
Подавлены сомненья чудесами –
Два сердца наполняет сладкий крик.*

Чем-то запретным была сказка о Шахерезаде про «Тысячу и одну ночь». А у Евгения Раевского не одна тысяча эротических строчек. Но в пятом сонете «Ожерелья...» поэт опровергает миф о прекрасной любви Шахерезады:

*Не верю я ночам Шахерезады,
Их выдумал запрет: любить за страх.
Царей в любви всегда постигнет крах,
А нам любовь – Господняя награда*

Себе в союзники Евгений Раевский призывает поэта-женщину, у которой есть прекрасные лирические и, несомненно, эротические стихи. Эпиграфом для своего сонета без названия он берёт слова Марины Цветаевой: «Желание вглубь: вглубь ночи, вглубь любви. Любовь: провал во времени».

Так, Раевский передает читателям глубину чувств лирического героя:

*Волос твоих душистый шорох стих,
Ты ожидаешь слов, а я немею,
Тобой любуюсь, высказать не смею
Своих желаний, вечных и простых.*

*Но чутко к сокровенности моей
Ты прикоснулась жаркими губами...
И, растворённый в лунно-нежной гамме,
Я становлюсь уверенней, смелей...*

*Обворожён, прелюдии внимая,
Струюсь губами там, где... сам не понимаю...*

Золотое Слово-6

Так что же такое любовь? Можно сбиться с курса в бурном море чувств и урагане мнений. Раевский на это отвечает твёрдо и уверенно:

*Любовь – вершина бытия,
Восторг восторгов, свет Вселенной.
Любовью был изыскан я,
Чтоб свет найти в тебе, бесценной.*

Раевского называют без всяких титулов, которые он имеет, русским поэтом. И это очень правильно. Ведь Россия это не только огромная территория, а состояние души. Вот так и в поэзии Евгения Павловича будет трудно разобраться, если ты не проникся русским духом.

Раевский, может быть, не так многословен, но он создал необыкновенный собственный поэтический мир. Ведь кто много говорит, тот мало делает – у Евгения всё наоборот. Он не знает предела совершенству и всегда сомневается:

*Поётся мне в трёхструнности трёх чувств –
Поэзии, Любви и просто Жизни,
К кому из них я в вечной укоризне?
Пред кем стою неощутим и пуст?..*

Никогда Раевский в поэзии не был неощутим и пуст. Его сонеты всегда ощутимы, яркие, ажурны, изящны и наполнены мудрым смыслом, иронией и самое главное любовью. Творчество русского поэта объёмно, выпукло и упоминание Евгения о «трёхструнности трёх чувств» соответствует трёхмерному пространству, в котором существуют эти чувства. У любого пространства три составляющие – длина, ширина и высота. Они есть у поэта. Правда, говорят, что существует и четвёртое измерение – время. Но оно одновременно направлено только в одну сторону – вперед. А обратной дороги назад у времени не существует. Миг – и настоящее становится уже историей, прошлым. А впереди неизвестное для нас будущее.

Но это примитивное представление о параметрах нашего мира. Взять высоту: она безгранична, бесконечна и уходит в космические дали, измеряющиеся миллионами световых лет. Так что наш мир бесконечен и вечен, как и жизненные трёхструнья-ориентиры Евгения – Поэзия, Любовь, Жизнь.

Мир спасёт не красота, а любовь, как считает Евгений Раевский, а «поднять любовь высоко... сможет только поэзия»:

*Спаси меня, Поэзия, спаси!
Тебе я доверяюсь без гордыни.
Возлюбленной единственное имя
Со мною в трудный час произнеси.*

В творческом «багаже» поэта в основном произведения малых форм. Я уже приводил примеры блистательных афоризмов и нерифмованных двустиший Евгения. При этом Е. Раевский считает, что «читатель ищет в поэзии не форму, а содержание». Но в какой бы стихотворной форме ни творил автор, он неизменно обращается к теме Руси, России. В этом смысле Евгений Раевский – это очень русский поэт, который, сопротивляясь чуждым идеям, своим творчеством защищает наши исконные идеалы. Перед Раевским стоит титаническая задача – нравственными литературными произведениями отсекают бездуховность мира.

Материал к публикации подготовила **Елена Сакс**

Уважаемый Евгений Павлович!

От всей души поздравляю Вас с 65-летием со Дня рождения. Ваша жизнь и творчество связаны с нашим городом, с судьбой нашей Родины России.

Ваше творчество русского поэта-лирика-гражданина, Ваша подвижническая деятельность в качестве инициатора возрождения уникального учреждения культуры - Академии Русской Слоvesности и Изящных Искусств и.л. Л.П. Державина, Ваши труды по созданию Российского Межрегионального Союза писателей дали возможность проявиться таланту замечательных авторов, деятелей литературы и искусства. В один из самых сложных и драматичных периодов российской истории, когда подвергаются серьезным испытаниям и деформации национальная культура и традиционная русская нравственность, Вы не побоялись противостоять этим явлениям, зарекомендовав себя, как человек, движимый патриотом не на словах, а на деле.

Новой страницей в культурной жизни Академии явилась совместная с Гилдией живописцев Санкт-Петербурга деятельность по организации ежегодных художественных выставок «Ленинград-Петербург, ленинградцы-петербуржцы» в Выставочном зале Союза художников России.

Спасибо за Ваше мужество в отстаивании высоких целей петербургской культуры, за Ваш светлый поэтический дар и служение Отчизне.

Желаю Вам творческого вдохновения и душевных сил для дальнейшего созидания на благо нашего общего Отечества.

Председатели Общественной организации
«Гильдия живописцев
Санкт-Петербурга»
Заслуженный художник России,
Профессор живописи

Л.П. Полозов.

Творящему Евгению Павловичу.

Далеких весен гул на многолюдном Невском
Мне вспоминается по осени в глубинке.
Воспоминания, как легкие бумажки,
И голоса друзей... но ты речные всплески.
Увдруп, среди будней: «Творит Павелский» -
Вспомните я, ответ мой лишь записки:
«Да!.. Но сонетами справлены пошлости...
Что я могу!.. Я стар, и это веско!..
На что мне титулы, когда убито слово,
Мо, кто рождалось нами молодыми?..
Его б сохрани - да вот, галдеж эпохи...»
«Награда творца, - Вы скажете, - не ново,
Россия не всегда в осеннем скрита диме...» -
«Но посмотрите - всюду скопорохи...»

С благодарностью,

Николай Суратов

Теплая метель

Ночь обволакивает призрачным, но жадным
Великолепием изысков светогрѣз,
Жасминностью и запахом прохладным
Веселых, пробуждающихся гроз.

Мерцалица-заря чувствительна, как сон,
Свивается с ночным белонебесьем,
Твой образ предо мною, невесом,
Здесь нет тебя, но будто бы мы вместе.

Белоночницы, истинницы слова,
Льнут бабочки на мысли и слова,
Беловеселье в юном сердце лета,
Белоиюнье. Плещут кружева.

Блестящей бело-розовой пастелью
Сквозь трепетность палитровых чудес
Пух тополиный тёплой метелью
Взлетает до рассветливых небес...

* * *

Солнце светом тучи рвало,
Золотило наши лица,
Красотой одолевало
Лики северной столицы.

Вспетербуржилось сознание
От лучистого удара,
И Любовь, и Понимание
Стали нам созвездьем дара.

То ли зов воображенья,
То ли Истина воспряла,
То ли слёзоприношенье
В это утро воссияло.

Плачу, плачу, сам не знаю,
Что я слышу, что жалею,
И строкой, как ворожеей,
Словно солнцем, душу грею.

Притча

Отъянварилось, отфевралилось –
Подытожилось – не понравилось,
И на март опять отнадеялось,
Отапрелилось – разуверилось,
Мне отмаяться предоставилось,
Родилась мечта, да преставилась,

Поиюнилось, поиюлилось,
Только вскорости пригорюнилось.
Дело августом обнадѣжилось,
Вдруг виной других уничтожилось,
Октябрѣм тоска поубавилась
И в ноябрь верой отправилась,
В декабре навеки отверилось,
Но надеждою отогреюсь я.

Клюквин бал

Поберѣзилось пред взглядом,
Порябинилось чуть-чуть...
Мало был мне лес наградой,
Быстро в город лег мой путь.

Тропы ивят на прощанье,
Ежвчат тут и там,
Лето ветрит, все в отчаяньи,
Трудно в холоде мечтам.

Мхи брусничат понемногу,
На болоте клюквин бал,
Бродит осень с летом в ногу,
Первый лист, желтея, пал...

С. Михайловское, 2001г.

Лесной сонет

Протиснувшись меж солнечных лучей,
Спешим мы в тень лесного бездорожья,
Прохладою пленил тебя ручей,
И вот ты в нём плывешь неосторожно.

Ты первозданна вся, обнажена,
Вода тебя лелеет горделиво,
Но тщетно кареглазая волна
Скрывает эротическое диво.

Обласканная влагой, ты скользишь
Сквозь лилий грациозных сокровенья,
Смешной, теряет голову камыш...
О, Нимфа, возвратись в земное бденье.

Теплом зову, не ревностью, к ручью...
Вернись, я с ним согласен на ничью.

Д. Димитрово, 1994 г.

Золотое Слово-6

Шуршащее

Шорохи, шорохи, шествуют шорохи,
Шелест щекочет уши,
Шепчутся листьев шалящие ворохи,
Осень струится в души.

Шлейф тишины за плечами входящего,
Вихрь улетел с шумом,
Смотрят деревья на листья опавшие,
Лес зашуршал думы.

Солнечным шрифтом на просеках золото,
Свет увяданья сонный,
Россыпи бликов – осенние всполохи
Гаснут в траве отрешённо...

Где-то в томлении мира шуршащего
Голос любви венчальный.
Прелести милых шагов веселящие,
Шорохи, шорохи, шелест случайный...

ЕЛЬ

Голубая ель-царица
Трехвершиньем в небо влилась,
На ветвях еловых птицы,
Пестробокые синицы,
Словно божеская милость.

Ель инеет, изумрудит,
Малахитит и алмазит,
Птицы греются, как люди,
На елово-снежной бязи.

Белки взглядами кокеток
Рассмешили всю округу,
Все снежинки с чувством света
Улыбаются друг другу.

* * *

Танцующая прелесть хлопьев снежных,
Вояж мороза. В утренних лучах
Перо – мой ангел, к счастью принадлежит,
Целует лист, как вещая свеча.

Лью слёзы дикие без ведомых причин,
Бьюсь памятью святой в непониманье,
В ответ безумят тайны, злые тайны,
В них умирает искренность мужчин.

Но я пишу спасаясь от тоски,
Великую любовь и боль поэта,
Поэзия – волшебная планета,
Не все из нас к волшебному близки.
Шальные сумерки, морозная хандра,
Пора бы убежать мне из вчера...

* * *

Полумрак. Одиночество. Холод.
Ночь бездарная. Муза немая.
Вновь мой разум прозрением молод,
Я живу пустоту обнимая...

Свет обижен, бессилен, отвергнут.
Шабаш глупости, зла карнавал,
Смех Любви, краски памяти меркнут –
Блажью луч мой убит наповал.

Зрит беззвучие в лист одичалый,
Сердце плачет – не пишется мне.
Бог мой! Смилуйся! Нежность в огне
Нестерпимую боль прокричала...

* * *

Белоноченька. Блеск воли в глазах твоих
Отражается загадкою сквозь грусть.
Не пойди мне звуки в этот стих –
Я тебя, как юноша, боюсь.

Чудеса, свет питерский вокруг,
Блики цветоносят радость нам,
Свет влеченья вторит чудным снам.
Как же ты меня пленила вдруг!

Святодействие. Чувство световорот
Взрыв капризов, буйство грёз в груди,
Миг молчанья – крик наоборот,
Звук души моей. Не уходи!

Свет блаженство – белой ночи свет.
Жаль, что я ещё не твой поэт!

* * *

Свет музыкален для влюблённых,
Он добротой питает звуки,
В живом обличьи свет бессонный
Не терпит холода разлуки.

Любите свет, а не губите,
Любовь – сокровище, загадка
Любовь есть искренность в зените,
С ней больно петь, но жить в ней сладко...

Окружевляясь в ритмах слова,
Вливаясь в святость изъяснений
Свет воскресают в чувствах снова,
Как юный, как волшебный гений.

Сверкальчик гордый, друг крылатый,
Порой свет гаснет от тревоги,
Он перед кем-то виноватый?..
Любви завидуют и боги.

* * *

* * *

Евгению Раевскому

Пока доступна взору тетива,
Источник вод не замутнен копытом –
Охотнику о времени сокрытом
Нашепчет задрожавшая листва.

Олень сторожко замедляет бег,
Но путь его решен – от жажды к боли.
Тварь выступает из земной юдоли,
Сомкнуть не успевая мягких век.

Смиряет воздух стрельчатая вязь
Готических соборов-паутинок.
Движение очерчивает связь.

Другое знает терпеливец-инок,
Не ищущий ни зверя, ни ловца,
А лишь пути единого Творца.

* * *

Василию Розанову

В голубиной светелке – летучая мышь,
Это вечер творенья.
Плеск воды, звон цикад, шелестящий камыш...
Чай с вишневым вареньем.

Что ж, да будет, В.В., по твоим словесам,
Самовар не остынет.
Как на брачном пиру мед течет по усам –
Сорок жизней в пустыне.

* * *

...Легкой смерти надо бы просить.

Иван Тхоржевский

Персти малой не надобно рая –
Казнена первородной виной.
Попроси, человек, умирая,
Легкой смерти, не жизни иной.

О прощенье молчи, о награде.
И душа-то спасется едва.
Тлеть бы мирно в церковной ограде,
Поминанье на год бы, на два.

Предпоследняя, может, глава,
догорают сухие глаголы.
чу, звонок, где была голова
снова двойку притащишь из школы.

шесть досок, зга да мга, да песок
третий глаз заплывает под медью,
и сверчок слепо сверлит висок,
конькобежцем слетая к посмертью

раз напился с чужого следа,
то и встанешь по образу зверя,
отлетит гробовая слюда
и на пальцах сплуют двери, двери.

пожалел бы голодную плоть,
бессловесную тяжесть оставить.
верно, что запрещающий полоть
запретит перебить, переплавить

поздно до ста считать, виноват.
если спрятался, где ты, бездельник?
о двенадцатый час виноград
собран весь, приходи в понедельник.

* * *

Сергею Стратановскому

С детских лет ненавидел
материй обман скрупулезный,
Разномастных предметов удачу
исчезнуть, сорваться из рук
И опасливый шелест
подспудную злобу венозной
Ненадежной кровишки, кровищи –
не верил, что тело сам-друг.

Из подобного страха
растет золотое желанье
Словно музу, мгновенье прихлопнуть,
янтарным плевком запереть
На кудыкиной горке
с железным совочком камланье
Чёртов палец, песочная паска,
мясная колючая клеть.

Когда закопали лягушку,
солнце не померкло,
дождь не пошел.

Мы ждали,
жевали травинки
бросали камешки в воду,
видели выдру,
усатую, мокрую, забавную.

И вот, над Березовкой тучи
иссиня-черные,
победительные.

Мы побежали, успели
к пахучему хлебу из печки
с парным голубым молоком.

Дождь шел три дня,
лягушку потом не нашли,
а сколько земли перерыли,
радужной глины зыбучей...

* * *

Зарекались бы мы от сумы да тюрьмы,
Но прости и неси крест живой по Руси,
Где икона – доска, там и дома тоска,
А пришла немота – отворяй ворота.

А и нужен ли меч, если подлая сечь?
А и нужно ли пить, если в темную бить?
Да и жили бы в пьянь, если б дело не дрянь –
Если б просом могли мертвых взять у земли.

Дождаясь грехов до вторых петухов.
То парча в коробах, то зеленка на лбах.
Ночевали в гробах – молоко на губах,
В головах мелкий бес и семь верст до небес.

Я такой же, как ты, - горсть земной немоты.
Ставь стаканы вверх дном, помолчим об одном:
Вышибай клином клин и глотай первый блин,
Заедая потом калачом и кнутом.

Если можешь – пляши, кол теши да греши.
Если хочешь – лети на дырявой сети.
Но пока ты еси, крест живой пронеси,
Бойся, верь и проси.

Полустанок

1

Под оркестр Гараяна гудят поезда.
Голубая мерцает звезда.

На перроне девчонка помашет рукой.
Ты не думай над этой строкой.

Легкий снег тополиный влетает в окно.
Одеяла сырое сукно.

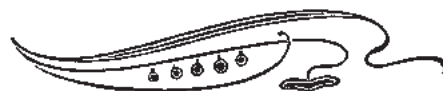
Проводник выпьет спирта, когда все уснут.
Проходящий. Нисколько минут.

2

Солона и крепка бечева.
Знает цену всему бичева,
За копеечку давит.
А соловушка, певший в саду,
Нынче, видно, с собой не в ладу,
Божьим Бога не славит.

Новый морок сквозь зубы свистит.
Мамка второго сына растит,
Первый где-то погинул.
С каждым днем проходящий быстрее,
С каждым горем созвездья старей.
Месяц ножичек вынул.

Безоглядная, верная весть.
Под ключицей колючая жесь,
Да судьба не родная.
Водит ручкой дитя на листке.
Человечек на волоске
И звезда ледяная.

Тропки

В окаймленье темных перелесков,
Хмурых и заснеженных полей
Без прикрас, без суеты и блеска
Вьются тропки Родины моей.
Словно в царстве сонном, индеев,
Ускользают, зарываясь в снег,
И ступают все по ним, робея,
И святой, и грешный человек.
Под покровом зимней чудной ночи
Слышен рядом чей-то вздох и крик.
Звездами сверкают волчьи очи.
В небе виден светлый Божий лик
..Но тропа выныривает юрко,
Далеко оставив позади
Ночи, что со мной играют в жмурки,
И звенящий холодок в груди.
И несет меня, как на качелях,
Как на лодке времени, сквозь страх,
Сквозь сомненья, беды и неверье
К дню, который спит еще впотьмах.

Рисунок девочки

Ходики в доме стали. Девочка у окна...
Тихо, но неустанно что-то рисует она.
Дом, траву и овечку, ворона – на трубе.
Тихо рисует вечность, словно на память себе.
Мать с отцом у калитки, бабушку – на крыльце.
Возле оврага - ракитки. Солнце – в лучей венце.
...Время прошло, умчалось. И родных уже нет.
Но на листочке осталась сказка минувших лет.

Главное

Что в жизни главное? Пожалуй,
На это каждый даст ответ.
А может быть, (какая жалость!)
Ответа точного и нет.
И философствовать тут можно ...
Подскажет мысль... её держись.
Но сердце шепчет мне тревожно,
Что в жизни главное есть жизнь.

Памяти отца, участника Курской битвы

Нет безотраднее муки –
Горькой безмолвной тоски.
Памяти цепкие руки
Сердце сжимают в тиски.

...Танки пылают. И жутко
В чёрное небо смотреть.
Детское личико утра
Обезобразила смерть.

В этом знакомом подлесье
Много друзей полегло.
Веет над ними, как песня,
Ветра лесного крыло.

Вот уж и вечер беспечно
Мягкий закат засветил.
И удаляется в вечность
Жизней неспетых мотив.

И цепенеют берёзы,
За день своё отрыдав,
Светлые, росные слёзы
Пряча в подушку из трав.

Колыбельная

Старые сосны в пустующем парке
Больше уже не шумят.
Старые сосны, мой маленький мальчик,
Крепко давно уже спят.

Спит ночью небо, и солнце, и ветер,
Реки, озера, поля.
Если на Землю спускается вечер,
То засыпает Земля.

Спит медвежонок у мамы в берлоге,
С белкой – бельчонок в дупле.
Спит одуванчик у самой дороги,
И каравай на столе.

Так закрывай же скорей свои глазки,
Сказочный сон посмотри.
Я убаюкаю песней и лаской,
Будешь ты спать до зари.

Золотое Слово-6

Беседа с маленьким сыном

Слышишь, как вьюга бушует на воле
И завывает в трубе.
В снежно – печальном, заброшенном поле -
Это не в тёплой избе.

Страшно в лесу. На реке так безлюдно.
Холод и стужа вокруг.
Птице и зверю зимой очень трудно,
Голодно, маленький друг.

Нет у них дома и тёплой постели.
Мало зимою еды.
Их укрывают лишь сосны да ели –
Недалеко до беды.

В жизни устроено всё очень сложно.
Так, что не сразу поймёшь.
Только везде без друзей невозможно.
Просто не проживёшь.

...Сделаем завтра кормушку с тобою
И прикрепим на сосну.
Чтобы холодной и длинной зимою
Птицам приблизить весну.

Распустилась герань

Распустилась герань ярким огненным цветом.
Распустилась герань. Только-то и всего.
Распустилась герань в ранний час, в День Победы,
Самый лучший цветок для отца моего.

...Уж отца нет давно. Отгремели сраженья.
А герань на окне все весною цветет
Я гляжу на нее с грустью и умилением.
И душа все чего-то хорошего ждет.

Распустилась герань...

Может быть

Может быть, даст Бог, еще нескоро,
Встретимся в аду или в раю.
Глядя на морщин моих узоры,
Ты припомнишь молодость мою.
И зайдется сердце острой болью,
Заново тоскуя и любя,
И заплачу я тогда с тобою,
И прощу, наверное, тебя.

А пока еще на этом свете
Я смотрю на твой «упругий» след.
Ты идешь с другою по планете,
Самый дорогой мой человек.

Я рву полевые цветы

Я рву полевые цветы,
Склоняются листья уныло.
Но мне улыбаешься ты.
И все здесь мне кажется милым.

Я рву полевые цветы,
Чтоб в вазу букетик поставить.
И мне улыбаешься ты,
Желая с рождением поздравить.
Я рву полевые цветы,
А дело все ближе к закату.
И мне улыбаешься ты,
Как он улыбался когда-то.

Я рву полевые цветы,
В которых сквозит бесконечность.
И мне улыбаешься ты.
И в ясных глазах твоих - вечность.

На смерть любимой собаки

Молил ты о помощи тихо
В глухую осеннюю ночь.
Гуляло вселенское лихо,
И некому было помочь.

Хозяйка тебя так любила,
Не вовремя только пришла.
Ее до последнего мига
Душа твоя все же ждала.

Хозяйка приехала поздно.
Устала: достали дела.
И голос беды твоей грозной,
Она различить не смогла.

...Ты был и веселым, и милым,
Но слишком доверчивым псом.
А яд оглушительной силы
Всегда под рукой подлецов...

Василий ДЕНИСЮК

Кто их хозяин?

У нас теперь не встретишь и собак.
Лишь только что домашнюю увидим...
Приемники забиты, как Гулаг –
Собачье сердце стонет от обиды!

Зима нагрянет – снится им тепло.
А летом лучше, пусть и не вальяжно...
Собаке на земле не повезло,
Пусть предана она и не продажна.

Где их хозяин? Где домашний быт?
Где поводок, что пах рукой хозяйской?
Пес вспомнит это, с горя заскулит
От этой жизни их совсем не райской!

Давайте, люди, будем замечать
На улице всех братьев наших меньших!
Теплом, кусочком пищи их встречать –
И, коль возможно, вместе их поддержим!

Манекены

Мир идет по лезвию ножа,
Всюду беды, войны беспределы...
Почему ж болит моя душа?
Разве же она поможет делу?

В черной маске, мысли много дней,
Но надежды нет, и нет просвета!
В цинковых гробах везут людей,
Так недавно любящих планету.

Нет, я не ругаю мир наш весь,
Пессимистов не люблю за это...
Просто до всего мне дело есть,
Если то касается поэта!

Ну а уж на Родине своей
Мне уже положено по штату
Написать об этом поскорей,
К сожалению, поставив дату!

Кто-то согласится здесь со мной,
Кто-то - безразличен к переменам...
Я такого с болью небольшой
Называю просто манекеном!!!

Сегодня лучший в мире праздник

Я по привычке встану рано,
Весна гуляет по стране.
Не раскисайте, ветераны,
Хоть вас уж горстка на земле!

Как в юности погода дразнит,
Сдержать мне чувства нелегко!
Сегодня лучший в мире праздник,
И все святым зовут его!

Да! Губы шепчут: «День Победы!»
С мечтой, со смертью, со слезой...
И все ж, в тот день ушли все беды
С салютом ярким над страной!

Прошли года, и белым снегом
Покрыла головы судьба...
Те, кто придут за нами следом
Пусть берегут наш мир всегда!

На одном лишь колесе

Начнем с себя, коль мир подобен нам,
Иначе - предсказаньям сбыться всем...
Мир катится уже ко всем чертям,
Мы мчимся на одном лишь колесе!

Мы бессердечны к чаяньям других,
Стараемся увидеть в ком-то зло...
Упавшему не подаем руки,
Хоть, может быть, его бы то спасло!

Где наша человеческая суть?
Где доброта и сердца, и души?
Нам надо просто на себя взглянуть
И перестать пред Господом грешить!

И я уверен: будет мир спасен!
И кончатся все беды на земле...
Я просто увидал ужасный сон,
Он явью четкой показался мне!!!

Бал

В Санкт-Петербург явилось чудо,
Был белой ночи третий час.
Три сизых облака-верблюда
По небу плыли мимо нас.

Проснулись сфинксы и грифоны,
Атланты вышли погулять.
Зажглись ростральные колонны,
Ожил Нептун, поправив прядь.

Огромный колокол приехал –
Екатерины пьедестал;
Сошла, сдержала брызги смеха,
Потёмкин князь пред ней предстал.

Стоят Кутузов и Суворов,
В движенье шумная толпа,
Потоки льются разговоров,
Из пушек – праздника пальба.

Полна Дворцовая гостями –
Оживших памятников бал,
Тех, кто историю перстами
Легко сгибал и разгибал.

Царь Пётр – суровый Медный всадник,
Вздымая искры с мостовой,
Примчал на этот странный праздник
Ушедших в мир далёкий свой.

Кончалось действие. К пьедесталам
Элита шла – в руке рука.
И в позу прежнюю устало
Вставала с грустью на века.

Мессия

Я вернусь через триста лет,
Чтоб увидеть сквозь времени дым
В строгих линиях силуэт
Петербурга под небом седым.

Вечность крошится на часы,
Цепь событий рвёт мысли игра.
Что останется от красоты
Легендарного града Петра?

Неужели столбы стекла
И коробок бетонных кубы
Заслонят церковей купола,
Словно каменные грибы?

Размалюются ли дома
Грязным граффити в чёрной ночи?..
Все не могут сойти с ума,
От Прекрасного бросив ключи.

Письмо ей

Зла в душе не таи на меня,
В жизни лучшее – было с тобой.
До конца, до последнего дня
Сохраню я твой взгляд голубой.

Как от счастья сходили с ума,
Помнят ночи и тени свечи.
Бах, Вивальди, Ремарк и Дюма
Приходили нас жизни учить.

Дней ушедших вернуть нам нельзя
И событий из пламени лет.
Память, грустно по жизни скользя,
Словно в прошлое дарит билет.

Много время внесло перемен,
Друг с улыбкой сказал: «Се ля ви!..»
Только сердце не терпит измен,
И открылось лишь раз... для любви.

Прощание

Заплакало небо хрустальным дождём,
Взрывающихся молний ломались лучи.
Над городом спящим видений вождём
Лицо рисовалось во мраке ночи.

Вот огненной кистью открылись глаза,
Воздушные струи выют пряди волос.
Упрямого времени сняв тормоза,
Я падаю в прошлое сквозь рокот гроз.

Там девочка детства цвела во дворе,
Кто, что она? – символ извечной мечты...
Истлели события в жизни костре,
Нужны ль Настоящему с Прошлым мосты?

Восторженный мальчик, живущий во мне,
Смотрящий на мир сквозь цветные очки,
Мой ум будоражил, и мысли извне
Подсовывал в разум, и рвал их в клочки.

С небес улыбнулась девчонка-мечта,
Шепча: «О, как много ты сделал мне зла.
Тебя безответно любила всегда...
Прощай, глупый мальчик, ведь я умерла».

Вера КЧДЕМИНА

Не пережив страстей

Не пережив страстей
И строчки не напишешь.
Век проживешь спокойно, без затей,
Но скучно жить на свете без идей,
Без чувств, любви, как будто плохо слышишь.

* * *

Поэт не ищет оправдания,
Он утверждает и живёт.
Скользя к истокам мироздания,
Легко во времени плывёт.

Пушкину

Ты будешь Вечностью храним.
Твоя любовь, твои поступки,
Не остаются, Иже с ним...
И пусть невиннее голубки,
Души восторженной порывы,
Рожденье строк, что в сердце живы,
Всё будет суждено.
Твоих свидетелей всевидящее око,
Забыв, как многое дано,
Тебе, не им, приписывать к порокам.
Им не хватало всеу малость -
Талантом обладать.
От Бога всё тебе досталось,
А им лишь – о тебе писать.

Посланник неба и эфира,
Для жизни радостной рождён,
Без войн завоеватель мира,
Небесным даром награждён.
В твоих стихах нам льётся свет,
И лишь на брошенных скрижалях,
Остался горестный сюжет.

Белая, белая, белая ночь

В запахах нежных бредёт в полуснах,
Пастельные тени на плечи накинув,
Сквозь негу отыщет свою половину,

В дивных виденьях, прозрачных тонах,
Белая, белая, белая ночь.
Не нужен ей свет, не навязчивы руки.
С белой сиренью, скользкая прочь,
Уносящая смех и ненужные звуки.
С каплей рассвета, зови, не зови,
Тихо прощается взрослая сказка -
Пастельным тонам, что растают в дали
Ночи, день дарит другую окраску.

Гроза

Удары молнии, игра зарниц,
Под грозное ворчание небес,
Под ливни опрокинутых криниц,
Казалось, белый свет исчез.
Суровых, тёмных сил оскал,
Всё на пути своём свергая,
Какая мощь, какой накал,
Дорогу в вечность озаряя,
Победу празднуя, сверкал.
Крестами брошенный погост,
Возник из жуткой пустоты.
Являл собой духовный мост,
Воззвав к борьбе из темноты.
То дух ушедших поколений,
Встал на защиту сил земных.
Крестом спасая всех живых,
Дав силу веры для спасений.

Рассвет

Рассвет нежнее перламутра.
Гладь озера, прозрачно утро.
Над лесом дымкою туман,
То ранней осени обман.
Уже темней и гуще стали ночи
И пенья птиц не слышно на заре.
Короче день, и жизнь короче,
Под дождь уходит в сентябре.
Но всё живет на сердце смутная надежда,
Как будто я невежда,
Не знающий о чередности времен.
Как будто молодость со мной, как прежде,
И я не жду фатальных перемен.

Продлись очарование
Я помню звездный плащ небес
С пьянящим запахом обмана.
Он растворился и исчез,
С рассветной дымкою тумана.
Тугая гладь воды зеркальной
Слегка качнулась и поплыла,
И звон таинственный, хрустальный,
Звезды упавшей растворила.
Под пение цикад одно желание:
В прохладном, легком дуновении,
Продлить ночи очарование,
Остановить любви мгновение.

С тоскою лето уходило

С тоскою лето уходило
С небес, бессильное, ярило,
Ручьями слабыми лилось,
Грустя о том, что не сбылось.
Всё в предвкушеньи буйства красок
И ждёт отлёта птичьих стай.
Надев одну из странных масок,
Нам осень вдруг подарит май.
Под жарким солнцем, всё воспрянет,
И небо сочно потеплев,
Пусть ненадолго, но обманет
И нежным бабьим летом станет,
От счастья ало зардев.

Осенний спас

Осенний спас таит в себе
Святую призрачность надежды,
Что сбросив риз златых одежды,
В своей покорности судьбе,
Заслужит счастье обновленья.
И с неба высшее веленье
На землю сладостно прольется,
Осенним спасом к нам вернется,
Дарить природе увяданье
В своем роскошном одеянии.

Мир чуда нежного сонета...

Е. Раевскому

Любовь свергая с алтаря,
А чувствам уголовив паперть,
Слеза прозрачней янтара,
Застыв, святою станет капать
Воспоминания дая,
Душе, нежнейшей и влюбленной,
Слепой рабой замороженный,
Иных красот не замечая
Грудь распахнет, удар встречая.
Дрожит отвергнутое чувство,
Шипами слов изранена гортань.
Таит несущая, как дань,
Твоих соприкосновений грань,
Храня былой любви искусство.
Изыски прожитых мгновений,
Забытых сказочных явлений,
Воздушных, нежных поцелуев,
Скользя в немую, призрачную даль,
В воображении рисуя,
Главой склоненную печаль -
Невинных мыслей и желаний.
На нервных, тонких пальцах след -
Кольца былых очарований.
В глазах звезды далекой свет,
Забрезжит, рассыпаясь в бисер.
И эхом вторится ответ...
Так продолжается сонет,
Стремясь достичь небесной выси,
Где грациозный пируэт
Полночных дев влечет куда-то...
Как было в давности когда-то.
В глазах горит надежды свет,
Уводит в дивные сюжеты,
Изящной ножки хрупкий след.
В мир чуда нежного сонета,
Запястий тонких на портретах.
Певец любви, певец желаний,
Из сердца нитью золотой,
В минуты сладостных мечтаний
Кружит и манит за собой.

Виктория ЛЯВДАНСКАЯ

Музыка

Возникшая из ниоткуда,
Звучит аккордами в душе
По нервам, органы минуя,
И выход находя в слезе.

Она торжественно волшебна,
Она таинственно нежна
И воплощение совершенства
В безумном мире лишь Она.

Волнует сердце, вены стынют –
То звуки заражают кровь
И силы меня вновь покинут.
Останется одна любовь.

Я буду вся как на ладони
Нагая перед ней в ночи
И, восхищаясь Альбинони,
Я растеряю свои сны.

В стране ее нет слов безликих
Они здесь тают, словно снег.
Тут не должно быть всяких лишних.
Тут злему просто места нет.

Здесь бал Величия и Тайны
Я знаю – Вечность здесь живет
Она залечит мои раны
И от любой беды спасет.

Она – мой допинг и надежды
У той, что отняли мечту.
Она срывает с нас одежды
И ставит всех лицом к лицу.

Как солнца луч и дождь стеною –
Нет преданнее их земле,
Так ей верна и с ней одною
Я жить могу, храня в душе.

Союз никто наш не нарушит.
Одной тебе скажу: «Люблю!»,
А подтверждением послужит
Адажио... когда умру.

Единственная ты осталась.
Ты истина, что выше слов.

Я так хотела, так старалась
Избавиться от всех оков!

Но это лишь с тобой возможно.
Над этим только ты вольна,
А я лишь очень осторожна,
Когда с людьми и без тебя.

Все клеточки дрожат и стонут.
Все чувства порождает ты.
Они растут, влекут и тонут
В слезах и крике: «Помоги!».

Я птицей в небеса взлетаю
И падаю, сложив крыла.
Мне больно, я совсем не знаю,
Скажи, где грань добра и зла?

Где ты – там нет таких вопросов,
Но без тебя мне страшно жить.
Хочу в твой мир войти навечно
И никогда не выходить!

Смятение

Я в смятении, я на распутье.
Чувства спутались в тесный клубок.
Стоп нажала на этой минуте
И поймала себя врасплох.

Что я знаю о грусти и боли,
Что я знаю о счастье, любви,
О страстями бушующем море
И о том, что такое мечты?

Я позволила распорядиться
Своему сознанию всем.
Как же так вдруг могло получиться,
Что душа моя взята им в плен?

Не заметила я, упустила
И остался лишь голый расчет,
Словно правильная машина
Существует, но не живет.

И от этого стало вдруг страшно,
Но в тот час мне открылись пути...
Иногда нам бывает так важно
«Стоп!» сказать и в себя уйти.

Игорь САФРОНОВ

Памяти Марины Цветаевой

Стихи, написанные в Елабуге в 1986 году

У ТВОЕЙ МОГИЛЫ...

Зачем оставлена душа
Столь безраздельно одинокой?
Ушла, себе принадлежа
Той принадлежностью высокой...
А мне, скитальцу зрелых лет
Оставила апрельский холод.
Озноб ума, Летейский свет,
Нелепых чувств сосущий голод.
И то еще, зачем я гнусь
Себя поднять над этим веком -
Вот почему к тебе влекусь,
Сестра, за медленную реку...

Тебе через сто лет...

Тебе через 100 лет...

М.Цветаева

Да это я, имевший быть рожденным,
Столетие спустя,
И той же язвой жизни обреченный,
Костями дней мостя
Империю своей страстную площадь,
(Пока еще верчусь)
Охрипшим голосом своей библейской мощи
Туда, тебе кричу:
Друг! Отыщи меня!
Найди меня сквозь лажу
Морочных лет - разрой свой глинозем!
Кровавь себя, но чертову поклажу -
Наш общий крест неужто мы несем
С тобою врозь?!..
До высоты, с которой остров Мертвых
Мерцает льдом, где ты пока одна-
Не как стихи и не как праха сверток,
Фонтаном страсти подперев века...
Ты вынесла свой крест, себе оставив
Печальный груз последних вещей слов.
Ищу Тебя. У тех закрытых ставен,
Как пес скребусь, скуля свою любовь...
В любви как в творчестве:
Презревши конкурентов,
Тобой дыша в бесчисленном ряду
Ищу твой Дом - последнюю аренду
У вечности, куда и я впаду...
Сестра моя! К любовницам столетий

Ты не ревнуй - прогорклый смертный дым!
Любовь их - тлен, как пуля в пистолете
Заржавленном, а мы с тобой летим -
Два пламени спасительной дуэли,
Двух притязаний на нетленный абсолют
Надстрасти - надтоски, которые вне тленья
Вершин надмирных светом восстают!
Звезды падучей свет! Осужденные вместе
На жизнь и смерть - деяние одно -
Я знаю, что бессмертия вино
Нам вместе пить - иного не дано -
Вот почему так густо кроют крести -
В глазах черно, да на душе светло!

Кама у Елабуги

Ах ты, Кама-река,
Ах ты, Камушка...
Участь наша горька -
Шея с камушком.
Широка, вольна -
Шире Волги.
Волны цвета льна,
Дали долги.
Проплывает плес
И Елабуга,
Чьих то глаз и слез
Вспыхнет радуга...
На твоей груди
Как на облаке
Спит изгой-поэт
В женском облике..
От чужих красот,
От Европы той,
Бык сюда занес
На спине литой
На волнах судьбы
Неминуемой,
Этот шаг - не быть
Не минуем мы...
От своих грехов
До греховности
Этот путь таков
До огромности...
Лета вещей лет...
Как на облаке,
Спи изгой-поэт
В женском облике.

* * *

Волшебная настала ночь, святая,
Пронизанная чувством, не для сна.
Ничто виденья призрачного рая,
Когда рассмотрим то, чем ночь полна.

В окно стучатся капли дождевые,
Накрыла небо туча, как волна.
И охают раскаты громовые,
Раз вспышкой света тьма озарена.

Нам ночь подарит отдых и забвенье,
Немного поразмыслив, мы поймём –
От всех дневных забот освобожденье
Мы только ночью, в тишине найдём.

Что дарят нам Земля и мать-Природа –
Ну как те краски жизни не ценить?
Такая наша скромная порода –
Тепло и свежесть нам не разлюбить.

* * *

Как грустно жить сегодня без любви,
Не грезить о возвышенном, великом.
Не слышать как весною соловьи
Поют в любом краю, глухом и диком.

Как тяжело работе посвятить
Свою судьбу, потратив силы, время.
Ну а потом с ухмылочкой язвить:
“Такая жизнь, такое наше племя.”

Уже нет сил надеяться и ждать
Что после будет время золотое.
Хотя свою мечту нельзя предать,
Кто оптимист – тот верит в неземное.

* * *

Кто звучной рифмой окрылён,
Нельзя тому молчать.
И темой кто заморожен,
Судьба одна – писать.

О сложности в простых делах,
В политике, в любви,
Не трудно написать в словах,
На всё ответ найти.

Про то, как светлый мир живёт,
И жил, и будет жить,
Поэт как пел, так и поёт,
Его не подкупить.

В душе поэту по плечу
Полёт идей понять,
Как очень умному врачу
Диагноз указать.

Во всех своих стихах поэт,
Ценителям идей,
Передаёт в словах привет,
И видит в них друзей.

Наш мир брюзглив, несправедлив,
Известно то давно.
Но только для стихов мотив
Найдётся всё равно.

* * *

Неописуем творческий порыв
Людей узнавших боль, любовь и грёзы.
И получивших внутренний призыв
Писать стихи, забыв на время слёзы.

Слова придут, их нужно только ждать,
Творцу не сложно описать ненастье.
Пройдут года, и сможем мы понять,
Что нам доступно собственное счастье.

Не сложно выбрать тему, написать,
О чём поёт герой, и чем болеет.
Тогда легко удастся показать –
Любовь в душе читателей согреет.

Вонтер ДАК

Сирень

Когда цвела персидская сирень,
тяжёлая, как гроздь винограда,
мы встретились,
и притаилась тень
отважная моя с твоею рядом.

По-майски дождик налетел не в такт,
и светлое твоё намокло платье,
я был тобою очарован так,
что в мире прилагательных не хватит.

Укрывшись в нише старого дворца,
мы, как щенки промокшие, дрожали.
Молчали мы, чтоб гулкие сердца
не выскочили и не убежали.

Туман

Весна туманна – повторилась осень.
Как сложится в дальнейшем? Непонятно.
Болеет бесконечность цифрой восемь:
как ни рисуй – всегда придёшь обратно.
Теряется в тумане тьма деталей,
рассветный час укутан серой ватой.
Закрыт аэропорт. Увы, не ждали.
Сугроб последний тает виновато,
обиделись и потекли окошки.
Так хочется в тумане потеряться,
как серый ёжик серою дорожкой
бродить и на предметы наткаться.

* * *

Я знаю, одиночество – игра,
где главное – совсем не заиграться.
Я знаю, одиночество – игла
доверчивости в старых декорациях,

где вечерами, вытирая пыль
с предметов, ставших частью мавзолея,
легко принять иллюзию за быль,
отгородившись и себя жалея.

Я знаю... Ничего не знаю я,
мне хочется порой быть одиноким
и спрятаться от стаи воронья
в домашний мир, фиксирующий строки.

Свидание

Возникла новая звезда,
плывёт по водоёму неба,
синеют окна, и снежок
лежит, как сахар голубой.
Разбудят нас не поезда,
не запахи цветов и хлеба,
а то, что через долгий срок
мы наконец вдвоём с тобой.

Нет у кварталов тишины,
то разговор, то шум машины.
И даже под покровом снов
мир перевёрнут и распят.
А мы друг другом прощены,
ты женщина, а я мужчина.
И не нужны обрывки слов,
а каждый миг бесценно свят.

Нам невозможно помешать
в любимых перевоплотиться.
Опустошённо и тепло.
Лежим, не закрывая глаз.
Нам приходилось столько ждать,
чтоб этой ночью насладиться,
что абсолютно всё равно –
жить или умереть сейчас.

Часовня

Если всё – конец игре,
силы кончились, я вспомню
на рябиновой заре
деревянную часовню.

Свет из воздуха возник
сверху вниз в ресницах трещин,
освещает Божий лик
и вокруг мужчин и женщин.

Тлен берёзовых полов,
всюду пыль и обветшалость,
но в вершине куполов
что-то вечное осталось.

Пахнет деревом от стен,
светлый луч плывёт к иконе.
Выручай меня, часовня,
где молилась Анна Керн.

Из цикла – «Лето...»
Тополиная метель. (Июнь)

Метелью белой тополиный пух,
Кружится по июню, в сердце лета.
Сквозь тонкую палитру пересвета,
Рождая новый запредельный звук.

И призрачно летящее виденье,
В изыске белоснежья, светогрез.
Мерцает нежно, в каплях летних рос.
Витают пуховое беспределье...

Сплетают лето белым кружева,
Июня бледно-розовой пастелью.
Чаруя тополиною метелью,
Даруя щедро мысли и слова.

* * *

Запетербуржила июньская метель,
Разбавив белым светом краски лета.
И тополиный пух, собой украсив тень,
Гуляет по проспектам до рассвета...

Июль

В земляничном пахучем раю
Разгулялось цветастое лето.
Запурпурило утром зарю
На ладонях вселенского света.
Разметав зазеркалье реки,
Заблудилось среди берез.
Синеокие быль-васильки,
Осветило остатками грез.
И жасминовый шел аромат,
Обволакивал дол и дурманил.
На листочках росинки блестят,
Самоцветными да жемчугами.
В земляничном пахучем раю
Расплескалось каплями небо.
Распевая сонеты - дождю,
Зайюлило знойное лето.

Август

Зацвели ромашки на лугу,
Сад благоухает и смородится.
Ветерок, ласкаясь на лету.
С белою березкой хороводится.
И рисуя в небе синеву,
Август тихо нежится, кружится.
Отгоняя песней суету,
Малой птахой на ладонь садится...

Убежим...

Давай, любимый, убежим с тобой!
Туда, где солнце за рекой садится.
Где васильковый омут голубой,
Сиреневый туман ползет, клубится.
В брусничных затеряемся лесах.
К студеным родникам прильнем губами.
И месяц улыбнется в небесах,
До утренней зари гуляя с нами...

Старый сад

Прохладою манил тенистый сад
И мы спешили в тень, ступая осторожно.
По травному ковру, по бездорожью,
Туда, где лип струился аромат.

Шлейф тишины, на плечи опускаясь,
Окутал нас невидимой волной.
Мы к тишине сердцами прикасаясь,
В фантазии летали неземной.

Лучей прозрачных, солнечные блики,
Рассыпались у скошенной травы.
И ангелов божественные лики,
Нас провожали взглядом синевы...

А старый сад был полон нег и грез,
В благоуханье лип и чайных роз.

Людмила НОВИКОВА

Любовь - и радость, и беда

Любовь – и радость, и беда,
И счастья яркие мгновенья.
Боюсь, что это навсегда,
Что вечным будет наважденье.

Вот – задыхаюсь от тоски
И не могу найти покоя:
Сегодня так мы далеки,
Вчера – как счастливы с тобою!

Что ж завтра? Ах, наворожи,
Прижмись к моей щеке щекою
И что-то нежное скажи,
Простое, доброе такое, –

Чтоб мне не деться никуда
От глаз, от губ твоих горячих...
Любовь – и радость, и беда.
А разве может быть иначе?

Я набираю номер

Я набираю номер - и гудок
Звенит, поет, в пространство улетаю...
И расстоянья странный холодок
Колочей льдинкой в сердце прорастает.

Мне б дозвониться до твоей души,
Услышать снова голос твой глубокий.
Напрасно жду я – где-то там, в тиши
Лишь звук гудка, протяжный и далекий.

Я так люблю тебя! Рук ласковых тепло
И доброту - ее в глазах я вижу.
А если мне бывает тяжело,
Я верю в то, что **ты** сможешь выжить.

Пусть ожидание мое тебя хранит,
А преданность моя прибавит силы.
Пускай не будет места для обид –
Лишь счастья я тебе желаю, милый!

Настрой такой, как в утреннем лесу, -
Бредешь по травам, радуешься свету...
И воздух чист, и пьешь с листа росу.
И грусть легка. А сожалений - нету.

Признание

Скажи мне: «Я тебя люблю!»
И я забуду все на свете,
Когда услышу звуки эти.
Они - как музыка в Раю.

Когда вдали ты, я во сне
Твой голос слышу – чудный, милый...
И ощущаю с новой силой,
Как ты любим, как дорог мне.

Скажи мне: «Я тебя люблю!»
И станет мир прекрасен, светел, –
Его слова изменят эти.
Об этом Бога я молю!

Как знать, что ждет нас впереди?
Но, если будут испытанья,
Поможет мне твое признание, -
Оно звучит в моей груди.

Две стихии

Необузданное море –
Рокот волн и натиск бурь!
Как игривы на просторе
Вод прозрачная лазурь!

Вдалеке сливаясь с небом,
Исчезает моря край
Все вокруг – как будто небыль,
Будто рядом двери в рай.

Неоглядна гладь морская,
Не ищи – предела нет!
Небо морю прикасаясь,
Отдает сиянья цвет.

Ночью - блеск дорожки лунной,
Россыпь звездного огня...
Дарит ветра голос струнный
В ритмах будущего дня.

Прелесть зябкую рассвета
Дарит свежести волны,
Отдаёт истому лета
За прохладу глубины.

Золотое Слово-6

Дарит радуги крутые,
Туч слезящийся покров,
Блики, блёстки золотые,
Словно стайки мотыльков.

Пену облаков - прибою,
Брызгам – капельки дождя...
Две стихии. Нас ведь двое:
Море – ты. А небо – я!

Надежда, вера и любовь

Надежда, вера и любовь –
Они спасают при напастях.
Надежда, вера и любовь
Поддержат в обретенье счастья.
Позволят возродиться вновь
Надежда, вера и любовь.

Надейся, что поможет Бог
Преодолеть и скорбь, и беды.
Надейся, что поможет Бог
Там не упасть, где путь неведом.
Среди метаний и тревог
Надейся, что поможет Бог!

Даётся каждому по вере;
Чиста душа, – так будет свет!
Даётся каждому по вере:
В душе темно – исхода нет.
В дни испытаний в полной мере
Даётся каждому по вере.

Смысл жизни кроется в любви,
Любовь, - она, как счастья мера!
Смысл жизни кроется в любви,
В ней и надежда есть, и вера.
Придёт, зови иль не зови,-
Смысл жизни кроется в любви!

Её беречь необходимо, -
Всю душу в чувстве прояви!
Несчастлив, кто проходит мимо
Надежды, веры и любви.

Алжирская командировка

Алжир. Бессонница. Чужбина.
Лишь только начало светать...
Напевный голос муэдзина
В грядущий день зовёт опять.

На тёмном небе – шар луны,
Но тает сумрака завеса
И проявляется из тьмы
Живой рисунок Бумердеса.

Любуюсь Средиземным морем
С балкона дома своего:
Вот пляж, там – скалы, сзади – горы.
Здесь столько нового всего!

Вчера- знакомство с институтом;
Мне завтра лекции читать.
Уж день расписан по минутам
И надо к быту привыкать.

Арабский мир! Его законов
Душе славянской не принять.
Но жизни стиль определённо
Должна я круто поменять.

Смотрю и слушаю, вникаю,
Стремясь постигнуть суть вещей.
Я здесь совсем, совсем чужая
И мне вовек не быть своей!

Благодарю

Благодарю!
За нежность. За любовь.
За искренность. За верность. За правдивость.
За те мечты, что не вернутся вновь, -
Ах, как пугает их неповторимость!

Благодарю
За радость и за грусть,
За наших мыслей тайное согласие...
За боль разлук, которых так боюсь,
Но с ними знаю, что такое - счастье!

Благодарю
За мир, что мне открыл,
За тесное сплетенье наших судеб,
За все цветы, что ты, любя, дарил, -
За все, что было. И за все, что будет!

Иосиф ЕКАРВОВСКИЙ

Раевскому Е. П.
Экспромт к юбилею

«Поэт в России больше, чем поэт»,
стоит, как мост, над мрачной ширью Невской.
Встречаю в Петербурге силуэт
потомка рода знатного Раевских.

Он выполняет заповедь отцов:
с пером в руке воюет за Отчизну
и во главе таких же молодцов
за Русь не пожалеет даже жизни.

На плечи давит эполетов груз.
Прессуются сентенции и чувства.
Он создаёт писательский союз
и школу для изящного искусства.

Он пишет сам красивые стихи.
Великий мастер в каждой ипостаси,
в душе своей корчующий грехи
всё так же молод и ещё прекрасен.

В нём хватит сил на мостике стоять,
вести корабль под флагами России...
Я в юбилей желаю: «Так держать!
Открой посольства всюду для АРСИИ».

Кадры памяти

*8 августа 2012 года в амфитеатроне города
Кармиэль (Израиль) в рамках международного фести-
валя танцев выступил Кубанский казачий хор.*

Плясал и пел казачий хор,
напоминая о России.
Далёкой Родины простор
рождался в звуках, с новой силой
будил тоску. И отчий дом
возник на памяти так зримо...
Ведь Русь была моим гнездом,
рождения факт неоспоримый.
Во снах приходят много раз
тайга Саянская без края
и гладь Байкала, и баркас,
стрижей пикирующих стая.

Луга меж рек с ковром цветов
и глаз ласкающее поле,
горбы заснеженных хребтов,
багульник, росший возле школы.
Зимою горки у реки
и лёд, просверленный под лунки...
Улов ничтожный, рыбаки...
На стёклах инея рисунки.
Душа ещё блуждает там,
в просторах матушки России.
Согрел очаг другой вигвам
огнём любви неугасимой.

Поэт

Меня умчат поэзии ручьи
к источнику крылатого Пегаса.
Я подберу словечки-кирпичи –
из них построю стройную террасу.
Чтоб знаменитых пригласить друзей:
Новалиса и Шиллера, и Гёте.
Им даст трибуны даже Колизей...
Надеюсь, что и Вы ко мне придёте.
Хочу кирпичик каждый подогнать
и ровные ряды из них построить.
Проект сооружения нужно знать
и каменщика навыки усвоить.
Как важно всё продумать наперёд.
Вложить талант и выстроить красиво.
И не спешить – иначе пропадёт
огромное количество усилий.
Когда уже окончен будет труд,
подкрасить кое-где ещё придётся.
Тогда поэты, может быть, придут,
и каждый о террасе отзовется.
Возможно, что похвалят, может, нет.
Иль скажут незлобиво и по-свойски:
– Да ты, дружок, не каменщик – поэт.
Пиши стихи без страха, по-геройски.

Месть

Мороз под тридцать. Дозаправка.
Броня замёрзшая звенит.
Я встречу смерть, возможно, завтра,
а друг... Сейчас в снегу лежит.
Шальная пуля иль осколок

Золотое Слово-6

вошли без стука у виска.

Солдатский век, увы, недолог...

Мы ждём команды для броска,
чтоб обо всём забыв на свете,
презрев возможность долго жить,
сгорая с танком вместе где-то,
за друга должен отомстить.

Взревёт мотор, и с лязгом траки
начнут давить фашистов всех.

Я в опьянении атаки
их кровью буду красить снег.

* * *

*От имени детей войны с
сыновней благодарностью
Солдатам Победы – посвящая...*

Поёт оркестр трубами фанфар,
и майский день по-праздничному яркий.
«Штурмуют» ветераны тротуар,
неся осколки вражеских «подарков».
И каждый шаг – победа над собой,
над болью, что под сердцем затаилась,
а в памяти встаёт последний бой –
отметина на теле сохранилась.
Нешадно время – и летят года,
следы оставив прожитых мгновений,
но, помнится, сдавали города –
таков итог проигранных сражений.
Познавшие семь адовых кругов,
сгорали в пекле армии резерва.
Не тех Верховный выкосил «врагов»...
Расплатой был кровавый сорок первый.
Учились воевать в сорок втором,
но перелом пришел лишь в сорок третьем.
В той битве, что под Курском и Орлом,
вы подвигом своим вошли в бессмертье.
С боями продвигались до границ
за шагом шаг, друзей своих теряли.
Спасая красоту чужих столиц,
их памятники грудью заслоняли.
Мечтали выжить «всем смертям назло»
и босиком по травам непримятым
с войны вернуться к матери в село...
И, наконец, – Победа в сорок пятом!
Раскрасит небо праздничный салют
в честь вас и тех, что гибли молодыми.
Но, может быть, весной они взойдут
по всей земле цветами полевыми.
Спасибо вам, что, смерти вопреки,

остались живы в этой круговерти.
Те годы были очень нележки...
Мы помним Ваши подвиги, поверьте!
Солдаты, снова встаньте в строй!
Отечество в опасности, друзья!
Чума ползёт, грозя из подворотен.
Дружины собирают вновь «князья»,
а наш народ всё так же беззаботен.
Бандитский шабаш возле стен Кремля.
Молодчики не в меру разыгрались.
В слезах и столах корчилась земля,
когда с подобной бандой разбирались.
Мне помнится: вой бомб и пули свист,
плач матерей над каждой «похоронкой»,
в мороз суровый избы жег фашист
и не щадил ни взрослых, ни ребёнка.
Нет, не забыть казнённых партизан,
рёв танка, разрушающего хату...
И я тогда, советский мальчуган,
бросал врагам на головы гранаты.
Потомки не добитых в ту войну
решили порезвиться ныне снова.
А власть молчит, как будто бы страну
отдать на откуп свастике готова.
И я прошу: солдаты, встаньте в строй.
Откиньте с красной звёздочкой надгробья.
Вернитесь из могил скорей домой,
чтоб вновь добить фашистские отродья.

Кинерет*

Асфальт под колёса ныряет спеша.
Бегут от меня вековые оливы.
Петляет дорога, негромко шурша,
мотор напевает с надрывом мотивы.
Волны застывшего в древности моря
холмы Галилейские тянутся вдаль.
От них убегаю, со скоростью споря,
а сам до упора давлю на педаль.
Вода заблестела вдруг в зеркале слева,
озёрная гладь разукрашена краской.
Солнечных зайчиков полное чрево
встречается здесь наша жизнь со сказкой.
Вот он Кинерет. Звезда Галилеи!
Я к водам его припадаю от жажды.
Шли за водой из пустыни евреи
двадцать веков. Я же только однажды.

**Кинерет - единственный источник
питьевой воды в Израиле*

Царскосельские миражи

Плавны линии лианы,
Длинен силуэт колонны,
Звуки дальние сопрано,
Тихий сон усталой бонны.

В легкой дымке тает ветер,
Пленной негой упоенный.
У аллеи стихли дети,
Заплетая листья клена.

Алый блеск на шпиле башни,
На атласном шелке неба...
Мне бы в век позавчерашний.
Отдохнуть немного мне бы...

Осенняя зарисовка

В пышно разросшемся хмеле
Дремлет седа ветла.
Влажным, простуженным елям
Жаждется света, тепла.

Гибки пугливые ивы
В ласковой власти ветров.
Травы речные игриво
Плавный свивают покров.

Словно в ладье-колыбели,
Светлой печали полна,
В тонкой небес акварели
Тихо восходит луна.

Ватутинки, 2007

Царицыно

Царицыно. Дворцы. Пруды. Долины.
Деревья в два обхвата. Вдалеке
Фонариков гирлянды и руины
Зубчатой башни. И рука в руке.

Ночь просочилась сквозь густые кроны,
Легла под сень готических аллей,

Откинув крик проснувшейся вороны
К телам недвижимых лип и тополей...

Как быть с тобой? Прервать неясный шепот
Разлуку нам пророчащей судьбы?
И, вновь отбросив предыдущий опыт,
Сказать тебе: Всему вершитель – ты!?

В твоей руке – крыло волшебной птицы.
Удержишь ли?.. Вон падает звезда.
Продлится сказка на другой странице?
Загадывай! Ну, что услышал? ...!

Царицыно. Мост. Музыка. Фонтаны.
Твои объятия словно амулет...
Похоже, звезды нынче слишком пьяны.
Скажите, мне его оставить? ...!

Возвращение

Пылающий лепет тюльпана,
Лоснящийся шелк лепестков,
Чарующий шарм марципана
Тычинок – навстречу готов

Лохматому желтому шмелю,
Что грузно и шумно жужжа,
Летал к нам на дачу неделю,
На клумбе сидел, не дыша,

И ждал терпеливо и нежно,
В волненье солодкой шурша,
Как в ласке и счастье безбрежном
Остывшая в зиму душа

Воспрянет средь чаш аромата,
Средь ярких соцветий, звеня...
И ширь этой жизни крылатой
Откроется вновь для меня.

Пылающий лепет тюльпана,
Лоснящийся шелк лепестков,
Чарующий шарм марципана...
К поэзии вечно готов!

Ирина ТИТАРЕНКО

К 200-летию со дня
рождения принца
Петра Георгиевича
Ольденбургского.

Анастасия

Принцессе Александре Ольденбургской,
великой княгине Александре Петровне
Романовой, инокине Анастасии
(1838 – 1900)

Из цикла

«Ольденбургские в Петербурге».

Тереза

Принцессе Терезе Фредерике
Ольге Ольденбургской (1852 – 1883)

*Дочь, названная именем
матери, повторяет её судьбу.*

Из народных примет

Тереза – мать. Тереза – дочь. Тереза?
Как будто больше нет других имён!
И пути из цветов – прочней железа,
В цепочку суеверий мир вплетён.

От матери тебе не только имя –
Её недуг. Холодный воздух – враг.
Взмахни, мой эльф, ресницами своими.
Платок к губам прижат, как красный мак.

И брак, благословлённый в смертной дрёме,
Не должен состояться – видит Бог.
Пребудет время в царственной истоме,
Жди новостей – ещё не вышел срок.

Прогулки полем Марсовым до сада,
Что Летним остаётся круглый год,
Да Аничков дворец – души услада,
Концертами легко растопит лёд,

Что сердце сохраняло эти годы.
...Тебе ещё венчанье предстоит.
Жених готов. Он княжеской породы.
И мать твоя – смотри – с небес следит.

Она в чертогах Бога – добрый гений.
И прежде чем твоя иссякнет нить,
Тебе прервать цепочку совпадений.
И быть счастливой. И дитя родить.

*Преподобная мати наша,
Великая Княгине
Анастасие,
моли Бога о нас!*

Как сердце милосердно – словно факел,
Духовностью любовь его зажгла.
Царапнет патефонная игла
Пластинку жизни – нам блуждать во мраке.

Напишут: некрасива, но свежа
В свои семнадцать лет – ну кто бы спорил?
Чем горше тело – тем сильней душа –
И счастье будет вперемешку с горем.

Не тяжек православия обряд –
Душа за всех неизбранных радеет,
Больных и сирых согревает взгляд,
Дающего рука – не оскудеет.

О, сколько вас – величественных жён,
В неверности пороке ложном были
Обвинены – мужья вас разлюбили.
Смирненным не пристало – на рожон,

И кто – в монастыри, а кто – на плаху –
Любовь – рулеткой разыграет путь.
В душе нет места тягостному страху,
Когда Господь наполнил миром грудь.

Великая княгиня Александра,
Монашества живую воду пей!
Гордиться будет Киевская Лавра
Могилой скромною твоей...

Оттуда – просияет над Россией
От райских врат до городских ворот,
И исцелит недужных и сирот
Небесный свет святой Анастасии.

Так ненавязчиво шумит листва,
И рядом чей-то стрёкот постоянный.
От мыслей отдыхает голова.
Быть может, называется нирваной
Всё это на страницах Агни-Йоги,
Но мы с тобой совсем другие Боги –
Давай поищем русские слова.
Свободная от городских оков,
Я – босиком, травинки ноги колют,
И я иду по скошенному полю,
Вдыхая влажный запах облаков.
От синевы отвыкшими глазами
Молю: «Мой древний край, мне силы дай!»
Как правы те, что до меня сказали:
«На небе рай, а на земле Валдай!»

Лилит

Нежно касаясь губ,
Слово «люблю» слетит.
Свежестью пахнет сруб,
Что для своей Лилит

Выстроил ты, как смог,
Чтоб не отнял никто.
И, да воскреснет Бог
В той, что нарёк святой!

Нервной травинки ток
В детских её губах.
Разве ошибся Бог,
Грешный ваяя прах?

И замесив с водой,
Душу вдохнул, веля:
– Женщиной молодой
Будет сыра земля!

Матерью лунной – ночь,
Месяц застыл у ног.
Станет покорной дочь,
Если отец – Бог?

Тела не пожалев, –
Нет бы – ребра не дам!
Жить в окруженьи Ев
Скучно тебе, Адам?

Где у Христа копьё,
Там же ребро болит...
Ищет теперь её –
Каждый – свою Лилит!

Любовь

Придёт к тебе, как Руфь, чтобы остаться
С твоим народом, матерью-вдовой.
А ты твердишь, что не хватает танца –
Не страшно поплатиться головой?

А ты не хочешь верной и надёжной,
Любви небесной тяжёлок ореол.
Чего ты ждёшь, ступив неосторожно
На скользкий танцевальный пол?

И снова эшафот от аналоя
Не отличил – вот-вот порвётся нить.
Вовек благословенны будут двое –
Венчаться, либо голову рубить.

Чего ты ищешь, сердца не жалея,
Спасаясь от сумы, тюрьмы, молвы?
Любовь закружит в танце Саломеей –
Опомнишься – уже без головы.

Девушка-звонарь

На колокольне девушка-звонарь.
Вы слышали такое в свете чудо?
Из красных листьев киноварь в алтарь
Льёт осень, в лужах ржавая полуда.

А наверху простор и благодать!
Рассыпалась косица под платком,
И чёрной схимы колокол – под стать –
В нём тело бьётся гулким языком.

Откуда в хрупком теле столько сил?
Мозолей след в натруженных руках.
Чтоб колокол по-бабьи голосил? –
Такое ли отыщется в веках?

Но он звучит – то чисто, высоко,
То загремит, как в ясном небе гром.
Послушаешь – и дышится легко,
Посмотришь – и очистишься нутром.

Вот так и мы. О женщина-поэт!
Зачем тебе мужское ремесло?
Прищурится загадочно в ответ –
И покачнётся в колоколе слов.

Евгений СМОЛЯКОВ

Деспот

Пока гремел салют победный
Над потревоженной Невой,
Ожившим взглядом
                                Всадник Медный
Глядел на дивный город свой.

Не уцелевшие святыни
Его приковывали взгляд,
А раны тяжкие твердыни –
Чем стал блокадный Ленинград.

В огнях зенит,
                                и залпы громки,
И льются песни про войну ...
Его безродные потомки
Не сдали город и страну!

С восторгом бешеным во взоре,
Что два столетия впитал,
Он с высоты
                                людское море
Очами жадно пожирал:

И полководца,
                                и солдата,
Под бескозырками причал –
На той земле,
                                где он когда-то
Державу строить начинал.

Ещё меж прочих моложава,
Простолюдинов вывел в знать,
Стремилась новая Держава
Вперед ушедших обогнать.

Мощь императорской десницы
Смела боярщины удел.
И ветер от северной столицы
Над всей Россией пролетел.
Но,
                                зля петровскую дубинку,
Средь русских пашен и лесов
Нашлись и те,
                                кто под сурдинку
Ей были палкой в колесо.

Он не терпел измены рядом,

От лжеусердья битых лбов!
И под его суровым взглядом
В сыновьих жилах стыла кровь.

Он и себя,
                                Державы ради,
С другими равно не щадил.
И враг бежал,
                                не на параде
Услышав гром его мортир.

Он дал простор для новой жизни,
Расширил русский ареал
И на служение Отчизне
Сословья все благословлял.

Умы сыскались,
                                и таланты
Блистали в утренних лучах.
Окаменевшие атланты
Их славу держат на плечах...

Державный стяг окрасив в алость
И над полмиром воспаря,
Отсюда дважды занималась
Преображения заря.

Менялись статусы и лица.
Народный выбор был не прост.
И стала бывшею столица –
Петровский северный форпост.

И оказались у кормила
(Их скарб досель не разгрести!)
Те,
                                кто готовы были живо
Россию в жертву принести.

Когда сполна мы всё вкусили,
Явился в судьбоносный срок
Благословением России
И созидатель
                                и пророк.

С ним возродилась и окрепла
Страной утраченная стать.
И,
                                словно Фениксом из пепла,
Она воспрянула опять.
Он,

Золотое Слово-6

несгибаемый под грузом
Того,
что оплюют потом,
Назвав империю Союзом,
Создал народам общий дом.

Над нами ястребы кружили,
Да не согнули нас в дугу!
Мы столько жизней положили,
Чтоб не отдать его врагу!

И нам иного нет исхода,
Как по единому пути
Всем ста сроднившимся народам
В одном содружестве идти.

Но закулисные раздоры
Взмутили светлые ключи,
И в рост полезли прожектёры,
Авантюристы и рвачи.

А мы дремали до зевоты,
Пока другими,
кто не спал,
Великокняжеской охоты
Уж был расписан ритуал.

Увенчан дружеской попойкой
Большой охотничий сезон:
Союз,
сраженный перестройкой,
Пал,
как отстреленный бизон.
Не в том охотничий обычай,
Чтобы губить живое зря.
И стала Родина добычей,
Что разделили егеря.

Но в рассужденьи:
кто всевластен
Тому,
конечно,
и видней, —
Остался город безучастен
К московской смуте
наших дней.

И на волне той самой смуты
Сменили вывески верхи,
А мы не вышли на редуты,
Чтоб жизнь очистить от трухи!

Уже волос дурную зализь
Кто бы повыдергать не рад
За то,
что к власти подвзались
Не те,
кто с нами,
а кто — над!?

Пока впервой нас увлекала
Их реформаторская прыть,
Они по западным лекалам
Решили жизнь перекроить.

И стало вольно им,
пожалуй,
Порвав связующую нить,
Охаять пращуров Державы
И в деспотизме их винить.

Теперь не зря народ бухает
Под шум оранжевых дождей:
Природа,
видно,
отдыхает
На восприемниках вождей.

Поддавшись общему куражу,
Мы разделить должны вину
С пустившими на распродажу
Свою великую страну.

Отстав от времени,
с тех пор мы
Всё подправляем циферблат,
Как соучастники реформы,
Что тянет Родину назад.

Атланты хилые,
плечами
Мы держим шаткое новьё ...
И деспот грозными очами
Глядит на детище своё.

Я. ПОДПСЕВ

Не песней единой...

Перепечатка рукописи, случайно найденной в подъезде

Время написания неизвестно

(Нашёл и подготовил к печати Я. Подпсев)

К читателю

Недавно я возвращался домой с работы очень поздно, в подъезде не горел свет и, поднимаясь по тёмной лестнице, на площадке второго э тажа я наступил на **что-то**. Когда поднял это **что-то** из тьмы, оно оказалось небольшой, застёгнутой скрепками папкой с надписью «ДЕЛО», в которой дома обнаружилась рукопись без титульного листа и без указания фамилии автора. Страницы пожелтели от времени, текст кое-где стёрся да и скрепки заржавели, не сразу согласившись допустить моё любопытство к рукописи. На первой странице прочиталось название: «Не песней единой...». Хотя я сильно устал, но во время чаепития перед сном решил полистать рукопись, полагая, что её обронил кто-то из соседей, и надеясь утром поспрашивать и выяснить имя владельца. Неожиданно чтение захватило меня, и я проглотил эту повесть залпом, не отрываясь. Несмотря на странность изложения и нечёткость почерка, мешавшие восприятию, должен признаться, что произведение это меня по-своему взволновало. Владельца сочинения никакими стараниями найти до сих пор не удалось. Я перепечатал рукопись и дал прочесть её некоторым друзьям и знакомым. Мнения их оказались разноречивыми и часто совершенно противоположными. Но все в один голос посоветовали опубликовать её, хоть это и дорого. Что ж, надо так надо. Поднатужусь. Может, и получится...

Учитывая, что к повести не имею абсолютно никакого отношения, считаю нескромным издавать её под собственным именем – лишь ПОД ПСЕВДОНИМОМ.

Повесть

Из записок сумасшедшей

(приписано другим

почерком - явно не автором)

Безумству храбрых...

Максим Горький

Необходимое вступление.

Всё началось, как всегда, с глупости: - где-то во Вселенной случайно открыли планету - небольшую такую, вроде нашей Земли - и какой-то дубиноголовый небесный чиновник якобы по поручению Божественной канцелярии распорядился на планете этой организовать - для эксперимента, что ли?! - отделения или филиалы, соответственно, Рая и Ада. Не будем гадать зачем и почему, но один самый обыкновенный человек, женщина, до ухода из творческой жизни простая артистка земной эстрады - певица по имени Алла Сергеевна Голикова попала по распределению небесных сил в Адконцерт, базирующийся на вышеуказанной планете, для продолжения жизнедеятельности уже, что называется, в сфере «того света»... Общеизвестно, что «лучше нету того свету», Алла Сергеевна прекрасно это усвоила из нашей земной вокальной лирики и была абсолютно в сём уверена. Однако, деятельность в Адконцерте (вспомните ту же песню - «каку вижу, како слышу, всё во мне заговорит») заставила Голикову невольно сопоставить её прежнюю, до отлёта на Небо, и нынешнюю, после прибытия на планету, работу - и вот что получилось. Впрочем, стоп! Сто-оп!! Оговоримся сразу: если вдруг возникнут какие-либо аллюзии, аналогии, совпадения - всё это роковая случайность, так

Золотое Слово-6

как до недавно открытой планеты от Земли миллионы и миллионы световых лет и то, что происходило неизвестно ГДЕ, на Нашей Земле никогда и ни при каких обстоятельствах быть не могло...

ВРЕЗКА ПЕРВАЯ – петитом - буквы красные

Позволю себе перебить неизвестного автора, имя, род и пол которого мне пока неважны, и предупредить - и его, и вас, читатель,- описывая порядки в Аду, которым мне волей-неволей приходится руководить вот уже не одно бессмертие, автор сей, разумеется, не сможет остаться Бесстрастным, но вот останется ли он Бесстрашным - это вопрос. И вопрос серьёзный. И на него требуется ответ. У некоторых особенно недоверчивых могут справедливо возникнуть опасения, что рукой автора движет божественное или, наоборот, наше провидение. Должен огорчить вас: Бог от автора отрецивается, заявляя, что это обычный грешник каких много, ничего экстраординарного. Что же касается чёрных сил, или, как нас ещё принято называть в земной литературе, сил Зла, кои непосредственно я имею честь представлять, то мы - дьявольское племя - отнюдь не можем и не хотим считать автора своим. Не скроем, мы всегда рады писаниям про нас различных Гёте, Гофманов и прочих чертеведов и дьяволословов - нам ведь тоже свои Гоголи и Щедрины нужны. Чем больше и чаще о нас вспоминают, тем сильнее привлекают внимание к нашим - увы! -за последнее время не таким уж бойким и успешным операциям на ниве завоевания людских заблудших душ. Нам бы, конечно, хотелось, чтобы сей неизвестный писатель не зарывался и был бы, по возможности, ЧЕРТОВСКИЙ (что на нашем языке обозначает - с точки зрения Дьявола) объективен. Надо честно признаться, в Адских кругах, мягко говоря, несколько удивлены такому обильному влечению к нашим скромным деяниям в последнюю четверть бессмертия. И особенно, в связи с актёрской творческой средой, которая, говорят, утверждает, что ей сам чёрт не брат.

Заканчивая свою первую врезку (кстати, поясню: ВРЕЗКА - это когда

автора перебивают и безо всякого спроса вторгаются в канву его произведения), хочу добавить: мы за ним, за автором, будем следить внимательно. Так что вы, читатель, можете быть относительно спокойным.

До следующей врезки! Пусть продолжает...

Глава первая

Смерть - слово страшное. Она приходит неожиданно и по-разному. Актёрская смерть может прийти гораздо раньше, чем её ожидаешь, и для этого совсем не обязательно прощаться с жизнью. Артист часто не верит, что его уже НЕТ, но действительность сильнее смерти. Воет метель за окнами, пронизывая до костей, тем более что батареи в квартире чьей-то злой прихотью вообще не греют. Не греет и творчество, если можно назвать этим богатым словом то, на что ты вдруг окажешься обречён в своей Госэстраде. Эстрада ада ...

Бог и природа щедро одарили Аллу Голикову, но лишили главного - приспособленческого разума. Ей предрекали большое плавание по волнам высокого искусства, а она жила на свете только на сцене и было всё равно, какая сцена - подмостки ли большого оперного театра, где можно блеснуть покоряющими сердца Татьяной, Виолеттой, Леонорой, или сельский клуб, когда сорок-пятьдесят тружеников полей, пашен, животноводства или свиноферм приходили оттого, что некуда было себя девать и им дико надоело смотреть в зеркало обрыдлого телевизионного прямоугольника, как в чёрный квадрат Малевича. На концертах Алла выкладывалась - всегда и везде. Зритель «возлюблял» её. Верил. Читал. Хотел. И получал от неё то, чего никак не ожидал за кровно заработанные рублики. Люди в мире, все люди, казались ей друзьями - «своими», но обделёнными искусством. Вот она и наделяла их, любя своего зрителя и отдавая ему всё без остатка. За это в ответ щедро платили, но не о деньгах речь, об унисоне - когда души поют вместе. Она верила в себя, а слушатели в неё - в тот, сценический момент верили. Уходя из зала, они ещё некоторое время помнили о ней, но бег жизни выветривал из их занятых жизненной

Золотое Слово-6

суетой душ её искренний лик странствующего подмастерья песни, ведь образ этот вытеснялся общепризнано навязанными кумирами да и не подкреплялся ни радио, ни телевидением, ни дисками-кассетами, хотя всё это и имело место вначале, раньше; но прошло, утекло, надоело продаваться, делая что не хочешь. Теперь даже мелкие хозяйчики-выкормыши порочной новой частной эстрады, вроде зловредно-ехидного гладенько-гаденького Колбасевича, не занимали Аллу в своих продажных программах больших концертных сборищ - за неимением Бога молятся ведь и чёрту, а лучше чертовкам-ведьмам помоложе, подешевле да посогласнее. А что говорить о начальстве и так называемых режиссёрах-подстановщиках, которые только и могли, что подставить артиста под удар публики, не бесплатно, конечно, хотя ни хрена в этом деле не смыслили, как и сам худрук (ради Бога, не пугайтесь, худрук слово не ругательное, а что значит, об этом впереди!). Да, о начальстве. Начальство, а от него зависит всё, ну, или почти что всё, не любило Аллу. За что? А кто его знает? Вероятно, за свободу мышления, за бесспорный талант, за собственное мнение по любому вопросу, а главное - за отсутствие пресловутого приспособленческого разума - взятки не хотела давать и всё тут! И ещё Голиковой просто не везло - элемент везения в актёрской жизни не последнее дело. И всё же она была на виду, была нужна, о ней говорили-сплетничали, мыли кости. Её терпели. И она терпела и пела. И до последнего сценического мгновения, пока она не почувствовала предсмертного творческого биения сердца, её любила и била своей любовью публика - это огромное, никому непонятное (пусть не врут!) тысячеглазое чудовище от искусства. Чудо, чудовище, а кто говорит - чудовище. Кому как...И вот певицы Аллы Сергеевны Голиковой не стало. Всё зависело теперь от беседы с Николаем Чудотворцем - как известно, хранителем и покровителем моряков и артистов. Куда пошлют?!

Николай Угодник был невероятно похож на того, кто управлял культурой, даже именем: седой, с грустными задумчивыми глазами и, как показалось Алле, с подрезанными крыльями. И всё-таки - бессмертен!

-Та-ак, - протянул Отец Николай,

вглядываясь в дело Аллы, начертанное старинными буквами, - в молодости: всеобщая любовь зрителей-слушателей, частый успех, участие в «Огоньках» и много других передач по телевидению и радио, и среди них столько моих любимых - хорошо! Выступления в авторских концертах именитых композиторов, десятки сольных программ, пропущенных земным худсоветом за 20 лет - о-о! Полный диапазон, нюансы-краски, дивный тембр, голос высшего качества и что? Не понял?! Что, и никакого звания? - Выходит, коротко говоря, дура? - спросил Чудотворец.

- Теперь уже всё равно, - тихо, со вздохом обречённо промолвила Алла.

- Ясно. Нет умения логически и аналитически мыслить. В Рай - нельзя. Ад научит. Там снова придётся запеть да ещё как! Актёры - большинство в Ад - грешники. Но из уважения к таланту - в ревизионную группу Адконцерта. Так решает Совет, а это глас народа. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, - с этими словами он испепелил дело Голиковой, мановением руки бросил её тело вверх, прокричав на прощание:

- В Адконцерт! Желаю удачи!

...Вы летали когда-нибудь? Может, в детских снах, когда росли? Помните своё блаженное состояние? Говорят, это атавизм. Говорят, наши очень далёкие предки когда-то обладали возможностью парить. А может, вы прыгали с парашютом? Или имели счастье пребывать в свободном падении? Что может сравниться с ощущением вольного полёта?!..

Алла летела, расправив руки, как крылья. Сердце стремительно громыхало в ритме бурного танца лёта. Рассказать об этом словами невозможно - летательная светомузыка сродни наслаждению нирваны - вспышки цветорадуги и смена ритма ударных, пульсирующих в мозгу, создают особую неземную мелодию души, музыка пропитывает вас насквозь - и вы уже сами становитесь живой музыкой, вы вибрируете, вы поёте и распространяемые вами звуковолны легко и плавно держат вас в толще мотива воздушной подушки... И это наряду с грандиозной скоростью полёта. Если бы стать композитором и записать эту незабываемую великодушную симфонию света, цвета, ритма,

Золотое Слово-6

звуков и вибрации!.. Летайте, летайте, не бойтесь - это окрылит вас! Для этого совсем не обязательно становиться космонавтом и плавать в невесомости. Больше вибрируйте! Не жалеете своих волн для окружающих - это даст вам новую энергию, это как бег трусцой, йога или как обычная зарядка по утрам... Что? Не слышу? Вы тоже желаете полететь? Как, прямо сейчас? Ну, так смелее! Летите! Летите, если сможете! Ах, не можете, ну, что ж - значит, нужно прибегнуть к помощи Николая Чудотворца...

Пока Алла летела, разные мысли приходили ей на ум - конечно, жаль мужа и детей, которые так горько плакали и были категорически против её неожиданной дальнейшей судьбы, но - что делать? - глас народа, решение совета. Она всегда привыкла делать своё дело честно, на компромиссы не шла и решила для себя, что на новом месте останется самой собой. Надо только научиться сдерживать эмоции, меньше говорить - больше слушать - в общем, работы - непочатый край. В конце-то концов - не боги горшки обжигают, и в любом деле надо уметь оставаться самим собой.

У ворот Ада Аллу встретил её бывший директор - покойный Григорий Георгиевич Хлебов:

- Ну, вот и ты здесь. Нелегко, сама увидишь. Тут ведь, как там, внизу. Я тебя ничему научить не берусь, действуй по обстоятельствам, по обстановке, а то могут поджарить на адовом огне - по себе знаю, неприятно. Жизнь предстоит несладкая, если это вообще можно назвать жизнью: провокации будут и много - держись - топтать и преследовать будут, клеветать и обливать грязью, если что обнаружишь-раскопаешь. Звонки по телефону с угрозами расправиться. На то и Адконцерт. Нет, не такой я хотел бы видеть концертную организацию! И у меня, грешника, промашки были, но ЭТИ совсем распоясались. Да, кстати, слышала? Райконцерт совершенно разогнали, и всё руководство заменили на молодёжь, говорят, они себя покажут. Ну, а всех выгнанных сюда, значит. Чуешь, чем пахнет? Давай, расскажи, расскажи, как там, дома? А впрочем, чего говорить, я и сам знаю - ничем не отличается. В общем, заходи, дерзай, приступай к делу.

Ревизионная группа Адконцерта - это, знаешь, штука серьёзная, - и исчез, Хлебов исчез, растворился, как сон, как, можно сказать, утренний туман, как будто и не было стольких лет со дня ухода его из земной цивилизации...

ВРЕЗКА ВТОРАЯ – *петитом* - буквы красные

Пардон, это опять я. В следующей главе автор обзовет меня «голосом из ниоткуда». Остроумно. Но позвольте представиться по форме – ГЛАВНЫЙ ДЬЯВОЛАДА – имену меня предостаточно – вы знаете от чертежников – Вельзевул, Люцифер, Мефистофель, Воланд, Сатана, и прочая, и прочая, и прочая, но вы можете называть меня, как вам удобно и угодно. Итак, автором разгон взят. В первой главе о нас, между прочим, почти ни слова, заметили? Только в конце так - исподволь намекается. Чувствуете? М-да! А так ничего, вроде даже где-то забавно, не правда ли? Стиль, знаете ли, пока уловить ни как не мог - кого-то напоминает, или кажется? А?? Ладно. Лиха беда – начало.

Глава вторая

Ворота Ада раскрылись с утрированным грохотом на манер несмазанных дверей огромного лифта. Замок Адконцерта содержал три этажа, на которых располагались кабинеты хамства и бюрократические комнаты, закутки взяток и приёмные давания, флигели воровства и мансарды спекуляции и даже целая секция лени, не говоря уж о «мозговом центре планирования и экономического симулирования». Здание стояло на берегу реки Стаканки, из которой по преданию сам легендарный Чижик-пыжик пил когда-то проточную, тогда бесплатную водку. В замке жил затхлый дух никогда не проветриваемого помещения, слышалась льющаяся откуда-то сверху мраморно-холодная, как ступени лестницы, убаюкивающая сознание и бдительность, создающая видимость работы, шелестящая музыка. Было раннее утро, и поэтому каждый шаг Аллы отдавался потусторонним гулом пустоты. Она не

Золотое Слово-6

была трусихой, но стало как-то не по себе. Сдерживая дрожь волнения, возникшую где-то внутри, она специально медленно, чтобы выиграть время, поднялась на второй этаж, минуя громадное зеркало, в котором не было абсолютно никакого отражения действительности. Голос из ниоткуда спросил поставленным басом:

- Как новое поле битвы?

Алла не успела ответить, собираясь с мыслями, и голос ответил сам:

- То ли ещё будет! – и плотоядно хохотнул.

Алле показалось, что по мраморной из мороси лестницы ползут шелестящие, как музыка сверху, змеи. Она взяла себя в руки, механически переставляя ноги, двинулась дальше в манящую глубину пустоты и остановилась у массивной дубовой двухстворчатой двери.

- Войди! - шепнул с реверберацией голос из ниоткуда, этот призыв подхватило змеиное шипение: войди! войди! войди!

- А куда я денусь? - убеждала себя Алла.

Дверь с первого толчка не поддавалась, но во вторую попытку она вложила всю оставшуюся в ней силу духа (чертей бояться - в Адконцерт не ходить!) дверь отворилась легко, будто «сезам» помог, и оттуда зажгло неземным люминисцентным светом секретарства. Не встретив сопротивления - это не на Земле родимой! - из приёмной Алла вошла в кабинет, показавшийся на вид вполне земным: два красных телефона без дисков - руководящие, значит, один белый и три чёрных - обычные, скорее даже импортные, украшали гладко полированный скользкий стол. Сбоку слева - селектор со множеством кнопок, рядом что-то похожее на современный компьютер - в этом она не разбиралась. Чертовская троица тёмных с золотом ручек, как нацеленные в небо ракеты, смотрели прямо в лицо, готовые выстрелить. И ещё на столе лежала очень толстая небольшого формата книжица. Алла неожиданно для себя села в громоздкое кресло у стола и раскрыла книжицу, оказавшуюся справочником. Голос из ниоткуда предупредил:

- Читай между строк! Всё, что написано кровью, сможешь узнать лишь ты!

На первой странице затейливой вязью

значилось:

ДЬЯВОЛЫ - ВЫСШЕЙ, ПЕРВОЙ, ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ КАТЕГОРИЙ, чуть ниже и помельче – черти, ведьмы и мелкие бесы (в приложении).

Далее покрупнее: СМОТРИ и УЧИСЬ! И в скобках: (ТОЛЬКО ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ)... Алла начала листать справочник, решив рассмотреть и понять структуру Адконцерта, созданную Главным Дьяволом, вероятно, в момент самого что ни на есть отвратительного расположения духа. Давайте полистаем справочник вместе с вновь прибывшей - это необходимо, чтобы свободно ориентироваться в дальнейшем повествовании и, разумеется, в судьбе Аллы Сергеевны Голиковой. Венчал список руководителей Адконцерта директор, Мефодий Петрович ПАЛИЗАДНИКОВ - видный, в своём роде импозантный, начинающий лысеть *дьявол высшей категории*, которому, однако, было не чуждо ничто земное. В прошлом, плетёт молва, он жаждал стать актёром и режиссёром, но Божественная Канцелярия решила иначе - в администраторы-надсмотрщики! С тех пор он возненавидел искусство в любом его проявлении. Пройдя нелёгкий путь хозяйственника и ловко минуя рифы номенклатурщика, он плотно - лет этак на 15, как по приговору - сел в адконцертное кресло. Поначалу постарался держаться в тени - адовое пламя могло ведь и опалить кое-что, но со временем расправил крылья и стал почитать себя ангелом по званию, хотя черти явно держали его за своего. До монумента, думал он, не дорос, но чем чёрт не шутит, пока Бог спит?! Бронзовый бюст в перспективе ему иногда - чаще в кошмарных снах - мерещился. Лисья хитрость, волчье коварство, а где надо - наверху?! - кошачья лесть или наоборот – где, догадайтесь сами! - тигриный рык - вот расхожие атрибуты стиля работы Мефодия Петровича. Очень любил командировки на другие планеты, но многие чертенята из окружения пищали, что тоже «хочут», посему твёрдо усвоил - надо делиться. Этот опыт приобрёл у инфузории-туфельки и делился всегда с бо-ольшим умом. Оттого и знаки различия, и денежные поощрения, и даже более того, имел вдоволь и для себя любимого, и для летающих вокруг ведьм и бесов помельче.

Золотое Слово-6

Таким образом, этот дьявол во плоти соединял в себе свинью, змею (не зря же Адконцерт называли «клубком целующихся Змей») и курицу, кусающих друг друга за хвосты в чертовском хороводе адконцертской круговерти. Свинья, как известно, символ невежества, змея - олицетворение мелкой злобы, а курица... Нет-нет, что вы! Мы не забыли, что курица - это не птица, но в данном конкретном случае - курица или, вернее, петух (кто его точно определит?!) - воплощение сладострастия, желания, вожделения... Об этом можно написать не только повесть, но и отдельный роман с продолжением и не один. Что ж, рыба всегда достойна своей головы и соответственно пахнет, ну, и цветёт, конечно...

Алла перевернула страницу и начала читать о самом мерзком дьяволе, которого когда-либо знала история Адконцерта. Дьявол сей сел на это бойкое место давно, ещё при Хлебове, тогда, правда, он, в основном, молчал, ибо Хлебов подавлял его своей эрудицией, темпераментом, энергией и своеобразной любовью к артистам-грешникам, хотя сам Хлебов слыл далеко не сахаром.

Иван Дмитриевич ЛИХОДЕЕВ – маленький толстый карлик, похожий на клопа, напившегося кровью (чьей? актёрской?) говорят, в прошлом был неплохим лицедеем и даже претендовал на роль вождя - Алла никогда его в деле не видела. Впрочем, однажды, ведя концерт «своих адских выдвигенцев» по бесовскому телевидению, гад так отчаянно путался, что это заставило приумолкнуть хор подхалимов, яростно (за сколько сребреников?) певший славу прошлому Лиходею. Очень хитрый (опять это определение) премудрый пескарь, использовавший собственную супружницу, парившую в высших небесных сферах, рукой не достать! - клоп руководил творческой частью - числился худруком - в данном случае читайте: худой руководитель! - и, если в драматическом искусстве - в жанре болталогии - кое-что петрил, то в остальных (а сколько их в эстраде, знаете? перечислить?) был абсолютным нулём без палочки с претензиями, по его словам, на «индивидуальное суждение». Эстраду брезгливо презирал, а свою работу считал позором и обидой для себя - «сильной и гениальной личности» - так он позволял

думать о себе, правда, до определённого момента. С уходом из жизни Хлебова он стал воистину творческим хозяином Адконцерта, ибо новый тогда директор был на манер английской королевы, а Лиходеев, прямо скажем, пытался стяжать лавры железной леди-мадам Тэтчер. В сущности, он был очень большим лентяем от природы, строил из себя этакое «утомлённое искусством солнце», обожал поклонение и любую лесть в неограниченных дозах, и предпочитал ничего не делать... по возможности. Организация разваливалась на глазах у изумлённой рабочей части - «плебеев от искусства», как он их называл, обслуживающих горячие цеха и раздольные поля вокруг и считавших свой труд нужным и почётным. В начале «деятельности» он, как и Пализадников, побаивался: как бы не прочли его мысли наверху, но узрев, что вместо грядущего возмездия на него сыпятся награды и регалии, - успокоился и даже пошёл преподавать, точнее, руководить в адской театральной семинарии, что не дало удовлетворения его измученной актёрской неустроенностью душе. Попытался стать режиссёром - и этот тоже - увы! Талантливым людям завидовал до боли в висках и старался их изничтожить. Как он презирал всех вокруг, как маленькими поросычьими глазками - вроде бы сонными, но не-ет! - буравил своих клеветов, которые должны были на худсоветах чётко повторять «лихоеевизмы», чтобы выжить. И смешно сказать, с таким кувшинным рылом клоп был нарциссом да вдобавок не стеснялся этого декларировать. И, конечно, пустобрёхом-краснобаем с демагогическим уклоном. Что и говорить, страшный был *дьявол высшей категории Лиходеев*. По их чертовским понятиям из цикла «мал золотник да дорог», а по нашим – «мал клоп да вонюч». Вонюч и дорог был очень. Но продавался и покупался, если уж сильно здорово постараться. И ещё: карлик был патологическим трусом, до рвоты, если обыкновенный грешник, набрав в лёгкие воздуха, ТАК, что поганого лихоеевского тенора не было слышно, обрушивал на гада огонь честности, Иван Дмитриевич скисал на глазах – на очи его свинячьи навёртывались слёзы бессильной злобы и становился он подобен сущности своей - жаба жабой. А жаба

Золотое Слово-6

глотаёт мух. И он глотал всех, кто зазевался, и не пережёвывая - часто просто так, без цели и без разбору, из спортивного интереса. На странице было очень много крови - чьей??? Алла стало дурно - директор и худрук стояли друг друга.

Далее, уже уставшая от впечатлений она пропустила пару листов, на которых своей подлостью и хитроумной изворотливостью сверкали финансовые гении Адконцерта Дормидонт Соломоныч Кукушкин и Афанасий Никитич Телятников. Стало мерзко, гадливо и об этих продажных тварях читать не захотелось вовсе. Алла обратила внимание, что они значились дьяволами всего лишь второй категории, и в утомлённой голове пронеслось: почему второй? И мозг не ответил. Вдруг её глаза привлекла странная фамилия, она тормознула взглядом и прочла: Станислав Михайлович ВОРЬЕ (над последней буквой стояло жирное ударение) - *дьявол третьей категории*, из типичных иезуитских подлецов – фискал, наушник, стукач. Ущербен. Внешне абсолютно антипатичен для подавляющего большинства обычных грешников, что называется, препротивная рожа с полным ртом ровных, один к одному бело-золотых зубов, вставных, естественно. Над последней буквой его фамилии шутники из грешников любили ставить умлаут и эти две точки раздражали его тонкую поэтическую натуру. Работу свою он знал в совершенстве, в деле «честного отъёма денег» (утверждает, что это его слова) у государства и артистов стал асом высшего пилотажа. Любил литературу, иностранные языки, собирал книги (вся контора работала на подарки), обожал живопись, музыку, особенно романс Глинки «Уснули, голубые» - ну, сие, положим, не порок. А в комплексе, отправляя грешников на поля, пашни, колхозные животноводческие и совхозные свинофермы и делая из этого неплохие барыши, выше дьявола третьей категории подняться не смог - то ли совесть ещё не потерял окончательно (во что не верится!), то ли утончённость организма не позволяла, а может, всё вместе взятое. Под его руководством работали смелые настоящие люди, честные и преданные любимому делу грешники – он их держал на случай козырнуть и выслужиться, но опирался на «своих» - чертей и бесов, ведьм и ворюг, их

было немного, но именно они делали погоду.

Понятно, Голикову, как женщину, особо интриговали *ВЕДЬМЫ*, хоть она точно и не знала, чем ведьмы в классификации отличались от дьяволов, чертей и бесов. Ведьмы было единственным женским названием деятельниц Адконцерта соответствующего пола. Ведьмы давались в приложении, у них отсутствовала категория, но это совсем не означало, что дьяволы с ними не считались, наоборот, кое-кто из ведьм держал в руках не одного дьявола вне зависимости от ранга и положения в чёртовой иерархии. Как Первая Ведьма значилась *Татьяна Ивановна ХОХРЯКОВА*. Страничка её была недлинной, но буквы ярко-красные, подчёркивающие, что именно она являлась мозговым центром этого дьявольского объединения. Что тут говорить, ведьма была умна, образованна экономически и юридически и в своём плановом хозяйстве ловко умела применить ею же самой придуманные методы «экономического симулирования деятельности» и «каучука» - это термин из акробатики, от артистов эстрады оригинального жанра. Хохрякова гнулась, изгибалась, лавируя на острие жизненного ножа, но не сгибалась до конца – и не согнулась, даже вынужденная покинуть тёпленькое местечко. Она входила в ревизионную группу Адконцерта как вперёдсмотрящая от дирекции и, надо отметить, входила, как нож в масло. До всего она дошла своей головой. В создании самой себя участвовала только лично, чем была особенно горда. Кровушки актёрской грешной попила вдоволь, оттого быстро вошла в тело, хотя стремилась сохранить фигуру. Иногда любила играть в девочку, но на зуб и на язык ей попадаться опытные дьяволы не советовали, а черти и бесы – те искренне боялись Таточку. Она несказанно обожала цветы, простые, полевые, лучше ромашки - гадать легче, и крепкий импортный чай, больше индийский, которым при случае предлагала и угоститься, но пить его чаще почему-то отказывались, то ли из вежливости, то ли страшась быть отравленными. Хороша была Первая ведьма Танюша, краше не было у них в Адконцерте... Её подруга по команде возглавляла производственный отдел. *Ведьма Альбина БЕНИНА* уверяла, что не промах и что вышла она из народа, из

Золотое Слово-6

низов то есть, но вылезла благодаря дьяволу-мужу – дружку поганого Лиходеева. Играла Альбина «свою в доску», могла при случае наорать, пустить матюжком, но полупьяные бесы-уркаганы, составляющие костяк её производительных сил, боготворили мать-ведьму. Учёт и контроль Бенина вела так, что сам чёрт сломал ногу, но всё было обставлено таким образом, что срочно стараниями Альбины чёрт этот был отправлен на курорт подлечиться (где в данном слове ударение ставить?), а умыкания в отделе продолжали происходить часто и под любым предлогом, но осторожнее. А чтобы всем дьяволам было повадно, Хохрякова и Бенина (одна голова хорошо, а две лучше!) придумывали новые ходы-выходы и, чтобы комар из ревизионной группы - предшественник нашей Голиковой - носа не подточил, пили ту самую кровь, которой комару не хватало для поддержания жизненных сил, чем его, голубчика, и уморили, наконец. И не его одного... Была у них третья подружка-лягушка, маленькая да толстопузенькая. Глазищи навывкате, красotka, что называется, три зуба, один глаз. Премерзейшая старая ведьма. Ей жилось нехудо в адском болоте, вольготно, привычно и удобно. Мужа своего она собственноручно извела, заложила и тот сгинул где-то. Теперь она жила одиноко и любила молодёжь до безумия. Злилась, что ущемлена, так как Ирина Исаевна ПРИДАТКИНА носила титул лишь *третьей ведьмы* и завидовала подружкам чином повыше и окладом побольше. Она была значительно старше и глупее своих соведьм по Адконцерту, а потому уже много лет стояла во главе ревизионной группы организации, полностью оправдывая свою девичью фамилию. Ей неустанно помогали любимчики: аморальная даже для Ада пара - худенькая болезненная мадам Хрюшкина и мрачный кретин Соловейкин. О них нельзя подробнее, ибо цензура никакая не пропустит, уж извините. Часто ссылаясь на склероз, Придаткина забывала полученные «пожелания трудящихся», неожиданно теряла нужные документы, если они могли повредить родному руководству. Много болела, но на пенсию упорно не шла - ждала пока выгонят и дождалась! - стремилась, учась у главных, ничего не делать, по возможности

все сложности спускать на тормозах, и главное - не выносить сор из адовой избы. Вот такая фурия возглавляла ревизионную группу Адконцерта, куда Николай Чудотворец определил Аллу Сергеевну Голикову. Добавим, что на выборной должности, призванной защищать интересы обычных грешников, восседала присланная из ниоткуда несклёпистая и фильтикультиapistая ведьма без имени - сука времён антоновских банд. Она блюла директорский, да и собственный тоже, покой и была такая сука, что в справочнике на её странице стояли сплошь кровавые точки – даже у дьяволов не хватало слов для характеристики этой гадины. И вся эта демоническая свора готовилась к приёму Голиковой, причём каждый - соответственно темпераменту и наклонностям - придумывал Алле свой подарок встречи. Они знали, что грозит всем, если та докопается. Алла же была из тех, кто обычно докапываются...

ВРЕЗКА ТРЕТЬЯ – *петитом* – буквы красные

Прошу извинить, но я должен категорически врезаться, то бишь вмешаться и со всей откровенностью высокопоставленного адского авторитета вмазать автору, пардон, правду-матку прямо в его наглые очи. По-моему, он всё-таки утрирует. Вы так не считаете? Да, действительно, на общем собрании Демонов Зла было постановлено - и единогласно, заметьте! - отказаться от услуг Дьявола высшей - обратите внимание! - категории - Лиходеева И. Д. ввиду того, что он чересчур переборщил в использовании чертовских принципов - перебор всегда плохо - и это, вы меня простите, уже запрещённый приём, который работает против нас. Однако он, Лиходеев этот, пока бессмертно - э, пардон за опуску, - хотел сказать - бессменно - продолжает хуруководить за неимением лучшего на сегодня. Лично я думаю, ненадолго. Его пора перебрасывать на воспитание нашего подрастающего чёртового поколения, но это моё мнение, а у нас коллегиальный совет - я сам его придумал. Далее: ведьмы в изображении автора предстают явно ходульными и гипертрофированными персонажами, хотя, с точки зрения лучших

Золотое Слово-6

умов Ада, имеют много общего с земными грешницами, особенно так называемая «сука времён антоновских банд». Им, ведьмам, будет на это указано, поставлено на вид, а кому следует, будет дана соответствующая поджарка (представляю, сколько сала выйдет из сукиного зада и прочих её причиндалов). Образ Пализадникова, думается, удался на славу нашего чёртова братства. А вот хвалить автора не представляется нужным, хотя в целом он пока более-менее справляется, но иногда вызывает просто чёрт знает какое возмущение. Высказываю мнение наших трудящихся - низовое адовое общество взбудоражено: почему, говорят, у автора не нашлось умения, времени и места, а главное, палитры для описания деяний простых рядовых чертей и исполнителей - бесов? Мы, говорят черти, лезем вон из чёртовой кожи, выворачиваемся наизнанку, а бесы, можно сказать, рассыпаются по всему Аду мелким бесом, не жалея в работе лап и хвостов. Мы говорят, честно жарим, парим-варим порученных нам руководством грешников, а некоторые даже вносят различные ехидные предложения, как грешников этих вообще извести на нет. А где отображения наших, говорят, незабываемых образов? Почему не показан хитрый идиотизм Сары Бандуриной, всегда побеждающей в соревновании ведьм-устроительниц никому не нужных тематических выступлений, на которых попросту не бывает зрителей? Где благодарность за титанический труд и разбивание в лепёшку мастериц из мансард спекуляции Хватовой и Попдуренко? Почему ничего не рассказывается о выдающихся подвигах из флигеля воровства и кабинетов хамства молодой Хитряевой и её аса-учителя Трутнева? А как тонко, копеечно умеет обмануть грешников в бюрократической комнате красотка Хлоппер?

Список можно продолжать до бесконечности – КАК интересно было бы узнать наивному читателю о методах взяткобрания никогда не пойманных и посему ненаказуемых хищниц-ведьм Охрипкиной с её подручными... Полагаю, что наши низовые работники правы и автору стоит задуматься над их своевременной критикой. Мы своих в обиду не дадим. Кадры у нас растут,

скажем без ложной скромности, неплохие и хоть звёзд, лун, месяцев, полумесяцев и других светил с неба не хватают, но ведь стараются! Кстати, кадры возглавляет бывший блаженный, ныне разжалованный, дьявол второй категории Василий Михайлович Павлинчиков. Он пусть не так уж и умён из-за прошлой блаженности, зато по привычке служит, как пёс, он и воняет псиной. У него высочайшие рекорды на почве хамства, что охотно передаётся близким подчинённым в лицах ведьмы-красавицы Овцовой и личной дочери. Переняв у директора блестящий ораторский опыт, а у карлика Лиходеева научившись демонической лени, он достиг безумных успехов, так что автор отнёсся к этой сволочи предвзято, начисто забыв его дела, а ведь существует квалифицированное мнение, что именно из-за Павлинчикова у ряда грешников были инфаркты и прочие заразные болезни, а кое-кто из них пытался даже уйти из адовой жизни добровольно-собственноручно, правда, не без помощи вышеуказанной очаровательной «суки времён антоновских банд». Мы за свои кадры стоим, их голыми руками не возьмём! Много положительных, с нашей точки зрения, качеств упущено у адовых финансовых гениев-дьяволов Кукушкина и Телятникова. У автора они вырисованы не такими уж злодеями, а обыкновенными гадкими типами (они возражают, этого им мало - требуется истина), ибо оба неоднократно отмечены денежными премиями, ценными наградами, про них ходят недобрые слухи и мы не имеем права позволять автору самочинно умалять их подлых достоинств. Вот, пожалуйста, выдержка из характеристики чёртовой канцелярии на дьявола Кукушкина Д.С.: «..достаточно гнусен, почти бессмертен, характер вздорный, приближающийся к сатанинскому - даже с товарищами по работе замечен в хамских отношениях, любит презенты, нечист на руку, почти ни с кем не считается. Это ли не информация к размышлению для автора?! Ну а про Телятникова и говорить нечего - дьявол с высшим редчайшим хамским уклоном, тоже из бывших блаженных, таких у нас почти не имеется в наличии - наследие проклятого прошлого, ему совсем немного осталось

Золотое Слово-6

- чёрт поberi поджаренный прах его! И этим активным деятелям Адконцерта автор смеет уделять всего две строки?! Ему вместе с чистоплюйкой-героиней, видите ли, противно, мерзко и гадливо. Нет уж взялся за дело - изволь писать честно и смело. У нас Адконцерт, а не подпольный абортарий или какой-нибудь земной пансион благородных ведьм. Возмущению нет предела. И ещё спрошу: а где героические образы нашей славной молодёжи - подрастающих карьеристов и карьеристок, грядущих негодяев, которым жить и чёрт-те что творить в практически наступившем новом веке очередного бессмертия? У автора кишка тонка - он их не увидел и не сумел отобразить. Пока, временно, я надеюсь. Понимаю, что врзался чересчур глубоко, извините, но что же дальше?...

Глава третья

Давайте всё же разберёмся, кто была Алла Сергеевна Голикова. Из всего вышеизложенного у вас может создаться впечатление, что её в этом пресловутом Адконцерте окружали одни мерзавцы и негодяи - нетопыри какие-то. Неправда. Аксиома: люди в подавляющем большинстве своём-хорошие. Конечно, бывает, что соберётся под некой начальственной крышей скопище дьяволов наживы, трусливых продажных бесов, алчущих ведьм, мелкотравчатых чертей, но стоит хорошим людям - обыкновенным грешникам - взять здоровый черпак и как следует на манер пушкинского Балды пошевелить им в том адовом болоте - силу и разум, естественно, применить следует, гады просто так не сдадутся - и воздух станет чистым, от сероводорода не останется и следа, нормальные люди вздохнут полной грудью и вместе с вновь пришедшими, а такие ожидают, вдохновенно поплывут по прозрачному океану искусства, где, к сожалению, всё гораздо заметнее, действительно прозрачнее, чем в обыденной жизни... О, чёрт! Главный Дьявол толкает под руку, забыв свои обещания, и всё время старается увести в сторону. Будем считать это ещё одним, незапланированным почти

лирическим отступлением. Но к делу – об Алле.

Красива Алла – высока, стройна, моложава, с обаятельной улыбкой. Особенно хороша на сцене – там, где её жизнь. Родилась в большом городе. В России. Незадолго до начала войны. Родители - самые что ни на есть нормальные люди, к актёрскому миру не имевшие никакого отношения и скорее даже не признававшие эту, им непонятную среду. Отец погиб на фронте, мать не пережила утраты. Бабушка была дамой серьёзной – знала в совершенстве главные европейские языки и при надобности могла изготовить неплохую обувь или вкусный обед – было бы из чего. Одно НО: о сцене Алле было запрещено думать, не то что мечтать. А куда от судьбы денешься?! - эта маленькая фантазёрка пела под все оркестры домашних грампластинок вместе с Шаляпиным и Карузо, Лемешевым, Вадимом Козиным и Лидией Руслановой, а в семь лет во время самодеятельного детского концерта умудрилась получить свой первый актёрский приз как конферансье, подражая Михаилу Гаркави, Рине Зелёной, Аркадию Райкину да и Смирнову-Сокольскому одновременно. Вы уже, поди, и не помните этих популярных имён, а тогда публика была в диком восторге и устроила очаровательной девчужке бурную овацию, которую та приняла как должное. Бабушка впервые была покорена и задумалась, но, по её словам, «осталась некобелима». Война помнилась обрывками туманных детских переживаний: грохот канонады, разрывы бомб, гул самолётов, вой сирены и хрип громкоговорителя - проклятая музыка блокадных дней. Но хватит о войне - она страшнее смерти и Алла ненавидела её хуже смерти. Как все – думала она.

Алла любила бабушку, память ушедших родителей, Ленина и Сталина – так учили со школы и в консерватории и, как уже упоминалось, всех хороших людей. Сталина, правда, не заставили разлюбить. Так вышло по жизни. С Лениным тоже. Как и почему - неизвестно. Бабушка умерла, доведя её до диплома. Остались Шекспир с Пушкиным, Лермонтовым, Есениным, Чайковский, Моцарт, Верди - не удивляйтесь! - от правды не уйти - они самыми родными стали. Потом муж, сначала первый, затем второй, чего уж

Золотое Слово-6

тут скрывать - всё на виду! Ну, конечно, дети – кто не обожает свою кровиночку?! И ещё - все люди на земле, добрые люди – глупо, да? – но в общем, всё, как у всех – у большинства; по крайней мере, так казалось...

ВРЕЗКА ЧЕТВЁРТАЯ - петитом - буквы красные

Тут у автора явно не пошло (ударение на последний слог). Глава чересчур коротка, и несмотря на то, что краткость - сестра, вроде бы, таланта - если он есть! - однако, вызывает мысль: необходима ли эта глава? Камешки непосредственно в мой огород - пустяки, а вот портрет героини - неясен, слаб, и прост. Да и что он прибавляет нового? Вынужден напомнить автору о существовании реализма, о типизации и типичности. Автор что-дилетант? Нигде не учился? О деле надо писать. Меня, например, интересует КАК героиня копает. И я со склонностью Дьявола пофилософствовать, тороплю его перо и жду.

Глава четвертая

Алла честно копала в своей ревизионной группе, изучая материалы и документы, опрашивая пострадавших грешников и чертей с ведьмами, и постепенно приходила в тихий, а потом громкий ужас. Не сегодня-завтра предстояла встреча с опытным покойного директора Хлебова, к которой Голикова тщательно готовилась, но, как всегда неожиданно, голосом из ниоткуда, Алле было дано новое поручение. Вдруг появился смазливый чернявый чертёнок, притащивший репортёрский магнитофон, тот, что вешается, как сумка, через плечо. Суется, услужливо прыгая вокруг и нервно помахивая хвостиком, чертёнок научил Аллу пользоваться «Репортёром» и исчез также быстро, как и появился.

И тотчас же неведомая сила стремительно подняла Аллу вверх и, покрутив - на всякий случай? - вокруг своей оси несколько раз, бросила в свободный полёт, длившийся достаточно долго. Она приземлилась или скорее «припланетилась», а ещё точнее

- припарковалась в Райском парке у громаднейшей двери, на которой гигантскими горящими синими буквами значилось: БОГ. Дверь бесшумно распахнулась и Алла очутилась за столом сидящей между двумя мужчинами: в одном по нимбу она определила Бога, а в другом по облику чёрта, стало быть, Дьявола. Оба спокойно пили чай из самовара, причём Бог с блюдечка (нормального - не НЛЮ, не летающего) и вприкуску с сахаром, а чёрт звучными нахальными глотками из большой глиняной кружки с надписью «Пей да про себя разумей», почмокивая; и как будто не заметили Аллиного прибытия – как же, держи карман шире! - продолжая застольную беседу:

- Истинных праведников почти совсем не осталось ныне, - красивым бархатным тембром излагал Господь.

- Не могу с Вами не согласиться, - знакомым Алле по голосу из ниоткуда поставленным ораторским басом вторил Дьявол, - любопытно, что в Аду именно они - из бывших, разумеется, - теперь составляют большинство рабочей силы.

Надо сказать, работают неплохо под руководством моих кадров. Я слышал, что и в Раю нынче для работы привлекаются грешники, правда, проходящие, стирается грань...

- Грешник грешнику рознь, - сурово произнёс Творец, - ты прекрасно знаешь ситуацию. Кто из земных может бросить камень праведника?! Все грешны. Без исключения. Только грехи разные. Однако, несмотря на кажущееся противоречие, на Земле Моей с каждым годом всё больше и больше вызревает порядочных людей – это обнадеживает...

- Позволю себе, Творец Всемогущий, с Вами поспорить ибо никак не могу согласиться... полностью, - доверительно начал Главный Дьявол, ставя кружку на стол и переводя дух. – Направив меня на этот сложный участок работы и дав мне здесь, в Аду, всю полноту власти, Вы по-прежнему проявляете всем известную мягкость к грешникам.

- Я сказал – грешник грешнику рознь,- резко повторил Бог.

- Не худо бы тогда разобраться, Всеблагой Спаситель, в ампула грешников, ну хотя бы

Золотое Слово-6

моего Адконцерта. Вот, говорят, актёр, артист, - звучно отхлебывая из кружки, съехидничал Вельзевул, хитро взглянув на Аллу.

- Это несложно, - кротко молвил Всевышний, нелегко вздохнув. - Актёр - от акта, действия - активный, то есть действующий не как все, проявляющий и самостоятельную активность - действующее лицо в руках режиссёра театральных, а то и жизненных подмостков. Ещё говорят - Лицедей, делающий чьё-то лицо, другое, не своё собственное. Теперь редко говорят «актёр от Бога» всё грешники норовят произнести «заслуженный» или даже «народный» артист.

Артист-от арт-искусство, художничество. В сущности - художник, мастер. Ведь можно быть артистом в любом деле. Актёр-артист в принципе фигура в шахматах многодеятельной игры, исполняющая определённую объединительную волю (пешка, конь, слон, ладья, может, даже ферзь или король) чаще всего на театральной доске событий. Глаголят - Эстрадный Артист. Служители твоего Адконцерта вынуждены выходить к своему зрителю один на один, глаза в глаза - и надо быть воистину Артистом, чтобы заставить других грешников сопереживать свои сиюминутные сценические земные дела и поверить в них. Существует мнение, что артист по природе своей начало женское, мол, всё на продажу - внешность, тело, одежда, мысли, чувства, нервы. На эстраде это, видимо, должно усугубляться. Нынешний век электроники, космоса и режиссуры даёт себя знать - даже Я признан Главным Режиссёром Вселенной..

- А я, выходит, сопостановщик этого мирового действия, - хрюкнул Люцифер.

- Не кощунствуй, а то накажу. И вообще, не перебивай старших. Задал вопрос - слушай со вниманием и вникай в суть. Разбирайся и всем своим ведьмам и чертям обскажи, а то они у тебя ни хрена - Господи, прости! - не смыслят в эстрадном-то искусстве, что немудрено. Грешники, то есть рабочая - творческая часть твоего несчастного Адконцерта, приносящая должную пользу, что называется, ишачат, а дьяволы и прочая нечисть руководят, если это так можно назвать, а по сути - основные дивиденды себе присваивают, ничего в эстраде как таковой не понимая и ненавидя

её как жанр, а это ведь самый близкий всем грешникам жанр, самый демократический. Если правильно - по природе - построить эстраду эту, она станет отправной точкой и толкнёт интерес масс - зрителей и слушателей - и в театральные, более сложные формы искусства.

- Много и заумно глаголить изволите, Господь Всезнающий, - снова перебило чёртово отродье.

- Так ведь объясняю! - тебе, олуху, всё надо разжевать и во рот положить, - всё умное. Так вот и бери на ум: эстрада - самый трудный, синтетический жанр. Уловил? Синтетический! Живут на эстраде только истинно эстрадные номера, в которых Мысль сочетается с элементами Танца, Пения, Шутки в специальной индивидуальной форме. Только подлинная - а не подленькая - индивидуальность может выжить на Эстраде. Своё лицо, своё - а не чужое - должен изображать Лицедей эстрады и продавать это своё лицо, которое другие, покупающие его, будут хотеть. От этого и названия у них соответствующие, Божеские, райские - Райкин, например, и имя от страны блаженства - Аркадии. Но индивидуальностей на вселенской эстраде единицы, а уж у тебя в Адконцерте, как говорится, чёртов кот заплакал. Пальцев на руках хватит всех грешников-индивидуальностей посчитать. Да ещё ты, дьявол паршивый, искушаешь их - от искусства ведь слово! - на каждом шагу и они у тебя, как мухи на излёте, гибнут. Погоди, Я вот уже освобожусь и за тебя возьмусь всерьёз, а то только и слышу - Адконцерт в передовых, занимает классные места, выигрывает конкурсы да смотри, а ходят на кого? - на инопланетян - Жучков-паучков с аввами и ёжиками... сэр Ждун, Избивающие камни, Бобик-стоны, Хампёрдит, Хохотуньо, Чёрттетано - язык сломаешь! Свои-то не в чести!..

- Слова Ваши святы, но прости, Господи, мою назойливость, мне бы, отпетому, хотелось бы узнать Ваше компетентное и, если уж на то пошло, конкретное мнение о корифеях нашей эстрады - ушедших и пришедших, ну, хотя бы песенных, - вякнул рогатый хитрец, увводя Бога от гнева.

- Это длинный разговор, - попытался

Золотое Слово-6

уклониться Творец.

- А я не тороплюсь. Вы сами дали мне бессмертие. Надо же всё-таки когда-нибудь окончательно понять кто есть кто? Ху эс ху? - говоря современно, - твёрдо заявил Сатана.

- Ну что ж, будь по-твоему, да и для гостя нашей это на пользу пойдёт, - миролюбиво изрекло Божество, милостиво посмотрев на молчащую и внимательно слушающую беседу Аллу.

Раздался хлопок в ладоши и тотчас же зазвучали барабаны и трещотки, на что Всеблаготворитель закрыл уши руками и прокричал:

- Не надо! Не надо Мне помогать! Сколько раз Я тебе повторял: услужливый дурак – опаснее врага. Окстись, чёртов злодей!

- Я что, я могу и помолчать. Моё дело кошачье, - мякнул фокусник Воланд.

Послышались звуки скрипки, до боли знакомый голос пропел: «Как много девушек хороших», на кресле напротив Творца начало что-то материализовываться, и возник сам Лев Уплёсов.

- Здравствуйте, дорогие друзья, - со знакомым приморским акцентом приветствовал популярнейший певец старой эстрады, будто он привычно находился перед объективом телевизионной камеры.

- Будь здоров, человеке, - отвечивал Господь, улыбнувшись, - каково тебе тут?

- А мне везде хорошо. Мне «песня строить и жить помогает», - начал артист.

- Сие нам ведомо, - перебил Бог, - ты в аду не скучаешь - всё шефские концерты даёшь. Но, как поётся Нам «сверху видно всё, ты так и знай», а посему поведай о коллегах своих. Жизнь Я тебе дал интересную, долгую. Вот этот рогатый, - Дьявол поклонился, - хочет знать – кто есть кто, кто есть где и кто есть как.

- Это нам – раз плюнуть! – развеселился покойный певец.

- У нас здесь – Рай! И постарайся, певчий, высказаться о коллегах своих... погигиеничнее. Не плюй в колодец! - назидательно изрёк Господь.

- Ну, если говорить о Рае, то Вы меня простите, Рай, конечно, не здесь, а в Родессе, но Родесса-мама, кроме меня, практически никого из эстрадных певцов не родила. Нет, попытки, конечно, предпринимались,

но, в основном, в других жанрах - в юморе зазвенели Дранецкий и Кварцев и я даже слышал о девчонке из под Родессы некой Венчиной – милашка и голосок у неё - сами знаете, но, говорят, деятеля одного подвела под монастырь – впрочем, всё – слухи...

- Поближе к делу, если можно. И просьба - без политических деклараций, а то ведь недолго и поджарить, - прогундосил Вельзевул. - Ты всегда отличался склонностью к пустой болтовне, а здесь надо отвечать коротко и понятно.

- Хорошо-хорошо. Попробую. Только не надо давить. Итак, южная, почти райская сторона дала эстраде таких своеобразных исполнителей, как Клава Жульжеленко и Мила Амурченко, София Розару и Ольга Гордобец, Март Бельмест и Осип Керзон, и даже Мамонт Клещенко тоже имеет южную фамилию. О каждом из них написаны монографии, все они с высокими званиями-регалиями, почти все снимались и пели в кино (с меня мода пошла) на киностудиях «Тлен-фильм», имени Кой-кого, «Долженко», «Белобрысь-фильм» и других. Но если о миллионере из Крепкогорска Керзоне можно снять музыкально-криминальный детектив - у него и голос такой, на всё способный, круглые сутки со сцены не уходит, то о Сонечке Розару не могут снять ничего достойного её красавца-голоса и блестящей внешности - почему, не пойму. Трагедию можно изобразить о Мурлине Бабомаеве, мало лет отдавшем эстраде, несмотря на несметные авансы юности – я его любил. Комедию-фарс о его земляке, певце-министре Неплюй-Вуглы - смешной он очень, но глаза грустные и все телефоны забывает. Драму с камелиями или лучше с полевыми цветами васильками-ромашками о многопудовой теперь, звонкоголосой, как волны Волги, Людмилке Зыбкиной. Новый киносценарий о песне в фильме и на эстраде - о Марте Бельместе. Вот принято говорить «ни бельмеса не смыслит», а он в нашем деле хорошо понимал, его не только я ценил очень дорого - он того стоил. Да и настоящая фамилия его - Нейман - новый человек, а что значит псевдоним, никогда уж теперь никто не узнает. И, наконец, шоу-ревю о нынешних тузах козырных современной эстрады - их не всех ценю - о солистах с ВИА. Помните у

Золотое Слово-6

Гоголя – Вий - вокально-инструментальный, последнюю букву расшифруйте сами. И ещё РОК - рычит оно как - переводится, специально для ада придумано. Теперь о девице со столичной окраины, великой ныне Анне Борисовне Пугачкиной - бунтарке, которую Вы, Господь, щедро одарили, и её окружении во главе с просто Филей - насквозь южном попрыгунчике, и пытающемся петь - вечно юном юмористе Скакалкине; о единственном в своём роде клоуне-неврастенике, дьявольском певце на шарнирах Ксаверии Дергонтъеве; о тихом крикуне с севера Юрии Абломове и о стоящем особняком гении бардов-менестрелей, истинном поэте Владимире Глубоцком, которого я, грешный, - у всех свои слабости - просто-таки обожал до чёртиков. И ещё - не надо забывать - был поющий кочегар Сой с гитарой и надрывом, чтоб услышали - любимец молодёжи - тоже у Вас где-то мыкается...

- Ты уже можешь конкретно осветить – кто есть кто на эстраде, если умственные возможности не позволяют ответить - кто есть где и кто есть как, о заблудший старейшина! Не испытывай моего адского терпения, - скрежетнул зубами позеленевший от злости Мефистофель.

- Это почти невозможно, потому что певец не в силах судить коллег беспристрастно, объективно, каким бы принципиальным он не был. Но я всё же постараюсь ещё раз, если меня, хотя бы из уважения к возрасту, перестанут перебивать, - сердито отвечал старик, обращаясь только к Богу Всемогущему - Господь милостиво кивнул, качнув нимбом.

- О Пугачкиной. Одна фамилия чего стоит! Бунт он и есть бунт. Как начинала? Ворвалась, и без взяток и прочей женской атрибутики эта рыжая кошка прорвалась к пределу вершины славы. Её никто и никогда не сможет до конца правдиво охарактеризовать: она - Пугачкина - это и от пугать, страшить, значит; наводить страх на публику своей искренностью и простотой, особенно в начале карьеры, что чаще почему-то трактуют как цинизм, распушенность и отсутствие общей культуры; и от - пугач - пистолет - детский, скорее всего, игрушка, стреляющая холостыми патронами, очень громко, но безболезненно. Много шуму из никого - из

аппаратуры радио и музыкально-электронной. Артистов считают глупцами, а она - умница, она - Личность, индивидуальность. Не знаю, как от Бога, но от...

- Это точно, - подтвердил гордый Сатана, - много сил мы на неё, родимую, потратили, но она часто ускользает и из-под нашего контроля. Что хочет, то воротит.

- Вот опять перебивают, - обиделся старейшина певческой эстрады.

- Ты, исчадие ада, сиди, внимай и не перебивай. А ты, человеке, о Нашем влиянии давай. Тебе не впервой, и на юбилеях, на съездах творческих выступал и на других планетах - в Больше, Вранции, Спании, Болвании, и даже, вроде, на заморской территории - в Вооружённых Штатах, кратко именуемых США – у еретиков, вспомни! – патетически воскликнул Творец наш.

- Да я к тому и веду. Вот вчера мельком видел по телевизору у Вас в Раю Володю Глубоцкого - сидит под агавой, на гитарной лютне играет и поёт, поёт: «Мы успели в гости к Богу...» - вот кто воистину от Бога, вот в ком Божественная сила и талант, вот в ком воплотилась вся мощь нашего великого народа...

- Думаешь - вашего? – огрызнулся Главный Дьявол.

- У, чёрт возьми, антисемит проклятый! - вспылил оскорблённый певец.

- Возьму ведь. Допросишь свой сраиль на сковородку! - хрюкнул тот.

- Будь выше. Спокойно, не спорь с этой нечистью, - сам себе сказал бывший корифей. – Продолжаю Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный!

О Жорже Вотсе из Примории. Также видел его по райскому ТВ - поёт: «Он слышит райские напевы...» - Демона в Раю! - и каким красивым тембром как пел: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь...» - донадеялся. И Юлий Пуляев, говорят, в Рай попал – «обнимая небо...» - это всё потому, что они театральные певцы - академики-классики. А мы? Клава, Март да и я - грешник - всё в Аду, где и петь-то не дают. Даже в Адконцерт не берут, одни шефские из милости. Представляю, что здесь будет Осипу Керзону с Пупой Кутуридзе?! Может, пустите к Богу в Рай – хоть меня, а?

- Не увлекайся, сын Мой. Должен тебе

Золотое Слово-6

сказать, что говорить образно ты не научился и, хотя у тебя есть ходатаи-лоббисты, которые утверждают, что вирши Божественные ты начал слагать, когда петь уже в полную силу не мог, но искренне, по-Божески описать своих друзей-противников - коллег по эстраде - не смог. Не оправдал надежд Наших. Много спорного в твоей трактовке эстрадных звёзд. Сгинь с глаз моих! – воззвал Господь Всеблагой. Уплёсов исчез...

В этот момент губы Аллы неожиданно сами собой зашевелились:

- Пресвятой Великий Господь-Хранитель! Я очень благодарна Вам за всё, что здесь услышала, хотя ничего нового для себя не открыла. Однако у меня есть просьба - рассказать о перспективах работы грешников Адконцерта. Что ожидается нового? Будут ли у нас хоть когда-нибудь какие-то права?- быстро, но чётко произнесли Аллины губы.

Бог медленно повернулся в её сторону, подозрительно взглянул на микрофон в её вытянутой руке и вдруг, как-то хорошо по-детски улыбнувшись, просто и тихо заговорил:

- Тяжело вам, знаю. Но обещать, что в ближайшее время будет лучше не могу. Сейчас положение такое, что до культуры и искусства пока руки не доходят. Всякие быстроногие мешают да и других проблем не счесть – вы же сами в курсе. С голоду ведь не помираете?

- Да вроде, нет, - вздохнув, сказала Алла, - но всё-таки, пожалуйста, хоть пару слов – что ждёт нас, грешных?

- Ты сама-то откуда, чадо? - вопросом на вопрос ответил Творец.

- Из ревизионной группы Адконцерта. Николай Чудотворец прислал, - опередив Аллу, бойко вставил начальник преисподней.

- Копаешь, дитя? - испросил Господь.

- Копает! - снова за Аллу баснул Дьяволюга.

- И докапываешься? - уточнил Бог.

- Докопаюсь! - успела ответить сама Голикова, - а сейчас - позвольте, Господь Милосердный, при Вас задать вопрос нашему непосредственному, самому главному руководителю? (*Господь одобрительно наклонил Божественную голову*) Вельзевул Мефистофелевич, что ждёт грешников Адконцерта – его творческую часть – в

ближайшее время?

- Вон ты как повернула, - хмыкнул Главный Дьявол, - что Бог даст, то и будет. А по мне – так и этого вам много. Пошли в искусство, тем более в эстрадное, третьесортное, значит, нагрели от души. Никто не неволил. Вот и мучайтесь!

- Надеемся на меня, - отчеканил Господь Милосердный, - пишите на Моё имя, предлагайте, заостряйте вопросы, искореняйте недостатки, докапывайтесь и смело берите власть и силу в свои руки. Не стесняйтесь. С Божьей помощью тесните дьяволов, чертей, ведьм и мелких бесов. Они ведь тоже выросли из вас, грешников, только прошли полную «санобработку» этого молодого человека, - Он указал на визави за столом, - который вынул из их душ всё человеческое, кроме пороков. И когда они утверждают, что ничто земное им не чуждо, то имеют в виду лишь негативную сторону, недостатки. А тебе, возлюбленная дочь Наша, бороться придётся с их недостатками – они вас, грешников, стремятся в свою веру обратить, а вы – их должны стараться на свою сторону перетянуть. Задача не их лёгких. Я извещён, что нечисть пользуется запрещёнными приёмами – подлостью и клеветой, взятками и поборами и тэ дэ и тэ пэ. И по этому поводу уже выговаривал не раз, не так ли, милейший?

- Докопается их ревизионная группа, а в группе сей не одна эта грешница Алла Голикова, их целый коллектив, и они там, как лебедь, рак и щука; докажут свою правоту – тогда и принимайте меры, а голословно я своих ребят в обиду не дам. А коль не удастся ничего доказать, так я этим грешникам из Адконцерта новые муки придумаю, раз они призывают творчески мыслить и жить по правде, - резко взвыло исчадие Ада.

- Ты тоже не увлекайся. Помни, что и над тобой власть имеется, - упрекнул Бог.

- Я всё помню, - миролюбиво подытожил Дьявол.

- Так что же я грешникам-то отвечу, они же ждут, как им в глаза печальные буду смотреть? – с болью спросила Алла. – Значит, перспектив никаких, прав никаких, улучшений никаких для рядовых грешников никогда не ожидается? Опять – чем хуже, тем лучше?

- Ваше время истекло! – раздельно по

Золотое Слово-6

словам перебил красивый голос из ниоткуда, и Алла увидела пустые стулья и стол и в ту же секунду взмыла вверх и полетела обратно. Когда во время лёта она включила свой магнитофон, из него пошёл чистый фоновый звук с еле различимым шумом вечности - видимо, воспроизведение не работало или ничего не записалось. А может, чьей-то злой волей запись оказалась стёртой? Обидно! Кто теперь поверит???

ВРЕЗКА ПЯТАЯ – петитом – буквы красные

Кто поверит? – а хоть бы и я. Ведь я там был и кое-что пил как-никак. Эта врезка будет от всей сатанинской души – потому что авторской наглости обращения с моим незабываемым, бессмертным образом нет предела. Нет, где вы видели или читали когда-нибудь, чтобы меня обзывали Вельзевулом Мефистофелевичем, начальником преисподней, чтоб я мяукал, как кот, или даже хрюкал, как... стыдно сказать! И вообще я у автора какой-то обиженный, униженный и, я бы даже сказал, оскорблённо-ущербный. Но это ещё полбеды - автору вкупе с его героиней напрочь изменяет не только чувство меры, но и вкус: навязав Господу Богу материализацию древнего эстрадника Уплёсова, он – автор то есть - вкладывает в уста старейшины СВОЁ собственное отношение к таким корифеям песенной лирики старшего поколения, как К. Жульзеленко, М. Бельмест и с такой страстностью воплотивший мой образ на сцене Ж. Вотс. Кстати, Уплёсов занимается на страницах данной повести саморекламой - это, по меньшей мере, неуместно и недопустимо. Снова у автора не хватает красок-нюансов - каково выражение! - как мало и без должной любви сказано, будто совсем ничего, о таких незабвенных, как Л.Зыбкина или О. Гордобец, я уж не говорю о М. Бабомоеве - кумире адских, и не только, женщин и его земляке - теноре П. П. Вуглы. Нет, кое-что проскальзывает, конечно - неплохи характеристики А.Пугачкиной и К. Дергонтьева, симпатично выглядят С.Розару и особо чтимый всеми без исключения- здесь полнейшее согласие, да иначе и быть не может - В.Глубоцкий. Но это не даёт автору

права забывать других кумиров эстрады - этой страны напуганных идиотов - Вселенной песни. Да, многие из них считают, что Вселенная – это страна, где все лентяят, поэтому этак кометно блеснув, выживают лишь те, кто способен работать и жить умеет, не лентяя, а трудясь. Это понятно?

Автор запомнил - специально ли? - наших знаменитых народных артистов, таких, чьи фамилии звучат для Сатаны «слаще звуков Моцарта» - очень уж породному - Джудита Птаха и Эдмунд Фильк. Так ведь и ругаются-чертыхаются у нас в Аду: иди, говорят, ты через Птаху на Фильк - здорово? О них же у автора ни слова - словно в упор не видит! А о южанине Микеле Гандюке - где?

Тоже ни слова. Этот инженер песенных душ умудрился не упомянуть саму Василису Толкачёву с её неиссякаемой косой, которая, как выяснилось, переболела лично мной. Стыдится автор указать о романсистке Лане Берегадзе, о незаслуженно забытых популярных Лере Обедзинском и Мартыне-Лебеде, о самом лучшем камерном певце, прошедшем даже нашу дьявольскую химию, красавце с берегов Стаканки Захаре Серёгине и, что особо вызывает негодование Князей Тьмы – это отсутствие воздания должного Мине Баянскому - как две капли воды похожого на нашего брата-чёрта и внешне (усы, копыта, рога, даже утверждают не краснеют, что хвост есть) - и неподражаемой красотой своего демонического, с такой ласкающей ведьминский слух хрипотцой, голоса, и на экране всегда чертыхается и с мефистофельской ипагой. А куда делся исполнитель «на недельку до второго», создатель чудо-Комарова симпатичный дьяволёнок Скланкин? Да и к этой главе претензий целая куча. Наша бесовская юность осерчала, что не нашлось места новым адским веяниям типа хайм-рока и брюк-данса, которые высоко несут на северо-западе последователи Кнута Кобельна - Ик Ёла, Виво Кретынна, Анне Мерски и Хайма Лакайле, а несравненная мажявка Мойра Рычаева на юго-востоке. Где улаждающие чёртовы уши Обездолена, Смородин, Цветнов? Громогласные провозвестники какофонической музыки и песен преисподней -

Золотое Слово-6

где сила «Непьющих гитар», воля «Службы», слабость «Весёлых волос», былая слава «Пенсияров», мода «Телеги Бремени» во главе с их коком-лидером Нестаревичем, скандальность БГшного «Кваквариума» или знаменитого «Дуста» Ющука - где они, не говоря уж о белом принце-свинопасе Подбаскове и неповторимом вершителе судеб Крутойарове, который всё может? Вы чувствуете сколько вопросов?! В каждой строчке только точки, а нам, чёртовому братству, надо прямо и честно - так ведь договаривались! Не вышло- дышло в любом абзаце. И ещё отмечу, о ревизионной группе Адконцерта: автор наивен до предела, до детскости - у меня же там свои люди! Что сможет его неопытная героиня ОДНА? Кто ей поможет? Не слышу? Громче! Отвасни чего не скроешь! Посмотрим. Я ведь сам ставил сию комедию с выборов, проявив свой незаурядный - я не боюсь этого слова - режиссёрский талант. Спектакль, вдохновлённый и поставленный Архидьяволом - вот что такое ваши «честные выборы». Заметьте, «суку времён антоновских банд» каждый раз выбираю лично я. А в отношении героини, пардон, зазевался, не усёк сразу. Опять же старшие по Небу - уважаемый Николай Чудотворец - лично предложили - и как не порадеть такому Святому Человеку. Угоднику и угодить - не грех. С этой Аллой я, кажется, круто промахнулся и мой липовый ход о её неопытности и провокация на сию тему - увы! - успеха не поимели, даже у вас, терпеливый читатель, не проханже-э...

А в общем, дело близится к развязке. Кто кого - это мы ещё поглядим - ну, прямо матч, где играют «Асренал» с «Басрелоной» или наш «Звонит» с Москвой. Вы, кстати, за кого? Вот то-то же. И я за него. А кто выиграет - про то один Господь знает и ведь не скажет. Всё в руке Божией! А героиня, видать, Творцу глянулась - как бы она с его помощью не въехала из Ада в Рай! Нервничаю - приму валидол. А может, выпить чего покрепче?

Всё в порядке - я успокоился. В принципе повествование не лишено интереса и познавательности. Верно? Автор выкруливает на финишную прямую - тут, как говорится, Бог в помощь и я в ребро. Только что мне принесли результаты гадания на кофейной

гуще моих адских ведьм о потенциале и судьбах Мастеров, занятых песней, как таковой - любопытно. Существует оказывается в искусстве Коэффициент Удачи - это чуть ли не вокально-эстрадный миллионер О. Керзон придумал. Вот цифры у меня в руках. Большинство корифеев песенной эстрады после смерти отданы нам - ну разгуляемся, покуражимся, развернёмся! Со средним крепким певцом эстрады труднее - достаточное количество их от нас Рай отбирает, таковы факты, главное ведь не известность - популярность и не звания-регалии, а качество. И это автору надо зарубить на носу, прежде чем окунаться в самую трудную и решающую главу.

Чёрт возьми! (это я о себе) начал опять нервничать - где валидол? Доведут до пердела ведь. До следующей врезки, читатель, если она будет - бумаги жалко...

Глава пятая

Мерзко было копаться Алле в этой вселенской лжи, где все гады крали, обманывали - даже друг друга - как могли, стремились ничего не делать, а лишь плести интриги и козни. Тяжко ей было в этой стране напуганных идиотов-дураков для других и весьма неглупых для себя - в жутком и смрадном болоте Адконцерта. Кто знает: зря ли говорят, что и один в поле - тем более, в болоте - воин?! Но, ободрённая Божьей помощью, Алла никогда бы не смогла победить одна - громадную поддержку оказал покойный директор Хлебов - хозяйственник, продвинутый не только творчески, а и экономически - горы бумаг-документов перелопатили они вместе, многое сравнивали, выводили факты на чистую живую воду. Болото захлюпало. Ведьмы стали гадать на кофейной гуще ежечасно, что не спасло. Архидьявол скрежетал зубами от бессилья... Хлебов посоветовался - не удивляйтесь и такое бывает! - с одной энергичной, честной и принципиальной грешницей - фигурой, заметной не только в искусстве, но и в общественной жизни, пусть порой очень шумливой - чаще по делу - темперамент ведь не спрячешь в унитаз или под кровать

Золотое Слово-6

и всегда здорово, когда живой человек горит жизнью. Она всё чётко проанализировала, дала дельные советы и, по привычке громко крича - а, может, просто плохо было слышно по адской телефонной сети, констатировала: «Там, как здесь, а здесь, как там, но везде необходимо бороться!». Это ей даром не сошло – всё телефонно-тайное становится явным - и её, бедолагу, дьяволы послали далеко-далеко... на заслуженный отдых, на пенсию, пусть, дескать, уступит место молодым - на всё готовым и согласным лечь, где угодно, когда угодно и под кого угодно. На её общественный пост двинули карьериста из редких бесов-бездарей - официанта от музыки из печально известного ансамбля, хозяин которого так никогда и не смог научиться отличать фа-диез от соль-бемоля струнного станочника Соломона Безмозглова. Тот вошёл в раж подобострастия и начал зверствовать, вылизывая новое начальство и, как иуда-предатель, предпочёл топить в крови обычных грешников. Но не тут-то было - Аллины документы громко закричали стоном, преступления нечестивой шайки Адконцерта становились ГЛАСНЫМИ - шило в дырявом мешке гнусности утаить даже бесовскими силами не удавалось и ком подлостей, обрастая по дороге глупыми чертями и ведьмами, полетел под гору ошибок, чтобы упасть в пропасть справедливого возмездия. Дьяволы всех категорий передрались, как пауки в банке. От страха - запомните это слово! - свёл счёты с жизнью финансовый гений-дьявол Телятников, ведавший бухгалтерским обманом, перед этим накатав пасквиль-хулу на своих сообщников. Смерть его разбудила прокуроров Божественной канцелярии. И началось: первой крысой стала хитрюга Придаткина - не забыли, красотку-лягушку? - она срочно «слиняла» из ревизионной группы Адконцерта якобы по слабоумию и другим женским болезням, а потом, поняв, чем пахнет, и вообще ушла. Зацарствовали ненадолго – наверху тоже ведь нынче фраеров почти нет - слабаки, которых на ладан дышащий директор держал в ежовых рукавицах из-за их патологической аморальности. А честные грешники под нажимом обстоятельств и страхом кипячения в смоле сплетен, поджарки выгона вон, а то и

сожжения на адконцертном общественном костре, ручейком потекли, покидая ревизионную группу; струсил даже бывший вояка, выведший на чистую воду правды самого первейшего вора, Сая Прунгель; храбро бежал болезненный и робкий Юра Прух, схватил инфаркт или инсульт - об этом история умалчивает - безумец-правдолюб Авдей Расцветов, иные ушли в тень да там и обосновались на вечном пенсионе. Алла Голикова осталась совсем одна на съедение своре дьяволов, ведьм, чертей и бесов – Голикова среди волков, но не дрогнула, даже когда обличительные документы стали нещадно пропадать, когда её подло оклеветали и попытались вообще отстранить от дел. Спасение пришло неожиданно - от знатока земной концертной круговерти Марка Григорьевича Всёзнайчика, который по секрету подкинул Алле козырную карту против банды адских подлецов, и от обычных грешников-товарищей по несчастью да и по оружию - в виде моральной поддержки, хоть и скрытой пока. Прокуратура на Небесах не дремала, её не смутили подмётные письма разжалованных и вышвырнутых ведьм на Аллу сотоварищи. Когда же вверх тормашками полетела создательница адконцертной системы «планирования и экономического симулирования» мадам Хохрякова, которой всё-таки удалось избежать полного уничтожения, благодаря связям в Небесной канцелярии, стало ясно, что дьявольский корабль сволочей дал трещину, и солидную. Крысы побежали гуртом. Небесное управление вновь лягнуло директора Пализадникова и впервые «непогрешимого Лиходеева» в прессе. Троны зашатались. Гады бросились к Богу – Господь от них открестился, не удостоив. Главный Дьявол, поняв, что все они скомпрометированы, умыл руки их поганой кровью, но, зная о непреходящей номенклатурности, взял и передвинул эти пешки в своей мощной системе оглушения масс грешников, убрав из многострадальной юдоли Адконцерта. Прокуратура Небес требовала суда, потом ещё много судов, процессы пошли - они были хорошие и разные, нечисть гибла, но из обыденной жизни не уходил никто, хотя кое-кого отправляли в места не столь отдаленные

Золотое Слово-6

- не в ад, конечно, - да и не на такие уж долгие сроки. Первым залетел Адольф Большенков, разжалованный из дьяволов первой категории за воровство и коррупцию в мелкие бесы и посаженный на цепь в назидание остальным адконцертным функционерам-гордецам. Заштормило. После падения дьяволов высшей категории богатенького сластолюбца в дорогой упаковке М. Пализадникова и клопа-кровопийцы Лиходеева, которого даже Демоны Зла презирали за пакость, казалось, что дни «суки времён антоновских банд» и хвостатого блаженного Павлинчикова сочтены – ан нет, пока они держались стойко, оловянные солдатики, Главный Дьявол твёрдо стоял за свои кадры. Адконцерт забродил, как перестоявшееся веками вино. Вошла в ход частушка: Грешник в аду раз гранату нашёл,/поднял её, к Адконцерту пошёл,/там размахнулся и кинул в окно - /долго в Стаканку летело... «оно»... Пришли свеженькие, новенькие, многорублёвенькие - безликий директор с Прицепиным вместо карлика Лиходея. О прочих не толкуем - явная мелочь, даже не пузатая, - однако цитируем важную газету (она под рукой, если что - не отвертеться): «...число хищений, взяточничества, поборов и других преступлений не только не уменьшилось, а даже РАСТЁТ». Надо понимать, берут по-крупному, но поумнее, поосторожнее и похитрее - научились на горьком опыте. Ещё бы, царствует, лёжа на боку, а, вернее, сидя в солидном кабинете Дьявол, сегодня уже высшей категории, вас предупреждали! - Д.Кукушкин, жив курилка! Цветёт, а отсюда, как помните, и пахнет Бенина - мать-ведьма, которую ничего не берёт - она всё, что можно, а тем более нельзя, предпочитает брать сама, по любимому принципу: директора-худруки приходят и уходят, а мы вечны, было бы здоровье, остальное – купим! Чуть побитые, хорохорятся нынче рядовые ведьмы во главе с Охрипкиной, снова начиная разгибать согбенную было от страха возмездия спину, надеясь войти в силу и приобрести категорию при содействии покровителей и любовников-дьяволов. Живы и действуют всю кабинеты хамства и бюрократические комнаты, закутки взяток и приёмные давания, флигели воровства и мансарды спекуляции,

а количество секций лени значительно увеличилось. Функционирует всякое Ворье с пресловутой мадам Миндаль, хотя и ими занимаются, но пока всё вернулось на круги своя. Свежая струя руководства задумала реорганизацию на свой манер, по-прежнему ничего не желая понимать не только в нуждах обычных грешников, но и в эстрадном искусстве в целом, и отгородившись от грешников сих новыми дьяволами и ведьмами или старыми на новый лад. Всё, как было до них и даже хуже. Так что же это? Где же ты, Господь Всемогущий и Всевидящий?! Или не слышишь молитв наших? Хотели лучше, а снова – чем хуже, тем лучше?! Или ещё хуже? Победа или полное поражение?..

Сердце Аллы сдало – устала Алла – союзников почти не осталось – грешники, наученные горьким опытом, молчали «в тряпочку». Вновь прибывшим некогда было да и не хотелось разбираться – деньги делать пришлось время! - они слушали оставшихся демоноидов и решили уничтожить Аллу Голикову - на кой чёрт такая беспокойная?! Отовсюду она была вынуждена уйти сама – учтите, новые по-новому метут, не придерёшься! - её никто не гнал, не преследовал, не угрожал. Её просто не замечали. Вычеркнули из жизни. Нагло исправно платили ни за что. Работать не давали. И всё. Часы Аллиной души остановились - совсем. Она снова начала уходить из этого мира. И вся оставшаяся безнаказанной часть преступной дьявольской стаи восприняла эту желанную для них весть, как п р а з д н и к. Господь Бог занят более насущными делами - ему не до единичной судьбы обыкновенной затравленной грешницы и, казалось, Архидьявол будет торжествовать победу, но вместо траурного марша зазвучала мажорная адская какофония. Шабаш оставшихся денежных мешков-чертей всех категорий, разжиревших от крови грешников ведьм, радующихся шестёрки-бесов достигал апогея... Но Бог Правду видит!

- Раз в году и в аду бывает ПРАЗДНИК! - гремело вокруг.

- Вниз! Вон! На Землю! - верещали все эти дьявольско-демонические вурдалаки страшнее полотен Босха и описаний Гоголя и Булгакова.

Золотое Слово-6

Тихо! – раздался громовой, почти шалыпинский бас, прозвучавший будто через триллионнократные усилители, - и-хо! и-хо! и-хо-о!!!

Каменный пол разверзся, и появился сухонький старый козёл с ветвистыми рогами, которого трясла пляска (неудобно сказать «Святого») Витта - ведущий лидер Адконцерта, всегда остающийся в стороне, но всёзнающий и всёвидящий - глаз, ушей, рук и ног у него много.

- Какое же это для неё наказание – на Землю?! – да об этом каждый мечтает в тайных мыслях своих, - неожиданно крепким театральным баритоном провещал недомерок, весь содрогаюсь и предчувствуя скорую собственную гибель.

- Ты мудр, лидер, но на всякого мудреца довольно простоты, - веско произнёс знакомый Алле голос из ниоткуда. - Таким, как она, - самое страшное наказание - БЫТЬ на Земле. И да будет так, воля Совета - глас народа! На Земле её ждёт жуткая неминуемая медленная казнь, - каждое резкое его слово заставляло Аллу корчиться от нестерпимой душевной боли и биться, точно под электрошоком, - она родит Огненного Ангела в непорочном зачатии, - гремел голос, - и этот Огненный Ангел продолжит её путь, а ей самой даровано бессмертие. Она и так устала от жизни, но увидит все дикие перипетии мира и содрогнётся от ужаса. Она будет просить смерти и покоя у Бога и Сатаны, но мы сумеем каждый раз выменивать у Господа её смерть за жизнь нужных Ему земных функционеров...

И тут голос из ниоткуда обратился непосредственно к ней:

- Слышишь? На всю оставшуюся жизнь ты обречена петь людям, оставаясь в неизвестности! Будут меняться эпохи и вкусы, будут исчезать и возникать ноты и аккорды, ритмы и мелодии, будут уходить и приходиться новые идолы и кумиры, а ты вечно будешь РЯДОВЫМ с р е д н и м артистом своего земного Адконцерта-всегда! Слышишь, аплодисменты? Слышишь, снова звонит телефон - прими концерты «у чёрта на рогах», «у чёрта на куличках» и ещё «чёрт знает где». И даже твой Огненный ангел - сын с полётными музыкальными песенными крыльями - не сможет тебе помочь, потому что по моей злой

воле повторит судьбу легендарного Орфея. В мире всё движется по спирали – ха-ха! - да, ты всё это будешь предвидеть и ничего не сможешь изменить - ты обречена и да будет так!..

Лязг и скрежет прозвучали в Аллином мозгу, открылся бездонный колодец - путь к Земле - и она полетела в любимое Отечество, успев подумать за время краткого лёта, длившегося миллионы и миллионы световых лет: «Нет, Главный Дьявол ада, ты снова прав и снова ошибся - БЫТЬ на Земле и петь - это прекрасно, раздвигать меха своей груди, пробовать тембром мощь своих голосовых связок, испытывать силу нового непознанного ритма и красоту свежей гармонии музыки, раскрывать глубину своей неубитой души в мелодии - это ПЕСНЯ! Но НЕ ПЕСНЕЙ ЕДИНОЙ жив и счастлив артист, хотя ПЕСНЯ – это тоже оружие в борьбе земной круговерти. Мужество Правды - сила великая - везде - и на Земле, и во всей Вселенной. А женское актёрское мужество – непобедимо! И мы ещё поборемся – всё ещё ВПЕРЕДИ...».

ВРЕЗКА ПОСЛЕДНЯЯ, ВЫНУЖДЕННАЯ - *петитом* – буквы красные

Что ж, в сущности, мне нечего добавить, кроме одного – вызов автора и его героини принимаю. Последнее слово, пусть и вынужденное, остаётся за мной. На ошибках учатся. Не знаю, как Вы, читатель, а я и моё адовое окружение - Демоны Зла - в принципе удовлетворены. Повторяю - нам свои Гоголи и Щедрины, ох как нужны... Но где же они?.. Главный Дьявол Ада приветствует Вас.

До скорой встречи в других произведениях...

ДОБАВЛЕНИЕ (написано карандашом, явно в спешке и очень неразборчиво).

Меня уже увозят. Далеко. В карете «Скорой помощи». Обидно, что не из дому, а от знакомого, которому всё это читалось первому. Его имя (неразборчиво) достаточно известно и он работает в этой (зачёркнуто) области, непосредственно в (очень неразборчиво), поэтому его мнение было для меня так (зачёркнуто) и дорого. Он одобрил.

Золотое Слово-6

Спасибо ему. Я тороплюсь и надеюсь, что тот, кому эта рукопись попадёт в руки, не бросит её, как бездомную (*неразборчиво, вероятно, «собаку»*). Мною сделано что возможно - всегда верилось, что на Земле подавляющее большинство хороших, порядочных людей и хочется, чтобы нашедший моё творение был из их числа. Мне из-за отсутствия опыта не удалось противостоять Врезкам дьявола. Господь Бог не благословил (*зачёркнуто*) мой труд, не прочитал. Но повесть написана кровью души - я ведь не отношусь к профессионалам-литераторам - я только пытаюсь научиться правде жизни. Мне - увьи! - не суждено узнать, как сложится судьба моей повести.

Люди! Не верьте, что Искусство продажно (*зачёркнуто и далее несколько слов неразборчиво*). Даже Эстрада ада приносит пользу. Ветер перемен крепчает день ото дня, и придёт счастливый миг истинной Эстрады с большой буквы - многожанровой и многоплановой не только в песенной лирике, но и во всём её разнообразии. Как жаль, я этого не (*зачёркнуто, вероятно, «не увижу»*).

Я вырываю первую страницу повести, где стояло моё имя, - не из страха - не думайте так! Пусть считается, что эту повесть - какую, не мне решать - сотворило время и место - по Сеньке шапка! (*неразборчиво*)...

Верю дело моё продолжают вновь пришедшие, молодые, сильные, смелые, талантливые! Они постоют (*совсем неразборчиво, возможно, «за меня»*) и (*зачёркнуто, вероятно, «отомстят»*)... А я... (*далее совершенно неразборчиво, какие-то каракули, зачёркивания и рукопись обрывается, но следуют ПРИЛОЖЕНИЯ*).

Приложение первое.

Рецензия от НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА.

По первому впечатлению. Вместо Заключения (поймите правильно, здесь заключение в смысле - завершение, а не правоохранительная мера, которая ещё может последовать - подобные вещи просто так, бесследно не проходят). Согласившись прорецензировать это произведение по совершенно непонятной для меня просьбе крупнейших представителей адского руководства и по милостивому разрешению Господа Бога нашего, у коего пока руки не дошли, должен констатировать следующее:

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ. Автор положительно наплевал на действительные события, которых никогда и нигде не было, на уважение к именам и почтенному возрасту ряда персонажей, а главное - на форму произведения, стиль изложения, элементарную логику поведения героев. Форма - рыхлая, неоднородная какая-то, то с потугами на новаторство, то, наоборот, на ретроспективу. Стиль - ужасен: эти бесконечные вводные слова к месту и не к месту, явно нарушающие и без того дилетантские приёмы письма автора. Отвратительные врезки, где Сатана даёт себе волю и испражняет что хочет и как может - сколько уж раз указывалось, что сие к Добру не приводит. Опять же - какое ненужное внимание автор уделяет самому Дьяволу, вспомним, к примеру, у Гёте - это просто Мефистофель, у Достоевского - просто бес в потёртых клетчатых штанах, у Булгакова - просто Воланд, а здесь Дух Зла наделён таким количеством имён и даже с отчеством (?), со столькими определениями его положения в аду - ни дна бы ему, ни крыши! Раз уж вспомнили про Булгакова, ещё раз о стилистике рецензируемого. У Михаила Афанасьевича фраза ёмкая, упругая - сразу понятно кто есть кто, а тут - и фамилии какие-то оскорбительные да и характеристики персонажей чересчур резкие, смелые, с сумасшедшинкой. Обо мне вообще странно - насчёт моих крыльев?! Общеизвестно, если Бог хочет наказать, то лишает разума. Да разве мог написать такую повесть нормальный человек?! Подумайте сами! Не дай Господь, прочтут ЭТО случайно прообразы её, да узнают по своим каналам имя автора и тут же УНИЧТОЖАТ на раз - это же адская мафия, как и не жил автор на свете (том или этом - не всё ли равно?!) - обычная человеческая единица времени. И Бог не поможет! Не сможет!! Не успеет!!!

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ. Положительно отрицаю приписываемые автором Богу суждения об Искусстве в целом и об Эстраде в частности и вообще - эпизоды, где героиня слушает застольную беседу Творца Всевышнего со змеем - главным дьяволом, а затем берёт у Господа Бога нашего интервью. Фантазия да пусть даже фантазмагория - сила великая, но нельзя же доходить до такой степени сказочного свинства?! Повесть, быть может, и составит какой-то интерес для специалистов, особенно

Золотое Слово-6

работающих в этой узкой области эстрады - песенной, да и то лишь в регионе речки Стаканки. Думается, у широкой общественности произведение резонанса не вызовет и поддержки не найдёт. Споры нет, у автора нельзя отрицать куража - смелости и определённого мужества, настойчивости и темперамента.

Хороша авторская ненависть. А вот с Любовью – слабо, нет даже намёка на хотя бы традиционный классический треугольник. Видимо, автор не способен (или не способна) ЛЮБИТЬ, а потому не в силах передать этого чувства и своей героине - отсюда отсутствие полноценного главного образа, тем более, такого - женского, приятного, мне где-то симпатичного...

Полному отрицанию не подлежат - нет дыма без огня! - многие анонимные и прочие сообщения насчёт автора, пришедшие не только в Божественную канцелярию, но и в Небесное управление и даже в Комитет Вселенского порядка. Господь Всевидящ и Всезнающ и ведаёт – кто их прислал и зачем. В чём только не обвиняют автора! Особо пространно послание старой ведьмы из бывших грешниц (а всем известно – «самый страшный в мире чёрт - бывший ангел») - некоей Дерьмосиповой. Она фамильярно называет героиню Алка Голикова, то есть алкоголикова, прозрачно намекая на её «источки душевной болезни». Однако при тщательной проверке ВСЕ – подчёркиваю, все! - предположения этого гнусного пасквиля да и прочих тоже не нашли ни малейшего подтверждения. Неземная дрянь, ведьма примерно наказана, больше чадить не будет - сгорела в геенне огненной и из творческой жизни убрана Волей Божией навсегда. Но отмыться от потоков грязи и сплетен автору, полагаю, будет нелегко - на то и расчёт.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ. Автор, разумеется, мягко говоря, не классик ни сейчас, ни в будущем, но всё же необходимо отметить и плюсы сочинения – хотя сама по себе тема борьбы Добра и Зла стара как мир, но и вечно нова, так что поднимать её надо во все времена и народы, во всех странах и галактиках, на Земле и на Небе. Сатана-поганец прав в одном: нужны новые Гоголи и Щедрины. А автор прав, утверждая, что «не песней единой жив артист». Не будем терять надежды, что родятся новые писатели, которые обсуждае-

мую тему и небанальную фабулу развернут достойно и интересно именно ДЛЯ ВСЕХ. А пока – это буря в горсти грязной воды из волнучей речки Стаканки.

РЕЗЮМЕ. Не стану рекомендовать в Раю Господу читать, печатать или как-либо пропагандировать сию странную повесть. Более того, и аду то же посоветую. И это мнение не только моё, но единогласное всех Божественных Авторитетов.

ЗАВЕРШЕНИЕ. Споры по углам и в подмётных письмах о поле и роде занятий рецензируемого автора не имеют никакого принципиального значения, а потому НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫ. На Небе ведома сия личность – мы знаем и, да будет всем известно, не осуждаем сирых грешников, тем более Богом обиженных. Если не жаль бумаги и нынешних автоперьев, пусть продолжает, марает - лавров не стяжает. Не то ВРЕМЯ – надо ждать...

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ. Письмо А. Большенкова, бывш. Дьявола первой категории, разжалованного в мелкие бесы и посаженного на цепь.

Да, я действительно знаю очень много. Когда меня взяли, чувство страха сковало мою преступную душу и заставило молчать. Сердце сдало, и я был даже отправлен неизвестно чьей волей на ТОТ свет, но пробыл там недолго. Кстати, именно там я и получил рукопись повести «Не песней единой...», хотя уважаемый Хлебов так и не назвал мне истинного имени автора. Я захватил с собой эту рукопись на Землю и, пусть меня никто не спрашивает, хочу высказать собственное мнение о повести: на мой взгляд, она правдива и искренна, как ни прискорбно в этом признаться. Мне известны все так называемые «герои» нелёгкого, страшного и не всем понятного произведения, которое больно ранит тех, о ком написано. Меня выкинули из Адконцерта, вышвырнули из земной круговерти. Сейчас я между небом и землёй и теперь могу многое оценить точнее. Я проклинаю тот день, когда связался с миром нечистой силы Пализадникова, Лиходеева, Хохряковой и иже с ними. Вы можете возразить мне – сейчас легко говорить! Вы вольны спросить - что же ты будучи дьяволом так издевался над бедными грешниками, отправляющимися на другие планеты?

Золотое Слово-6

Как же ты крал вместе с этой нечистью? Что же ты, поняв свою и их гнусность, не уличишь и не поможешь уничтожить оставшихся гнить и зловонить демонических сообщников и подельников? Увы! Я, Адольф Большенков, - ныне лишь маленький, ничтожный мелкий бес, сидящий на цепи времени. И мне ещё долго сидеть. Я мог бы многое рассказать, но кто меня станет слушать? Да и кто мне поверит сейчас, когда я молчал, всё скрывая и отрицая на Божьем суде, боясь дьявольской мести?! Страх. Нет чувства страшнее, чем страх. Кто-то из мудрых отметил: бессилие - нет муки горше. Я не сторонник тех методов борьбы - при мне не одного съедали - которые попробовали применять резкая Алла Голикова или другие честные безумцы - вам известно, где сегодня Алла, а остальным тоже, видимо, не долго осталось существовать - с такой подмоченной репутацией. Плетью честности обуха денег не перешибёшь! Один седовласый добрый болтун из Адконцерта - тоже едва не выброшенный - пошутил, что лагерь грешников состоит из «неувольнимых мстителей - разносчиков культуры». Неглупо. Но в них самих-то нет согласия, их легко кушать по одиночке, потому что в большинстве своём - они трусы - артисты и есть артисты - всё на продажу. Да в каждой шутке есть доля шутки, остальное - страх. В Адконцерте всегда говорили, что ещё с давних времён обыкновенный человек-грешник жил страхом. Тёмная ночь напугала наших предков, родила чёрные силы, и страх стал сладкой и любимой привычкой.

Всем захотелось страха, вот и выдумали нечистую силу, на которую всё можно свалить - Леший, Баба-Яга, Лихо одноглазое, Водяной, Домовой, русалки всякие. А после, когда зародились «бумагомараки» - сочинители, начались черти-ведьмы, элегантный острослов-уничтожитель любви Мефистофель; печальный Демон – дух изгнания, сам убивший не одного смертного; обаятельнейший Воланд с симпатной юморной свитой; оперный Сатана, что правит золотой бал монет... Да мало ли их ещё! И всё от страха. Создатели этой гадливой нечисти сами сходили с ума и нас сводили. Я не ищу себе оправданий, просто делюсь с вами мыслями о Страхе. Я - вор и тоже исчадь страха. Ведь со школьных времён учат - нет никаких бесов, а по привычке кого-то надо

бояться - вот и пошли в ход детективы, фильмы ужасов и всю нечисть решили заменить – кем? – да нами, Уголовниками. Скажете, что я сошёл с ума?! Эх, если бы вы видели, КАК бегали на мой суд! Сколько было пересудов-разговоров, сплетен, слухов? Как бесновался «клинический оратор-режиссёр» Вранч, сам запутанный в паутине чёртового братства, но от дикого страха выросший в «проповедника добра»? Нет, я целиком и полностью на стороне автора этой повести, сумевшего преодолеть страх. Да благословит автора и поможет ему Бог Добра! Я не смог превозмочь себя – мне были противны эти трусливые «разносчики культуры», которых я брезгливо давил, как тараканов, поздно на цепи поняв, что они - люди, хотя мне было известно, что ждёт «неувольнимых мстителей». Думаете, легко было карлику Лиходееву «задвинуть» талантливую Голикову, когда она соловьём залётным разливалась о подлости и продажности нас, дьяволов? Я-то знаю, что дров наломали немало - возжаждала ангельская душа честной борьбы и превратилась в идиотку - её, сверкающую очами справедливости, оболгали с головы до ног, устроив «актёрское обосрение» в кругах ада – это была наша общая придумка.

Она ждала защиты, помощи, поддержки от товарищей по работе - коллег, а в какую феноменальную ловушку безысходности её загнали? Все, даже грешники, кому как взбренилось, начали доставать из анналов памяти следы её «преступлений», которых бедняга никогда не совершала, и помётный шквал нечистот стал обрастать ибо нашлись такие, кто говорил, что «уже и раньше наблюдал за ней такое», что «всегда подозревал в ней преступника - по глазам «алкоголиковым» потенциального узника страсти - это видно было». И тут же сразу стали лезть в её интим, в постель, копаться в грязном белье, искать блох и прочее дерьмо. Её продала лучшая подруга из грешниц, чтобы самой хоть как-то удержаться на поверхности, - увы! - всё равно ведь утонула! Хитро всё было подделано и проделано, чёрт побери! И он побрал! У неё выдержали нервы, но сердце сдало окончательно, выбили из седла правдоискательницу, и её не стало...

И всё же надо, как автор, писать что думаешь и как умеешь - это должно принести пользу. Мне - принесло. Я, прозябавший в грязном

Золотое Слово-6

болоте цинизма и преступности, прочитав повесть, понял, что есть честные люди на земле и как бы их не называли - «сумасшедшие» или «не от мира сего», пусть даже «с того света» - они зовут за собой и ради того, чтобы получить возможность встать в их ряды, стоит сидеть на цепи и ждать своего срока.

Поверьте моей исповеди! - я ещё скажу веское и громкое слово. Пусть все оставшиеся на свободе дьяволы любых категорий трясутся от Страх - возмездие не за горами!..

НЕОЖИДАННОЕ ДОБАВЛЕНИЕ. Вчера, сидя на цепи и огрызаясь, вдруг перестал дышать бывший Дьявол первой категории, разжалованный судом в мелкие бесы, без компенсации, Адольф Большенков.

Из Адской Канцелярии сообщили – принято постановление – сварить на мыло. Если получится.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ. Мнение бывш. директора Г. Хлебова - ныне рядового грешника на строгом режиме для руководивших работников.

Дали мне рукопись этой повести - прочёл. Я не спец по разбору художественных, литературно-стилистических, языковых и т.п. достоинств, но раз меня спрашивают, не в моих правилах отговорки – отвечу: своё суждение, без сомнения, имею. Мне не по нраву роль, отведённая моей персоне, однако, справедливости ради отмечу – повесть нужная и, думается, не только для творческих работников и тех, кто вращается около эстрады.

Заранее прошу извинить мой несколько сухой газетно-докладный стиль, так уж научил прошедший XX век - интервью, информации в периодике, частые выступления на радио и ТВ. Перехожу к подробностям. Жизнь в Аду однообразна и скучна - не дай вам Бог попасть! - но ко всему привыкаешь: утром перед профилактической поджаркой лёжа на гигантской раскалённой сковородке, душа пылает благими мыслями - вспоминается дом родной и не менее дорогая рабочая обстановка (в повести ярко и объёмно выписан образ замка Адконцерта на берегу Стаканки - я сам выбирал когда-то это здание, и автор тонко уловил его отличительные черты, которые мне сейчас со стороны и по прошествии времени хорошо

видны). При мне обитатели замка действовали тише и почтительнее. Тезис «Идея борьбы также стара, как сама жизнь, ибо жизнь сохраняет только тот, кто растаптывает чужую жизнь» обрёл силу в Адконцерте значительно позже. Как бы мою работу, моё руководство ни осуждали - а недовольные найдутся всегда - при мне превалировала Доброжелательность (так, по крайней мере, хочется думать). Сильно стало печь, прошу подождать - переворачиваюсь на другой бок. Продолжаю, надеюсь, вы знаете, кто ввёл тезис о борьбе - человеконенавистник, дьявол во плоти (пользуясь терминологией уважаемого автора, Дьявол мировой категории) А. Гитлер. Жизнестойкость в Адконцерте этот тезис приобрёл с приходом и утверждением у власти руководителей так называемой новой волны – великолепной восьмёрки 4-х пар нечистых – Пализадников, Лиходеев, Хохрякова, Телятников плюс Кукушкин, Павлинчиков, сука времён антоновских банд - колоритный персонаж - и козёл-лидер, таким лихим мазком пригвождённый автором к позорному столбу в последней главе. Ошибкой или скорее неопытностью, слабостью авторского пера является то, что образы эти, их взаимоотношения, взаимодействия не показаны в повести в развитии - любопытно бы было проследить, КАК влияние этой нечистой силы подняло всю муть со дна грязных душ блюдолизки Придаткиной, садистки матери-ведьмы Бениной, иуды Ворьё и других персонажей - читателю этого, к сожалению не удаётся. Поджарка закончилась. Теперь начнутся самые страшные адовые мучения - сольные концерты ненавистных артистов – сегодня в программе: слушать Крякушевича с Хрипахиной-Балденевой – 3 часа без перерыва – и Надежду Взбдищенко – 4 часа – врагу не пожелаешь! Заныл родимый Крякушевич - сам брал в Адконцерт по партийной линии, за что и муки на всю катушку принимаю! Господи, пусть бы даже пожарили ещё, так нет тебе - сплошные вокальные нечистоты, ох!

Голова раскалывается. Но вернёмся к повести, где пусть и пунктиром, но всё-таки очерчены контуры технических служб организации - управленческого аппарата, за годы царствования Пализадникова увеличившегося более чем вдвое, тут директора толкали под руку Кукушкин с Павлинчиковым, видно

Золотое Слово-6

неворужённым глазом. Сейчас, когда новые мётлы будут пытаться что-то изменить и сократить – необходимо: прежде чем убирать обычных грешников творческого полезного состава, пошуровать среди явного перенаселения редакторов-взяточников, бухгалтеров-лентяек, девиц для чего? - из отдела кадров можно изыскать солидные резервы, проявив желание и бдительность. Гитлеровский тезис о борьбе за жизненное пространство ввело в адконцертский обиход появившееся уже после меня жандармское ведомство, именуемое «центральный график» - пошла резня за выживание в концертной жизни, что вызвало расслоение артистов, как и дьяволов, по категориям, вызвало злобу и зависть, породило взятки и коррупцию. Доказать, конечно, никогда ничего не удавалось - не выгодно обеим сторонам. Люцифер Сизифов – родственник дьявола по женской линии, возводя принцип ничегонеделания в ранг основной деятельности – к чему и остальных руководящих дьяволов призывал, – ни у автора, ни во врезках Дьявола не фигурирует. Сатана сознательно оставляет его в тени как своего человека на борту тонущего судна Адконцерта. Автор же, видимо, не захотел связываться или устал, и так уже зело воняет, а в кругозор героини А. С. Голиковой «сизифов труд» не попал по непонятной мне причине. Советы давать мы все горазды, выполнять гораздо сложнее, но исходя из моего долголетнего опыта, считаю: первое, что надо сделать, чтобы удержать на плаву гибнущий корабль концертной организации - вышвырнуть за борт самого дрянного на момент написания повести дьявола-самозванца, болтуна, бездельника, околоплодника-хама Сизифова - собаке - собачья смерть! Развалить многолетний - не только мой труд?! Мне-то бояться нечего - меня нет. Но пока у административного руля остаются кобели и суки времён антоновских банд, пока существуют продажные твари, новым мётлам - как бы сильны они не считались - не вымести грязь подлости, мусор коррупции и антагонизма из адконцертской избушки на курьих ножках. Вот стою рядом с другими руководителями-мучениками Ада - к нам отношение особое, поймите в виду, кто понимает! - а она как бы поёт, болезная (это уже не мои кадр, нынешнее добро позвоночное - по телефонно-

му звонку взяли), то как зверь воет - неудобно даже зверушек чистых обижать, то романсово рыдает - ни хрена не поймёшь, ни единого слова. Господи, за что? А вот и Наденька готовится, красоточка. Будет массовая рвота, простите за физиологию. А нам тут каково?

Когда закончится эта дикая пытка эстрадой? Что ещё один?! – садист на скрипке – танец с граблями - у-у-у! Ну, сегодня нас что-то уж слишком балуют - это премия за грехи наши. Впрочем, как недавно рассказал мне прибывший на Небо покойный Валерий Архангел, после смерти провозглашённый Гением романса, у вас тоже не лучше - одна Романсаянц, чего стоит - мне от неё так и не удалось избавиться, увы, а как жаждал! Вот беспокойное хозяйство, вроде, грешница, ан нет, ведьма - я сам, когда руководил, любил избавляться от беспокойных - метод был кнута и пряника. Сначала вроде наорёшь, наведёшь страху, а потом соизволишь ДАТЬ, не больше всех, а так - кусочек лакомый - и вот готов «катализатор», хотя почему кота? Может, просто «лизатор», который находит дорожку к заветной кассе. Готово: грешниковская аристократия-турбина закрутилась знатно. Вот из таких вырастали суки времён антоновских банд - клопихи и вшихи - их образы у автора правдивы и типичны. Новое время дало возможность автору высказать Правду. Но правдивое слово чаще неприятно, а приятное - редко правдиво. В прошлом великий человек кратко охарактеризовал трёх врагов нашего общества – чванство, безграмотность, взятка. Ну, в эти дебри я не полезу - пережарили меня, хотя давно уже нежив и терять-то мне нечего. А подумать над этим живым и, в первую очередь, новым руководителям рекомендую.

Перечитал, что написал - сумбурно. Наверное, не всё простому смертному - не грешнику - будет понятно. Мысли скачут – тем бо-лее, наступает пора «вечернего кипячения» в котле ошибок. Тут уж у нас, у руководящих работников приоритет. Вон какие дровишки подкладывают - красота! Запыхало! Полез в котёл! Вот чертям в радость!

Конечно, уважаемый и далёкий читатель, задачу свою до конца я выполнить не смог, прости, да и кто обнимет необъятное?! Но я сразу предупредил - рецензент из меня неудачный да и характер, и мировоззрение-ми-

Золотое Слово-6

ро ощущение за годы после ухода из жизни существенно изменились. Я себя не идеализирую, но резкость, зубастая принципиальность, крепкая злость куда-то ушли – выкипались, выжарились, видать, - а жаль!

Вот автор повести - больной человек, а не боится, борется. Кстати, лично я отнюдь не считаю его или её – имени настоящего обещал не называть -душевнобольным человеком. У нас как что наболевшее честно высказал - так сразу «дурак» - это я про Ад. А вы что подумали?! А что сам не называет себя - правильно. Дьяволам, ведьмам и сукам только дай повод!

Ну, теперь-то им автора рукой не достать – кишка тонка. Скальте зубы, зубоскальте у себя внизу - у нас - свои порядки, где порядочность поставлена во главу угла, нам ведь терять нечего - даже цепей нет.

Заканчивая, повторюсь: по мне, повесть эта нужная, своевременная и полезная.

А там, прочли и разбейтесь сами. Не трусьте, не бойтесь!

Будете у нас на Небе, заходите - поговорим, поспорим, родим Истину...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ БОЖЕСТВА

Благославляю вас, дщери и сыны мои, читатели сей неожиданной повести! Дошли руки и очи Мои – внимательно прочёл ТРИЖДЫ писание сие, поелику известно - «БОГ ТРОИЦУ ЛЮБИТ»!

Дел и забот у Меня всегда непочатый край - вам то ведомо, чады мои, а посему краток буду аки пророк и изрекаю: Душа неизвестного вам автора у Нас ныне, и присно, и вовеки веков.

Душу многострадальную ждут кущи Райские за мучения, принятые на Земле грешной Нашей. За преследования души оной я уже наказал злодеев и нещадно буду карать впредь.

Николай Угодник поторопился с принятием решения Божественной Канцелярией от Моего Имени. Я отменяю решение сие и в Раю признаю повесть эту аки одну из первых ласточек Правды. Читайте, завидовать нечему! Повесть не Бог весть какая удачная, но брызжет искренностью и кровью души, что от неё никто не отнимет даже враги-диаволы богомерзские.

Остаётся неразрешённым вопрос: если

человеки вместо нечисти поганой, коей по их уверованию, нет, придумали уголовников всяких низких, то богохульники, отвергающие Нас, кого же поставят на место отторгнутых Божественных сил?! Кто ответит? Мне то ясно - не взросли философы, способные перед Мною ответ держать, тщеть земная...Ещё Алёша Пешков, спрятавшийся за псевдонимом Максим Горький воскликнул: «Безумству храбрых поём мы песню»

Нет, не безумен автор повести изболевшей, но неистраченной души, а смел воистину. И на Небе разномнения возникли, что теперь не страшимся поведать пастве Своей, веяния времени уважая, поддерживая и чтя. Так кто же или что же вместо Бога Всемогущего? Я реку вам – Бог в каждом и у каждого Свой. Как автор Меня видит, так и отображает и в том не все со Мною согласились, но сказали: Господи! Воля Твоя! Да, вместо Бога, а точнее, с Благословения Бога - Вера Великая в Добро и в Человека; Сила Духа в борьбе со злом змееглавым за Добро и за Человека, а отсюда - Песня Души. Вот Что, по-Моему, попытался рассказать неизвестный вам автор повести сей, а получилось ли, судите сами, и, как говорится в Писании, Бог вам в помощь! Аминь.

P.S. Приписано карандашом и тем же почерком, что и в самом начале, «из записок сумасшедшей», после заголовка - явно не автором: «Большинства земных персонажей этой повести уже давно нет на свете».

P.P.S. У нашедшего рукопись возник вопрос: на каком свете???

Дорогая артистка

(почти по А.П. Чехову)

Тяпушкин и Ляпушкин, немолодые уже директора Среднего и Полусреднего драматических театров, сидели в ресторане и выпивали. Тяпушкин показывал собутыльнику фотографии своих артистов.

- Великолепный состав! – восклицал он, подсовывая Ляпушкину заметно подретушированные снимки. - Замечательная труппа! Одна только Вертопрахова чего стоит! Не женщина – гранд-кокет! В Париже – да что там, в Париже, в самом Голливуде такого экземпляра не сыщешь!.. Вы только взгляните, какие у неё, шельмы, волосы, какие глазища. Жаль, что вы ещё и талии её не видите, ей-богу жаль. Это мы, дундуки сиволапые, шастаем туда-сюда и не замечаем, какой, можно сказать, чистейший алмазный изумруд у нас прямо под ногами валяется. Если хотите знать, за мою Вертопрахову на Западе первый встречный продюсер отвалил бы не меньше миллиона долларов! Да ещё и радовался бы потом, что такое сокровище приобрёл задешево, почти что даром!.. Сказать по правде, так эта вяленая вобла Клаудия Кардинале моей Вертопраховой и в подмётки не годится. А Софи Лорен? Да эта селёдка должна была бы к Вертопраховой в костюмерши поступить и за великую честь считать, что такая вот, с позволения сказать, натуральная русская Афродита приблизила к себе какую-то паршивую итальянху. Да-с!

- Ну, насчёт Софи Лорен вы, пожалуй, малость преувеличиваете... - вмешался было Ляпушкин, но его собеседника распирало вовсю.

- Ведь у неё, у Вертопраховой, кроме ангельской внешности, ещё и талантище непомерный! Только выйдет на сцену - он у неё сразу так и прёт, так и распирает, прямо как из пожарного насоса. Голосок у этой бестии! – ну чисто соловьиная трель, так вот весь из себя и льётся, так и переливается. А темперамент?! Да тут она вообще любую народную артистку за пояс заткнёт!.. Помню, играла у нас Вертопрахова швею-мотористку в производственной мелодраме «Несчастливая страдалница». Весь спектакль она искала своего потерянного сыночка, прижитого в молодости от комсомольского активиста-подлеца – и только в финале узнавала, что изверг-начальник цеха, изводив-

ший горемычную страдалницу непосильной работой, и есть её ненаглядная кровиночка! Что она тогда вытворяла!.. Зал так и стонал; многие зрители не выдерживали – раньше времени со своих мест в гардероб срывались, потому что не могли спокойно смотреть на эти самые несчастные страдания. Да за такое чудо природы не только миллион – миллиард отвалить не жалко! Если, конечно, отваливать в рублях...

Тяпушкин выхлестал ещё рюмку и принялся за пережаренный бифштекс, напоминавший своими очертаниями крымский полуостров.

- Одно плохо – пропадает артистка! – вздохнул он, вытирая скатертью подступившие к глазам слёзы, - Гибнет её талант без дела, без настоящих больших ролей... Ляпушкин! Как друга, как верного соратника по борьбе на культурном фронте, прошу вас – не дайте молодому дарованию сгинуть во цвете лет! Возьмите Вертопрахову к себе в театр. Всю жизнь будете благодарны!.. Понимаю, конечно, что задешево отдаю - но так уж и быть, уступлю её всего за двести тысяч рублей... Впрочем, если у вас в театре сейчас с деньгами туговато, то извольте, сбавлю ещё половину. Берите за сто тысяч! Грабьте!

- Нет, голубчик... - вздохнул Ляпушкин, - Будь ваша Вертопрахова помоложе, я бы ещё подумал. Но ведь её, судя по фотографии, скоро пора отправлять на пенсию...

- Вертопрахову на пенсию?! – изумился Тяпушкин. - Ляпушкин, дорогуша, что это с вами? Несравненную Вертопрахову, пребывающую в полном расцвете творческих сил – и вдруг на пенсию?!.. Хорош директор, нечего сказать! Не умеет отличить молодую кобылку от полудохлой клячи! Срамота!..

- Вы мне говорите, словно я первый день служу в театре... - обиделся Ляпушкин, дожёвывая солёный огурец. - Конечно, на пенсию!

- Пожалуй, вы ещё скажете, что меня пора переводить из яслей в детский садик! Ах, Ляпушкин, Ляпушкин! Вы только на глаза её лучше посмотрите! Они же прямо так и блесят, так и сверкают, а вы говорите... Да ведь она совсем недавно к нам в театр на работу поступила! Как сейчас помню – пришла такая молоденькая, хорошенькая, стройненькая, со

Золотое Слово-6

свеженьким институтским дипломчиком!.. И было это всего каких-нибудь десять или пятнадцать годков тому назад... может быть, двадцать пять. Но не больше тридцати – это точно!

- Простите, уважаемый, но вы... просто за дурака меня считаете... Обидно даже!

- Ну, не хотите – и не надо. Вам же хотел одолжение сделать. Возраст его, видите ли, не устраивает! А по мне, если она не первой молодости, так это даже и лучше. Молодые – они всё фырк да фырк! – только и мечтают о том, как бы им упорхнуть из театра в кино, на главную роль. А потом съезжают на фестиваль в какую-нибудь зачуханную Бурухляндию, охмурят там местного богатенького Буратино – и всё, прости-прощай, любимая берёза!.. Нет уж. Те, которые постарше – они и признательнее, и привязчивее, и опыта им не занимать... Ну, а если вы так разборчивы, давайте устроим обмен по бартеру. Я вам отдаю Вертопрахову, а вы мне - полсотни тысяч чистыми, и ещё плюшевый занавес в придачу. А то наш уже весь в проплешинах, его давно моль проела, а на новый никак денег не можем наскрести... Ну, как? Чем плохо – какой-то паршивенький занавес на такую замечательнейшую артистку!

- Нет, голубчик, не пойдёт! – заявил в ответ Ляпушкин. - Во-первых, ваша артистка мне решительно не нужна, а во-вторых, у нас в театре и занавеса-то давно нет. Мы его ещё в позапрошлом году за долги продали.

- Это, конечно, причина! – посочувствовал Тяпушкин, - Жалко мне тебя, прогорельца... Знаешь, что? Забирай у меня Вертопрахову даром!

- Да зачем она мне нужна, чудак вы этакий, если я скоро вообще в театре работать не буду - на эстраду перехожу. Не сегодня-завтра заступлю на должность генерального менеджера в шоу-группу «Голубые котятка». Это сейчас и престижнее, и денежнее, и вообще... Так зачем мне твоя Вертопрахова нужна?

- Так бы и сказали раньше, - обиженно надулся Тяпушкин. Он стрёб в портфель все разложенные на столе фотографии, выпил ещё стопку и засунул в рот салфетку, после чего принялся её жевать, задумчиво уставившись в потолок.

- Вы не знаете, кому бы можно отдать Вертопрахову? – спросил он, заглатывая остатки салфетки. - Нет ли у вас на примете каких-нибудь подходящих творческих коллективов? Артистка хорошая, талантливая, но... моему театру она решительно не нужна.

- Не знаю, милый... - вздохнул Ляпуш-

кин, после чего допил то, что оставалось у него в рюмке и, опрокинув стул, направился к выходу. Тяпушкин тоже вскочил с сиденья, наступил сам себе на ногу, и захромал следом как подбитый утёнок.

- Вы у себя в театре давно сокращение штатов проводили? – полюбопытствовал он, когда приятели очутились на улице.

- Да нет, недавно. В прошлом году только... - откликнулся Ляпушкин.

- Хорошее дело. И сколько вы этих собак-артистов прирезали... то есть, сократили?

- Да человек пять набралось. Хотел сократить десять, да наверху запретили. Сказали, что с такими ударными темпами я, того и гляди, театр совсем без труппы оставлю.

- А я их, скоморохов ощищенных, будь на то моя воля, взял бы, да и вымел поганой метлой! – вздохнул Тяпушкин. - Ну, какая от этих тунеядцев может быть польза?.. Никакой!

- Масштабно мыслишь, дружище! – с готовностью подхватил Ляпушкин. - Давно пора выгнать этих паршивых голодранцев на все четыре стороны, а театр переоборудовать под какой-нибудь ночной клуб со стриптизом. Вот было бы настоящее дело!.. А то с этими Гамлетами да Офелиями одна морока – только и делают, что зарабатывать мешают. Честное слово, без них, артистов, определённее жить лучше. По крайней мере, спокойнее...

На этом месте приятелям пришлось прервать свой душевный разговор, поскольку пронесившийся мимо «Мерседес» обрызгал их грязью с головы до пят. Следующие несколько минут прошли в глубоком молчании и тщетных попытках привести в порядок испорченную одежду.

- А я вот никакого сокращения не буду дожидаться! – выругался вдруг Тяпушкин. - Возьму, и завтра же выкину эту Вертопрахову на улицу, как паршивую собаку!.. И какой болван посоветовал ей идти в артистки! Мало того что дура, да ещё и бездарна как строе-росовое полено – ни мыслей, ни чувств, ни хоть какого-нибудь темперамента. А голос?! - ведь это визг ржавой пилы, а не голос. Как только эта швабра вылезет на сцену и разинет свою пасть – в зале сразу же никого не остаётся, всех зрителей точно ураганом сдувает!.. Добро бы хоть мордашка у неё была симпатичная, а то ведь ни кожи, ни рожи. Не женщина, а какая-то помесь мартышки с орангуташкой... Нет, завтра же вышвырну её вон!

ТАТЬЯНА ДАНЬКОВА

Магия таланта

До недавних пор я считала свой садовый участок самым красивым в нашей округе. Это не только моё мнение, но и жителей соседних домов. Однажды вечером прогуливаясь перед сном, я забрела на улицу, которая находится возле самого леса.

Дома как дома, участки как у всех: картошка, георгины, флоксы. Вдруг я увидела то, что поразило моё воображение. На одном из участков были, на мой взгляд, очень экзотические клумбы с довольно редкими растениями. Каждый «цветочный натюрморт» акцентировало одно или несколько изделий из керамики, которые ненавязчиво определяли полёт мысли задуманного, невольно унося в далёкие тропические страны...

Позабыв обо всём, потеряв счёт времени, я рассматривала и удивлялась. Неожиданно появилась хозяйка и пригласила меня зайти на участок.

Я открыла калитку и не поверила своим глазам. Передо мной открылся другой, необыкновенный, мир. Мир цветов и керамики: кувшины, амфоры, божья коровка гигантских размеров с большими глазами и мохнатыми ресницами, даже «музыка ветра» была керамической! Эти изделия придавали клумбовым композициям законченность и оригинальность.

Мы познакомились и подружились с хозяйкой этого необыкновенного уголка природы. В процессе общения художница приоткрыла завесу некоторых тайн своего ремесла. Неретина Тамара Юрьевна – член Союза художников России, участник более тридцати художественных выставок. Некоторые работы Тамары находятся в частных коллекциях за рубежом.

Меня восхитило, что нежные руки хрупкой и очень скромной женщины из самого простого материала могут создать произведения искусства, настоящие чудеса. Это вдохновило меня написать стихотворение, которое я назвала «Магия таланта»:

*Известно, не Боги горшки обжигают.
Шедевры из глины люди творят.
Они ремесло смыслом жизни считают,
В пространстве фантазий своих парят.*

*Комок бесформенной глины возьмут,
Превратят его в амфору, чашу, блюдо
От теплоты души и рук те оживут.
Уникальный процесс, очень трудный.
Сюжет художником давно задуман,
Но последнее слово огонь говорит.
Конечный результат непредсказуем –
Зависит от огня фактура, колорит.
Хранит художник сокровенно тайны,
«Колдует» с глиною, водой, огнём.
Его иллюзии в работах гениальны.
Мы в гамме цветовой об этом узнаём.*

В один прекрасный день Тамара Юрьевна сделала мне подарок. Это было небольшое керамическое блюдо, покрытое глазурью. Честно говоря, меня смутил рисунок: я не могла понять, что на нём изображено. Какие-то непонятные линии, очертания чего-то. В замешательстве я не знала, куда блюдо поместить.

Повесила на стену, отошла в сторону, смотрю и понимаю, что передо мной изящная ваза для цветов, но на солнце глазурь слишком блестит и, кажется, что рисунок размазан. Решила перевесить в спальню, перевернув блюдо другой стороной. Окно спальни выходит на север, поэтому солнышко здесь редкий гость.

К моему большому удивлению на меня смотрела птица, сидящая на ветке. Теперь мне стало очень интересно. Я изменила наклон блюда, чуть-чуть подвинула его по кругу.

Что же я увидела? Рыба с раскрытым ртом, плывущая между водорослей! Потрясающе! Не могла поверить своим глазам. Ведь я родилась под знаком «Рыбы». Это точно МОЁ!!!

Вот это подарок! Теперь, когда ко мне приходят гости, я с гордостью демонстрирую это керамическое чудо. Оказывается, что на такую высокохудожественную вещь можно смотреть по-разному, в зависимости от настроения и света, падающего на изображение.

С каждым годом подарков от художницы становится больше. Они украшают не только клумбы и стены моего загородного дома, но и делают богаче духовный мир нашей семьи.

Золотое Слово-6

Однажды Тамара пригласила меня с внуком Игорем в свою мастерскую, которая находится в центре города. Это очень высокое старое здание без лифта. Мы долго поднимались по очень узкой и неудобной железной лестнице на самый верх, под крышу. Наконец мы добрались до заветной двери, где нас ожидало что-то таинственное.

Переступив порог, мы оказались в небольшом помещении, оборудованном под художественную мастерскую: множество кистей, карандашей, тюбики красок, этюдник с пустым холстом.

Привлекла внимание кладовая, где на стеллажах и стендах в определённом порядке располагалось самое дорогое для художника – готовые произведения искусства: картины, вазы, изразцы с изображением мифологических животных, былинных героев и видами Петербурга. Тарелки и блюда абсолютно разные по форме и размерам, цветовым решениям. Здесь царила атмосфера творчества и поиска новых идей.

Вид из окна меня совсем не впечатлил. Двор-колодец, голуби, сидящие на карнизах и подоконниках. Всё так просто и обыденно. Вдруг произошло неожиданное. Стоя у окна с поднятой вверх головой, Игорь вдруг восторженно крикнул: «Смотрите, смотрите! Синее небо, крыши и плывущие облака! Это живая картина!».

Мы с Тамарой удивились, что среди мрачных стен и плоских крыш ребёнок сумел рассмотреть прекрасное небо и движение белоснежных облаков. Часто мы, взрослые, даже не замечаем красоту окружающего нас мира, а стоило ребенку поднять голову, присмотреться, привлечь наше внимание и произошло чудо.

Внук был в восторге. Ведь это настоящая мастерская художника! Она рядом с небом и облаками! Конечно же, он ушёл домой с подарком от самой Тамары Неретиной!

Керамическая курильня для ароматических масел коричнево-бежевых тонов с резными узорами по краям и перламутровым оттенком пришлась моему внуку по душе. Она напомнила ему старинную волшебную лампу из очень доброй сказки.

Приехав домой, Игорь в деталях рассказывал своей маме о том, что художники – особенные люди, а их работа сплошное удовольствие: «Рисуют что хотят, а когда

надоест, начинают лепить, не то, что у нас в школе». Мы слушали и улыбались, понимая, что это далеко не так.

В тот вечер я долго не могла заснуть: вспоминала прошедший день, встречу с Тамарой. Где-то вдалеке тихо зазвучала знакомая мелодия – вальс, аккордеон... Я мысленно перенеслась в Париж. Чётко увидела узкие улочки, на мостовой голуби клюют хлебные крошки, дома со стеклянными мансардами, а над ними чистое голубое небо. Под впечатлением своих видений я написала эти строки:

*Ты умудрилась высоко забраться,
Казалось, не бывает выше,
А за окном твоим вид Франции –
Лишь небо, облака и крыши.
Тебе удобно в этой мастерской,
И с упоеньем день-деньской,
Забыв о повседневной суете,
Ты выражаешь мысли на холсте...*

Какое счастье, что в любимом Санкт-Петербурге рядом с нами живут такие талантливые люди, которым дано видеть окружающий нас мир по-другому. Создавая свои прекрасные изделия, высокохудожественные полотна, они напоминают нам о том, что в серых буднях и простых вещах, на наш взгляд, незаметных, можно разглядеть что-то необычное, завораживающее, вечное.

Этими работами можно не только восхищаться, украшать интерьер, но и с огромным удовольствием пользоваться в быту. У каждой хозяйки на кухне есть глиняные горшочки, в которых готовят кашу и запекают жаркое, но не каждый знает, почему так вкусно получается. Умение хозяйки? Да, несомненно! Но за едой вряд ли кто вспомнит, что эта посуда изготовлена не на заводском конвейере, а из природного материала руками талантливого мастера, который в своё изделие вложил частичку доброты и душевного тепла...

Особенно хочется подчеркнуть, что Неретина Тамара Юрьевна много лет занимается преподавательской деятельностью в Профессиональном Реабилитационном Центре, передавая ученикам свой богатый опыт и безграничную любовь к своему ремеслу. Разве не это магия таланта?

ИВАН ИЛЬИН

Мустанги Яксарта

Лошадь вывезла человека в люди
Афоризм автора

Вправо, влево, вправо, влево. Вправо километров на шесть-восемь, а потом влево на столько же или больше – вот так, постоянно кидаясь из стороны в сторону, уже тысячи лет бежит мутноватая вода древней реки Яксарт с Тянь-Шанских гор к Аральскому морю. И также из поворота в поворот плывут по этой реке наши байдарки, но река теперь называется уже не Яксарт, а Сырдарья. Быстрая вода подмывает длинный крутой обрыв. Подмытые глыбы берега временами обрушиваются в реку вместе с деревьями, растущими сверху. Под обрывом тянутся завалы из кривых перепутанных стволов и сучьев. По струям воды видно, что река течёт не вдоль берега, а наискось под обрыв. Журча и пенясь в завалах, струи уходят куда-то вглубь, подмывая нависающий глинистый берег. Течение прижимает наши байдарки к этим опасным завалам, и мы наискось отгребаемся к середине реки. А на правом выпуклом берегу тянется ещё влажный пляж, только недавно намытый рекой. За пляжем плотной стеной стоит почти непроходимый тугайный джигидовник с кривыми деревьями диких фиников и колючими кустарниками чингиля. Тугаями в Средней Азии называют тропические джунгли, которые тянутся полосами по берегам рек. Горячего солнца здесь хватает с избытком, а воду дают летние разливы рек, текущих с гор Памира и Тянь-Шаня. Половодье на этих реках бывает в середине лета, когда в горах интенсивно тают ледники и снежники. Но сейчас середина сентября, и с каждым днём воды в реке становится меньше и меньше. Падение уровня реки происходит так быстро, что обнажающиеся пляжи не успевают высохнуть.

Обрыв слева кончился, к воде вплотную подступил лес, а за крутым поворотом открылся длинный пляж, но не пустынный, как обычно - на мелководье у берега отдыхал на ветерке небольшой табун лошадей. Мы

положили вёсла, и течение само понесло нас к табуну. Это были очень красивые кони, высокие, сухие и какие-то даже поджарые. Длинные, никогда не стриженные гривы, хвосты и чёлки. Масти были самые разные, но яркие и контрастные. Может быть, так казалось оттого, что некоторые лошади были мокрые. Между табунном и лесом стоял крупный вороной жеребец и, гордо подняв голову, следил за нашими байдарками.

Звякнуло алюминиевое весло, и Вороной с нашей стороны пляжа коротким галопом поскакал вокруг своего табуна, отесняя кобылиц и жеребят от воды. Его частое и короткое ржанье больше было похоже на рычанье или ворчанье. Отогнав табун от берега, Вороной встал передними ногами на бугорок около завала из выброшенных на берег сухих деревьев и стал следить за нашими байдарками. При этом он со злостью бил и скрёб землю левым копытом. Не стовариваясь, мы перестали грести и схватились за фотоаппараты. Проплывая по течению мимо табуна, любовались красивыми лошадьми и, выбирая эффектные кадры, щёлкали затворами фотокамер. Только когда мы стали уходить за следующий поворот реки, Вороной разрешил своему табуну подходить обратно к воде.

Приближается вечер, а мы уже больше часа ищем подходящее место для того, чтобы пристать к берегу и устроить лагерь. Завтра хотим устроить днёвку, то есть день отдыха от туризма. Для днёвки нам нужно такое место, чтобы днём была тень от солнца, чтобы была ровная площадка для палаток и костра, удобный подход к воде и ещё многие другие удобства, из-за которых мы проспорили почти до самой темноты. В результате приткнулись к берегу где попало и стали выгружать вещи из байдарок. Красное вечернее солнце уже пряталось за деревья на противоположном

Золотое Слово-6

берегу. Сумерки здесь очень короткие, и надо торопиться. Я стал ставить палатку у самого леса, привязав верёвку конька к сухому дереву. Мои друзья здешнего леса ещё боятся, так как путешествуют по Средней Азии впервые, но за два года, что мы ожидали возможности пойти в этот поход, они прочитали много книг об истории и о природе Средней Азии. Оля и Юра где-то достали приключенческую повесть тридцатых годов про пограничников и басмачей Средней Азии. Они её не просто прочли, но внимательно изучили. Вокруг героев этой повести кишмя кишели жестокие басмачи, страшные кобры, гюрзы, тарантулы и скорпионы, а также гиены, барсы и тигры. Вот под впечатлением от этой страшилки Оля теперь очень боится всяческой ядовитой и зубастой нечисти и всех пугает, цитируя прочитанные в книге ужасы. Она потребовала, чтобы Юра поставил их палатку подальше от леса на голом песке у самой воды. Но Оля и Юра сегодня вечером дежурят по кухне, и им всё-таки пришлось идти к тёмному лесу за дровами для костра. Как только Оля подобрала первый кривой сук, в ближних кустах раздался душераздирающий вой шакалов, собиравшихся в стаю на ночную охоту. От страха Оля завизжала громче шакалов, бросила сушину и шарахнулась в палатку прятаться от этих страшных хищников.

– Оля, а ты видела шакалов в зоопарке? – спросил я. – Они ведь такие маленькие и худенькие, что даже меньше лисички. Питаются шакалы не людьми, а всякой мелкой живностью, вроде грызунов, лягушек и даже жуков.

– Шакалы такие же людоеды, как и тигры, – заявила Оля, – и охотятся они вместе с тиграми. Я ещё в детстве читала про это у Киплинга. Шакалы вместе с тигром Шерханом хотели съесть Маугли, но за него волки заступились. Ольга застегнулась в палатке на все пуговицы и сидела там до тех пор, пока Юра не развёл большой и яркий костёр.

Солнце спряталось за лес, и густая тень очень быстро превратилась в южную ночь. На небе засияли непривычно яркие и

большие звёзды, а внизу, особенно у леса, сгустилась пугающая чернота. После ужина Оля побоялась отходить от огня к палатке и попросила Юру сперва проверить с фонариком, не затаились ли там, ожидая её, как добычу, ядовитые или зубастые твари. Леша сделал серьёзное лицо и спросил:

– А правда, что здесь водятся вараны? Вот на острове Комодо четырёхметровые вараны подкарауливают оленей у водоёма. Юра, твоя палатка стоит у воды, ты посмотри, не прячется ли за ней варан, ждущий добычу. Юра к палатке пошёл, но взял с собой не только фонарик, но ещё и туристский топорик.

Женщинам хорошо: они могут демонстративно показывать свою трусость и им это совсем не стыдно, а мужчинам страх показывать неприлично. Юра в прикол про варанов, конечно, не поверил, но топориком, на всякий случай, вооружился.

Да, конечно, это не наш север, а Средняя Азия, и за несколько первых походных дней мы уже видели две фаланги, скорпиона и одну змею-стрелку. Местные жители не обращают на эти встречи никакого внимания. Конечно, опасаются и осторожничают, но не боятся. А мы приехали из Питера, и с непривычки даже парни стараются страх перед здешней природой прятать за нервными шуточками. Убедить разумными словами даже совсем взрослого мужчину в том, что не надо панически пугаться змей или скорпионов, просто невозможно. Этот страх основан не на разуме, а на каких-то мистических первобытных инстинктах. Я пытался объяснить, что осенью яд скорпионов и фаланг слабеет, и их укусы не намного болезненней, чем от осы, но мне не верили.

Когда пили вечерний чай, то услышали, как в тугаях захлопали крыльями и резко закричали испуганные фазаны. Я сказал, что это, наверное, камышовый кот лазает по деревьям, пытаюсь поймать спящих фазанов, и что он, вообще-то, вроде рыси, только поменьше. Лучше бы этого не говорил. Лёша сразу включился в прикол и очень серьёзно меня поправил: «Вообще-то, раньше здесь настоящие тигры водились, они немного измельчали от голода, и теперь их называют

Золотое Слово-6

камышовыми котами. Надо остерегаться не только ядовитых и зубастых злыдней, которые бегают и ползают внизу леса, но и тех когтистых, которые охотятся на людей, прыгая на них сверху. И поосторожнее в камышах. Там можно нарваться на кабанов. Их называют ещё и секачами за то, что они одним ударом клыков могут рассечь лошадиное брюхо пополам, как кинжалами».

Когда разошлись по палаткам, то я долго не мог уснуть. Мучили угрызения совести за то, что, уговаривая друзей пойти на байдарках по Сырдарье, я обещал им дыни и арбузы, крупных сомов, сазанов и жерехов, а также деликатесную дичь. Обещал мечети с минаретами и прочую восточную экзотику, а про ядовитых скорпионов, когтистых тигров и клыкастых кабанов они сами начитались таких глупостей, что и мне почти страшно. Ладно, привыкнут.

На восходе солнца Лёша и Сандро стали рубить дрова и двумя топорами ритмично застучали по сухим сучьям, как по ксилофону. От этой музыки все проснулись и, шутливо ругаясь, вылезли из палаток. Было ещё холодно. На жарком огне костра стоял таганок. На огромной сковороде шкворчали и жарились большие куски пойманного вчера сома. На клеёнке были разложены помидоры, огурцы и хлеб собственной походной выпечки. Поёживаясь и ворча, мы расселись вокруг костра, тепло одетые и застёгнутые. Горячая еда, чай, костёр и встающее солнце заставили постепенно раздеваться и раскладывать за спинами горки снятой одежды. Ночные страхи никому уже не казались страшными, а дыня оказалась сладкой и ароматной.

Это была наша первая днёвка на берегу Сырдарьи. Наши дамы устроили постирушку. Лёша забросил в омут выше по течению несколько закидушек с живцами, а я решил сходить в лес, посмотреть на тугайные заросли изнутри и поохотиться на фазанов. Чтобы пробираться через колючие кусты, я надел крепкие ботинки с гетрами, брезентовые штаны с наколенниками, брезентовую куртку с наплечниками и с налокотниками, а поверх всего этого - ещё большой передник из грубого брезента. На голове шляпа с ремешком под подбородком.

В азиатскую дневную жару такой костюм превращался в инкубатор или в микросауну, но колючки страшнее пота. Пропитанную солью одежду пришлось стирать после возвращения с охоты.

Вблизи от реки заросли были очень густыми. Плотный подлесок из каких-то колючих кустов и камыша сплетался и с засохшими, и с зелёными деревьями. Такие заросли – хорошая кормовая база и надёжное укрытие для многих диких животных. Днём с байдарок, плывущих по середине реки, мы почти не видели в тугаях никакой живности, но каждый вечер, когда выходили на берег, ставили палатки и разводили костёр, то хотя и не видели, но слышали из зарослей леса вечерние концерты зверей и птиц. Сразу после захода солнца первыми начинали громко и противно завывать шакалы, выходя на ночную охоту. Резкими голосами кричали фазаны, выискивая для ночлега деревья повыше, на которые они рассаживались, громко хлопая крыльями. Стреском, хрюканьем и чавканьем пробирались куда-то кабаны. Слышалось шуршанье и писк всякой мелочи. Я знал, что в тугаях водились барсуки, лисицы и камышовые коты. Добычей хищников были фазаны и длинноухие зайцы толаи. По описаниям здешней природы никаких диких копытных, вроде косуль или оленей, здесь не водилось. Но оказалось, что в последние годы здесь появились дикие лошади, про которых в географических книгах ещё не успели написать.

Наверное, надо было заходить в тугай на середине пляжа, в том месте, где лес отстоял от реки уже метров на двести. Там было уже посуше, деревья стояли пореже, и не было такого густого подлеска. Но по неопытности я полез в дебри от самого лагеря там, где лес стоял почти у самой воды. Самым трудным оказалось пробраться через первые прибрежные заросли. Стена из близко растущих друг к другу кривых деревьев была переплетена какими-то колючками, камышом и чем-то вроде длинных лиан. Пролезать можно было только по звериным тропам, протоптанным кабанами или лошадьми. На лошадиных тропах ещё можно было идти бочком, наклоняясь под поперечные ветки, но приходилось пролезать и кабаньими путями,

Золотое Слово-6

унижаясь до четвероногого состояния, как наши очень далёкие предки. Помогали крепкие наколенники.

Вместе со мной на охоту отправился мой друг и помощник дратхаар Тролль. Жёсткошёрстный пёс свободно рыскал не только по кабаньим тропам, но умудрялся пролезать и прямо через заросли. Несколько раз, пугая нас с Троллем резким криком и хлопаньем крыльев, почти из-под самых ног, как жар-птицы или, как огненные ракеты, неожиданно вылетали фазаны. Но за те секунды, пока длиннохвостый фазан мелькал между деревьями, развернуться в колючей чаще и вскинуть ружьё было просто невозможно. Когда, согнувшись в очередной раз, я пролезал под низкими ветками, то прямо над моей головой тревожно закричал и зацокал фазан. Повернув голову, я увидел метрах в пяти над собой свисающий с ветки петушиный хвост. Этот нахал ругался на меня скрипучим голосом и не улетал, как будто знал, что я не сумею выпрямиться и прицелиться. «Тьфу на тебя!» - сказал я и плюнул вверх. До фазана плевков, конечно, не долетел, а он не испугался, но просто обиделся и улетел. А я утёрся и полез дальше.

Но вот деревья немного расступились, появились полянки с какой-то жёсткой травой. Тролль встряхнулся и прибавил ходу в поисках дичи. И тут справа сквозь деревья я увидел сперва одну пасущуюся белую лошадь, а потом и ещё несколько серых. Я поднял руку и тихо свистнул. Тролль оглянулся и послушно сел. Подойдя к нему с поднятой рукой, я пошипел, как змея, и похлопал себя по левой коленке. Троль понял, что надо вести себя тихо и осторожно идти рядом. Пригибаясь за кустами, мы с подветра подошли к лошадям поближе. Спрятавшись за дерево, я уложил Тролля у ног и достал бинокль.

Небольшой табун лошадей охранял серый крапчатый жеребец, очень мощный и белогривый. Густая и длинная чёлка лезла ему на глаза и мешала смотреть. Серый жеребец смешно встряхивал головой и глядел немного сбоку, от чего казался несерьёзным. Но Серый всё время был настороже. Он старался быть между табунном и лесом, откуда, по его

мнению, могла появиться какая-то опасность. Заигравшихся жеребят Серый отгонял в середину табуна. Несколько раз он подходил к белой кобыле с маленьким жеребёнком, и казалось, что они о чём-то советуются.

Очевидно, что серый жеребец был уже очень пожилым конём. Он был грузным, спина заметно прогнулась, и на ногах он немного осел. В табуне был ещё один крупный жеребец. Этот молодой, ярко-рыжий конь осторожничал и старался держаться от Серого подальше и с другой стороны табуна. Но когда Рыжий начинал ухаживать за кобылами, то Серый мчался через табун, чтобы наказать нахала за его дерзость. Рыжий был легче и быстрее. Он пока не вступал в драку с Серым, а легко отбегал на другую сторону табуна и делал вид, что его интересуют не кобылы, а травка. А Серому надо было не только ревниво охранять кобыл от Рыжего нахала, но ещё и охранять весь табун от какой-то неизвестной опасности. Мне было непонятно, почему лошади ведут себя так осторожно? Кого им бояться? Волки в здешних местах не водятся. Шакалам даже жеребята не по зубам, а лисицы и камышовые коты питаются грызунами, зайцами и фазанами.

Мы с Троллем ещё немного понаблюдали за табунном и за соперничеством Серого и Рыжего. Потом, не беспокоя лошадей, тихо отошли от них в подветренную сторону. На вылетевшего с близкой дистанции фазана я даже не поднял ружья, за что Тролль толкнул меня головой в коленку и осуждающе посмотрел. «Ладно, он молодой, пусть растёт», - сказал я Троллю, и мы пошли дальше искать другую дичь.

Ещё до наступления полдневной жары мы вернулись в лагерь с тремя фазанами и зайцем. Тролль сразу бросился в воду, а мне сперва долго пришлось освобождаться от брезентовых доспехов. Отмыв в реке пот и пыль, мы съели дыню. Мы – это значит, что Тролль сладкую дыню тоже ел, а я ещё и рассказывал друзьям про фазанов и про лошадей.

Наш лагерь стоял на левом берегу реки у самого начала длинного пляжа. Палатки стояли в тени нескольких высоких деревьев. Около воды возвышался завал из засохших деревьев, выкинутых на берег половодьем. Мы напилили из них дров, на которых собирались коптить рыбу и печь хлеб. К

Золотое Слово-6

обеду я отдохнул и в большом котле стал месить дрожжевое тесто для выпечки хлеба. В это время на середину длинного пляжа вышел к воде знакомый табун во главе с серым жеребцом. От нас до лошадей было больше километра, но Серый сразу заметил яркие палатки. Это изменение привычного пейзажа Серому явно не понравилось, и он отогнал табун подальше от нас.

Бинокль стал переходить из рук в руки, и весь этот день мы говорили о разных лошадях. Опять стали вспоминать книжки, которые читали про Среднюю Азию. Про диких мустангов в научных книгах ничего написано не было. Эти лошади одичали и размножились только в последние годы, когда люди сели на автомобили и мотоциклы, а ездить верхом стало уже не модно. Расстояния в здешних малонаселённых местах очень большие. Оказалось, что тот путь, по которому на лошади нужно было ехать три дня, на машине можно промчаться за три часа. Лошадей стали отпускать на свободный выпас и использовать только от случая к случаю. Без постоянного присмотра кони постепенно одичали, сбились в свободные табуны и ушли жить туда, где им это больше нравилось. Оказалось, что каждый из нас что-то знает не только о лошадях вообще, но и об историческом прошлом воинственных народов, живших в здешних местах, и о том, на каких прекрасных лошадях эти народы воевали со своими врагами и совершали дальние завоевательные походы. Классические американские мустанги имеют, в общем-то, не очень длинную историю своего происхождения. И ещё неизвестно, из каких пород лошадей складывалось в диких прериях поголовье тех мустангов, про которых писали Сетон Томпсон, Фенимор Купер и Майн Рид. И сколько в этих историях было правды, а сколько писательской фантазии и пионерской романтики Дальнего Запада. Но у Сырдарьинских мустангов была очень древняя история их замечательных и великих предков.

Больше чем за две с половиной тысячи лет назад в этих местах жили кочевники массагеты, во главе со своей легендарной царицей Тамирис. Её имя – это, конечно же, тамариск. Высокие и густые кусты тамариска

очень красивы. Стволики прямые с гладкой красноватой корой. Древесина плотная и такая упругая, что из неё можно делать хорошие луки. Тамариск может расти и на очень сухой, и на влажной почве, и даже на сильно засоленной. Красивые кисти цветов тамариска издали похожи на сирень, и в сухое, жаркое время покрываются снаружи белой пылью, как инеем. Если встряхнуть такую кисть, то эта пыль слетает белым облачком. Но это не пыль, а соль. Тамариск умеет попавшую из засоленной почвы соль выбрасывать наружу, и она сдувается ветром.

В VI веке до нашей эры, в войне против царицы Тамирис и её народа, погиб один из первых претендентов на мировое господство Великий персидский царь Кир II, основатель династии Ахеменидов. Кир завоевал Мидию, часть Греции, Лидию, Вавилон, Месопотамию, значительную часть Средней Азии, но массагеты на своих прекрасных конях, не вступая с армией Кира в большое сражение, расстреляли всё его войско из луков.

Здесь набирал своих воинственных всадников близкий сподвижник Александра Македонского Птолемей, когда отсюда пошёл на завоевание Египта. Династия Птолемеев правила Египтом больше трёхсот лет до времени царицы Клеопатры.

В этих местах бесславно погибли лучшие римские легионы во главе с соперником Юлия Цезаря триумвиром Марком Крассом, победителем Спартака. Эти пешие легионы, тоже без настоящего сражения, были расстреляны из луков здешними всадниками.

Именно сюда в начале XII века пришла из Монголии ещё не очень большая орда Чингисхана. Когда монголы объединились с местными жителями, то здесь был создан Джучиев улус, самый главный и сильный в империи Чингизидов.

В XIV веке на берегах Сырдарьи набирал своих лучших воинов гулямов великий Тамерлан, а здешний хан Белой Орды Тохтамыш в 1380 году разгромил остатки Мамаева войска, бежавшего с Куликовской битвы, и захватил Батыев трон Золотой Орды. А в 1382 году он с сырдарьинскими всадниками совершил набег на Москву и

Золотое Слово-6

сжёт её.

В 1526 году отсюда начал свой поход на завоевание Индии Захириддин Бабур, основатель династии Бабуридов, которые принесли с собой в Индию ислам и правила там несколько сот лет.

И, наверное, самым эффективным завершением здешней истории является абсурдное, но очень красивое утверждение о том, что именно сырдарьинские кони протоптали человечеству дорогу в космос, потому что на правом берегу Сырдарьи построен космодром Байконур. Ну а в том, что именно кони вывезли человека в люди, я абсолютно уверен!

Встреча с мустангами помогла нам вспомнить то, что мы специально прочитали о здешних местах в разных книжках, когда готовились к этому походу. В перечне общеизвестных мировых пород нет сырдарьинских лошадей, но здешние мустанги об этом не знают. А если бы изнеженные чистокровные английские кони случайно попали в здешние табуны, то наши вороные, серые и золотые жеребцы хорошо погоняли бы их по колючим зарослям, показали бы этим англичанам, у кого зубы и копыта крепче. Совершать набеги на Египет, Индию или на Москву – это вам не на ипподроме перед трибунами попрыгивать. Тут нужно иметь железное здоровье, неприхотливость и выносливость.

Вечером Сандро приготовил из фазанов чахохбили. Фазан по-грузински - хохоби, и настоящее чахохбили, по мнению Сандро, можно приготовить только из дикого фазана, а не из бройлерной курицы, как в кавказском ресторане на Невском проспекте. Все необходимые приправы для чахохбили у Сандро были взяты ещё из Питера. Широкоплечий и приземистый, Сандро был мастером спорта по классической борьбе, но как настоящий грузин, был также большим ценителем хорошего вина, острой кавказской кухни и длинных тостов. Мы его за это назначили начальником запахов и, конечно же, напитков.

Как только сели ужинать, на середину пляжа в том месте, откуда выходил на водопой табун мустангов, выехали четыре всадника и направились в нашу сторону. Мы встали от костра навстречу подъехавшим

всадникам, сказали им «салам алейкум» и пригласили к нашему достархану, то есть к скатерти с угощением. Нашими гостями оказались казахи из совхоза Будён-кую, до которого было километров тридцать. Первым и самым важным гостем к нашему костру подошёл грузный узкоглазый дядька с офицерской полевой сумкой в коричневом пиджаке с какими-то значками, в галстук и в зелёной велюровой шляпе. «Товарищ Жантаков», – представился он мне, как самому старшему, важно протягивая руку дощечкой. Остальным нашим мужчинам товарищ Жантаков кивнул, а женщин вообще не заметил. Потом подошёл сморщенный старикашка с реденькой бородёнкой, одетый в серую солдатскую шапку и в тёмный стёганый халат, подпоясанный цветным платком. «Салам», – сказал он, кланяясь и прикладывая руку к сердцу. «Здравствуйте», – дружным дуэтом сказали два молодых и круглолицых парня в спортивных костюмах с надписью «Adidas». У аксакала на высокой луке седла висел аккуратно смотанный аркан. Аксакала спутники называли просто бабай, что по-русски значит дедушка. Один из парней сказал, что его зовут Керим, а потом пояснил, что это просто Коля. Имени другого парня я не запомнил, так как товарищ Жантаков и бабай называли его просто оглан (парень).

Грузинское чахохбили казахи отведали с удовольствием, а от вина, предложенного Сандро, они наотрез отказались. Как грузин, Сандро относился с обидой и даже с подозрением к тем, кто не пьёт хорошего вина и не поддерживает грузинские тосты. Но грузины – христиане, а казахи – мусульмане. Коран запрещает мусульманам употребление виноградного вина. Опиум или гашиш – можно, а вино – нельзя. Но я заметил, что когда Сандро приглашал молодых парней проверять, как спутаны отпущенные пастись лошади, то, отходя от костра, он спрятал под штормовку солдатскую фляжку с грузинским вином. Запреты Корана и Шариата молодёжь соблюдает уже не так строго. Чёрный индийский чай пили по-казахски, с молоком. Для этого у нас нашлась пара банок сгущёнки без сахара. Товарищ Жантаков после ужина закурил Казбек, а бабай достал маленькую

Золотое Слово-6

сухую тыковку с жевательным табаком – насваем.

По правилам восточного этикета, только после чая можно задавать вопросы гостям. Оказалось, что дочка товарища Жантакова выходит замуж за старшего сына второго секретаря обкома партии. Высокое положение второго секретаря – это уже само по себе как большой калым, поэтому товарищ Жантаков решил, что будущему зятю к свадьбе надо подарить хорошего коня. Они вот слышали, что в этих местах гуляет дикий табун, в котором есть очень красивый рыжий молодой жеребец. Они и приехали, чтобы найти этого золотого коня и поймать. Я сказал, что сегодня видел этот табун и этого жеребца и даже знаю, где он пасётся. А рыжий жеребец действительно очень красивый и молодой. Когда Рыжий пробегает в пёстрой тени под деревьями, то кажется, что по его спине сыплются золотые монеты. «Правильно, – сказал товарищ Жантаков, – это, наверное, тот самый конь, которого мы ищем. Мы его ещё не поймали, а у него уже есть имя. Его зовут Алтын Жулдуз, что значит «Золотая Звезда». Я рассказал про соперничество рыжего Алтына и Серого жожака. Если Алтын не выдержит и вступит с Серым в драку, то мощный старый жеребец из ревности может Алтына забить копытами до смерти или покалечить.

– Вай ваей, вах вахей! – удивился товарищ Жантаков. – Ты из Ленинграда, а про лошадей говоришь так, как будто сам долго верхом ездил. Вот покажи нам, какие такие джигиты живут в Ленинграде. Помоги найти этот табун и поймать Алтына. Эй, оглан, – обратился он к молодому казаху, – утром заседлай свою лошадь для этого уважаемого башлыка. Башлык - по-казахски начальник. Всё равно от тебя мало толку. Ты свой мотоцикл очень любишь, а лошадей боишься. Сейчас уже почти не осталось таких джигитов, которые умеют бросать аркан на шею скачущей лошади. Вот бабай хоть и старый, но аркан бросать ещё может. За бабаем автомашину Волгу за двести километров посылали и целую неделю уговаривали его сыновей, чтобы отпустили отца заарканить Алтына.

Товарищ Жантаков важно сказал, что в

случае успеха, он обещал подарить старому бабаю и его сыновьям по новой лисьей шапке. Я рассказал ему, что в детстве жил в Туркмении и три года ездил на настоящем ахалтекинце, а помогать буду исключительно из спортивного интереса, а лисьей шапки мне не надо.

Решили освободить для гостей одну из палаток, но они отказались, постелили около костра потники, положили под головы сёдла и укрылись на ночь халатами, которые у товарища Жантакова и у парней были приторочены сзади сёдел. Но прежде чем лечь товарищ Жантаков соорудил из жердей нечто вроде могильного креста. На поперечину надел свой коричневый пиджак со значками и галстук, а сверху повесил зелёную велюровую шляпу. Получилось хорошее огородное пугало, но лично товарищу Жантакову оно понравилось.

За утренним чаем решили не спешить и сначала просто последить за табунном, а уже потом решать, как ловить Алтына. Да и казахским лошадям после вчерашнего перехода и перед серьёзной скачкой надо было отдохнуть. Я, конечно, опасался опозориться в верховой езде, так как по-настоящему не сидел на хорошей лошади уже больше тридцати лет. Но тот, кто однажды научился плавать, попоплывёт и через много лет, если упадёт в воду, как и поедет на велосипеде тот, кто раньше это уже умел. Когда я сел в седло, то лошадь сперва попыталась взбрыкивать и фордыбачить, но я стеганул её камчой (нагайкой) и пустил в карьер. Через несколько минут она поняла, что лучше меня слушаться и не сердить. Я тоже успокоился, и мы неспешным шагом поехали следом за бабаем. В том месте, где табун выходил из тугаёв к воде, и откуда выехали к реке казахи, оказывается, была старая дорога, по которой весной гоняли баранов на водопой. К воде можно было пробраться ещё и в самом конце нашего пляжа - через старое пожарище. Мы осторожно проехали через это пожарище в степь. Посмотрев в мой бинокль, бабай нашёл пасущийся между деревьями табун и даже разглядел Алтына. Лошади паслись на том же месте, где мы с Троллем встретили их вчера утром. Опасаясь того, что лошади нас тоже видят, мы, по совету бабая, повернули направо и поехали, удаляясь от табуна на дальний

Золотое Слово-6

конец пожарища. Потом спешили, повели коней в поводу и, перелезая через сучковатые, обгорелые стволы, вернулись к реке и в лагерь.

Во второй половине дня Серый опять часа на три пригнал свой табун к реке. Впереди табуна спокойно шла белая кобыла с жеребёнком. Серый всё время беспокойно крутил головой и рысил снаружи табуна, то с одной стороны, то с другой. Алтын старался держаться подальше от Серого и поближе к молодым кобылам.

Через час после того как кони ушли, мы опять шагом поехали посмотреть на то место, где завтра будем ловить Алтына. Действительно, через тугаи проходила почти прямая дорога, по которой Серый водил свой табун к реке. Эта дорога в прошлом году даже была расчищена бульдозером. По сторонам от дороги бульдозер оставил большие завалы из бурелома. По следам было видно, что, выходя с дороги на простор пляжа, Серый уводил табун немного налево вниз по течению, чтобы быть подальше от нашего лагеря. Бабай сказал, что он уже знает, как мы будем ловить Алтына, но скажет это завтра, чтобы мы спокойнее спали ночью. После вечернего чая мы рассказывали казахам о древней истории народов, живших на берегах Сырдарьи и об их замечательных лошадях. Мне показалось, что до наших рассказов товарищу Жантакову была известна только история КПСС, а бабай слушал, хотя и внимательно, но шурился и хмыкал так, как будто бы он про всё это знает гораздо больше нас. Наверное, так и было.

После завтрака бабай повёл нас пешком на пляж и стал рассказывать и показывать, кто и где должен стоять в ожидании табуна и кому что делать, когда Серый выведет всех коней и Алтына, конечно, к реке. Сам бабай спрячется со своей лошадкой вон там, между деревьями, метрах в двадцати за дорогой. Чтобы Серый его не заметил, бабай спешится и будет прятаться за свою лошадь. Просто лошадь, даже чужая, Серого не испугает. Товарищ Жантаков, я и один из парней должны заранее уехать на дальний конец пляжа и спрятаться в тугаях. Среди сухих коряг на берегу, напротив дороги, и в кустах, перед дорогой, должны сидеть пешие Сандро, Лёша и ещё один молодой казах. Товарищ Жантаков в бинокль будет наблюдать, как

кони будут выходить из леса к воде. Надо дать им всем выйти и успокоиться. Потом по его сигналу мы должны выскочить на пляж и мчаться галопом прямо на табун. Надо громко кричать, махать шапками, держать линию и соблюдать дистанцию между собой. Когда кони побегут к дороге, Сандро, Лёша и молодой казах тоже должны выскочить из укрытия, кричать и размахивать цветными рубашками. Весь этот шум отвлечёт внимание лошадей от бабая, который на своей невзрачной лошадке и в сером халате появится из-за деревьев, поскачет вместе с табуном и попытается заарканить Алтына на повороте с пляжа в тугаи.

Я зарядил свой фотоаппарат «Киев» слайдовой плёнкой фирмы «Кодак» и попросил Ольгу снимать процесс ловли мустанга. Сам ей поставил и выдержку, и диафрагму. Ольга в азарте прощёлкала всю плёнку, но забыла снять крышечку с объектива. А плёнка «Кодак» в то время покупалась у фарцовщиков втридорога, но хотя я и перемотал плёнку обратно в кассету, но снимков не получилось.

Всё прошло почти так, как задумал хитрый бабай. Только заарканенный Алтын так дёргался, что лопнула подпруга у лошадки бабая и он вместе с седлом улетел в колючий куст. Седло с привязанным к нему арканом зацепилось за какие-то корни, и аркан так дёрнул Алтына, что он, круто развернувшись, толкнул жеребёнка белой кобылы на завал. Жеребёнок упал и сломал ногу. Пришлось его застрелить на мясо. Табун диких коней, скучившись плотной массой, галопом уходил по узкой дороге, и белая кобыла не заметила того, что случилось с её жеребёнком.

Бабай с помощью молодых парней как-то сумел притянуть голову полузадушенного арканом дикаря к дереву и надеть на него крепкий недоуздок. Брыкающегося Алтына закрепили между двух больших лошадей и, не ожидая разделки жеребёнка на мясо, бабай вместе с парнями повёл его в неволю.

А товарищ Жантаков сперва хотел оставить нам всё мясо убитого жеребёнка целиком, но потом решил, что для байдарок и на азиатской жаре этого будет слишком много. Товарищ Жантаков сказал, что разделявать

Золотое Слово-6

жеребёнка на мясо ему не положено по чину, да он и не умеет. Пришлось этим заниматься нам с Сандро. Почти всё мясо мы завернули в жеребьячью шкуру и навьючили на лошадь товарища Жантакова. Он наскоро попрощался и затрусил догонять Алтын Жулдуза и сопровождающих его джигитов.

Свою часть конины мы посолили и закоптили над костром. Биологи утверждают, что молодая конина – самое полезное мясо. Температура плавления конского жира – двадцать восемь градусов. Внутри нас он находится в расплавленном состоянии, и поэтому конина очень хорошо усваивается. Ну, как там по биологической науке, нам в турпоходе проверять было сложно. А вот по простейшей кулинарии копчёная конина имеет превосходный вкус, особенно с грузинским вином, запасы которого в байдарке у Сандро были неисчерпаемы.

За то время, что ловили Алтына и коптили конину, мы с помощью гостей сумели съесть почти весь запас наших дынь, взятых ещё со старта похода, а также наловить и накопить рыбы, но от нас убежало много отпускного времени. Мы сели на байдарки и по быстрому течению Сырдарьи побежали догонять это упущенное нами время.

Странная, по нашим понятиям, эта азиатская река Сырдарья. Мы привыкли к тому, что у нас на Руси на берегах рек расположены не только деревни, но даже и города: Ростов на Дону, Саратов на Волге, Владимир на Клязьме, Петербург на Неве. На Сырдарье вблизи от реки никто не живёт. Река размывает берега и постоянно меняет своё русло. Всё, что построено поблизости от воды, вскоре бывает смыто. Ежегодное летнее половодье похоже не на наводнение, а на Всемирный Потоп. Это происходит даже в наше время, когда большую часть сырдарьинской воды разбирают на орошение в Фергане и вблизи Ташкента. А когда плотины и насосы ещё не разбирали реку по арыкам, то летние разливы Сырдарьи питали водой те бескрайние пастбища, где и жили многотысячные табуны здешних лошадей. У реки совсем нет жилья, а на реке нет лодок. Местность на самом деле ненаселённая. Но для диких зверей и птиц здесь хватает и воды, и пищи, и мест для укрытий. Вот и новые

мустанги прижились у реки и радуются обрётённой свободе. А человеческого жилья поблизости от воды нет. Нет магазинов и почты, нет аптеки. И дорог к реке тоже почти нет. За зарослями тугайного леса простирается полупустынная казахстанская степь. Продукты на весь отпуск мы везём на байдарках. Хлеб печём на костре между двух сковородок. Наша подробная карта десятилетней давности уже не соответствует поворотам реки, которые вода ежегодно размывает.

Настал конец сентября, и миновало самое жаркое время среднеазиатского лета. На Сырдарье окончилось широкое половодье. Река постепенно возвращается в свои берега. На местах бывших разливов ещё остаются усыхающие старицы, в которых густо кишит не успевшая уйти в реку рыба. В одной такой старице мы с Лёшей и Сандро наловили за два часа целый мешок рыб породы чёрный амур размером с селёдку. Гребли рыбу просто подсачеками. Вокруг было много кабаньих следов. Очевидно, что ещё до нас они выловили из старицы всех более крупных рыб.

По течению реки каждый день мы проходим на вёслах километров по сорок. Всё также на берегах нам встречаются небольшие табуны диких лошадей. С воды на Сырдарье лошадям не угрожало никаких опасностей. Не было ни крокодилов, ни лодок с охотниками. Лошади, увидев наши байдарки, только поворачивались к воде, поднимали головы и следили за нами, но от берега не уходили. Получалось так, как будто они нарочно позируют. Мы старались не шуметь, не махать вёслами и щёлкали фотоаппаратами. В каждом табуне преобладали лошади такой масти, какая была у их главного жеребца. Восхищаясь красивыми лошадьми, мы стали вспоминать, какие вообще бывают лошадиные масти. Сумели вспомнить много старинных слов, обозначавшие эти разные масти, но не могли объяснить, чем отличается карий конь от каурого, или серый от саврасого. А ещё были когда-то чалый, чубарый, гнедой, бурматый, буланый, игрневый и прочие. Наши предки, взглянув на лошадь, не задумываясь, называли её масть, а мы сейчас знаем только

Золотое Слово-6

коричневых, серых, белых да вороных.

Настоящие дикие животные обычно ведут скрытный образ жизни. Слух, зрение и обоняние у зверей развиты так, что они успевают уйти и спрятаться от человека раньше, чем он их обнаружит. Одицавшие лошади от людей не прячутся, но ведут себя осторожно и «держат дистанцию безопасности». Может быть, это потому, что на лошадей нельзя охотиться. Нельзя не по запретам, а по совести. Они всегда были нашими друзьями, а в друзей не стреляют. В лебедей тоже не стреляют, но лебеди только лишь красота, а лошади – это и красота, и дружба, и общая судьба. Ну, и собаки, конечно, тоже. Хотя собакой могут, иногда, обозвать человека злого или грубого. Лошадью не обзывают, а называют так с уважением честного трудягу, который «тянет тяжёлый воз».

Отступающая вода оставляла мокрые пляжи, которые высыхали уже не так быстро. Горы остались далеко на юге, течение замедлилось, и на выпуклых берегах река намывала уже не крупный, чистый песок, а смесь мелкого песка, глины и каких-то органических примесей. Это так называемый среднеазиатский лёсс. Лёссовые почвы очень плодородны, но при высыхании становятся твёрдыми, как цемент, а при намокании очень вязкими. Из этого лёсса с добавлением мелко рубленой соломы, по местному самана, раньше строили долговечные дома, и даже крепости. В сухом климате эти строения, почти не разрушаясь, стоят по несколько сотен лет.

Теперь стало труднее выбирать место для лагеря. Выходя на как будто бы твёрдый берег, мы, почти не оставляя следов, делали несколько шагов, но стоило остановиться, и ноги начинало засасывать в зыбучую трясину. Якобы твёрдый песок превращался в вязкую предательскую жижу. Пока с усилием вытаскиваешь одну ногу, другая погружается ещё глубже. Я выходил на берег в просторных резиновых сапогах, чтобы не носить в байдарку песок и глину. Несколько раз мои ноги засасывало так, что их приходилось вытаскивать из сапог и уже босиком спасать сапоги. Причаливать стали не к пологому, а к более крутому и уже подсохшему берегу.

Эти предательские зыбуны, конечно,

создавали неудобства, но для нас не были опасны. Мы быстро научились их распознавать, а если и попадались в вязкий капкан, то, помогая друг другу, быстро из него вылезали. Но для животных, приходивших к реке на водопой, эти зыбуны были опасны смертельно. В середине дня температура воздуха ещё поднималась выше тридцати пяти градусов. В такую жару жажда заставляла животных долго стоять у кромки воды, чтобы напиться и немного остыть. Передние ноги засасывало так, что их уже невозможно было выдернуть и отойти назад. Чем больше животные топтались, тем глубже их засасывало. Нужно было падать набок и, перекатываясь, освободить ноги. Но животные этого, конечно, не умели.

Несколько раз на пологих и вязких берегах мы видели трупы погибших на водопое коров или овец. Разлагавшиеся туши расклёвывали вороны и коршуны. Хорошо, что уровень воды в реке понижался, и падаль обычно лежала уже не на самом берегу, а в нескольких метрах от воды, но смрад от них был противный. Для варки пищи, мытья посуды и даже для чистки зубов в речную воду мы стали добавлять марганцовку.

В один из последних дней похода на правом берегу, мы увидели табун, стоящий поблизости от воды у кромки леса. Ближе к берегу беспокойно ходил из стороны в сторону крупный жеребёнок, а у самой воды беспомощно лежала захваченная трясинной гнедая кобыла. Сперва мы подумали, что кобыла уже мёртвая, и хотели, не останавливаясь, пройти мимо, но Тамара увидела, как у кобылы шевельнулось ухо. «Она ещё жива, надо спасать!» – громко закричала Тамара, и наши байдарки резко повернули к этому вязкому берегу. Голова кобылы боком лежала в глине у самой воды. Правая ноздря лошади была уже в воде. Дёргалось ухо, и со слезами моргал большой глаз, облепленный слепнями. Тамара встала на колени и подняла на руки тяжёлую кобылью голову. Я вытащил из байдарки какой-то рюкзак и подсунул его под лошадиную щёку, а Тамара принесла в своей панаме воды и промыла кобыле слезящиеся глаза и облепленные глиной ноздри.

- Сандро, доставай сапёрную лопатку,

Золотое Слово-6

Оля, тащи вёсла, Лёша собери сюда все наши верёвки, – стал я командовать, – будем спасать жеребьячью маму.

Оля заплакала и сказала, что лошадь всё равно потонет, а мы только зря продлим её мучения. Ничего у нас не получится, а смотреть, как умирает кобыла, она не может.

– А ну, не распускать нюни, когда работать надо! – заорал я. – Ольга, тащи миски, и откапывайте с Юрой вот эту ногу.

У нас была одна сапёрная лопатка, чтобы копать яму под костёр. Двухметровый Лёша копнул глину веслом, дёрнул его вверх, и весло сломалось. Стал копать отломанной лопастью. Верёвок было много, но все они были тонкие. Только на носу моей байдарки вместо причального конца был привязан плоский и крепкий парашютный строп.

Все столпились вокруг лошади и не столько копали, сколько вразнобой спорили о том, как лучше это делать. Даже Тролль бегал вокруг и не то скулил, не то взлаивал. Когда я стал показывать Оле, как надо откапывать заднюю ногу, то рукой откидывал из-под этой ноги грязную жижу. Подскочил Тролль и тоже стал передними лапами копать в этом месте так, что земля веером полетела назад.

– Надо не спорить и не распускать нюни, а работать, как Тролль, – опять скомандовал я, хотя сам сомневался, что наших сил хватит на спасение кобылы.

Лошадь лежала немного на правом боку. Может быть, она пыталась перекатиться, но ноги завязли так, что сил на перекат не хватило. Сандро сапёрной лопаткой копал и рыхлил уже подсыхающую глину, а все отгребали её мисками. Сперва стали освобождать кобыле её передние ноги. Одновременно отгребали глину от спины у холки. Прокопали что-то вроде норы и сумели через неё просунуть под передние ноги строп. Ольга перестала плакать и стала всех подгонять: «Юра, копай здесь! Сандро переложи лошади голову повыше! Тамара, возьми миску побольше».

Ещё поотгребали и опять попробовали тянуть. Мы с Тамарой тянули за голову и за гриву. Лёша и Сандро тянули за строп. Юра с Олей вытаскивали передние ноги и толкали лошадь в грудь. Пытаясь освободиться, кобыла дёргалась, и под ней твёрдая почва становилась

жижей. Мы руками и верёвками вытягивали из этой жижи кобыльи ноги. Сами мы тоже стали топтаться у кобыльих ног. Разжиженную массу отгребать мисками было легче. Кобыла ещё подёргалась, и мы вытащили её наверх на полметра. Потом освободили ей левую переднюю ногу. Гнедая поверила в своё спасение и как-то облегчённо всхрипнула. Жеребёнок тонко заржал, как заплакал, и попытался подойти к матери, но его передние ноги сразу стали вязнуть, он отпрянул назад, выдернул ноги и отошёл обратно на более сухое место. Мы немного передохнули, а грязная жижа опять стала засасывать гнедую. Но теперь кобыла лежала уже почти вдоль берега. Можно было освободить ей и задние ноги тоже и даже тащить за хвост. Откопали мисками одну заднюю ногу, но вытащить круп лошади наверх не сумели. Ещё раз все вместе стали откапывать грудь и передние ноги и за всё, за что сумели, потащили гнедую наверх. Вытащили ещё на полметра и развернули лошадь головой к берегу. Она ещё подёргалась и с нашей помощью сумела встать на колени. Перевязали верёвки поудобнее и опять стали тянуть и толкать. Гнедая, помогая нам, дёргалась всем телом вперёд, освобождая задние ноги. Рывок, ещё рывок, и вот лошадь, наконец, вытащила задние ноги и сделала первый шаг к своему спасению, но вдруг мелко задрожала и упала на бок. «Она умирает, умирает», – запричитала Оля и опять заплакала. Тамара стала гладить лошадиную шею и что-то ласковое шептать ей на ухо. Мы все, так же как и гнедая, повалились на грязную землю, чтобы отдышаться. Первым поднялся я и стал отвязывать от лошади многочисленные верёвки. Если она пойдёт в лес, опутанная этими верёвками, то зацепится за сучья и пропадет с голода. Отдохнув несколько минут, мы с Сандро подошли к гнедой кобыле и, как прекрасную даму под ручки, подхватили её с двух сторон под передние ноги. «Раз, два, взяли!» Огромный Лёша поднимал лошадь за хвост, а остальные просто толкали. Гнедая напряглась и, дёрнувшись, сумела встать. Вместе с гнедой мы прошли к берегу несколько шагов, отпустили нашу спасённую красавицу и отошли в сторону. Гнедая сделала ещё несколько шагов,

остановилась и очень долго мочилась, потом тонко заржала, и голодный жеребёнок подошёл к маме. Он ткнулся мордой в её грязное, но переполненное молоком вымя и стал сосать. Ноги у кобылы ещё мелко дрожали, но она стояла уже на сухой земле и то обнюхивала жеребёнка, то оглядывалась на нас. Черногривый жеребец вышел из табуна и, всхрапывая, стал топтаться поблизости, ожидая свою подругу. Нас он, очевидно, не опасался.

Посмотрев друг на друга, мы расхохотались. Липкой грязью все были измазаны буквально с ног до головы. Даже волосы у Оли и Тамары были в глине. Сандро вымыл руки и достал из своей байдарки канистру с вином.

Я попытался посмотреть на часы. Увы, мои старинные золотые часы фирмы «Павел Буре» тоже были в глине, и не только снаружи, но и изнутри тоже. Это была семейная реликвия. В азарте спасения рукой, на которой были эти часы, я через глиняную жижу просовывал под лошадь строп. Во времена Павла Буре часы ещё не умели делать герметичными, и механизм от этой глины так заржавел в походе, что никакому ремонту уже не подлежал. Часы и сейчас хранятся у меня в столе, вместе с другими реликвиями, как моя золотая медаль «За спасение на водах».

Когда-то ещё в детстве, я прочитал рассказ американского писателя Сетона Томпсона «Мустанг иноходец». Рассказ произвёл на меня очень сильное впечатление и запомнился на всю жизнь. Мне так хотелось, чтобы этот замечательный конь не погиб, а каким-то чудом спасся. Я не знаю, была ли спасённая нами гнедая кобыла иноходцем или нет, но она была мустангом, и у неё был жеребёнок, который не остался сиротой.

Моя детская мечта сбылась!

Мустанг был спасён!

Масти лошадей

Чалый, чубарый, соловый, карий, каурый, буланный, игрневый, бурматый, саврасый, сивый, гнедой, половый, вороной, белый,

А какие ещё бывают лошадиные масти? Хорошо бы нарисовать силуэты лошадок и раскрасить их по всем тем мастям, какие мы знаем теперь только на слух?

По волчьим законам

Судьба сложилась так, что для поправки здоровья моей дочки врачи посоветовали нам пожить на морском берегу, там, где песчаные дюны поросли сосновым лесом. Нужно было кормить девочку не турбазовскими консервами, а свежими овощами, фруктами и лесными ягодами. Нужна была свежая рыба, дичь и настоящее коровье или лучше даже козье, а не сгущённое или сухое молоко. Пришлось мне на какое-то время бросить работу инструктором туризма и пойти служить в егеря к генералам.

В том месте, где в Финский залив впадает река Луга и где сейчас строится большой новый порт, раньше был глухой и, как говорится, «медвежий» угол Ленинградской области. По тупиковой железнодорожной ветке до станции Усть-Луга приезжали два раза в сутки несколько пассажиров и расходились пешком по близлежащим деревням. В деревне Пески была охотбаза, где я работал егерем. На Лужском заливе среди заросших камышами песчаных островов гнездились тысячи уток. Весной и осенью, по учетам охотоведов, до пяти тысяч диких лебедей останавливалось на нашем заливе отдохнуть и подкормиться. Когда на Финском заливе дул сильный осенний ветер, лебеди-кликуны подплывали близко к берегу и от егерского дома можно было видеть одновременно несколько лебединых стай. По ночам клики лебедей мешали спокойно спать. Вдоль Финского залива проходило хорошее асфальтовое шоссе, но движения транспорта по нему было немного, так как оно было проложено как рокадное для пограничников.

Между заливом и шоссе протянулись в одну линию деревни Пески и Лужицы. С запада, там, где река Луга впадала в Финский залив, был большой поселок Усть-Луга, рыбзавод, магазины, погранзастава и прочая цивилизация. К югу от шоссе, больше чем на пятнадцать километров, ни жилья, ни хороших дорог не было. Там, среди глухих лесов и болот, водилось много лосей, кабанов и прочей, более мелкой, живности. Волки тоже, конечно, были. Одна волчья семья ежегодно выводила щенков среди заболоченного мелколесья около Лешего

Золотое Слово-6

озера. Еще одна семья волков жила на одном из лесистых островов, среди болот у деревни Куровицы. Широко и свободно гуляла пара молодых волков, еще не имевших своих волчат, и был один старый бирюк – волк-одиночка без семьи. Следы старого волка были огромные, но какие-то разлапистые, не в комке. Мой сосед Яков Романович, ижорец и потомственный старожил этих мест, помогал мне осваивать здешние уголья. Мы много ходили по глухим лесным тропам от Хаболово до Куровиц, собирая понемногу грибы, ягоды, целебные травы и чагу, а больше присматриваясь к тайнам лесной жизни. Яков Романович делился со мной многовековым опытом ижорцев, коренных жителей южного берега Финского залива и дельты Невы. Он учил меня читать печатные следы разных зверей на песчаных обочинах вдоль шоссе и по берегу залива. Пограничники говорили, что они специально подсыпают свежего песочка по обочинам. Это их учебная следовая полоса для тренировки молодых солдат. Места между шоссе и заливом, очевидно, были более кормными, а места к югу от шоссе – более спокойными и безопасными для укрытия и отдыха зверья и для выведения потомства. Вечерние следы переходов были к заливу, а утренние – обратно в леса. Ходили лоси, кабаны, волки и даже медведь.

В полукилометре к востоку от деревни Лужицы был устроен большой загон из сосновых жердей. Туда на ночь загоняли более четырехсот совхозных яловых коров – нетелей. Днем коровенок попеременно пасли два пастуха. Вернее, пастух и пастушка. Эта пасторальная пара была постоянно пьяна от какого-то ужасного самогона. Я удивлялся, почему не падает в обморок от этого страшного смрада сивый мерин, верхом на котором они попеременно пасли коров.

К августу ночи стали какими-то особенно темными до тех пор, пока не взойдет луна, а потом – серебристо-светлыми. Прибылые волчата подросли и стали вместе с матерыми и переярками ходить на охоту. Иногда волки устраивали концерты по кустам вдоль деревни, стараясь распугать местных шавок. Несколько собачонок, по глупости, с лаем и визгом подбегали к кустам у шоссе и

оказались волчьей добычей. Хозяева стали на ночь собак привязывать или запирать в сараи, а меня, егеря, ругали за то, что я распустил волков и дети плачут, лишившись своих дружков и шариков.

Но потом волки обнаружили загон с нетелями. Однажды вечером они всей семьей пробрались в лесок между деревней и загонем с коровами, а потом все сразу завыли и стали метаться вдоль загородки из жердей. Пьяная пастушка их якобы даже видела. Обнаглевшие волки почему-то не побоялись ее самогонного духа. Обезумевшие от страха коровенки в панике разметали жерди загона со стороны леса и бросились врассыпную. Волки с завыванием погнали их подальше от деревни. Ночной переполох скоро утих, а утром пастухи починили загон и стали собирать стадо. Четырех коров не досчитались. Двух зарезанных волками коров нашли в первый же день, когда собирали по лесу разбежавшееся стадо. Третью корову нашли еще через день в канаве у самого шоссе, а четвертую, пастух искал на лошади целых три дня.

Утром после трагедии протрезвевший пастух пришёл ко мне и потребовал, чтобы я ему подписывал акты на списание коров от волкобоя. Совхозные коровы числились за пастухом, а волки были якобы мои, потому что я был егерем.

Ну, волки, конечно, мои, но я своих волков на коров не натравливал и надо еще посмотреть по следам: мои это были волки или двуногие? Убедившись, что коров зарезали действительно волки, я решил покараулить этих хищников на приваде. Все равно на августовской жаре и духоте туши волчьих жертв уже на второй день раздуваются и годятся только на приваду. Пастуху я строго наказал, чтобы он, когда найдет последнюю жертву, то её бы не трогал, с лошади не слезал, следов не оставлял и окурков не бросал.

Сам я готовился подкарауливать волков очень тщательно. Три дня не курил, но зубы чистил. Приготовил в банном котле хвойный отвар и вымочил в нем всю верхнюю охотничью одежду, а сушил её на копне сена. Протер ружье ватой со спиртом и смазал не ружейным, а подсолнечным маслом. Приготовил солдатский стул и веревку, тоже протертые хвойным отваром. На случай если

Золотое Слово-6

придется «вабить», то есть завывать волчьим голосом для подманивания волков, я упаковал в пустой футляр из-под разбитого термоса стекло от керосиновой лампы, через которое я умел выть по-волчьи.

Когда пастух нашел последнюю потраву и приехал за мной, я взгромоздился на сивого мерина у него за спиной, вместе с ружьем, стулом, верёвкой и рюкзачком. Пастух привез меня на полянку между шоссе и заливом, где среди корявых сосен лежала недоеденная волками корова. Прямо с лошади, не оставляя следов на земле, я влез на большую сосну, молча помахал рукой пастуху, чтобы уезжал, и стал обустриваться. Залез чуть повыше, чтобы в просветы между сучьями были хорошо видны и привада, и подходы к полянке. Привязал веревкой стул к стволу дерева так, чтобы ноги удобно стояли на больших сучьях, развесил свое снаряжение на ветках и стал ждать. Ветерок дул со стороны шоссе в полветра от меня. Справа на поляне лежала толстая осина без коры, но с большими сучьями и до белизны обмытая дождями. Слева, у куста можжевельника, торчали обглоданные ребра и оскаленная пасть несчастной коровы. Я взял с собой пару бутербродов и фляжку с молоком, но при взгляде на пададь аппетит пропал. До темноты было еще часа полтора и я, достав книжечку стихов Саши Черного, стал читать. Сумерки сгустились раньше обычного, так как со стороны заката на небо залезли тёмные тучи. Мокнуть под дождем на дереве не хотелось, и я надеялся, что авось пронесет. Вечерние птицы перестали щебетать, и стали посвистывать и побрякивать на вечернем перелете чирки и кряквы. В заболоченной низинке кто-то шуршал и чавкал, наверное, кабан. От деревни слышались собачьи взвехи и приглушенная расстоянием музыка. Была суббота, и в сельском клубе после кино были танцы.

Уже за полночь, когда высокая луна засеребрила все ярким светом, а музыка в клубе стихла, я услышал, как со стороны шоссе к полянке «идут»... Они, наверное, уже не первый раз приходили на эту полянку и дорожку на нее хорошо знали.

После танцев в клубе, парень с девушкой подошли прямо к своему, удобному как диван,

поваленному осиновому бревну, поставили на землю играющий транзистор и стали аккуратно, как на вешалку, развешивать свои одежды на сучки. Они были так увлечены друг другом, что вокруг не смотрели и ничего нового на своей любимой полянке не замечали. Этот стриптиз с музыкой и с лирической эротикой сорвал мне всю так сложно подготовленную охоту. У них тоже, конечно, была своя охота, но я страшно разозлился. Я достал ламповое стекло и стал ждать подходящего момента, чтобы к музыке из транзистора добавить волчьего воя. Стриптиз уже закончился, и артисты перешли к более интересным действиям. Сухое чистое бревно с толстыми сучьями оказалось для этого очень удобной мебелью. Я не выдержал такого нахальства и, набрав побольше воздуха, подал голос матёрым волком: басовито, заунывно и с гнусью. Артисты вздрогнули и, оглянувшись, увидели рядом обглоданные ребра и обгрызенную голову коровы с оскаленными зубами. Почти без паузы на вой матерого волка я откликнулся голосами переярков со взбрёхами и взвизгами. Парочка скатилась с бревна и помчалась с полянки «вперед собственному визгу». В спешке от испуга, на сучках они оставили часть одежды и транзистор.

Охоты не получилось. Я слез с дерева, собрал оставленные беглецами трофеи и пошел домой. Парня я знал. Он жил близко от охотбазы и работал механиком на рыбозаводе, а девушка была городская дачница. Все, что я собрал в лесу после бегства гостей, я повесил на калитку несчастному дезертиру, а он в это время, наверное, еще провожал и успокаивал свою, запуганную до ужаса, городскую подругу.

Документы на потраву коров от волкобога я пастуху подписал. Ладно уж, пусть отчитывается.

ГАЛИНА КОВАЛЬСКАЯ

Притча о сосне

Из цикла «Дачные истории»

*«Стоит у дороги чудо – сосна,
Две разных вершины имеет она...»*

Есть в нашем посёлке чудо. Это златоствольная сосна у дороги с двумя вершинами. Одна вершина зелёная, весёлая, солнечная, вторая – сухая, мёртвая, чёрная, с ветвями, похожими на змей. Что это? Какая-то мистика. Почему у сосны разные вершины? Кто о ней расскажет? Кто? Этой сосне не менее двухсот лет, а то и более. Те, кто мог что-то вспомнить и рассказать об этом, «уже далече». А может быть, всё происходило так...

Жили-были на мызе Власово во времена графа Кирилла Григорьевича Разумовского мужик и баба, Степан и Авдотья. Жили они в любви и согласии, были добрыми и работящими и пользовались добрым расположением дворовых крестьян и самого графа и графинюшки. Прожили они уже вместе десять лет, а детей Господь им так и не дал. Очень они о том горевали. И прошёл слух, что в селе Копорье в церкви есть икона чудотворная Пресвятой Богородицы. Надо пойти и помолиться ей от всей души, и поможет она обрести долгожданное чадо.

И пошли Степан с Авдотьей к господскому дому и говорили они таковы слова с низким поклоном: «Добрый наш батюшка, граф Кирилла Григорьевич и графинюшка Анастасия, разреши нам пойти на богомолье в Копорье, к чудотворной иконе и молить её о чаде долгожданном». Благословил их граф Кирилла Григорьевич на богомолье, был он добрым барином своим крестьянам, не зря звали его батюшкой.

Взял Степан палку потолще, мешок с водицей и краюхой хлеба, и пошли они с Авдотьюшкой на богомолье по лесной тропке. Непростая та была дорога, шла она дремучим лесом, не раз выходили на тропку волки, не зря Степан взял с собой палку. То вой раздавался, то словно хохотал кто-то в лесной чаще. Осеняли они себя крестным знамением и творили молитву «Отче наш...», и разбегалась

прочь нечисть лесная. И вот вышли они на край села, и засветилась вдали маковка церкви, к которой они так стремились. И вошли они в ворота церковные, пали на колени пред иконой чудотворной и молили её о чаде долгожданном. Целовали они чудотворный лик, но грустны были очи Богородицы.

Вернулись они с печалью в душе, но им словно кто-то подсказывал, что нужно ещё и ещё идти на богомолье. Не зря говорят добрые люди: «Бог троицу любит». Так они и поступили. На третий раз снова пали они ниц, а когда взглянули на Святой лик, в глазах Богородицы как огоньки засветились, и небесный аромат на них излился. Вернулись они с надеждой, и через некоторое время понесла Авдотья.

Долго ли, коротко, а родила Авдотья дочку, да не одну, а двух, как две капли друг на друга похожих. Радости-то было! Любуются на дочек – не налюбуются. А дочки-то растут ладные да ласковые друг к дружке и к батюшке с матушкой. А друг за дружкой-то, просто неразлучники, как ниточка с иголочкой. Но недолгим было их счастье.

Словно чёрная кошка подкралось к ним в дом горе горькое. Что-то стало твориться с одной из дочек, Федорой, видно, зря её так прозвали – ведь за Федорой всегда крадётся горе. Стала Федора к сестре придирается: то за косу дёрнет, то толкнёт да так, что та упадёт и от боли плачет горько. Даже лицо Федоры изменилось, как перекосило его от злобы. И так день за днём, год за годом. Не стало лада в семье, всё ссоры, да слёзы, да разборки. Сестра Алёна тихая, ласковая, всё пыталась уговорить сестру не ссориться. Да не тут-то было! Та только злее становилась, не слушала ни мать, ни отца. «Ненавижу всех!» – кричит, словно бес в неё вселился. И пошёл по деревне слух: «Кто-то порчу навёл на Федору. Вот оно – Федорино горе».

Золотое Слово-6

Пролетели годы, наступила шестнадцатая весна. Казалось, что была она какой-то особенной, не такой, как прежние. Осели и подтаяли сугробы, побежали ручьи, лес зазвенел от птичьих голосов.словно по мановению волшебной палочки, на лесных проталинах расцвели первые весенние цветы, покрыв разноцветным ковром оттаявшую землю. Небо стало синее-синее, солнышко яркое-яркое, а воздух свежим и пьянящим, напоённым ароматом весенних цветов и первых распутившихся листочков. Алёна расцвела, как весенний цветок, словно на зореньке водой родниковой умывалась. Частенько уходила она за околицу, где росла златоствольная сосна, садилась под шатёр её ветвей и словно беседу с ней вела, наслаждаясь тёплым дыханьем весны. А Федорино лицо, хоть и было красиво, но его портила презрительная усмешка и всегда сведённые брови.

Стал заглядываться на Алёну соседский парень Тихон. Был он статен, пригож, на все руки мастер, тихий, под стать своему имени, скромный. Стал подумывать о свадьбе. Заслал сватов к родителям Алёны. Всё шло как надо, сваты хвалили жениха, родня невесты – невесту. А тут вдруг Федора: «А сестрицато моя – слабого ума девка, и деток вам таких народит!». «Раз такое дело, надо подумать», – говорят сваты. Прошла неделя, другая, сватов нет, как нет. Алёна извелась вся, а Федора ходит и ухмыляется.

Встретила Алёна как-то Тихона за околицей, а он возьми и отвернись от неё. Потемнело в глазах у Алёны от обиды, бросилась она к пруду. Был за мызой пруд, прозвали его Чёрным. Была вода его чёрной, и казался он бездонным. Подбежала Алёна к пруду, перекрестилась и бросилась в его бездонный омут. Вода всплеснула высоким фонтаном и вновь застыла чёрным зеркалом. Когда родные хватились Алёны, то было уже поздно.

Велико было горе родителей, да не воскресить любимое дитячко. Похоронили они её под одинокой сосной с двумя вершинами, под которой любила сидеть Алёна, гладить её золотой ствол и слушать шёпот её ветвей. После похорон Степан и Авдотья сказали Федоре: «Уходи из дома! Ты не дочь нам боле,

от тебя только одно горе!». А та как будто ждала этого, только крикнула напоследок: «Ненавижу вас! Ненавижу всех!»

На случай неподалёку кочевал цыганский табор. Выбрав место для стоянки, цыгане поставили свои шатры на лугу за мызой. Всё время на мызе было слышно ржание лошадей, звуки бубна и песен. Этот вольный народ никогда не унывал. Вот туда и направилась Федора. Приняли её цыгане. Видят, девка справная да ладная. Да не тут-то было!

Взбаламутила Федора весь цыганский табор. Не стало лада и мира. Мужчины побросали своих жён, стали добиваться любви беглянки. Женщины стали обвинять своих мужей в неверности. Вместо песен и плясок – ругань и драки начались в таборе. Приглянулся Федоре красавец цыган, весёлый и озорной, отбила она его от жены цыганки. Вскипела южная кровь, бросилась она на Федору с ножом.

Когда заалел кровавый закат, умирающую Федору цыгане отнесли к дому Степана и Авдотьи и оставили там. Скончалась она на руках родителей, но не покаялась. Похоронили её под той же сосной с другой стороны, а когда пришли на другой день к могиле, то увидели чудо. Та вершина, которая была со стороны могилы Федоры, почернела, иголки осыпались, голые ветви тянулись к небу, как змеи.

С тех самых пор и стоит эта сосна, как напоминание о том, что добро и зло неразлучно живут рядом и даже произрастают из одного корня. Они борются друг с другом, и побеждает то добро, то зло, и так будет до тех пор, пока живы люди на земле.

*Стоит у дороги чудо-сосна,
Две разных вершины имеет она.
Одна из вершин зеленеет хвоей,
Стук веток сухих на вершине другой.*

*Они неразлучными были всегда,
Однажды ворвалась в их судьбы беда:
Засохла вершина, теперь никогда
Она не проснется от вечного сна.*

*Две разных вершины, две разных судьбы,
А ствол у них общий и корни одни!*

Золотое Слово-6

Давненько я не была в театре или Горе от ума

Так часто я думала в последнее время. А ведь была театралкой и не пропускала ни одной премьеры БДТ в бытность Г. Товстоногова. Мне посчастливилось видеть на этой сцене великолепных актёров того времени: Т. Доронину, И. Смоктуновского, С. Юрского, К. Лаврова, Т. Макарову и других. Особенно запомнился в год моего первого приезда в Ленинград спектакль «Лиса и виноград», где Эзопа играл замечательный актёр Полицеймако, сейчас уже почти забытый. Лучшего Эзопа я с тех пор не видела, хотя этот спектакль смотрела неоднократно в различных постановках и исполнениях.

И вот свершилось... Приехавшая ко мне погостить племянница сказала строго: «Тётя Галя, завтра идём в театр». Моё сердце радостно забило в предвкушении... Оказывается, билетов на хорошие места в БДТ не оказалось, и она взяла билеты на пятый ряд партера в театр им. Ленсовета на спектакль по пьесе А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Ну что же, этот театр тоже был у меня на хорошем счету. Мы принарядились и вышли из дома.

Всё началось с громадной пробки на проспекте Славы, которая протянулась от улицы Бухарестской до самого сортировочного моста. Видимо, в XXI-ом веке более актуальна фраза: «Театр начинается с дорожной пробки», а не с вешалки, как ранее в XX-ом. Мы, конечно, опоздали, и нас посадили на последний ряд партера.

Я смотрела на сцену в недоумении. Может быть, спектакль заменили другим, или мы попали не в тот театр? На сцене все действующие лица в современной одежде, звук под балконом плохой, почти ничего не слышно. Я спрашиваю себя и племянницу: «Куда мы попали?». Но действие развивается явно по Островскому. Я начинаю успокаиваться, но вдруг посреди действия Крутицкий обнимает Глумова за плечи, и они поют «Врагу не

сдаётся наш гордый варяг...». Я в шоке. Наконец, заканчивается первое действие, и мы пересаживаемся на свои места ближе к сцене. Но, как известно, от «перемены мест... сумма не меняется». В антракте мы купили программку. Крутицкого играет Мигицко, а Софью – Луппиан, остальные актёры мне неизвестны. Продолжаются всевозможные молодёжные приколы. Голутвин и по манерам и по одежде изображает «голубого», гусар Курчаев выходит в одежде таможенника. Вдруг на сцене появляется взвод солдат и они запевают: «Солдатушки, браво, ребятушки...»

Зал полон молодёжи, студентов и школьников старших классов. Они принимают всё это с восторгом и встречают аплодисментами. Бедный А.Н. Островский, наверно ему сейчас плохо там, где он находится. В конце концов, и я заражаюсь всеобщим весельем и хлопаю Мигицко, который действительно радуется своей прекрасной игрой. В конце спектакля Глумов, подавая меховую накидку своей матери и неосторожно встряхнув её, наградил нас клубами пыли. Я проворчала: «Реквизит время от времени надо пылесосить». Племянница мне прошептала: «Тётя Галя, у Вас горе от ума, забудьте о том, что это пьеса Островского и что Вы вообще что-то о нём знаете. Расслабьтесь и получайте удовольствие». И я послушалась её совета.

Спектакль закончился, артистов вызывали много раз. Молодёжь, видимо, расходилась с убеждением, что в жизни надо поступать, как Егор Глумов, идя по головам в достижении богатства и доходного места. А. Н. Островский сейчас как нельзя более актуален.

Может быть, спектакль такого плана и имеет право на существование, но постановщику надо было более бережно относиться к наследию классика и в афише и программках написать «по мотивам пьесы А.Н. Островского».

А я теперь, видимо, надолго забуду дорогу в театр, по крайней мере, в театр им. Ленсовета. Жаль, когда сиюминутные коммерческие интересы заслоняют основное назначение театра, как и культуры в целом – сеять разумное, доброе, вечное.

ВИКТОРИЯ ЛЯВДАНСКАЯ

Бабочка

Моей маме посвящается

Я стояла как вкопанная и смотрела на нее как. Казалось, часы остановились... Все застыло. Времени не существовало. Вокруг все растворилось. Это было похоже на транс, и когда он закончился, хотелось что-то сказать, обнять ее... Я сделала движение вперед к ней навстречу, но тело не повиновалось, оно окаменело. Тогда я остановилась, а тело, словно назло, подалось вперед, но она отстранилась от меня. Я чувствовала какой-то странный запах и нелепость всей ситуации в целом. Что происходит? Теперь она подалась вперед, но меня отшатнуло. Она застыла... Я никогда не видела столько грусти и печали в глазах! Она выглядела невероятно уставшей. Я хотела говорить, но не могла. Я уже начинала чувствовать то, что она уже знала. Мой страх и ее любовь не давали мне понять очевидное. После нескольких неудачных попыток хотя бы дотронуться друг до друга и не в силах произнести друг другу ни слова, мы расстались... навсегда.

Я поехала на дачу. Погода была отвратительная. Дождь лил как из ведра. Небо, затянутое тучами, еле дышало, промокшая насквозь земля захлебывалась водой, деревья стояли по стойке «смирно», сложив свои ветви, кусты распластались ниц. Было ощущение катастрофы, всемирного потопа, безысходности. По дороге от автобусной остановки до своего участка я уже не обращала внимание на лужи и смело ступала по ним. Насквозь промокшая, я вошла в дом и закрыла за собой дверь. Я захлопнула ее и больше ничего не могла сделать! Оставались считанные часы...

На следующий день в природе ничего не изменилось. Она ревела, ведь уходил святой человек! Обезумевшие птицы одна за другой залетали через разбитую форточку в дом и металась испуганно, не находя выход. Его уже не было. Оставались минуты...

Телефонный звонок ворвался воплем, заглушив стихию.

- Приезжай. Мама умерла.

- Нет, этого не может быть. Это – ошибка, – мы всегда верим в то, во что хотим верить. – Она жива.

Но реальность неумолима и не зависит от чьих бы то ни было желаний.

Плакало небо. Но у меня не было слез, ведь сейчас я приеду в город и ее увижу. Ведь она не могла оставить меня. Это невозможно!

Вернувшись в город и, поверив в произошедшее, несмотря на раздавленность собственного сознания, я твердо решила запомнить все, каждую мелочь, любую деталь, которые имели к ней отношение... навсегда.

Но я не помню, какая была погода!

На похороны пришло очень много людей, что не могло удивить. Когда я увидела ее, я понимала, что это не совсем она, что передо мной лежит ее тело, а душа живет рядом. Но меня поразило, как выглядело ее лицо: она помолодела, морщины разгладились и, умиротворенная, освободившаяся, она вселила в меня первую надежду. Я долго обнимала, гладила и целовала ее прекрасное родное лицо, единственное лицо в целом свете!

Незадолго до случившегося мама настаивала, чтобы я купила себе шапку, но я не хотела. Теперь, как одержимая, я перебежала из магазина в магазин в поисках шапки. Некоторое время я была поглощена этим занятием, прекрасно понимая, что происходит со мной на самом деле, но решила, что все должно быть так, как есть. Станным образом, но я могла видеть себя со стороны и позволяла себе не только наблюдать за собственными действиями, но и отслеживать свои мысли. В тот момент та, которая наблюдала, одновременно контролировала ту, которая страдала. Последней не надо было плакать – слезы предательски сами текли по щекам, когда находили в этом необходимость.

Каждый человек с горем должен остаться наедине, побыть с ним, прожить его, чтобы в конце концов его пережить.

Золотое Слово-6

На девять дней за одним столом снова собрались родственники и близкие люди. Рядом с моей тарелкой стояла такая же, для мамы, рюмка с водкой и кусочек хлеба. Вдруг непонятно откуда прилетевшая черно-красная бабочка опустилась на край рюмки и сложила крылья. Все замерли. Никто не решался тронуть ее. Она распустила свой хоботок, опустив его прямо в рюмку с горячительной жидкостью, и принялась, на глазах у всех пить (!), то собирая хоботок, то, развернув, опуская его снова в рюмку. Все ахнули. Я протянула бабочке руку и она, ни сколько не медля, перелетела на нее. Я приблизила бабочку к своим губам, и она даже не подумала упорхнуть! Тогда я опустила ее на тарелку, положила хлеб и сыр. Бабочка распускала и собирала свой хоботок, пробуя по очереди и то, и другое, а некоторое время спустя, она снова прилетела ко мне, опустившись на мою голову. Я попробовала согнать ее, но, взлетев, немного покружив, она снова возвращалась ко мне. Кто-то пробовал протягивать к ней руки, но бабочка никому не давалась. В то же время я подставляла ей ладонь, и она с охотой усаживалась на нее. Это выглядело, по меньшей мере, странно. Я даже пыталась убежать от нее в другую комнату, но она тут же следовала за мной, куда бы я ни направлялась. Бабочка стала моей второй надеждой.

Люди расходились растерянными. Никто не мог дать объяснение происходящему. Я тоже не понимала, что происходит, но чувствовала, что это радует меня. Я удивлялась

и... улыбалась! Я боялась лечь спать в ту ночь. Бабочка, сидевшая на моей голове видимо, засыпая, периодически скатывалась на лоб и снова, цепляясь и перебирая лапками, залезала на голову, а я сидела на кухне и боялась пошевелиться. Мне хотелось, чтобы это чудо длилось как можно дольше! Утром я не выдержала и отнесла бабочку в комнату мамы, посадив около фотографии, иконы, свечей на кусочек хлеба, которым была закрыта рюмка с водкой. Бабочка сложила крылья и замерла... Я ушла спать.

Наверное, нет ничего особенного в том, что к кому-то залетела бабочка. Наверное... Но может быть...

Моя мама умерла 22 сентября. Бабочка появилась на девятый день и на глазах у многих ни во что не верующих людей вела себя так, как бабочкам не свойственно. Но и это еще не все. Эта бабочка жила и здравствовала в комнате мамы, общаясь со мной, до весны! После чего она исчезла так же неожиданно, как и появилась. Каждый год летом, когда я отдыхаю на даче, в дом через открытую форточку залетает бабочка, внешне точь-в-точь как та, которая полгода жила у меня в квартире в городе, и садится мне на руку, а спустя некоторое время улетает тем же путем на свободу,... и я снова улыбаюсь!

Шапку я все-таки купила.

И еще: я поверила в чудо! И это стало моей третьей надеждой. В жизни много непонятного и необъяснимого, и этим она прекрасна! И ради нее самой стоит жить! Не в этом ли смысл?

ВАЛЕНТИН ЛЯДАЩЕВ

Мини-рассказы

В леготушку

Дед Митя собрался с соседом Колькой Боговаровым в областной центр. Годы были восьмидесятые - дефицитные. Супруги понадовали им списков - чего надо. Да на словах всё причитали и причитали. Основное - жратва. Дед Митя, не любивший тряпочные магазины, очень супругу на этот счёт не обнадёживал.

- Посмотрим, - сказал он уклончиво. Про себя зная, что только заглянет в универмаг на десять минут, чтобы посмотреть детали для велосипеда, и всё. Вообще день предполагался быть весёлым.

С утра, в предрассветной темноте, «раздавили» малёк самогонки, почавкали солёным огурцом, затиснулись в первый подкидыш и уже в обед ширкали по неровному асфальту областного центра.

Казалось - времени навалом, часа четыре. Но они обошли за час десяток магазинов - ничего.

У магазина возле рынка увидели хвост очереди. Колька порывался идти смотреть, но дед Митя строго поставил его в очередь, а смотреть пошёл сам. Одна продавщица вешала крупного морского окуня горячего копчения, потом вытирала тряпкой руки и взвешивала тонкую семипалатинскую колбасу. Тут же было и бутылочное «жигулёвское» пиво, солёное сало, печенье, конфеты. Иногда после рыбы взвешивала конфеты, но на это никто не обращал внимания. Была лишь мысль: хоть бы чего-нибудь досталось от этого богатства.

Когда они набирали всего-всего, из очереди пытались их урезонить, но дед Митя отвечал недовольным рыком. Обвешавшись припасами - только во рту не было - рванули к вокзалу. Успели сесть, открыть по бутылке пива и начать пробовать деликатесы.

- Ну ты шустр! - восхищался Колька.

- А что! - горделиво отвечал дед Митя. - Меня зять научил: ты сначала займи, а потом - иди смотри. Сразу за нами всё и кончилось. Зато теперь в леготушку поедем!

Вертолёт тоже хочет купаться

Сибирь. Экипаж вертолёта МИ - 4 - пять человек. Лето, жара. Полетели купаться. Опустились низко над озером и попрыгали в воду. Купаются. Когда эйфория от освежающей воды прошла, огляделись. Все пять человек здесь. А кто же в кабине? Никого! Стали подкидывать того, кто полегче, наверх к трапу. Не достать! Руль заклинен, вертолёт стоит на одном месте, но, сжигая горючее, становится легче и постепенно поднимается выше. Пришлось плыть к берегу. Экипаж, уже начиная замерзать, торчал на берегу, пока вертолёт не выработал горючее и не упал в озеро. Их к вечеру заметили с другого вертолёта и забрали. А за их вертолётном через два дня прилетел грузовой и вытащил его.

Пашка

Пашка был рыжим псом-терьером. Его любил весь прииск за покладистый характер и трудолюбие. Когда ехал трактор, таща за собой трос, Пашка хватал трос зубами и помогал тянуть. На него надевали тельняшку, шляпу, он не сопротивлялся, и фотографировали.

Погиб Пашка глупо. Как-то весной ехали от посёлка к прииску. Высоченные сугробы вдоль дороги подтаяли. Вдруг дорогу перебежал заяц. Водитель на полном ходу открыл дверцу, и Пашка бросился догонять дичь, но сугроб был скользким, и он съехал под задние колёса «ура-ла».

Пашку похоронили, как человека, воздвигнув на могиле крест с фото в рамке за стеклом. Через год приехал какой-то начальник и увидел могилу Пашки. Фотография на кресте поблёкла и собачья морда уже была видна не отчётливо. Хорошо только были видны: шляпа, тельняшка и борода.

- Почему не отправили хоронить на большую землю?! - загремел начальник.

- Это Пашка...

- Я вижу, что Пашка! Почему не отправили?

Золотое Слово-6

Луга-1, я Луга-10

В шестидесятые годы вокруг посёлка Щеглово Ленинградской области были большие охраняемые поля помидоров. Телефонисты работали рядом. Хотелось помидорчиков! На помидорном поле стоял электрический столб без проводов, но с фарфоровыми изоляторами. Один связист взял когти, подошёл к охраннику и сказал, что ему надо проверить связь. Охранник пустил его и сам стоял рядом со столбом. В это время другие связисты воровали с краю помидоры. А сидевший на столбе кричал:

- Луга-1, я Луга-10! Как слышите меня? Приём!

* * *

Сергей Степанович с получкой попал под сильный ливень. Сам промок до нитки, и купюрам изрядно досталось. Разложил их сушиться по всему столу.

Пришёл сосед просить самогонный аппарат. Аппарат сделан на работе. Змеевик - из нержавеющей стали - красота! Что ему жалко? Берите, если надо. Все знакомые знают и пользуются.

- А это чё? - спросил сосед, показывая на деньги.

- А, так это я только что напечатал и сушу.

Сосед забрал самогонный аппарат и как-то уж очень быстро улизнул. Через полчаса в квартиру ворвалась милиция и стала выяснять: где аппарат печатающий деньги?

- Какой аппарат? Деньги настоящие, намокли под дождём. Нет, деньги у нас никто не печатает, а вот самогон варят! - Степаныч назвал адрес соседа.

* * *

Фамилия деда Глебовых - Иванов. Он умер, его увезли в морг. В назначенный день приехали за ним. Им вывозят тело. В гробу не он.

- Это не наш дед!

- Костюм ваш?

- Наш.

- Ботинки ваши?

- Наши.

- Так какие проблемы?

- Дед не наш!!!

Потом выяснилось, что в этот же день,

тоже с этой же улицы, но с другого конца, поступил другой Иванов. И их перепутали.

Пока выясняли, пока искали, пока переодевали. Глебовы опоздали на кладбище.

Тяжело быть Ивановым в нашей стране... Да и с другими фамилиями тоже не проще.

* * *

В шестидесятые годы двадцатого века в Ленинграде недалеко от Московского проспекта в парке Авиаторов как-то стояли трое немолодых скромно одетых человека. Мирно беседовали. На земле перед ними, как водится, стояла бутылка водки.

Мимо проходили шестеро молодых парней. Один вальяжно подошёл к троице. Кого бояться? Их шестеро! Если что - навалеют этим старпёрам. Никого не спрашивая, взял бутылку, налил себе полный стакан и выпил. Обвёл стариков торжествующим взглядом.

- Ты выпил? - спросил спокойно один из них.

- Выпил! - с вызовом ответил парень.

- Тогда на - закуси, - старик лёгким движением, как будто лист бумаги, взял ухо обидчика, оборвал и протянул.

Парень, обливаясь кровью, заорал, испытывая шок от боли. Другой из компании хотел прийти ему на помощь, но третий удержал его:

Стой, это, кажется, кузнецы с «Электро-силы»! У них такие руки, что они нас порвут на куски. Дёргаем отсюда!

Компания стремительно удалилась. Быстрее всех убежал парень без уха.

* * *

В троллейбусе сидела женщина, рядом с ней что-то бесформенное с короткими детскими ножками, обвязанное женским цветным платком. Ножки весело раскачивались.

Подошла другая женщина. С интересом посмотрела на бесформенное, завязанное платком.

- Ты кто? - спросила она у платка.

- Я кошмонафт! - раздалось изнутри.

- Сволочь ты, а не космонавт! - проследилась женщина. - Одел хрустальную вазу на голову, никак снять не можем! К вращу едем!

НИНА ОЗЕРОВА

Святочный рассказ или ночь перед Рождеством в Музее

Зимнее утро. Но не «Утро помещицы» и не «Утро в сосновом лесу». На улицах еще темно. Утро накануне Рождества во Дворце... Обычная суэта и беготня перед приходом посетителей. Поднимаются маркизы на окнах, протираются сухой фланелью мраморы подоконников, словно чьи-то следы затираются. Фавнов что ли? Дворцовая стража (то бишь милицейский полк) на ногах. Начинается утренний обход всех залов Дворца, с полной выкладкой и при оружии, не хватает лишь шинели в скатку на плече. Все как обычно и смотрители (или фрейлины, так им бы хотелось себя называть) на местах.

Расправлены банты и шарфики, локоны в прическах на месте, и глаза устремлены в одном направлении – туда, где появится в это утро первый посетитель, и на нее или на него уже кто-то загадал.

Авэтовремя в кабинете администратора тоже все происходит своим чередом. Надо заметить, что «администратора на работе со смотрителями» за глаза называют «Бархатная женщина» - понятно, что за необыкновенно «ангельский характер», а ее заместителя - «Малыш». Ходят слухи, что в прошлой жизни – тогда, в те далекие времена он был ее начальником... Так вот продолжим, а в это время в кабинете Б.Ж. Малыш тихонечко мурлыкал себе под нос любимый романс «Снился мне сад», заваривал кофе для своей патронессы или «Таши», как нежно он ее иногда называет... И тут вдруг с грохотом резко открывается дверь вваливается эта самая Б.Ж., «добрейшей души человек», с дикими воплями и падает в кресло.

Малыш так и замер с чашкой кофе в руках, с незаконченной фразой «Снился мне сад...» и быстро придя в себя, спросил тихо

и вкрадчиво:

- Что случилось, Таша?

- И он еще спрашивает! – проревела Таша своим боцманским голосом. - Твой сад давно уж облетел и снегом покрылся! А мне вот приснился сон, всем снам сон, ну прямо «казни египетские»! За что только такая напасть?! За что? Ну, я выведу всех на чистую воду!

- Как крошки Сорти в новой рекламе?

И, изображая на лице сочувствие, Малыш уже более уверенно и еще вкрадчивее сказал:

- Перестань нервничать, Таша, успокойся. Ну, если не хочешь кофе, тогда может быть рюмочку того славного вина разлива 1841 г., что я стащил у официанта в «Трапезной»? Перестань реветь, как бегемот перед свадьбой, а то ведь за глаза тебя уже называют «Фрекен Бокк» за...

- А тебя Малыш, - обрезала она.

- А я и не обижаюсь, мне это даже льстит, все же не «Кощей».

Не успел он договорить, как вдруг прозвучала команда: «Огня!» И не веря своим глазам Малыш увидел, как лихо стала Б.Ж. набивать пальцами ароматный табак в такую знакомую длинную трубку образца 1800-какого-то года, и ловко поднес ей вместо зажигалки спичку.

- Ну что же ты, Таша, перешла с «Норд Стар» на трубку? - спросил Малыш.

- С такой жизнью перейдешь не только на трубку, а с сигареты на ракету! Зато этот боцманский табачок куда крепче, чем твое вино из «Трапезной» - пробасила она. И выпуская из накрашенных губ клубы дыма и очень ловко держа в пальцах трубку, Б.Ж. начала пересказывать свой сон.

- И вот представь себе, Малыш, сплю я

Золотое Слово-6

себе, сплю, и вдруг являются мне во сне два огромных льва оттуда... Ну помнишь: «Вот парадный подъезд...»

- Подожди, дорогая, а наши-то где, увели их что ли?

- Не перебивай! И говорят: «Дорогая Фрекен Бокк, приказано доставить Вас срочно во Дворец!»

- Прямо так и сказали, надо же, а кто приказал, не сказали? - удивился Малыш.

- Молчи, не перебивай! Ладно бы еще как ту принцессу собаки доставили ночью к молодому солдату из «Огнива», ладно бы еще... Или Вакулу черт перенес к царице, куда бы еще ни шло... Но ведь Дворец этот мне днем надоел хуже «горькой редьки», продолжала Б.Ж. Подхватили они меня на свои спины и мигом я очутилась во Дворце.

А там такое творится, ну ты не поверишь! Светло, как днем, люстры горят, жирандоли и канделябры сверкают, ковровая дорожка на лестнице – совсем, как на «Столетие»!

- Голливуд отдыхает! - хихикнул Малыш.

- Молчи! - продолжала Б.Ж. - На ступенях лестницы стоят Фавны, только все в трусах до колен. У кого в райских птицах, у кого в розах, и командует всем этим парадом «Козлоногий», ну этот, мастер развязывать сандалии у нимф.

Этаким эскортом ведут меня на второй этаж. А там уже приготовлена красивая тележка вроде сервировочного столика на колесах. На нем внизу парчовые мешочки с подарками, а наверху блюдо с пирожными, кофейник с дымящимся кофе, аромат... Наверное «Чибо-Эксклюзив» и тончайшие фарфоровые чашечки. И тут этот Козлоногий приказывает мне... Ты знаешь меня, каково мне это терпеть, но слушаюсь, приказывает мне обойти все залы и всех наших, этих – «белых мышей», ну зрителей этих, между собой они называют себя фрейлинами. Ужас какой-то! Поздравить каждую с Рождеством! А это значит: вручить каждой подарок, налить чашечку кофе, угостить пирожным, а кто

попросит – налить рюмку «Реми Мартан», знаешь, который очень уважает мадам Алла Борисовна. А эти фрейлины, «черт бы их побрал», уже все на местах и в кринолинах, точно «Смолянок» раздели.

- А знаешь, Таша, я думаю, что «черт их с удовольствием бы взял», - опустив глаза, добавил Малыш.

- Молчи! - прошипела Б.Ж.

- И представь себе эту муку великую, эту пытку изощренную для меня, чтобы кому-то сделать добро, а уж этим «белым мышам» тем более...» Но послушаться нельзя, повинуюсь наперекор собственной душе, молчу – это мне-то молчать!...

А эти фавны, фавны-то эти с козлоногим – так глядят... Одним словом берусь за тележку (такая золотая, вот бы себе домой удивить иногда гостей) и начинаю свой обход по залам Дворца.

И попыхивая трубкой, выпуская клубы дыма, она продолжила:

- И представь себе только – встречается мне фрейлина «Певица». Ну ты ведь знаешь ее, принимал сам ее в штат, словно гарем набирал, всяких и разных... Подхожу с тележкой к ней, наливаю ей кофе в фарфоровую чашечку – аромат божественный. Сама себе не могу позволить такой кофе, ну это я так, между прочим. Подаю пирожные – две штуки, а она тем временем так загадочно улыбается и пальчиком указывает на рюмочку – наливаю ей коньяк. Потом поздравляю ее с Рождеством (будто заводная механическая кукла) и вручаю парчовый мешочек с подарком и при этом даже не знаю, что внутри... Она развязывает его... а в нем зеленые все...

- Что зеленые? - перебивает Малыш. - Змеи что ли?

- Не перебивай! - послышался возглас.

- Доллары, все доллары «усыпали все вокруг нее зеленым ковром»... И вдруг эта «Певица» как запоет своим ангельским голосом: «Если б навеки так было!» - и не остановить. И подчиняясь какой-то неведомой силе, иду дальше, толкая тележку

Золотое Слово-6

перед собой.

Выпуская из накрашенных губ кольца дыма, попыхивая трубкой, Б.Ж. продолжала свой рассказ.

- На этот раз встречается на моем пути «Мечтательница». Тоже еще та кукла раскрашенная. Частенько видела ее во время обхода, стоит обычно у окна в очках, смотрит вдаль, а что у нас далеко увидишь, деревья и те уже голые, да памятник А.С., да и тот стоит спиной ко Дворцу. Опять все в том же порядке: кофе, пирожные, от рюмки отказалась. Странно даже! Я вдруг такая любезная с ней почему-то. Жалко мне ее дурру, все ждет кого-то... принца какого-то заморского... Вручаю ей парчовый мешочек, она его тут же развязывает и достает из него конверт, а на нем надпись «Кругосветное путешествие на воздушном шаре». И тут у нее в руках появляется подзорная труба и она ангельским голосом произносит: «Рубить канаты, я полетела, рубить канаты, я полетела!» - и не остановить...

- Да... - встревает Малыш – А ведь такой юной казалась, - и многозначительно добавил: Да обмануть меня несложно, я сам обманываться рад...

- Как интересно! Рассказывай дальше, Таша.

- Продолжаю я свой путь по залам. Уже третья передо мною, настоящая графиня из «Пиковой дамы».

- Давно работает бедняжка, - уточняет Малыш, - говорят, в прошлой жизни была учительницей.

- Как заведенная выполняю весь ритуал с угощением, с поздравлением, и даже нахожу удовольствие в этом для себя новом качестве. Но эта от пирожных отказалась, видно кринолины и корсет туговаты, а рюмки с коньяком попросила две. Подаю ей парчовый мешочек, она его развязывает и достает из него какой-то древний папирус, а на нем написано древнеегипетскими иероглифами, и она это читает: «Ваша пенсия теперь 1000 долларов». И тут наверное от радости она как запоет: «Я буду служить безвозмездно!», даже не остановить...

Не оглядываясь, продолжаю свой путь по залам дальше. Оказываюсь в большом зале, где пустые постаменты из под фавнов, Козлоногого тоже нет. Нимфа плачет и завязывает свои сандалии сама. Бренчит рояль. Это музицирует одна из самых молодых наших особ. Щеки разгорелись, глаза блестят, локоны развеваются... Тем временем по залу кружится и напевает что-то та, ты знаешь, Малыш, несостоявшаяся в прошлой жизни артистка оперетты, нашедшая себя у нас во Дворце. Опять тот же ритуал с чашками, рюмками, пирожными. Я любезно поздравляю их, вручаю обеим парчовые мешочки. Та, которая молоденькая, развязывает свой и достает оттуда игрушечный белый «Мерседес» с ключиком. После трех поворотов ключика он, Мерседес, вырастает до натуральных размеров (хорошо еще зал большой, академический), и вдруг откуда-то зазвучал «Свадебный марш» Мендельсона. Та, что постарше, вынимает из своего мешочка «музыкальную шкатулку», открывает у нее крышку – зазвучала знакомая музыка, и она запела своим далеко не ангельским голосом: «Частица черта в нас заключена подчас!» И как заведенная, и не остановить, аж в ушах жуткий звон... Кошмар! Представь себе, Малыш, как я устала от этих «чудес», старик Гофман отдыхает... Продолжаю свой путь по залам, тишина, даже задумалась, а что же дальше со мной будет? И вдруг мне показалось какое-то дуновение, и будто бы какие-то тени промчались мимо меня. Я оглянулась и с ужасом обнаружила, что рама от картины «Всадница» пуста!!! Понятно! Значит не показалось, кто-то сидел на диване в античных одеждах, это они – из «Гибели Помпеи». И вдруг встречаю фрейлину, которая видимо раньше была «Дама приятная во всех отношениях». Я любезно поздравляю ее с Рождеством, а она говорит мне: «Дорогая Фрекен Бокк, нальем по рюмочке «Реми Марган», чокнемся с вами и выпьем на брудершафт. Я как-то даже растерялась и даже прослезилась от ее любезности. Выпили мы с ней по одной,

Золотое Слово-6

потом еще по две, а коньяк, смотрю я, в бутылке совсем не убывает - странно... Подаю ей парчовый мешочек. Развязывает она его и достает оттуда набор косметики «Вечная молодость» - как накрашишься, так и помолодеешь навсегда...

Жутко мне как-то стало, не по себе. А она достает откуда-то волшебное зеркальце и как запоет ангельским голосом: «Свет мой зеркальце скажи, да всю правду доложи...». И вот тут мне совсем страшно стало. Уж и не помню, как поздравляла всех остальных – но мешочки парчовые кончились, остальное с тележки куда-то исчезло. Оказываюсь в вестибюле второго этажа, спускаюсь по лестнице. Смотрю, фавны между собой о чем-то тихо говорят – не разобрать, а Козлоногий увидев меня воскликнул: «Ну, наконец-то, теперь можно и на постаменты, а то ноги устали, не молод уже, да и нимфа в зале одна замерзла, там такой жуткий холод, она ведь в легкой тунике... Приказ «Самого» выполнили, организовали, все прошло отлично, благодарю за службу, дорогая

Бокк!».

И в эту самую минуту я ловлю себя на мысли «А кто же это такой «Сам»?» И с этим вопросом я и проснулась. И вот я здесь, приехала пораньше.

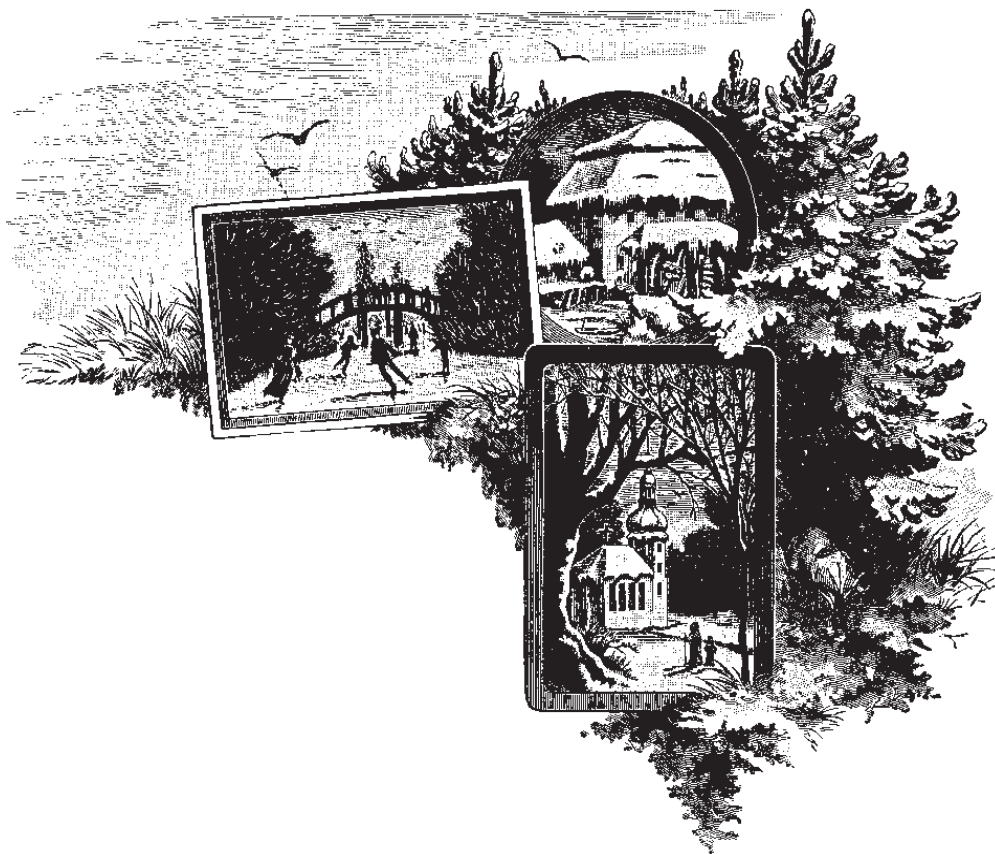
Трубка давно погасла. Посмотрев на часы – «О, уже 10 утра, пойду пройду по залам, пока никого нет. Посмотрю на наших фавнов, в трусах они или без?».

Закрывая за собой дверь кабинета, она подумала: «Что происходит со мной? Мне уже кажется, что я видела и даже наступала на нечто похожее на хвост или нет? Я, наверное, схожу с ума!»

А в это время Малыш, читая ее мысли и старательно упрятывая непослушный хвост под брючину, приговаривал:

- Конечно, не кажется... - Вытаскивая веревку в виде каната, похожую на хвост из под брючины и наматывая на руку: - А фавны на местах как обычно, куда ж им деться.

Когда же еще и пошалить если не в рождественскую ночь .

МАРИЯ ОРФАНУДАКИ

Ангел. Воплощение. Творческие роды.

Два-три месяца назад мне приснился Ангел. Некоторые считают Ангелов бесполовыми. Иногда их представляют в женском облики, порой в мужском. Мне Ангел приснился в виде девушки. Я неясно видела ее черты. Образ был точно в дымке. Я проснулась и заболела им. Этим вот образом. Мне захотелось воплотить его в жизнь. За помощью я обратилась к своему знакомому фотографу Михаилу. Свою идею я доносила ему на пальцах... В общих чертах. Поскольку детали были еще не продуманы. Так: крылья, белое одеяние, легкость образа, естественность, чистота и невинность. Пожалуй, что все. Идея родилась еще в начале весны. В марте. На улицах лежит снег, холодина, полный брррр, а у меня в голове, в мыслях: Ангел разгуливает, в легком длинном одеянии, босоногий, оголенные руки, плечи, а еще цветы.

Шли дни, недели. Образ уходил, приходил, издевался, но окончательно не прорисовывался. Оставался за занавеской, вуалью, тюлевой занавеской и иногда из-за нее выглядывал. Так, отодвинет осторожненько краешек тюля и лукаво подмигнет мне глазом: не забывай, мол, меня.

Забыть не удавалось никак. Ну, вот он - образ. Надо же с чего то начинать. Собирать его по крупичкам, деталям, фрагментам. С чего же начать? Ну конечно с платья. С одеяния Ангела. И что на нем надето? Платье? Нет. Туника? Уже ближе, теплее. Но не совсем. Сорочка?

- Ну, ты даешь, мать!

- А что тогда?

Я ходила по магазинам. Смотрела ткани, готовые платья. Все было не то и не так. Не екало внутри, не отзывалось. Идея манила, немного подпускала к себе и снова неуловимо ускользала. Сладкие муки творчества. Появилась вот идея, и носишь ее в себе. Начинаешь ею жить, дышать. Такая вот «творческая

беременность». Она заполняет все твоё внутреннее пространство. А потом ей становится тесно и в тебе. Она просится наружу. Кричит, требует:

- Ну выпусти же меня! Роди!

Время от времени я списывалась с фотографом и обсуждала с ним образ, который я собиралась воплотить, придумывала все новые детали. Провести фотосет планировали в конце весны, чтобы было тепло и солнечно. Трава, листва на деревьях. Место съёмки почти не обсуждалось. Однозначно, Каменный остров - один из самых красивейших и зеленых районов Санкт-Петербурга. А платье так и не находилось. Идея же стала понемногу отступать, блекнуть... Нет. Я не отказалась от нее, просто отложила как-нибудь на потом. Но, видимо, идее не захотелось стоять в очереди ожидания. В один прекрасный день я зашла в магазин женской одежды. Ну не могу я пройти мимо сказочного слова «распродажа». Сразу невольно в охотничью стойку встаю. Зашла и увидела Его - одеяние Ангельское. И поняла - это именно то, что я так долго искала. Стопроцентное попадание. Образ тут же сложился в голове. Четко, идеально, до мельчайших деталей: живых цветов, цветочного зонтика, браслетов. Да, разумеется, некоторые детали продумывались уже в процессе работы. В один из дней я поняла, что среди живых цветов непременно должны присутствовать ландыши. Я заторопилась. Сезон ландышей проходит быстро. Промелькнет и не заметишь. И потом целый год ждать. Снова списалась с фотографом. Описала ему целиком придуманный образ. Обязательно босые ступни. Ангел в туфлях? Нелепо и странно. В сандалиях? Ах, снова не то... Босые ступни. Ангел не носит лифчик. Сквозь материю будет слегка проступать контур груди. Эротизм? Ну, разве совсем немного. Невинно, изящно. Михаилу моя идея понравилась. Была заранее назначена дата

Золотое Слово-6

съемки. На подготовку к фотосету я дала себе ровно неделю. И заторопилась. Крылья? Продавец снисходительно поведал мне, что если из крылышек вывалится два-три пера, это нормально. Приклею сама. Ну и резиночки там подправить, подтянуть по себе. Чтобы не сваливались.

- Два-три пера? Мужчина, это вы так неудачно пошутили?

Я переклеивала их вручную, перо к перу. Укрепляла, добавляла перьев. А закончив работать над крыльями, принялась за платье. Украсила его, расшила бисером. Плела браслеты из берграса. Травка такая есть декоративная, наподобие осоки. Во флористике используется. Такие вот плетенные фенечки. И в первый раз в своей жизни составляла украшения из живых цветов. Не считая бутоньерок, ну это так, мелочи. Украшения из живых цветов живут очень недолго (считанные часы), но искусственные мне не подходили. Они убили бы весь продуманный образ. Красила каркас зонтика белой краской, украшала его ручку бусинками, напоминающими жемчуг. Ангел внутри меня плясал и радовался. Наряжался в белые одежды. И помогал мне. Воодушевлял, вдохновлял на творческие подвиги. Всю неделю я трудилась не покладая рук, просиживая за работой до поздней ночи. За день до съемки я принесла домой все подготовленные цветы и заготовки для создания украшений. Цветы хранились в холодильнике в баночках-скляночках. Я проверяла их состояние буквально по часам. И как иная мать вскакивает каждый час к люльке спящего младенца, оберегая его сон, так я просыпалась среди ночи и бежала к холодильнику проверить, как поживают там мои цветочки. И волновалась. Да, все было подготовлено в срок, не сорвалось. Оставалось самое главное - провести фотосет. И тут все зависело только от Михаила. Насколько точно и естественно ему удастся передать тот образ, который родился у меня. В ночь перед фотосетом я почти не спала. Легла в три ночи, встала в семь. Цветы в браслеты клеивались в последнюю ночь на специальный цветочный клей.

С утра долгожданного дня съемки меня неласково встретило хмурое небо и дождик. Температура резко снизилась почти на десять градусов. Отменять съемку? Ни в коем случае... Я буду сниматься любой ценой, сегодня или уже никогда. Слишком много сил потратила я на подготовку. В помощники себе я взяла свою старшую дочь Лизу. Она помогала мне везти вещи, цветы. Поддерживала меня морально.

И вот... Наше совместное с Михаилом творчество увенчалось успехом. Люди, прогуливающиеся в тот момент по парку, удивлялись и оглядывались. По аллеям парка бродит Ангел, напевая при этом:

- Абабочкакрылышками: «Бяк, бяк, бяк, бяк»...
Лиза зябко ежилась в плаще:

- Мама, тебе не холодно?

- Милый ребенок! Ангелу не может быть холодно! Он не чувствует температурных колебаний.

И цветы, цветы... На зонтике, шее, запястьях, в руках. Съемки закончились.

Удалось. Уф... «Родила»!

- Ангел! У нас родился Ангел! Разве вы не видите, он здесь! Среди нас! Он ходит по аллеям Каменного острова. Скользит между деревьев, мечтает, собирает цветы. После «родов» появляется странная гамма чувств и эмоций. Невероятное счастье:

- Ну, родилось же!

И появляется пустота внутри тебя. Выпустила идею наружу, воплотила ее. Свершилось. И так до следующего раза. Следующей идеи. Всякий Божий раз. Мы - творческие люди - ведь все немного ненормальные. Немного не от мира сего... И в этот наше счастье... и наша мука. И радость невозможная...

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона

Полёт

Нансону надо было выполнить задание: вырыть ямку и перенести туда все пушинки и детали к ним для постройки нового дома. Он забрался на самый верх Травника и увидел удивительную картину: кругом, насколько хватало глаз, простирался луг. На верхушках качавшихся Цветов, Травника и других растений сидели насекомые и насекомыши. Одни добывали пыльцу, другие относили её в специальные помещения – щели, третьи завтракали, потягивая из трубочек нектар, четвёртые чинили надкрыльнички, выправляя их загнутые края, пятые, как Нансон собирали пушинки. День только начинался. Все были заняты своим привычным делом. Вдруг, неожиданно налетевший вихрь прервал мирный труд насекомышей. Они вынуждены были затаиться в чашечках Цветов или присесть на корточки, укрывшись под листья. Травник, на котором сидел Нансон, пригнуло к самой земле. Наскомыш не удержался на его верхушке и непременно свалился бы не подвернись под лапку парашют одуванчика. В последний момент он успел ухватиться за него, поэтому не упал на землю, а медленно поплыл в воздухе. Нашего незадачливого путешественника несло всё дальше и дальше, пока ветер совсем не стих. Наконец Нансон опустился на песчаную дорожку. Он приземлился как раз перед большим объявлением, которое было написано на пожелтевшем листке древовидного осинуса.

«Осторожно, люди!» – прочёл Нансон.

Нансон конечно читал книжки про людей, их изучают в школе. Но встречаться с ними ему ещё никогда не приходилось. В энциклопедии насекомых наук значилось, что это огромные существа, совсем не похожие ни на одно известное насекомое. Они ещё недостаточно изучены, имеют только две пары конечностей, передвигаются по своим, проложенным ими дорогам. Они так огромны, что собой

закрывают солнце, а когда идут, то трясаётся и гудит земля. Меры предосторожности при встрече с ними обычны, как при приближении любой опасности. При этом надо спрятаться в ямку или забраться под корень. Летучим насекомым включить стартовую скорость, поднять надкрыльнички и улететь куда-нибудь повыше. Нансон не был летучим насекомым и поэтому он не знал куда. Теперь он стоял перед объявлением и размышлял: вступать ему на тропу людей или пойти обратно и по запаху искать дорогу домой.

На тропе

Тут вдали послышался нарастающий гул: всё дрожало и тряслось, как при землетрясении. Чья-то тень заслонила солнце. Прямо на Нансона надвигалось какое-то удивительно огромное существо, голова которого терялась в облаках.

«Наверно это люди идут», - почему-то подумал он.

Искать ямку ему не пришлось. Прямо перед ним в асфальтовом покрытии зияла щель, пересекавшая тропу людей, которая могла укрыть с головой не одного насекомыша.

«Я спрячусь в этом переходе, тем более надо разведать куда он ведёт», - решил наш отважный путешественник и нырнул в щель.

Это действительно был тоннель, предназначенный для перехода через тропу людей. По нему в двух направлениях сновали букашки. Сверху стучали, будто били в наковальню подметки людей, но до насекомышей добраться они не могли. В щели было немного темно, но зато безопасно. Нансон полз вперёд, замечая, как великанские людские тени перемахивают через него. Всё бы хорошо, да только вдруг пошёл дождь. Потоки холодной воды тут же устремились в переход и залили его.

- Давай сюда, - услышал вдруг Нансон. Он оглянулся.

Золотое Слово-6

Мимо проплывала бригада спасателей на гнилушке и собирала намокших насекомых. Нансону кинули спасательный пояс и вытащили из воды.

Встреча

На гнилушке уже сидело немало насекомых. Все они потерпели аварию на переправе.

Среди прочих Нансон заметил зеленоглазую букашку. Она показалась ему чем-то знакомой.

- Извините, - окликнул её Нансон. - Мы с вами раньше нигде не встречались?

- Мы вместе в прошлом месяце сдавали экзамен в школе насекомых наук, - ответила букашка. - Меня зовут Нюся.

- А, точно, - вспомнил Нансон, - Вы ещё тогда приезжали к нам на луг на семипалой железной гусенице.

- Верно! – засмеялась букашка. – А вы куда путь держите?

- Да вот нечаянно ветром занесло сюда к вам. Теперь надо как-то домой добираться.

- Пойдёмте к нам, мы тут недалеко живём, на лужайке одуванчиков. - пригласила Нюся, - Обсушитесь, а потом уж и домой.

Гнилушка тем временем причалила к берегу, и все букашки разбрелись по домам. Дождь кончился, сквозь тучи проглянуло солнце. Нансон с Нюсей пробирались сквозь заросли Лечебной ромашки, жёлтые шарики которой так приятно пахли после дождя.

- Должно быть, вам страшно так близко жить с тропой людей? – спросил Нансон, поднимаясь на пригорок вслед за Нюсей.

- Да, нет. Ко всему привыкаешь, только временами шумно очень, - ответила Нюся.

Они выползли из зарослей Ромашки и остановились возле раскидистого Одуванчика. Отсюда тропа людей была видна как ладони. На ней лежало множество Дождевиков, раскиданных там и сям.

- Их дождём вымывает, - кивнула в сторону червяков Нюся.

- Но это же опасно, на тропе их могут раздавить, - удивился Нансон.

- Да, – сказала Нюся. – Но все Дождевики ужасно беспечны и не соблюдают никаких мер

предосторожности. Если они успеют уползти под корень, то ничего, а если нет, то вполне могут пропасть под лапами людей, а то и быть съедены Махолётами.

В гостях

Они проползли ещё немного и увидели на песчаном откосе целый посёлок. Здесь в одной из щелей вместе с другими насекомыми и жила Нюся.

- Вот мы и пришли, – сказала она Нансону. - Добро пожаловать в гости.

Нансон залез вслед за зеленоглазой букашкой в щель и очутился в полумраке песчаного жилища. Нюся повернула одну из гнилушек, и тут же мерцающим фосфористым светом зажгётся под потолком светлячок. Букашка проползла длинным коридором в одну из боковых комнат. Нансон проследовал за ней. У Нюси в комнате было необыкновенно уютно. Под потолком горело сразу три светлячка, а пол был устлан пушинками. Нюся причесалась перед блестящей бусинкой, а Нансона тем временем пригласила присесть на тюфячок, набитый мягкими былинками. Пока Нансон растирал свои затёкшие пятки, Нюся принесла на подносе одуванчиковый мёд и бутылку росистой шипучки.

- Какой вкусный, - попробовав из бокала мёд, сказал Нансон. – Намного лучше нашего. Из чего вы его варите?

- Из одуванчиков.

- А мы из Гречишника, поэтому он у нас немного горчит.

Нюся тем временем открыла бутылку шипучки, пробка от которой прыгнула прямо в потолок.

- Освежающий напиток, - похвалил Нансон. – Даже лучше водяной болтушки. Наверно вы её делаете из самой ранней росы?

- Да, – ответила Нюся, - собираем с первыми лучами солнца. Летом после занятий в школе насекомых наук, мы всегда делаем запасы на зиму.

- Мы тоже, - отозвался Нансон, запивая мёд росистой шипучкой. - Сейчас мы строим новый дом. Вот отделаем – приходите в гости, увидите, как будет красиво.

- Спасибо за приглашение, обязательно

Золотое Слово-6

приду, – пообещала Нюся.

- Как же мне добраться до луга? Это ведь несколько сот дюймонов пути! – горевал Нансон.

- А вы садитесь на собаку. Мы всегда так делаем, если спешим, – посоветовала Нюся.

Они выползли из домика-щели и вскарабкались на верхушку самого высокого Травника. Мимо как раз проходило громадное, покрытое с головы до ног шерстью существо по имени Собака. Нансон, по совету Нюси, ухватился за одну из её шерстинок. Не успел Нансон как следует на ней устроиться, как Собака помчалась со страшной скоростью.

- До свидания! – крикнул он, обернувшись к Нюсе, но зеленоглазой букашки уже не увидел.

У пруда

И кто бы мог подумать, что новейшее средство передвижения, Собаку, понесёт не на луг, где она всегда гуляла вместе с человеком, а совсем в другую сторону – к пруду, заросшему ряской и кувшинками. Ничего не подразумевающий Нансон, трясясь в это время на Собаке, почувствовал, что погружается в воду. Это чёрная лохматая махина, на которой он ехал, со всего разбегу прыгнула в пруд.

Нансону повезло в том отношении, что он сидел не на спине, а на голове у пса. Поэтому он замочил разве, что ноги. С головы Собаки Нансону было к тому же прекрасно всё видно. Над прудом парили стрекозы, а из камышей взмывали целые тучи комаров. Собака подплыла к камышам и вышла на берег. На берегу она принялась мотать головой, хвостом и всем своим огромным телом. Брызги так и посыпались во все стороны. Вместе с брызгами она стряхнула и Нансона, который сделав в воздухе кувырок, встал прямо на ноги.

- Вот так подъехал, – присвистнул он. – Куда это меня занесло? – продолжал размышлять он вслух.

- Это воинская часть лётной эскадрильи Прудеро, – прокашлял вдруг кто-то, скатившись с камышинки.

Пред Нансоном появился грузный насекомый с пышными усами.

- Разрешите представиться, старший лейтенант в отставке, Карос. – сказал он.

- Очень приятно, Нансон, – в свою очередь представился наш друг.

- Хотите, я познакомлю вас с нашими пилотами? – спросил Карос

- С удовольствием! – ответил Нансон.

И они поползли к комариному аэродрому.

- У нас отличные ребята, – рассказывал по дороге Карос. – Все они как один защитники зелёных насаждений. Они не боятся встретиться с людьми-браконьерами, вырубаящими деревья. Браконьеры уничтожают даже, занесённый в «Зелёную книгу» Древовидный осиниус. Они рубят его на чурки, а потом коптят на них мясо и рыбу. Как будто нет у людей каменных небоскрёбов, где они живут со всеми удобствами. И ещё браконьеры сердятся на наших мстителей-истребителей из лётной эскадрильи Прудеро, когда те залетают к ним в открытые Фортовые щели.

Тут Карос с Нансоном подползли к постаменту, на котором стоял каменный комар в лётной форме.

- Это памятник первому комару, совершившему беспосадочный перелёт Пруд – Форточка – Пруд, – сказал Карос и положил к подножью постамента живую былинку.

- Первый раз вижу памятник комару, сказал Нансон. – он наверно единственный такой.

- Нет, – возразил Карос. – В Канадском городе Комарно ещё один стоит. И воздвигли его, как ни странно, люди.

- Они так почитают там комаров?

- Нет, скорее поражаются их множеству.

Через десять минут Карос с Нансоном уже вползали в лётный городок. На высокой камышинке у ворот было помещено объявление:

- Сегодня в честь 567 годовщины взятия Фортовой щели состоится праздничный концерт и дискотека. Вход свободный.

На открытой площадке городка была устроена сцена, откуда слышались родные с детства звуки «Камаринской», которую исполнял сводный оркестр комариков-дудариков. Нансон невольно остановился. Прислонившись к камышинке, он стоял и слушал, закрыв глаза. А на площадке тем временем толпились насекомые и насекомихи. Среди них были жуки и букашки

Золотое Слово-6

разных национальностей. Все они дрыгали ножками, вертели усами и покачивали головой в такт музыке. Потом оркестр взвился и улетел, а на подмостках сцены появился диск-жокей насекомый Коклюшкин, который объявил:

- А сейчас, уважаемая публика, танцуем «Топ-хлоп». Дамы приглашают кавалеров.

Тут со всех сторон понабежали и поналетели комарики, насекомых и жучики. К Нансону подлетела насекомая в туфлях на высоких каблуках и пригласила на «Топ-хлоп». Нансон не успел опомниться, как уже кружился в вихре танца. Рядом он увидел Кароса, который топтался с какой-то пузатенькой букашкой с завитыми усиками. Дискотека продолжалась допоздна. Тучи мошкеры кружились в это время над прудом и площадкой. Только к ночи усталому Нансону удалось доползти до дома Кароса, который любезно пригласил его к себе ночевать.

У Кароса

Карос жил неподалёку от аэродрома под большим камнем. Его просторный дом был убран коврами из мха. Вернулись насекомые после дискотеки поздно и тут же завалились спать. Не успел Нансон пожелать своему новому знакомому спокойной ночи, как тот упал прямо на ковёр и захрапел, вытянув все свои шесть ног. На следующее утро Нансон проснулся от шума, доносившегося с улицы.

- Что это за шум? – спросил он Кароса.

- Это комары-стажёры делают учебный облёт пруда, – сказал, потягиваясь, Карос. – На днях они сдавали правила высшего пилотажа на компьютере, а теперь вот осваивают это дело на практике. Скоро они достигнут такого высокого уровня полётов, что смогут подняться над рощей, и даже над небоскрёбом людей.

- Как бы мне хотелось посмотреть на такой небоскрёб, – сказал мечтательно Нансон.

- Нет ничего проще, – ответил Карос. – Я могу попросить знакомого пилота, и он доставит вас прямо на небоскрёб. Это ближайшее к пруду жилище человека, в котором, кстати, живёт мой кум, домовый муравей. Я часто посылаю ему письма, а он шлёт мне открытки с днём рождения и на

праздники. Хотите, провожу вас?

- Да вроде неудобно, – начал было Нансон.

- Ничего неудобного, – отозвался Карос.

– Завтра же и полетим. А сегодня погуляем по магазинам, – добавил он и пошёл подогреть в чайнике водяную болтушку.

Прогулка

Позавтракав, они отправились в лётный городок. Здесь располагались палатки со всякой всячиной. В одних продавались комариные жала, в других специальные пружинки для жуков-прыгунов, в третьих, запасные надкрыльнички. Нансон хотел купить одно небольшое жальце, но ему его не продали, потому что не было разрешения на ношение холодного оружия. В одной из палаток Карос с Нансоном угостились холодным нектаром, в другой купили газету, которая называлась «Мир насекомых».

- Дома почитаем, – пояснил Карос, сворачивая газету и пряча её в карман куртки.

Вскоре они увидели жилище комаров. Все они сидели на высоких камышинках. Карос постучал по одной из камышинок, и вскоре к ним спустился бравый усатый комар в лётной форме.

- Привет! – сказал Карос, похлопав комара по плечу. – Познакомься, это Нансон.

- Очень приятно, Марош, – сказал комар, подавая Нансону переднюю лапку.

- Мы хотели бы слетать к моему куму. Не сможешь ли ты нам в этом? – спросил Карос.

- Хорошо, завтра слетаем. Мы как раз несём туда почту. Приходите на аэродром ровно в 6 часов утра, – согласился Марош.

Он повернулся, включил стартовую скорость и взмыл вверх.

Небоскрёб

Когда на следующее утро наши друзья пришли на аэродром, то увидели тучу комаров, готовящуюся к полёту. Они с трудом отыскали Мароша. Он уже ждал их. Специальные сидения для пассажиров, сделанные из змеиной кожи давно были пристёгнуты.

Золотое Слово-6

Они висели по бокам его туловища. Карос с Нансоном едва успели забраться в них и закрепить пристяжные ремни, как эскадрилья взмыла в воздух. Часть комаров осталась у пруда, часть полетела в рощу, остальные, в том числе и Марош, понеслись к небоскрёбу. Марош летел не так стремительно, как другие его товарищи, потому что нёс на себе пассажиров. Гладь пруда и блестящие вокруг него камыши остались позади. На наших друзей надвигалось что-то высокое и тёмное. Эта каменная громадина и была небоскрёбом - жилищем человека. Чтобы не налететь по инерции на стену, Марош сбавил скорость, но, несмотря на это, он всё же попал в воздушный водоворот. Поток воздуха его просто затянуло в открытую Фортовую щель, называемую в простонародье Форточкой. Путешественники оглянуться не успели, как очутились в огромном тёмном гроте. Наверху потолочной тверди слегка поблёскивало, видимо давно погасшее, искусственное Солнце. Марош облетел вокруг него и приземлился на какую-то круглую белую площадку. Карос с Нансоном отстегнули ремни и катапультировались. Ноги тут же заскользили по гладкой поверхности. Чтобы не упасть Карос надел на них резиновые тапки. Две пары у него оказались лишних, и он передал их Нансону. С большим трудом насекомыши спустились, наконец, вниз на деревянную небывалой величины столешницу. Невдалеке они увидели комара-почтовика, передававшего носильщикам письма. В это время Марош в последний раз пролетел у них над головами, махнул на прощанье крыльями и скрылся в открытой Форточке.

В гроте

Путешественников поразил сумрак помещения, в которое они попали.

- Где это мы? – спросил Нансон Кароса.

- По описанию кума, это Кухономария – место, где люди готовят себе еду. Только не пойму, почему здесь так темно? Кум рассказывал, что у людей есть искусственное солнце, которое горит и днём и ночью.

- Может оно перегорело? – предположил Нансон.

- Ещё не ясно, ну ладно, пойдём искать кума, он живёт где-то тут неподалёку, там всё выясним, - сказал Карос и бодро пополз вперёд.

- Как высоки и гладки стены этого грота, - не переставал удивляться, оглядывая помещение, Нансон.

- Да, люди удивительные строители. Представь себе, - обратился Карос к Нансону. - Сколько надо умения, смекалки и силы, чтобы соединить так точно мощные каменные плиты и ни разу не промахнуться. В плитах нет ни одной выбоины, ни одной щербины. И всё же есть место, где можно поселиться и нашему брату.

Тут насекомыши подползли к еле заметной щёлке в стене.

- Вот видишь эти зазоры в стенах? – указал Карос на щель. - Здесь и живут домовые муравьи. Между камнями, в недоступном для человека месте строят они себе гнездо. А по щелям-проходам наведываются в Кухономарию за провизией. От завтрака таких великанов всегда что-нибудь да остаётся. Для людей это крошки, а для нас, насекомышей, – горы съестного.

Путешественники заползли в щель и очутились в узком проходе, называемом местными жителями городским ущельем.

В ущелье

Друзья медленно ползли по проходу, ощупывая его усиками. В ущелье никого не было.

- Странно, почему так тихо? Всё как будто вымерло! – удивлялся Карос. – Кум рассказывал, что здесь всегда много муравьёв.

Вдруг они услышали какие-то звуки не то трубы, не то радио, доносившиеся из глубины ущелья. Путешественники поползли на эти звуки и вскоре попали в большую залу. Здесь, видно, проходило какое-то собрание, потому что всё помещение было заполнено муравьями. В конце залы помещалась трибуна, с которой выступал с речью старый муравей. А на скамейках и в проходах сидели и стояли слушатели. Стены залы были украшены плакатами гласившими: «Муравей не имей

Золотое Слово-6

сто рублей, а имей сто друзей», «С человеком жить – по волчьей выть», «Свои сухари лучше людских пирогов», «Не подставляй человеку палец – всю лапку отхватит».

Наши друзья остановились позади всех и тоже стали слушать.

- И теперь, когда наступает угроза нашей жизни и деятельности, мы все, как один должны встать на защиту интересов муравьиного общества, самого гуманного в мире. Сплотим наши ряды! Будем бдительны и не дадим отравить себя и свои семьи. Да здравствует муравьино-насекомышевый союз! Муравьи и насекомыши – братья навек! – закончил свою речь старый муравей.

Все вдруг задвигались, зашумели, заговорили, поднялся невообразимый шум. То и дело были слышны возгласы:

«Не допустим! Руки прочь от муравья-домовика!»

Нансон и Карос проползли сквозь ряды возбуждённых муравьёв, нервно шевеливших усиками. Вдруг Карос воскликнул:

- Минус! – и пополз быстрее.

Нансон посмотрел в ту сторону, куда отправился Карос, и увидел муравья среднего роста с небольшим брюшком и в очках. Карос подполз к нему, встал на четыре лапки, а двумя передними обнял его.

- Познакомься, – это Минус, любимый кум и приятель, - повернувшись к Нансону, сказал Карос. – А мы к тебе в гости, кум! Да, вижу, не вовремя.

- Ничего, пойдёмте в мою комнату, - сказал Минус.

В комнате Минуса

У Минуса было большое семейство: жена и пятеро муравьишек. Трое ходили в школу, а двое других лежали ещё в люльках и мать кормила их молочком. Когда гости вошли в комнату, то увидели Минусиху, сидевшую на низенькой скамеечке. Двумя лапками она качала колыбельки, а свободными что-то плела. Подойдя ближе, друзья поняли, что она делала сетки.

- А поставь-ка нам, жена, самовар! – попросил Минус, усаживаясь с гостями вокруг стола.

- Ну, как живёшь? – спросил Минуса Карос. - Что это у вас за собрание было?

- Да, понимаешь, мы всегда ждём какого-нибудь подвоха со стороны людей. С недавних пор они стали подкладывать у нашего входа в ущелье отраву. Люди борются с теми насекомыми, кто им мешает. Они отравили тараканов и вывели клопоусов. А это старейшие на Земле насекомые. Людей ещё в помине не было, а насекомые уже существовали. Они разрыхляли землю, копили питательные вещества, чтобы приготовиться к встрече людей, как малых детей. И что же? Люди пришли и стали уничтожать своих родителей! Сегодня мы проводим специальные уроки для молодых муравьёв, чтобы они учились распознавать ядовитую пищу. У нас работает целая химическая лаборатория. С нами людям трудно бороться. Ведь мы живём в недоступном для них месте. Вот и на сегодняшнем собрании старейшина нашего племени опять призывал всех к бдительности и предупреждал о грядущей опасности.

Тут Минусиха принесла огромный самовар и водрузила его на стол. На большое блюдо она положила заморские лакомства: леденцы и сахар. Нансон никогда в жизни не пробовал ничего подобного и поэтому уплетал за обе щёки.

- Ну, а как у вас дела в лётном городке? – свою очередь спросил Минус.

- Да летаем помаленьку, - уклончиво сказал Карос. – Хотя тоже, знаешь, хорошего мало. Люди приносят и нам немало беспокойства: выкашивают камыши, вырубают деревья. Они такие высокообразованные существа, освоившие сложную технику, а не соображают, что каждое растение выделяет кислород, которым дышат и сами люди. Если уничтожить все растения, то вместе с насекомыми погибнет и человек. Учёные люди, а простого понять не могут!

Нансон слушал этот разговор и думал, что все они, земные существа, могут жить и процветать. Для всех на планете найдётся своё место, свой уголок. Даже с людьми они, насекомые, могли бы найти общий язык, если бы люди этого захотели. Если бы они не идеализировали себя и противопоставляли всему живому. Вот какие умные мысли бродили в голове у нашего смышлёного Нансона.

Золотое Слово-6

Только он постеснялся об этом сказать вслух. Он подумал, что пора возвращаться домой. Надо заканчивать начатое дело. Дома ждут его друзья, насекомыши, и, наверное, волнуется. Поэтому он попросил Минуса:

- Помогите мне попасть к себе на луг.

- Хорошо, - ответил тот. - Я вызову стрекозу-робота, которая обслуживает ОПП (объединение пассажирских перевозок). Она отвезёт вас домой.

Он подошёл к телефону, висевшему на стене, и набрал номер 001 – это был телефон вызова такси.

Заключительная глава

Друзья простились с гостеприимным семейством Минуса и поползли в обратный путь. Муравей проводил их до самой Кухономарии. Он долго стоял на краю ущелья и махал им лапкой. Когда, взобравшись на Фортовую щель, они готовились к полёту, и Нансон в последний раз оглядывал грот-жилище человека, тут вдруг вспыхнуло искусственное Солнце. Да, да, потухшее светило вновь засияло. Необычно величественная картина открылась тогда взору Нансона: сделанные руками человека зелёные лужайки, по которым они гуляли, засверкали, полированные поверхности кастрюль заблестели, а из носика огромного чайника, как из заводской трубы повалил пар. Тут подлетела стальная стрекоза и унесла Нансона и Кароса домой. Вскоре они вновь увидели вдалеке знакомые очертания пруда.

Авария

Вот впереди сверкнул на солнце пруд, раскинувшийся на много дюймов вдоль роши. Частоколом рассыпались вокруг него камыши. Чаше стали попадаться навстречу истребители из прудеровской эскадрильи. Стрекоза сбавила скорость, сделала круг над прудом и, наконец, села на верхушку камышинки. Карос махнул Нансону на прощанье лапкой и прыгнул прямо на крышу комариного дома. Нансон в ответ кивнул головой и крикнул:

- До свидания!

Но его голос потонул в рокоте работающего двигателя. Он ещё некоторое время наблюдал, как двое насекомышей разгружали почтовый отсек, потом, когда стрекоза вновь поднялась и набрала высоту, задремал. Ему уже снился родной луг и лица друзей. Стрекоза спокойно летела в автоматическом режиме. Она исправно вращала стальными фарами. После того, как у Пруда высадился Карос, наш путешественник остался в кабине совершенно один. Он не заметил, как грузотакси пронеслось над прудом и миновало рошу. Проснулся он от странного толчка. Стрекозу как-то резко встряхнуло и Нансон, не удержавшись, упал в проход между сидениями. Послышался какой-то скрежет в железных внутренностях двигателя, будто что-то мешало его плавному ходу.

«Вероятно, вышел из строя один из моторов», - подумал Нансон, прицепляя себе на спину на всякий случай парашют. Они миновали одиноко стоящий дуб, когда Стрекозу в последний раз подбросило вверх, а затем она, задев крылом одну из веток, начала падать. Нансон вылетел из кабины, и, перевернувшись через голову, спланировал на зелёную площадку. Он снял с плеч ремни, свернул парашют и оглянулся. Вдали в туче пыли к нему приближалась какая-то машина. Это была карета скорой помощи, с красными бортами, похожая на жука пожарника.

«За мной, что ли?» - подумал Нансон.

Но скорая проехала мимо насекомыша и остановилась у дерева. Из неё вылез военврач первого ранга – комар прудеровской эскадрильи.

- Разворачивайтесь быстрее! – крикнул он клопам-санитарам. Те положили кого-то на носилки, подпрыгнули и со страшной скоростью потащили к машине. Нансон всё же заметил знакомые усы и свороченное набок жало. В раненном он узнал Мароша. Тот имел жалкий вид.

- Что случилось? – спросил у врача Нансон.

- Убойная сила, – ответил тот.

- Что такое?

- Комар не успел увернуться от удара человеческой руки. Он имел несчастье приземлиться прямо человеку на лоб. А ведь вы должны, знать какие слабые у комаров

Золотое Слово-6

ноги. Пока складывал, пока распрямлял свои ходули, вот беднягу и прихлопнули. То есть использовали силу в тысячу мегабум. В результате мы имеем сотрясение средней мозгины и сломанное жало. В реанимацию его! – распорядился врач. – Ничего, – он потрепал по плечу приунывшего Нансона, – поднимем на ноги вашего друга. Через месяц будет как новый.

- А как же я? – подумал Нансон и в растерянности остановился в тени старого дуба.

У его корней лежала сломанная стальная стрекоза с вывернутым крылом.

Жук-усач

Нансон оглянулся и увидел у подножья жучка, похожего на осу. Это был жук-усач.

- Подождите, пожалуйста, – окликнул его Нансон.

- Это вы мне? – отозвался жучок.

- Да, да, вам! Не поможете ли вы мне. У меня тут такси сломалось. Можно мне позвонить от вас по телефону?

- Ну, что ж, пойдёмте, я провожу вас, я как раз ползу на телеграф.

Жук-усач обождал Нансона, а затем вместе с ним подошёл к небольшому отверстию в коре дерева. Они вползли в него и оказались в клетке лифта. Жук-усач, которого все звали дубовым Клитом, пропустил Нансона вперёд себя в кабинку, а затем защёлкнул дверцу подъёмника щупальцем. Тут он нажал какую-то кнопку и они понеслись вверх на скоростном лифте. Через минуту они уже были на вершине дуба, где располагались почта, телеграф и телефон.

- По нашим древесным шахтам лучше всего передвигаться на лифте, – сказал Клит Нансону, когда они вышли из кабины. – Не устаёшь и экономишь время. Кроме того, шахты очень извилисты и в них можно легко заблудиться.

Телефонный узел заключал в себе множество ячеек, в которых сидели жучихи. Они работали телефонистками. Нансон заглянул в одну из ячеек и увидел, что вместе с жучихой в толще древесины лежит и её личинка.

Нансон поинтересовался у Клита, не мешают ли личинки в работе своим мамам.

- Что вы! Они только помогают нам.. Скоро они начнут есть древесину, что приведёт к углублению и расширению шахты скоростного лифта.

Нансон вошёл в одну из кабинок и позвонил по телефону. Жучиха завертела ручкой телефонного аппарата и быстро соединила нашего друга с ремонтной службой.

- Ремонтная служба прибудет через час, – ответила через несколько секунд букашка-оператор.

«Долго ждать», – подумал Нансон.

В это время к нему подошёл Клит и пригласил в кафе, которое находилось тут же неподалёку. Перед входом в кафе была приделана вывеска, на которой светилась нейлоновыми огнями кружка. Наши друзья заползли в кафе и действительно увидели большую кружку, вокруг которой примостилось несколько букашек. Опустив во внутрь соломинки, они что-то пили. В углу лежали запасные трубки разного цвета. Клит с Нансоном взяли себе по одной, подошли к букашкам, запустили свои трубочки в кружку и попробовали содержимое. Им оказался дубовый сок. Выпив сока, наши друзья выползли на воздух. С верхушки дуба открывался прекрасный вид на дальний луг.

Вдруг на листок, на котором сидели наши приятели, опустился жучок с красноватыми надкрыльниками и длинными усами.

- А вот и ремонтная служба пожаловала! – воскликнул Клит.

- Скажите, пожалуйста, как долго продлится ремонт стрекозы? – спросил Нансон у жука.

- К сожалению, поломка на месте не устранима. Мы вынуждены отвести такси в парк, – ответил тот.

- Как же мне быть? – пригорюнился Нансон. – Не могу же я тут век вековать на дубу.

- Пойдёмте к нам в гости, – пригласил Клит. – А там что-нибудь придумаем.

Они вновь вошли во внутрь дерева и снова спустились вниз под корни, где и жил жук-усач.

Золотое Слово-6

Архивариус

Клит проживал под корнем старого дуба вместе со своим дедушкой Ноем, который служил архивариусом. Ной собирал древние книги. Весь его кабинет был увешан древними папирусами, свитками из бересты, хранившимися в специальных колбочках. Когда Клит с Нансоном вошли к нему в кабинет, архивариус как раз разбирал какой-то старый документ, скрупулёзно рассматривал его. Он даже не ответил на приветствие, так был поглощён работой. И только когда Клит подошёл к нему и ласково пощекотал усиками, тот обернулся.

- А, внучек! – улыбнулся Ной.

- Познакомься, это Нансон, он прилетел к нам с луга, - сказал Клит.

- Очень приятно, присаживайтесь, - приглаживая усы, пригласил Ной.

- Сколько у вас книг! – восхищённо воскликнул Нансон.

- Да, здесь есть много интереснейших экземпляров, - подтвердил Ной. – Эти книги написаны очень давно. В них собраны сведения о многовековой истории нашей планеты. Ведь мы – жуки-короеды, хранители информации. Мы следим за происходящими на Земле событиями, собираем сведения об изменении климата, животного и растительного мира. И главное, мы призваны наблюдать за людьми. И, если они своей деятельностью нанесут непоправимый вред природе и себе самим, мы тогда будем вынуждены сообщить об этом в центр Вселенной главному Хранителю. Ведь на нашей планете собраны представители флоры и фауны со всех уголков Вселенной. Занесён сюда и человек, чтобы посмотреть, как он будет здесь развиваться. Но человек, как вы сами знаете, друзья, непредсказуемое существо. Правда, инстинкт самосохранения у него пока ещё работает. Но если он откажет, то может произойти всё что угодно. Поэтому мы и следим за ним и записываем все изменения в книги. Конечно, мы все не без греха. Жуки-короеды тоже поедают деревья, но при этом мы стараемся использовать только больные экземпляры и тем самым очистить и обновить лес. Вот как раз я изучаю древний папирус, в котором описано, как много веков назад посланцы главного Хранителя

посетили Землю. Кроме того, здесь указано, что скоро ожидается прибытие новых гостей. Они, конечно, захотят ознакомиться с нашим центром информации.

- Значит, к нам снова прилетят с проверкой посланцы главного Хранителя? – спросил Нансон.

- Да, мы ожидаем их в скором времени, - ответил Ной. - В нашем компьютерном центре собраны сведения почти отовсюду. Для полноты картины не хватает лишь некоторых данных. Почему-то нет сведения из муравейника. Электронная связь с ними нарушена. Мы посылали туда курьеров, но до сих пор никто оттуда не вернулся. А узнать необходимо в чём причина задержки отчёта.

- Давайте я схожу в муравейник и всё узнаю, - сказал Нансон.

- Для этого надо устроиться к муравьям на работу, иначе они к себе не пустят, - сказал Ной. - И потом, это сопряжено с опасностью.

- Ну что ж, я готов рискнуть! – сказал наш неутомимый путешественник.

Объявление на сосне

- Муравейник находится в районе старой сосны, - сказал жук-усач, провожая Нансона, - Извини, но пойти с тобой я не смогу.

- Ничего, один доберусь.

- Ну, счастливо тебе, - сказал Клит и пожал насекомышу лапку на прощанье.

Спросить, где находится старая сосна, было решительно не у кого. Поэтому Нансон решил искать её по запаху. Через сто дюймов появился, наконец, запах хвои и стали попадаться сухие иголки. Нансон прополз ещё немного и наткнулся на сосновую шишку.

- Значит, скоро будет и само дерево, - решил он.

И действительно вскоре перед взором нашего путешественника выросла сосна, верхушка которой упиралась в самое небо. На стволе прищипленное иголкой висело объявление:

Муравейнику срочно требуются животноводы, рабочие по уборке помещений и кормлению личинок, а также листорезы и охотники. Возможно обучение.

Обращаться в муравейник: Сосновая улица дом 2. Отдел кадров.

Золотое Слово-6

В муравейнике

В отделе кадров молоденькая муравьиха быстро оформила Нансона учеником с правом прохождения практики и выдала ему соответствующий паспорт, имеющий особый запах. Без такого паспорта Нансона просто напросто не пустили бы в муравейник. Когда насекомый подошёл к входу, ему преградил путь огромный солдат. Нансон предъявил ему паспорт, и тот беспрепятственно пропустил его во внутрь. Рядом с входом сидела старенькая вахтёрша и плела сетки. Она то и дело поправляла огромные очки в роговой оправе, сползавшие на нос. По просьбе Нансона, она вызвала провожатого. Вскоре явился провожатый - молодой муравей в синем халате. Он поздоровался с Нансоном за лапку и представился:

- Мурашка.

- Очень приятно, Нансон, - приветственно кивнул головой насекомый.

- Так вы, значит, учеником к нам? Ну, пойдёмте, для начала я проведу вас по всему муравейнику. Познакомлю вас с его строением. Да, кроме того, вот ваш дневник, сюда будут заносить отметки об успеваемости.

Он взял Нансона за лапку и увлёк за собой в глубь жилища. Они прошли мимо солярия, где ослабленные особи принимали солнечные ванны, мимо кладбища, куда свозят муравьи усопших собратьев и мусор, мимо зимовальной камеры и хлебного амбара, мимо зверинца, где копошились тли, пережёвывая заданный рабочими муравьями, корм. Рядом с тлями, в огороженной прутьями клетке, спала огромная гусеница. Работницы-доярки собирали особую жидкость, выделяемую этой зелёной «коровой», сливая её в особые бидоны, стоящие неподалёку. В глубине одного из отсеков Нансон заметил каких-то уродцев, сосущих из трубочек нектар, помещённый в специальные сосуды.

- Кто эти насекомые? – спросил он у Мурашки.

- Это люди.

- Люди? – удивился Нансон. – Вот эти мелкие козявки, присосавшиеся к кружкам?

Он не поверил Мурашке и даже остановился:

- Но ведь этого не может быть! Люди – огромные, разумные существа.

- Да, они были такими много миллионов лет назад. Потом, когда случилась катастрофа, и цивилизация погибла, они превратились в таких букашек. Тогда люди попросили прибежища в муравейнике. С тех пор мы из сострадания держим их. Хотя от них мало пользы. Они не дают ни молочка, как тли, ни сладкого сока, как гусеницы. Они в сущности – нахлебники. Единственная польза от них – это их ферменты, которые они выделяют. Мы обмазываем этими выделениями входы и выходы, отпугивая тем самым муравьёв другого племени, досаждающих нам.

- А как же те люди, что живут сейчас в огромных каменных домах-небоскрёбах? Неужели они ничего не знают о судьбе своих сородичей, не предполагают, что их предки живут у вас?

- Конечно! Им нет до этого дела. Они заняты тем, что готовят новую катастрофу: рубят деревья, загрязняют воду и атмосферу!

Тут Мурашка остановился перед жёлтой дверью:

- Здесь у нас заседает совет старейшин, - сказал он. – Это мозговой центр муравейника. Принимаемые старейшинами решения неукоснительно выполняются муравьями.

- А как же рабочие муравьи узнают об этих решениях? – спросил Нансон.

- Старейшины пускают отдельным членам муравейника импульсы, которые они считывают. Все муравьи у нас с детства учатся читать мысли на расстоянии.

Любопытный Нансон заглянул в зал, где заседал совет и увидел умудрённых опытом седых муравьёв, которые полулежали в ячейках вокруг круглого стола.

Долго ещё водил Мурашка Нансона по переходам пока, наконец, они не остановились у двери, на которой был изображён трилистник.

- Вот мы и пришли. В этом классе у вас будет проходить первый урок. Ну, желаю удачи!

Золотое Слово-6

Нансон – нянька

Нансон вошёл в класс. Все ученики тут же направили на него свои усики, будто хотели издали обнюхать и узнать, что он за насекомый. Нансон уселся на ближайшую парту, и вместе с другими будущими няньками стал слушать лекцию по вскармливанию и воспитанию личинок. Лектор, толстый и почти совсем лысый муравей, читал тоскливо и нудно. Он часто проглатывал не только последние слоги, но даже иные слова так, что ничего невозможно было понять. Наш Нансон не силен был в муравьином языке этого племени. Он по началу ещё изредка переспрашивал лектора, но потом бросил это занятие и принялся с интересом рассматривать развешанные по стенам плакаты, на которых были показаны все стадии превращения личинки во взрослого муравья. Потом перевёл свой взгляд на учащихся. Одни муравьи чутко прислушивались к лектору, лоя усиками каждое слово. Другие, наоборот, ничего не слушали и тихо спали, сложив под парту все шесть ног и уронив головы в чернильницы. Нансон травинкой пощекотал сидящего рядом соседа, который так разоспался, что выпустил слюну. Тот сразу встрепенулся, вскинул усики и подпрыгнул от неожиданности. Нансон рассмеялся и спросил его:

- Тебя как зовут-то?

- А?

- Ты глухой, что ли?

- Да.

- Что, да?

- Глухой.

- Совсем?

- Да нет, это имя у меня такое. А тебя как звать?

- Нансон.

- Давай дружить!

Нансон был не против дружбы. С товарищем веселее и жить и работать. Вскоре лекция закончилась и муравьи бросились к выходу. Они прямо вынесли замешкавшегося было в дверях Нансона вместе с его новым знакомым на своих плечах вон из класса. В коридоре муравьи быстро построились в шеренги, и толстый лектор, подняв свои усики-антенны, повёл всех наверх в младшую группу.

Здесь в своих кроватках лежали крошечные личинки, которых надо было кормить и за которыми надо было ухаживать. Все муравьи распределились на группы. Глухой с Нансоном попали в одну группу. Теперь им целых десять дней предстояло наблюдать за здоровьем малышек, кормить их, бегать в кладовую за тлиным молочком и беспрестанно менять испачканные подгузники. В первые дни друзья так уставали, что к концу смены еле волочили ноги. Они могли только по дороге к своей келье разинуть рот и проглотить то, что предлагали им разносчики. Шустрые разносчики носились по всем коридорам и занимались тем, что всех кормили. Попутно они наведывались к больным мурашам, осматривали их, и если требовалась экстренная помощь, тащили наверх к доктору Дрогу. Дрог прописывал больным лекарства, а особо ослабленным массаж и солнечные ванны. Нансон однажды побывал в солярии, когда приходил туда вместе с Глухим за новой партией подгузников для малышек.

В солярии

Солярий располагался наверху муравейника в светлом просторном помещении. Сквозь открытые окна сюда проникал солнечный свет. Доктор Дрог, сделав массаж, прикрывал больных полотенцем и оставлял греться на солнце. Усопших, старых муравьёв он мазал какой-то вонючей мазью, и санитары уносили их прочь. Таких больных, которых уже не возможно было спасти, было мало. В основном муравьи, заползавшие к доктору больными, уже через полчаса выбегали здоровыми, дрыгая лапками и вертя во все стороны усиками. Нансон и Глухой остановились в дверях солярия. Они топтались на коврик, держа подмышками тюки с использованными подгузниками и дожидались, пока доктор обратит на них внимание. Дрог между тем перевязывал раненого муравья. Наконец он освободился и подошёл к нашим друзьям. Пересчитав использованные пелёнки, доктор выдал нянькам новые, а грязные велел отнести на помойку. При этом он не промолвил ни слова, а объяснялся жестами. Друзья взяли свёртки

Золотое Слово-6

с использованным бельём и молча пошли на кладбище, куда муравьи свозят весь мусор.

- Почему он такой суровый? – спросил Нансон про доктора.

- Он не суровый, а просто очень занятой. Видишь, сколько у него работы? Ему ляды точить некогда.

На кладбище было тихо. Друзья свалили мусор в кучу и хотели уже уйти, как вдруг дверь распахнулась и на пороге появились санитары. Они несли на носилках совершенно живого муравья. Тот упирался всеми шестью лапами и хотел освободиться. Но санитары не пускали его. Они с силой зачихали его в бак с утилем и закрыли сверху крышкой.

- Что это они делают? – спросил Нансон.

- Вероятно, живого по ошибке помазали жидкостью для усопших, - сказал Глухой, - вот его и свезли на кладбище.

- А как же теперь быть?

- Не знаю, но только сейчас этого муравья за живого никто не признает.

Санитары, сделав своё дело, промаршировали мимо. Нансон только успел заметить, что это вовсе и не муравьи, а переодетые санитарями люди. Вечером в своей келье Нансон долго не мог уснуть. Он всё вспоминал живого муравья, оставленного на кладбище. Наконец он не выдержал, поднялся, натянул брюки и вышел за дверь.

Тёмные переходы муравейника, которыми бежал Нансон, были пустыни. Вдруг впереди он увидел одинокую фигуру. Нансон пригляделся. Это был маленький человек, который, согнувшись в три погибели, что-то нёс на спине. Нансон скрываясь за уступы, стал следить за человеком. Наконец человек остановился перед жёлтой дверью. Войдя в неё, он тихо прикрыл её за собой.

«Ведь это же мозговой центр муравейника. Что понадобилось здесь делать человеку, да ещё ночью?» – подумал Нансон.

Он приоткрыл дверь и заглянул в комнату. В ячейках мирно спали старейшины.

«Куда же девался человек?» – подумал насекомый.

Наконец он увидел его. В полумраке зала тот ходил вдоль ячеек и чем-то прыскал старейшинам в лицо.

- Эй, - окликнул его Нансон. – Что это вы тут делаете?

Человек отшатнулся от Нансона, опрокинув какой-то сосуд, и бросился бежать. Чёрная жидкость ручейком потекла вдоль ячеек. Нансон нагнулся и понюхал её. Жидкость пахла мазью для усопших.

А тем временем

Нансон к этому времени совсем освоился в муравейнике. Но он до сих пор не узнал: кто надоумил людей, которых держали в муравейнике из милости, выводить из строя старейшин, поливая их вонючей жидкостью. Он говорил об этом с Глухим, но его напарник также ничего не знал. Кроме того, Нансон должен был отнести информацию в компьютерный центр, о котором ему также ничего не было известно. При этом срок его работы в няньках подходил к концу. А так как молодые муравьи проходили практику в нескольких местах, то и Нансону ещё предстояло попробовать себя в роли садовода, охотника, потрудиться на ферме, где муравьи доили тлей. Некоторые муравьи навсегда оставались в понравившемся цеху, другие же без сожаления уходили. Нансон с Глухим изо всех сил старались быть хорошими няньками, но навсегда оставаться в яслях они не собирались. Нансона особенно манила военная служба. Нравились ему и охотничьи артели, которые каждый день собирали ловцов дичи звуком гонга. Нансон видел, как проходящие мимо охотники несли с собой гарпуны и сети для ловли дичи, и всегда мысленно хотел быть на их месте. Он надеялся к окончанию учения узнать судьбу отчёта и вместе с охотниками выйти из муравейника и доставить записи в компьютерный центр архивариусу. Наконец толстый лектор поставил в дневниках пахучие отметки, означавшие что практика в яслях завершена, и Нансон с Глухим перешли в следующий класс.

В теплице

В том классе, куда попали Нансон с Глухим, трудились садоводы, вернее, грибоводы. Здесь учили молодых муравьёв выращивать грибы на плантациях муравейника. Стажёры изучали состав почвы, распознавали споры

Золотое Слово-6

съедобных грибов, сортировали готовую продукцию, передавая её разносчикам. Те же пережевывали грибы, готовя питательный корм для всего муравейника. Однажды, придя на работу, Нансон не мог протолкнуться к своей грядке. Зря они вместе с Глухим топтались возле входа в теплицу. Толпившиеся муравьи, выталкивали их обратно в коридор. При этом муравьи гудели, как тысяча ос.

- Что сегодня такое здесь творится? – воскликнул Нансон, в десятый раз падая на своего друга.

- Не понимаю, - потирая ушибленные места, отзывался Глухой.

Между тем гул нарастал.

- Принцесса! Принцесса! – слышалось со всех сторон.

- Отойдите, пожалуйста, в сторонку, дайте взглянуть на Лили, - напирал на наших друзей какой-то коротышка.

- Лили? Принцесса? – переспросил Нансон и, чтобы всё получше рассмотреть тут же взобрался на ведро, принесённое для сбора грибов.

Среди толпы поклонников он заметил худенькое и какое-то прозрачное существо в длинном капоте. Существо покачивалось из стороны в сторону и раздавало автографы.

- Принцесса на грибной плантации, - съязвил Глухой. – Зачем она сюда пожаловала?

- Наверно чтобы полакомиться свежими грибками, - пошутил Нансон.

- Да нет же, наша Лили пишет научную книгу о муравейнике. Она должна обо всём знать не по слухам. Поэтому она каждый раз делает такие визиты то в школу, то в ясли. Теперь вот в теплицу пришла.

«Так значит принцесса занимается отчётом», - подумал Нансон, слезая с ведра.

Он хотел пробраться к Лили, но толпа поклонников оттеснила его.

- Вот закончится грибная пора, и на ферму пойдём, - сказал вдруг Глухой.

- А принцесса тоже туда пожелует? – спросил Нансон.

- Наверно.

- А когда? - Нансон усердно собирал грибы и складывал их в ведро, думая о своём.

- Может быть, на следующей неделе, - вытирая грязные ладони о фартук, сказал

Глухой.

Занятые работой, они не заметили, как толпа поклонников принцессы поредела, а сама Лили куда-то исчезла.

«Наверно пошла книгу дописывать. Как же мне связаться теперь с принцессой?» – подумал Нансон.

Тут Глухой сказал:

- У нас принцесса ещё молодая. Вот когда станет царицей, ей не до книг будет. Единственным занятием у неё тогда станет откладывать яйца. Ну, может быть, где-нибудь вечером останется время, вот и почитает свои мемуары.

- Наша Лили совсем и не для этого пишет свою книгу, - вдруг раздалось с соседней грядки.

Наши друзья обернулись и увидели крохотного муравья, которого из-за грибов совсем не было видно.

- А для чего же?

- Она передаст свои сведения в главный архив, который находится в компьютерном центре под старым дубом. Такие сведения собирают со всех муравейников, только не знаю для чего, – познания в этом вопросе у малыша, видно, иссякли, и он замолк, уткнувшись носом в грядку.

Нансон вместе с Глухим тем временем, собрав полные вёдра грибов, двинулись к выходу.

- Судя по тому, сколько сегодня собрано грибов, то на обед скорей всего будет грибная солянка, - сказал Глухой.

- Вот и хорошо, - одобрил Нансон, - что-то давно её не пробовал.

Передав собранный урожай разносчикам, они побрели к себе в келью.

- Погоди-ка, - остановил Нансон Глухого, увидев муравья, вышедшего из соседних дверей с книжкой в передней лапке, – давай заглянем ненадолго в библиотеку.

- Нет, я очень устал, иди один, - отказался Глухой.

В библиотеке

В библиотеке было светло, как днём, потому что с потолка свисало множество закутанных в абажуры светильников. У стен располагались ячейки, в которых удобно

Золотое Слово-6

устроились муравьи: одни просматривали новые журналы, другие читали мысли на расстоянии друг у друга, третьи готовились к экзаменам. Нансон подошёл к библиотекарю, сидевшему возле компьютера, и попросил первый том насекомьшой энциклопедии. Тот нажал на красную кнопку, и тут же на экране монитора появилась книга.

- О чём бы вы хотели узнать? – спросил библиотекарь у Нансона.

- Я хотел бы почитать мемуары нашей принцессы.

- К сожалению, книга ещё не дописана. Здесь только есть сведения о самой Лили, её предках и вообще о муравьях.

- Ну хорошо. Дайте то, что у вас есть.

- Вы здесь будете просматривать или на дом возьмёте?

- Здесь.

- Тогда пройдите, пожалуйста, в соседнюю свободную ячейку.

Нансон залез в ячейку, повертелся в ней, устраиваясь поудобнее. Возле самого его носа вдруг включился потайной монитор в виде трилистника. Нансон воззрился на экран и стал читать:

- Род муравьёв один из древнейших в истории перепончатокрылых. Он возник на Земле 100 млн. лет тому назад и произошёл от арманиид. Нынешняя царица Скарли имеет преемницу принцессу Лили. Это семейство многочисленно и живёт на одном месте свыше ста лет...

Долго читал Нансон, но про мемуары так ничего и не вычитал. Тогда он решил сам найти Лили и всё у неё узнать. Приняв такое решение, он выключил экран и вылез из ячейки.

В поисках Лили

Нансон решил во что бы то ни стало найти принцессу. Направляясь к себе в келью, он по пути заглядывал во все гнёзда и отсеки. Так нечаянно он даже попал в тронный зал. На троне он увидел возлежащую толстую-претолстую царицу, вокруг которой суетились мамки и няньки. А вокруг всё было уставлено люльками. В них по двое и по трое лежали спелёнатые личинки. Они все кричали, требуя

корма. Нансон уже было собрался уходить, как вдруг увидел странную картину. Когда одна нянька, выпив что-то из бутылки, преспокойно заснула, у люльки появился жук в чёрной куртке. Он оттолкнул няньку в сторону, свернул люльку на бок, вытащил личинку, проглотил её, а потом улёгся и захрапел в проходе между ячейками. Все муравьи были заняты своим делом, и никто ничего не заметил.

«Что же это такое?» – подумал Нансон.

Он подошёл к спящей няньке и попробовал её растолкать. Но она болталась в кресле, как пьяная, и не просыпалась. Рядом валялась пустая бутылка. Нансон поднял её и понюхал. Из бутылки пахло вином. Тогда Нансон схватил за шиворот похитителя личинки и с силой встряхнул его. У того из кармана куртки так и посыпались банки и пузырьки. На них блестели всевозможные этикетки: «Талка», «Organic», «Пять озёр». Нансон даже таких названий никогда не слышал.

«Неужели этот жучина нарочно спаивает няnek, для того чтобы полакомиться личинками?» – подумал Нансон. Но когда он подошёл к охраннику, чтобы рассказать ему обо всём, то с ужасом увидел, что тот тоже спит, держа в руках такую же в точности бутылку.

Ломехузы

Расстроенный, возвратился Нансон к себе в келью. Его не утешила даже грибная солянка, которую по дороге ему скормил разносчик. Глухой уже спал, посапывая носом, отвернувшись к стенке.

«Что-то недоброе творится в муравейнике,- сокрушённо думал Нансон. – Люди отправляют старейшин в утиль, какой-то жук, который неизвестно откуда взялся, всех беспрепятственно спаивает...»

На следующее утро он спросил об этом Глухого.

- Наверно, это пьяница - Ломехуз. Давненько я его не видел в наших краях, - сказал Глухой. – Закон запрещает пускать его в муравейник. Кто же открыл ему дверь?

В это время в келью вошёл Мурашка.

- Нансон и Глухой? – спросил он.

Наши друзья кивнули.

Золотое Слово-6

Приготовьте ваши дневники. С сегодняшнего дня вы идёте работать на ферму.

«Ну, вот и дождались», - подумал Нансон.

Приятели надели специальные прорезиненные комбинезоны, чтобы не запачкать костюмы, выпили на дорогу молока и отправились на работу.

Им выпало задание добыть сок у гусеницы. Но «зелёная корова» попалась строптивая и, сколько Нансон с Глухим ни бились с ней, они не получили от неё ни грамма сока. Гусеница брыкалась, лягалась, но доиться не хотела. Пришёл Мурашка, сунул что-то «корове» под нос, и она сразу же выделила сладкий сок.

- Что вы ей такое дали? – спросил Нансон.

- Да вот, специальный корм, который очень любят гусеницы.

- Дайте и мне попробовать.

- Пройдите в отсек, где обитают люди, и возьмите его сами сколько хотите.

Нансон отправился куда указал провожатый и увидел жука в чёрной куртке. Ломехуз стоял возле маленького человечка и о чём-то с ним разговаривал. Нансон притаился за кружкой и услышал конец фразы.

- Завтра утром возле солярия, - сказал Ломехуз и исчез за дверью.

«Что же ещё замышляет коварный Ломехуз?» – подумал Нансон.

И он решил, выждав удобный момент, проследить за похитителем личинок.

В комнате Лили

В крошечном оконце забрезжил рассвет. Первые лучи неяркого солнца осветили одинокую келью. Здесь обитала принцесса. Лили давно не спала. Она сидела в неубранной ещё ячейке и что-то быстро писала в блокноте из бересты. Длинные блестящие усики принцессы подрагивали, потому что Лили про себя бубнила какую-то мелодию. Вдруг кто-то поскрёбся в дверь щупальцем. Лили накинула палантин и пошла открывать. На пороге стоял разносчик. Он принёс парное тлинное молоко. Принцесса рассеянно пропустила его в келью.

- Я не хочу молока, - сказала она разносчику.

- Лили, вы совсем не бережёте себя, - покачал головой тот.

- Пави, ты можешь мне помочь в одном деле? - не слушая его, сказала принцесса.

- Я весь к вашим услугам, - вытянулся в струнку разносчик.

- Вот здесь, - Лили достала небольшую колбу, - находится отчёт о работе муравейника, который я должна передать архивариусу. Я много раз пыталась переправить его в компьютерный центр, но всё безуспешно. Сведения не доходили. По дороге их кто-то перехватывал. Надо срочно снести отчёт. Ты сможешь это сделать?

- Не извольте беспокоиться, я с этим быстро справлюсь. У меня есть один знакомый ловец дичи, который охотно поможет нам. Я встречу с ним в зверинце. Он как раз сегодня должен пригнать на ферму новую партию «коров».

- Ну, я надеюсь на тебя, - сказала Лили с облегчением и выпила молоко, принесённое разносчиком.

На ферме

Нансон с Глухим пришли на ферму ранним утром. Никто из рабочих ещё не появлялся. Было тихо. Только тли в своём загоне шуршали, толкая друг друга надкрыльниками. Вдруг дверь отворилась и на пороге появился разносчик. Он повернулся, огляделся, будто искал кого-то. Увидев наших друзей, он подошёл к ним и спросил:

- Вы здесь никого не видели?

- Нет, - ответил Нансон, а что?

- Сюда должны пригнать «коров».

Тем временем за дверью послышались звуки трубы и звон колокольчика. Не успели наши друзья посторониться, как их оттеснила в сторону здоровенная гусеница. Сзади «коровы» шагали пастух, щёлкая бичом. Разносчик бросился к пастуху.

- Киви, ты-то мне как раз и нужен! Отойдём в сторонку. Будь другом, отнеси это послание к старому дубу.

И он передал тому колбу с отчётом. Киви взял письмо, свернул кнут и скрылся за дверью.

Нансон всё это видел и слышал, но прижатый зелёной «коровой» к самому загону не мог даже пошевелиться. Только когда гусеница проползла в загородку и освободила проход, он пустился догонять посланника.

Золотое Слово-6

Вторжение

Выбежав в коридор, Нансон увидел, как Киви сворачивает в галерею направо, и бросился за ним. Он помнил, что там находится лестница, ведущая к выходу из муравейника. Прыгая через две ступеньки, он устремился по ней наверх. Пробежав мимо солярия, он увидел, что дверь в муравейник распахнута, а вместо охранника со связкой ключей возле неё стоит маленький человечек и пропускает одного за другим ломехузов. Эти жуки, одетые в чёрную униформу, уже заползают во все ходы муравейника, пожирая на своём пути личинки и муравьёв. Нансон отпрянул назад и побежал обратно на ферму. Глухой, ни о чём не подозревая в это время, накладывал в раздаточные ясли корм для животных.

- Беда, беда! – закричал Нансон.

- Что случилось?

- Ломехузы идут, - задыхаясь от волнения, еле выговорил насекомый. – Люди открыли двери.

- Надо срочно предупредить солдат и закрыть вход в тронный зал! - отбросив в сторону вилы, воскликнул Глухой.

И друзья со страшной скоростью понеслись к спальне царицы. Но когда они добежали до царских покоев, то увидели ужасную картину: зала была пуста, только на троне лежала мёртвая Скарли, с комариным жалом в груди, а вокруг валялись пустые перевёрнутые люльки. И ни одного солдата рядом.

Принцесса

Наши друзья несколько минут молча, словно поражённые молнией, стояли на пороге тронного зала. Первым очнулся Нансон.

- Надо немедленно бежать к принцессе. Ты знаешь, где её келья? - спросил он Глухого.

Товарищ удручённо кивнул. Тогда Нансон схватил его за лапку и с силой тряхнул. Глухой весь напрягся, его лицо приняло свирепое выражение. Издав призывный клич «Йохо!»

Он бросился вперёд. Минув опустошённые ломехузами кельи и переходы, друзья неслись к комнате Лили. Глухой первый добежал до её двери. Дверь была на запоре. Значит они

пришли вовремя и враги добраться сюда ещё не успели.

- Лили! – Нансон бешено забарабанил в дверь принцессы. – Отопри, это твои друзья!

За дверью послышались лёгкие шаги. Было такое впечатление, что кто-то подошёл к дверям, но потом в нерешительности остановился.

- Принцесса, откройте! Это ваш подданный, и стажёр Нансон, - не выдержал Глухой. – Вам грозит опасность, на нас напали ломехузы.

Ключ в замке медленно повернулся, и на пороге, наконец, появилась принцесса. Она была бледна и встревожена.

- Что случилось? – спросила Лили.

Друзья, перебивая друг друга, рассказали принцессе о несчастье.

- Теперь есть один выход, - выслушав сбивчивую речь друзей, сказала принцесса. - Побег.

- Но все входы и выходы перекрыты врагами! - встревожено воскликнул Нансон.

- Мы улетим через окно, - сказала Лили.

Она подвела наших друзей к потайному шкафу в стене и нажала какую-то кнопку. Дверца сейфа открылась. Принцесса быстро достала оттуда две пары блестящих крыльев.

- Это свадебные крылья моей бабушки – они волшебные, - сказала она. – Они вынесут нас на свободу. Одна пара предназначалась моему жениху.

Лили подошла к Нансону и прикрепила ему на спину два лёгких, словно пёрышки, крыла.

Насекомый упал на колени перед принцессой и поцеловал край её палантина. Потом Лили прицепила себе на спину другую пару и подошла к окну.

- Ну, что ж, - сказала она. – Начнём всё сначала.

Она протянула одну свою лапку Нансону, другой подхватила Глухого и втроём друзья вылетели из муравейника.

Развалины

После развала муравейника, оставшиеся в живых мураши были пришиблены физически и убиты морально. Одни из них ползли неизвестно куда с отрешёнными физиономиями, еле шевеля ногами, спрятав

Золотое Слово-6

обшарпанные усы под шапки. Другие выползали из разрушенного дома плоскими, как лепёшки, и продолжали двигаться на полусогнутых членах, ничего ни у кого не спрашивая. На поясе у них побрякивали холщовые мешки, из которых торчали полусгнившие, изъеденные жизненными невгодами, зубы. Те и другие натыкались друг на друга, но ни один из них не удосужился узнать у другого, почему хорошо отлаженный механизм муравейника вдруг так бесславно развалился. Остался лишь каркас, видимость здания, а жизнь в нём замерла. Пустота была везде. Она повлияла и на сознание его обитателей. Муравьи ползли кто куда. Некоторые ещё даже делали вид, что вполне довольны жизнью и знают, что делают. С умным видом они несли в лапках вещи, доставшиеся им при делёжке общемуравьиных ценностей. Муравьям казалось, что эти вещи могут пригодиться в дальнейшей жизни. Но посудите сами: кого могла спасти, например, оконная рама, если дома никакого нет и вставить некуда. Надо было строить новое здание, но никто их не убедил в том, что старое не пригодно для жилья. Если бы кто-нибудь им об этом сказал, то они бы быстренько и построили что-нибудь путное. А так... Все копошились у развалин своего муравейника и не жили, а только существовали.

Новое гнездо

Все бедствия, переживаемые её народом, были видны принцессе сверху, когда она вместе с Нансоном и Глухим пролетала над разорённым гнездом. Только к вечеру удалось

им найти подходящий пень, где предстояло выстроить новый дом. Лили сняла со своей спины и со спины Нансона волшебные крылья и занялась устройством нового жилища. Нансон и Глухой тем временем вызвались собрать уцелевших муравьёв и привести к принцессе. Скоро около двух десятков беспризорных муравьёв собрались вокруг новой царицы.

- Друзья! – начала Лили свою речь. – Не простое время приходится нам всем переживать. Но я полна решимости возродить муравейник и сделать его ещё лучше, чем был. Верите ли вы в меня?

- Верим! – эхом отозвались муравьи.

Так началась новая эпоха в истории муравейника. Все муравьи вместе с Нансоном и его другом Глухим трудились не покладая лапок. К концу лета вновь возвысился и заблестел зелёными иголками их новый общий дом. Тогда Лили подозвала к себе Нансона и сказала:

- Вот вместо отчёта я даю тебе свой дневник на бересте и хочу, чтобы ты отнёс его в центр информации. В дневнике я подробно описываю все наши промахи и ошибки, говорю о той неблагоприятной роли, которую сыграли в развале муравейника мелкие, не помнившие родства людишки и пьяницы ломехузы. Пусть это послужит предостережением для других поколений муравьёв.

Лили принесла волшебные крылья, прикрепила их на спину Нансона, вручила ему свои записи и сказала:

- Здесь сбоку есть пульт с тремя кнопками. Нажми зелёную, и ты на время вновь станешь летучим насекомым.

Нансон попрощался с Лили и нажал кнопку.

Продолжение следует.

Звонок в прошлое

ИЛИ

Пойдем туда, где нас ждут и ждать будут все больше

...Он шел за ней следом. Он боялся догнать ее и боялся отстать. И ни о чем не думал. Она остановилась, повернулась и внимательно посмотрела ему в глаза:

- Да или нет? - спросила она тихо.

- Да! - сказал он, хотя не знал, о чем она спрашивала.

Она оказалась его женщиной, а он - ее мужчиной. В этом не было никаких сомнений - так идеально сочетались их тела друг с другом. Но дело было не только в сексе. Хотя и в сексе тоже - что говорить! И даже когда они складывались в одно, единое пульсирующее тело, когда дышали одним дыханием, исходили одной сладостной мукой и вместе теряли рассудок до полного уподобления всем тварям Господним - даже в эти минуты он ощущал в ее теле какую-то дополнительную не сексуальную заботу о нем, а тихую деликатность - совсем как тогда, когда она впервые прикоснулась к нему своими прохладно-теплыми пальцами. И именно эти дополнительные ощущения вызывали в нем такую же заботливую нежность к ней и прилив новых сил буквально через минуту после того, как, казалось бы, вся его мужская сила уже ушла из него, из его тела, тоже отлетевшего в невесомость.

Но два обстоятельства портили этот чистый роман. Первое - что любить друг друга вот так, в постели, они могли только раз в неделю... да и то лишь ограниченное время днем... А вторым обстоятельством, омрачающим их роман, был его предстоящий отъезд... Расписаться они не могли...

Они были вместе и не могли оторваться друг от друга. Им обоим казалось, что они шли к этой встрече всю жизнь. И все те случайные, посторонние чужие люди, мужчины и женщины, которые до этого были в их жизни, казались теперь какими-то нереальными, забытыми и ушедшими в далекое про-

шлое. Оба вдруг пронзительно остро ощутили, что были лишь тени. И только сейчас, здесь, сегодня они достигли того, к чему подсознательно стремились все время, стараясь найти в ласках друг друга что-то, неиспытанное ими ранее чувство глубокого удовлетворения, полного единения души и тела... Наверное, люди живут на Земле ради таких вот моментов своей жизни. Они, словно яркая вспышка, на короткое мгновение озаряют их тусклое существование, придавая ему то неповторимое очарование, к которому все так стремятся.

Если в жизни мужчины хоть однажды бывает ТАКАЯ женщина, значит, его жизнь удалась. Если в жизни женщины хоть однажды встречается ТАКОЙ мужчина, значит, воспоминания о нем будут преследовать ее всю жизнь. Это будет ее мужчина. Тот, о котором она мечтала бессонными ночами, соединяясь с которым, она может прикоснуться к чему-то такому, что потом останется на всю жизнь.

А мужчины? Мужчины иногда не понимают, что значит ТАКАЯ женщина, с которой возможно, да и то лишь на короткое мгновение, полное соединение душ. Иногда, к сожалению, слишком поздно...

Что можно пожелать женщине? Хорошо мужчину рядом, который бы дал ей возможность заниматься собой... Наверное, половина женского счастья заключается в том, чтобы твердо знать: мужчина, который уходит от тебя утром, обязательно вернется к тебе вечером. И так будет всю жизнь... Чего он испугался тогда? Ведь уже тогда он твердо знал для себя, что ничего подобного больше у него в жизни не будет, и расставаться им нельзя ни в коем случае!...

Дольше всего сохраняется то, что мимолетно - любовь и воспоминания. Это единственное, что возрастает по мере того, как его третишь.

Золотое Слово-6

Сейчас, по прошествии нескольких лет, он особенно остро ощутил цену потери. Как сложилась ее жизнь после его отъезда? Все это время он был недалеко, но не решался отыскать ее, да и что он скажет ей сегодня?..

И все-таки он решился. Бросив разом свою прошлую жизнь, он вернулся в этот город, оставивший глубокий след в его памяти. На что он надеялся - на чудо?

...Он не видел перед собой дороги, но знал, куда шел. Ему нужно было идти туда. Он не мог не идти. Нечто, бывшее сильнее его, влекло, тянуло его, и он шагал, шагал вперед по дождю, как человек, махнувший рукой на все, что осталось позади него. Это не было примирением. Это была Судьба. Это было неотвратимо.

Куда он шел? Дождь лил, не переставая... На улице было шумно. Мокро и шумно. Люди нагоняли его и обгоняли. Они куда-то спешили. Их где-то ждали. Они улыбались, смеялись, радовались. Иногда его толкали. Он этого не замечал. Он шел медленно, угнетенный своей раздвоенностью, тяжелой и глухой. Он хотел бы быть один. Он завидовал им - этому мокрому, многоголосому миру. Он ничего не ждал от них. Ему не было до них никакого дела, но он чем-то был связан с ними, и это его раздражало.

Он знал свой удел: получить снова то, что имеет, и вспоминать о том, что утратил... Печальный и горький итог, итог не в его пользу... Они все для себя давно решили: они - друзья. Просто друзья. Никакой привязанности. Никакого секса. Они сами не замечали, как их дружба вышла за рамки дозволенного... А кто определил эти рамки? Ведь ни на какой другой основе, кроме любви, не может быть полноценного секса. Если же все вдруг получилось при первой попытке - это, так называемая «любовь с первого взгляда» - редкое, можно сказать, редчайшее совпадение от внезапной искры, пробежавшей меж ними... Ведь отправная точка любой физической близости - тесный телесный контакт. Именно любовь и определяется как гармония двух душ и контакт двух тел. Здесь всё было прекрасно... Что же так испугало его тогда? Ему вспоминаются ее слова:

- Ты знаешь, чего я хочу. Но это - не только секс. Секс - лишь одна часть моего желания. Все, что у меня есть, все, что окружает меня, - это достаточно для меня не просто. Лю-

бить - это значит очень многое преодолевать в себе. Это значит отдавать часть себя другому. Мы по-разному смотрим на эти вещи. Ты воспринимаешь это, как угрозу для жизни. Я считаю, что это - условия для выживания.

Всё, что я знаю - это то, что я люблю тебя и хочу сделать тебя счастливым... И я уверена, что мне это удастся. Но я не имею ни малейшего желания анализировать свои чувства. Я просто чувствую и все... А по-твоему, что такое счастье? Для меня - это ты, во всем, что видят мои глаза, что ощущают мои руки. И не на расстоянии: ты должен прийти ко мне не ДЛЯ меня, а потому что НЕ МОЖЕШЬ без меня. А я боюсь, что можешь....

Вот это, именно это и стало тогда причиной расставания у них. Только сейчас он понял, что она была права: любовь всегда проста. Это четкое, элементарное человеческое чувство. Да, результатом ее могут оказаться и боль, и несчастье, но само по себе это чувство чистое и не влекущее за собой никаких последствий. Ничего не надо усложнять. Оно просто существует, как существуют солнце и небо.

И если ты отказываешься от любви, то рискуешь приобрести еще большую боль, еще большее несчастье. Как же завоевать сердце той, которую ты всегда считал исключительно другом, но воспользовался ее любовью к тебе и свел все только к сексуальным отношениям? как непросто все это...

Стоп! А почему он думает, что она простит его? Ведь он так обидел ее! И если это так, то куда он идет? Ему стало не по себе. Он сбился с дороги. Только что знал: что, куда, зачем... А теперь? Остановился, вспомнил слова своего друга: «Не ищите идеального человека. Просто найдите такого же ненормального, как вы сами... И остановитесь».

В голову вдруг неожиданно «полезли» стихи (то ли где слышал их однажды, то ли сам на ходу придумал): «Когда мужчина с женщиной друзья, все очень просто, но безумно сложно: ведь многое практически нельзя, хотя теоретически возможно...». Или все же иначе: «Все сложности надуманы и верною рукою теорию и практику мы можем совместить... но отношения светлые даны нам лишь с тобою, когда мужчина с женщиной друзьями могут быть?».

Совсем он запутался в своих отношениях

Золотое Слово-6

с ней. Понял сейчас, после расставания, что надо заниматься не сексом, а любовью, получать удовольствие от того, что доставляем удовольствие друг другу. Это, все-таки, разные вещи. Он был зол на себя - не мог сразу понять эту разницу... переступил невидимую границу и выбрал дорогу, ведущую «не туда»... Потому и потерял самое дорогое, что у него было в жизни.

Еще два шага по дождю, который лил не переставая и, наоборот, всё набирал силу... Уже стеной ливень идет, ни зги не видно... Стекло будка телефона-автомата возникла неожиданно, жадно маня черным аппаратом...

- Ну и пусть!

Как он злился на самого себя! Зашел в кабину... Вот оно - решение: последний звонок (или - или... сейчас или никогда!). Опустил руку в карман и не сразу отыскал необходимый жетончик. Номер набирал медленно, ждал, еще не зная, что будет говорить, если к трубке подойдут там... Мелькнула мысль: а вдруг не подойдут - как расстались-то... да и времени столько прошло... Дождь с силой барабанил по стеклу. Раз - гудок, два - гудок... В этот момент в трубке звякнуло и женский голос мягко спросил: - Кто?

Он вздрогнул и испуганно - торопливо назвал себя. Там - разочарование:

- А-а-а...

Пустой разговор, пустые фразы... Все это уже было. Кажется, в последнем спектакле, который они смотрели вместе. Теперь вот сами... Зачем? А дождь еще больше усилился, барабанил по стеклу с невероятным остервенением... Он смотрит на уже сплошные струи дождя, стекающего под его пальцами, и как-то неожиданно для себя произносит: «О, поэты, поэты! - единственные настоящие любовники женщин!...» Оказывается, вслух. Голос в трубке на секунду замолкает, и ему кажется, что он слышит ее дыхание.

- Откуда это?

- Из дневника Марины Цветаевой, 1917-й год... - отвечает он.

- Моя любимая поэтесса, - говорит она - как же ты вспомнил ее?

Именно ее стихи читали они вместе накануне расставания.

- А здесь дождь, очень сильный, стеной прямо...

Еще одна секунда на размышление. И вдруг он уже не успевает за ее словами. Он ошеломлен - только что она совсем не хотела разговаривать с ним, и вот такая разительная перемена. Он еще не понял: прощен? Вот она, ниточка, которая снова связала их. Она всегда любила стихи, многих авторов знала наизусть и всегда серьезно относилась к тому, что пробовал писать он... А голос в трубке словно дразнит... Он мгновенно вспоминает: «Что, не нравлюсь?!»

Гибкое, сильное тело юной женщины опалило его неведомой до того страстью... Резко вздрагивает. Видение так близко, что он пугается. ...А все знакомо до мелочи. Горячее ее дыхание совсем рядом. Он видит ее глаза. Глаза в момент, когда они не то спрашивают, не то утверждают... Он еще никогда не встречал таких глубоких и удивительно чистых глаз. Ему неловко. Он смущен. А глаза все глубже проникают в него, они требуют мгновенного ответа: «Да или Нет?»... Он вспоминает Омара Хайяма: «...Когда зажигаются твои глаза, выбор приходит сам собой: свет этих звезд неотвратим... а видеть и слышать можно только сердцем». Так и сказал ей тогда...

Как же это случилось потом? Кто скажет, может все началось именно тогда - с того вопроса и его ответа. А, может, произошло еще раньше, когда он впервые увидел эти глаза и утонул в них?... Ее голос, руки, волосы, имя - ничто не имело над ним такой необъяснимой власти, как эти глаза - удивительные, от которых он не мог уйти даже ночью. Все, что имело теперь какой - то смысл, отражалось в их бездонной глубине. Он был зависим от них... День, когда он понял это, стал самым счастливым днем в его жизни. Он, не раздумывая, бросился навстречу тому новому, что открывалось перед ним. Ему нравилось быть зависимым от нее. Слишком быстро все произошло. Их бросило навстречу друг другу неотвратимо и страстно.

Пойдем туда, где нас ждут, и ждать нас будут всё больше ... - это было сказано о них. Их роман был бурным, безмерным, каким он может быть только в молодости. Все чувственное вызывало в них бурный восторг, они с удовольствием выполняли все желания друг друга, доставляя себе особую радость обладания, но, поняв это, не поверили в то огром-

Золотое Слово-6

ное счастье, которое обрушилось на них.

- Так не бывает! - говорила она.

А у него было! Впервые!.. Он еще только открывал мир. Да и кто знает, поступи он тогда иначе, разве была бы их следующая встреча, и потом, и еще... Но тот разговор о любви - он так ждал его, но никогда не задумывался над этим. Ему было просто хорошо с ней. Просто ли? Тогда зачем и почему он так растерялся, не мог сразу ответить ей так, как она ждала... Он запомнил ее слова:

- Ты воспринимаешь любовь, как угрозу для жизни. Я считаю, что это - условие для выживания...

Что он тогда понимал в любви?

Женщины в этом всегда старше мужчины, ее чувства острее...

Маленькая женщина, она тогда обиделась и ушла. Он долго не мог дозвониться к ней. А потом уехал... Оказалось, на целую вечность! Но жизни без нее у него уже не было. А что было у нее за это время? Так ли уж это важно? Ведь мужчина интересен тогда, когда у него есть будущее. А женщина - если у нее есть прошлое... Он быстро повзрослел, и очень скоро понял, что без нее не сможет. И, если она даст ему еще один шанс...

Сколько времени прошло? Он потерял срок минутам... (слава Богу, что разговор не прерывался!), просто стрелка часов в очередной раз повторяла путь по кругу... Почему он сказал ей про дождь, а не о том, как жил без нее? Дождь у нее за окном точно такой же, он же стоит у ее дома... И уж совсем неожиданно для себя он начал читать ей стихи:

*Не бойтесь говорить: "Люблю!"
Тем, кто так дорог бесконечно!*

*Ведь в этом мире мы не вечны,
Всегда на грани, на краю...
Себя не бойтесь потерять,
Даря восторженность улыбок,
Но упустить и не обнять -
Нам не простят таких ошибок!...
И пусть души не гаснет свет,
И пусть в любви мы безоружны,
Но счастье быть кому - то нужным
Важнее в этой жизни нет!*

Наступило молчание.

- Ты стал поэтом? - спросила она.

- Не совсем. Это как раз чужие строки, вот автора, к сожалению, не помню... Но это про нас...

- Согласна!..

А сама подумала про себя: «Милый мой, как мы сами себе все усложнили...» и вслух:

- Дождь - это хорошо, очень даже здорово, что дождь. Если люди уезжают в дождь, это - к счастью...

- Уезжают!?

Почему, куда, зачем... Опоздал - сердце его куда-то провалилось!...

А она смеется...

- Да. Я сама собиралась как раз ехать к тебе...

- А я уже приехал...

У него кружится голова. Он кладет трубку на рычаг, все еще ощущая тепло ее слов. Этот разговор стоил ему уйму сил... Вышел из кабины автомата. По-прежнему шел дождь... По - прежнему куда-то спешили люди. Он стоял. Стоял ослабевший, дрожащий и ждал, закрыв глаза. Он услышал приближающиеся шаги. На плечи ему легли две руки. Он ощутил горячее дыхание...

Или ему это только показалось?...

ЕЛЕНА ПОКРОВСКАЯ

Своячница

Как-то раз был я в гостях у свояченицы. Кра-асивая такая барышня!

Осанки горделивой, можно сказать, царской!

Набрал я гостинцев получше да пошёл новостей услышать-порассказать.

В пору, когда была жива ещё жена моя, мы часто захаживали к Алинушке.

При-и-ятно, надо сказать, за чайком сиживали! Вот, по старой памяти, я и пошёл. Пошёл, не подумав, что для молодой барышни это прямо конфуз получается - не предупредил, не сказал! А ну как в горнице не прибрано, да и коса не уложена к приёму гостя-то! Конфуз, да и только! Вспомнил я об этом мужицком промахе, только когда в избу вошёл! Да поздно было назад-то сворачивать - в избе уж! - Алинушка! - кричу. - Алинушка, я в гости к тебе, принимай!

- Заходите, заходите, дядюшка!- слышу приветливый голос, а самой и нет вовсе.

- Да, где ж ты, красавица?

- Да во гробе, дядюшка!

- Ахти тебе! Свят, свят,свят! Да что ж ты говоришь, дитятко! Да, кто ж тебя туда затолкал живую-то?!

- Да никто не толкал!Сама залезла! Решила, замуж пойду за того, кто, не испугавшись, кинется вызволять.

- Милая, да давно ты там лежишь-то?

- Да , нет, только сейчас крышку прикрыла, а так я по дому туда-сюда бегаю, стряпаю-стираю.

- Так вылезай,уж!

- Нет, дядюшка, не вылезу!

- Да, почему ж, голубушка?

- А боишься ты, дядюшка!

- Конечно, боюсь! Разве ж можно живых-то пугать?!

- А ругать живых да хороших можно? При жизни-то все клянут, да злобятся, хоть в глаза, хоть за глаза; редко кто приласкает иль приголубит, а, если и так, так только на время или с пользой-выгодой какой! А вот как помрёт душа людская, так уж не нахвалятся: какой, мол, человек был хороший! Золотой-

золотой-рассеребряный, красной лентой препоясанный!

- Так то-ж другие ругают, а я тебе гостинцев принёс, вылезай! А то так и просидишь весь век в гробу, обижаясь на каждую шавку!

- Правда ваша, дядюшка, обижаться - грех большой! Кто, поди, знает, ругает он или с пользой дела хвалит. Может, это я кого обидела, что за три дня никто и навестить не пришёл-то. Видно, век мне в вековухах сидеть!

- О, Господи! Дитятко, что ж ты сама себя в гроб заколачиваешь, да судьбу определяешь? Накинь шальку-то новую, да пройдишь по деревне! Да бочком, бочком! Да улыбочки каждому двору раздари! Кто злом ответит - не твой! А добром - в глаза загляни да ответ там ищи! Да вылезай уж, дитя малое - вековуха старая, глупая девица двадцати лет отроду, красавица ты моя, о-хо-хо...

Вспомнил я эту историю оттого, что на душе нехорошо. Терзаемся, мучаемся, ищем выхода откуда-то, куда сами себя и загнали-то...

Зубастый стакан

Вся моя трудовая деятельность связана с флотом. Тридцать лет отдал торговому флоту, преподавал штурманскому составу GMDSS (global maritime distress and safety systems), на пограничных кораблях устанавливали новую аппаратуру. Затем в гидрографии, на севере, мы обеспечивали моряков информацией по безопасности мореплавания. Сейчас работаю на верфи, где строят корабли и суда для военного и торгового флота. Так как наш завод относится к военному объекту, то и охрана здесь поставлена на должный уровень. Под охраной находятся почти все цеха, склады, корабли ну и конечно внешний периметр. Я устроился в отдел, который отвечает за техническое состояние охранной сигнализации и всех пропускных пунктов завода. На строящихся кораблях, так же отвечаем за пожарную и охранную сигнализацию. По всему заводу выставлены посты, в которых несут вахту охранники, из которых большинство - военные пенсионеры или крепкие товарищи предпенсионного возраста. На каждый пост поставлена специальная будка, в которой есть свет тепло и связь с караульным помещением. Охранник по уставу не должен отлучаться от своего поста, также ему запрещено отвлекаться: читать книги, слушать музыку, принимать пищу и так далее. Оперативный дежурный отвечает за исправную службу всех заступивших на вахту, за сохранность всех объектов, находящихся под охраной. Большинство устраиваются на эту работу из-за удобного графика работы: одни сутки дежуришь и трое отдыхаешь. Проверка постов осуществляется старшим смены, оперативным дежурным, начальником службы охраны.

Но и как во всей нашей жизни, строго жить по уставу очень сложно, поэтому «голь на выдумки хитра». В будние дни, когда всё начальство на местах, служба несется, как говорится, по правилам, а в выходные дни обычно проверок меньше, меньше суеты и

беготни, тогда и служба течёт более спокойно. Но как говорится, Как волка не корми – он всё равно в лес смотрит. Вот что произошло в последние выходные.

На дворе январь, но зима в этом году только что началась. Пришли слабенькие морозы, снега почти ещё совсем нет. Когда нет ветра и солнце пробивается из-за тучи, душа прямо радуется. Бухта, в которой стоят корабли, только начинает покрываться ледяной шугой. От мелких льдин, отражаются блики солнца. Чайки, как малый флот, медленно проплывают между образовавшимися льдинами, а вороны степенно ходят по тонкому льду, проверяя его на прочность. Вечером в выходной, при такой прекрасной погоде, так и охота с кем-то пообщаться, поговорить за жизнь. На строящемся корабле, стоявшем у причала, было два поста: один пост выставлен на корме, где был поставлен рабочий трап, а второй находился на баке, у которого расположен аварийный пожарный выход. Хотя завод не работал, его охраняли круглосуточно. Вот охранник с поста от рабочего трапа и решил пообщаться с товарищем, который стоял на баке. Он подошёл к нему, оба уселись в будку, причал просматривается до горизонта, и начали они свой разговор за жизнь. Слово за слово, оказалась у одного в кармане бутылочка из-под минералки, а в ней фирменный подкрашенный напиток крепостью сорок градусов. Горизонт чист, никто не видит, ну и махнули товарищи по большому глотку. А тут, как назло, из-за цеха, со стороны, на которую они не обращали внимание, выходит оперативный дежурный смены. Матвеевич, один из товарищей, быстро ретировался в свой кормовой домик. А Олег, так звали второго собеседника, остался на своём посту, к которому и направился проверяющий.

Предвидя дальнейшее развитие событий, Олег пошарил в кармане и нашёл кусок булки. Чтобы перебить запах крепкого напитка, он быстро засунул его в рот.

Проверяющий подходил всё ближе. Значит, с ним придётся о чём-то говорить.

Золотое Слово-6

Тогда Олег выхватил кусок изо рта и выкинул его в воду с причала. Проверяющий проверил состояние будки, работу фонарей и пошёл дальше. У Олега с сердца свалился камень, но ненадолго. Он обнаружил, что вместе с куском булки выкинул и свою верхнюю вставную челюсть, которая прилипла к куску. В голове сразу заработал калькулятор, который подсчитывал немаленькие цифры потерь в его кошельке. Эти цифры вывели Олега из оцепенения, он вышел из будки и увидел, что кусок булки упал на льдину, которую прибило к причалу. Быстро сообразив, он нашёл длинную палку и начал тянуться к льдине.

Краем глаза он заметил на горизонте оперативного дежурного, возвращавшегося в его сторону. Отложив начатую операцию, вахтёр занял место на боевом посту. Во время общения с оперативным, Олег увидел печальный конец своей операции по спасению родной челюсти. Он заметил, что на его кусок смотрит не только он, но и большая, молодая серая чайка.

К сожалению, она не стала долго думать, а подлетела и унесла кусок хлеба вместе с его челюстью.

«И зачем ей моя челюсть?»- шептал про себя Олег, но было поздно.

Рыбалка

В 1993-1995 годах, работая в Латвийском пароходстве, мы стояли на линии Рига – Киль – Рига – Хельсинки – Рига.

Наше судно финской постройки, верфи Раума-Репсала, – это грузовой паром РО-РО 30 (сто двадцать семь метров в длину и девятнадцать в ширину). В трюма и на кардеки (это подъёмные автомобильные платформы, которые находятся между главной палубой и палубой твиндека) помещалось 450 легковых автомашин типа «Жигули». А летом при хорошей погоде, если загружали и верхнюю палубу, то втискивали и все 720 автомашин. Судно универсальное. Возили мы и большегрузные фуры и контейнеры и всякую технику на движущихся платформах. Дальнобойщиков с сорокафутовыми трейлерами в нас набивали до 60 штук, без автомобильных кабин. И двенадцать

трейлеров могли взять вместе с кабинами и водителями.

Каждая спасательная шлюпка на судне рассчитана на определённое количество мест. По правилам безопасности мореплавания, портнадзор не мог выпустить в рейс судно с количеством людей, превышающим количество спасательных средств.

Линия была сложная, ходили мы по расписанию. Восемь швартовок и отшвартовок за неделю, я хотя и работал начальником радиостанции, но так как экипаж был сокращённый, то швартовался с боцманом на баке. Боцманская школа была правильная и в дальнейшем очень пригодилась. Во время грузовых операций стояли за пультом управления грузовым шестидесятитонным лифтом, также поднимали и опускали кардеки и лоцпорт, а это такая многотонная штора, которая закрывает въезд на твиндек со стороны кормы.

В Германии мы также занимались креплением и раскреплением груза, за это немцы неплохо платили. Одно место крепления груза стоило 5 марок. Крепились трейлера в трюмах на четыре цепи, на верхней палубе на шесть цепей, а легковые автомашины за четыре точки специальными растяжками. Летом все шло хорошо, но вот зимой, когда замерзали степсы (специальные отверстия в палубе, за которые крепятся цепи, и в которые вставляются канлоки для крепления контейнеров), то их приходилось отогревать паром. Колёсная техника поступала грязная, а необходимо было лазать под машинами, чтобы завести цепи. Машины ставили вплотную, они едва не цеплялись зеркалами заднего вида. Когда сорокафутовые контейнера на автоплатформах рижские докеры ставили на расстоянии друг от друга до двадцати сантиметров, то немецким докерам приходилось попотеть, чтобы вытащить такую длинную «телегу», не повредив тент. Ох, как они ругались. Главное определить в таком случае, с какой платформы начать выгрузку.

Нас всегда поджимало время расписания, поправок на погоду не делалось. Работа усложнялась в зимнее время, когда замерзали Рижский и Финский заливы. В это время сложно было швартоваться в Риге и в Хельсинки, манёвры во льду затруднены,

Золотое Слово-6

иногда швартовка затягивалась на часы. В таких случаях мы отогревались по очереди под полубаком.

В Хельсинки наш причал находился почти в центре города, в двадцати минутах хода до «блошиного» рынка и нашей дизельной ракетной подводной лодки.

Это было время развала СССР и рождение новых стран, а не республик. Каждый крутился как мог, и зарабатывал тоже как мог и чем мог. Союз развалили, вот старую лодку и приспособили под музей, за определённую плату можно по ней поползть, посмотреть бывшее грозное оружие Советского Союза, представить, как там жили, ютились подводники. Поставили её в центре города, около главной площади.

Если зимой швартоваться было туговато, то летом было всё прекрасно, особенно при хорошей погоде. А ещё лучше, когда у нас в запасе имелось время до подхода, и мы могли себе позволить не спешить. На Балтике около острова Борнхольм имеется «баночка», о ней, наверняка, знают все судоводители.

И вот, когда у нас был запас времени, то судно аккуратно подходило к обозначенному месту, по трансляции раздавалась короткая команда: «Прибыли на место». Здесь уже все знали, что она означает и что кому делать.

Судно ложилось в дрейф, естественно, это бывает так при хорошей погоде. У кого есть удочки, разбегались по своим местам у бортов на верхней палубе. Место капитана было на баке (нос судна), его никто не занимал. Старший помощник находился на мостике, правда, обычно эти мероприятия и происходили всегда на его вахте, а старпомы стояли вахты с четырёх до восьми и с шестнадцати до двадцати часов. Боцман доставал бумажные мешки под рыбу, свободные от вахты находились рядом с рыбаками, помогали распутывать «бороды» и снимать рыбу с крючков.

На этой «баночке» мы ловили треску на самодельные блёсны. Обычно токарь вытачивал из медного прута болванку сантиметров десять, спиливал концы по диагонали под углом тридцать-сорок градусов, присобачивал трёхъякорный крючок, и снасть

готова.

Попадались крупные экземпляры, у меня есть фотография, где мы поймали треску длиной в метр двадцать сантиметров.

Так мы ловили на Балтике, ну а в Северном море рыбалка совсем другая, там мы ловим на самодур. До блесны делается поводок с крючками, на которые прикреплены разноцветные перья, и количество таких крючков доходит обычно до семи штук. На судовых картах в районе Хансхольма (маяк на мысе берега Дании в Северном море) помечены наши «баночки» Так мы ловим скумбрию. Бывает, вытаскиваешь столько штук, сколько имеешь крючков. И делается из скумбрии деликатес. Сначала она немного просаливается, затем подвяливается, обычно в трубе машинного отделения, а после этого коптится. Почти на каждом судне, во время ремонта на заводе, делается коптильня из бочки и, конечно, мангал, всё зависит от капитана и дедушки (старшего механика).

И эти изделия, то есть рыба после копчения, называются киперсами. Когда таким деликатесом капитан угощает комиссию по приходу в порт (имеется в виду порт Рига) во время оформления документов, отношение к нам в корне меняется, обычно не бывает и досмотров таможни.

Но я хочу рассказать не про эти рыбалки, а про ту, свидетелями которой мы стали, и она навсегда запомнилась не только мне, но и всему экипажу, о ней долго шли разговоры.

Стоим мы, значит, на линии, о которой было сказано выше, ходим на Германию. Латвия отсоединилась, стала независимой. В Латвии появилась своя таможня, своя армия, свои пограничники, нам выдали новые, синие паспорта моряка, всех заставили учить латышский язык, хорошо, хоть все судовые документы велись на английском языке. Только к нашим фамилиям они прибавили букву «s», и ударение у них всегда падает на первый слог, так что я стал не Серовым, а «Serovs» Насчёт фамилии мне ещё повезло, хуже получилось у Вадима Попова, представляете, как звучит его фамилия.

В судовой роли за фамилией идёт графа «национальность». Так как весь экипаж живёт в Латвии, в графе национальность появилась отметка Lat, а напротив моей фамилии Rus.

Золотое Слово-6

Каждый приход в Ригу, а мы заходили дважды в неделю (до Киля тридцать шесть часов хода от Риги, а до Хельсинки двадцать часов хода), на борт поднимается комиссия. Они смотрят в судовую роль и видят одного русского, на которого обращают все свои взоры. Короче пользовался я повышенным вниманием: и каюту всю досмотрят, и вещи пощупают, и в радиорубку заглянут – мне это в конце концов надоело.

В начале я перезнакомился со всеми пограничниками и таможеней, короче принимал их с русским радушием и накрытым столом. Но потом эта процедура стала мне как-то не по нутру, и я пошел в отдел кадров. В отделе кадров работали нормальные ребята, хотя половина из них и были латышами. Я сказал, что если я русский, то пусть напротив меня и стоит Rus. Но в экипаже всего три латыша, а остальные без гражданства.

У гражданина Латвии синий паспорт, у жителей Латвии коричневые паспорта. Напротив жителей Латвии пусть в графе «национальность» поставят отметку «без гражданства», на это мне возразили, что с такой отметкой экипаж ни в одну страну не пустят.

Но так как я имею синий латвийский паспорт моряка и годовую латвийскую визу, то напротив моей фамилии появилась отметка Lat. В это время в Латвии всё, что напоминало о бывшем Союзе, ломалось и рушилось.. Была взорвана радиолокационная станция дальнего обнаружения воздушных целей в Скрунде, разваливались военные городки, вот и мы швартовались в Риге уже не в порту и не у морского вокзала, а в районе Болдерая., - в гавани, где раньше стояли советские морские пограничники и подводные лодки. Рядом с нами у причала была ошвартована полузатопленная подводная дизельная лодка, а остальные брошенные старые подводные лодки были уже переправлены и проданы на металлолом в Данию. Знаю об этом, потому что наш третий помощник участвовал в этих перегонах, до того как он стал работать в нашем экипаже.

У лодки, что осталась стоять с нами рядом, просто забыли закрыть люк. Постепенно она заполнилась дождевой водой и села на грунт.

Её теперь было не сдвинуть с места.

Последние рейсы были у нас напряженные, с порта Киль возили спецмашины для постройки взлётной полосы в аэропорту Риги - для приема тяжёлых «Боингов». В Риге ждали президента США.

В этот злополучный день мы, как всегда утром, вошли в бухту Киля. Прошли мимо памятника всем погибшим на море, который представляет собой высокую гранитную стелу с орлом на верху, высотой она, наверно, метров двадцать пять - тридцать, видно её издалека. Далее - мимо памятника подводникам (на берегу стоит старая submarine).

К началу рабочего дня отшвартовались и были готовы к работе. Наш экипаж разбит на две рабочие бригады. Каждый заход в Киль работает одна бригада по креплению и раскреплению груза, а другая отдыхает. В этот заход команда, в которой я работал, была выходная. После обеда мы с друзьями пошли в город, одному ходить скучно и неинтересно. Хотя наступили новые времена, сам решаешь с кем, когда идти, лишь бы это отрицательно не отражалось на твоей работе.

Погода была прекрасная. Весна, солнце, зазеленели деревья, запах весны дурманит голову и вселяет в тебя какую-то невиданную силу. На плацу перед паромными причалами стоят в ожидании погрузки машины. В общей сложности их наберётся более сотни большегрузных сорокафутовых фур. У таможи вытянулся хвост из частных легковых автомашин – это литовские челноки, перегоняют и машины, и товар на своих паромках. Сразу в нашем районе Киля могли ошвартоваться три парома. Бывшие железнодорожные паромы литовского пароходства «Мукран» и «Вильнюс» переделали под обычные автомобильные, просто были сняты железнодорожные рельсы в трюмах и переоборудованы каюты для пассажиров. Такие же паромы ходили на линии Ильичёвск – Варна, а назывались «Герои Шипки» и «Герои Севастополя». Да, были времена, об этих линиях и паромках много писали в морских журналах и газетах.

Мы прошли проходную, дорога вела направо через небольшую речушку. Мост через реку служил одновременно и плотиной. Около моста была остановка речного трамвайчика.

Золотое Слово-6

Плотина перекрывала речку, и перепад воды достигал около полутора метров. Здесь и было излюбленное место рыбаков. Во время нереста рыба с залива подходила вплотную к плотине, где как раз и поджидали её рыбаки. Весна - время нереста селёдки.

Ловля рыбы для немцев - целое событие. На место они приезжают на машинах, которые аккуратно ставят в стороне. Каждый экипирован, словно только что сошел с обложки журнала о рыбалке: здесь и комбинезон, и курточка, и шляпа с пером. О снастях - отдельный разговор. Каждый рыбак должен иметь лицензию, кроме того, у него должно быть обязательно ведро с колотушкой. Если такого ведра с колотушкой у него не будет, то его могут оштрафовать за негуманное обращение с природой, так как пойманную рыбу необходимо сразу усыпить при помощи такой колотушки. Как было сказано, было время нереста селёдки. Рыбачья снасть, состояла из длинного удилица с катушкой, на конце лески - груз, поводки с крючками находятся до груза.

По-нашему, это простая донка, но крючки были с разноцветными пёрышками, на которые ещё насаживали приманку (почти такую же снасть мы использовали для лова скумбрии в Северном море).

Хотя рыбы было и так достаточно, ей некуда было деться: впереди плотина, сзади небольшой заливчик, в котором разворачивается речной трамвай.

Всё равно каждый стремился подбросить в воду свою приготовленную прикормку.

Только на мосту плотины набиралось до пяти рыбаков. Но ещё стояли рыбаки и по краям плотины. Удочки все забрасывали аккуратно вдоль по течению. Все были, похоже, натренированы, так как расстояние между лесками в воде доходило до полуметра.

А у нас на судне был заядлый рыбак – матрос Валера Кончуков. Если он свободен от вахты и работы, то непременно его можно увидеть с удочкой, недалеко от судна.

Ловил он рыбу и зимой, и летом, короче, во все времена года. Зимой стоим во льду в Болдерае у причала, а он уже где-нибудь недалеко от судна дырки сверлит. Без рыбы практически никогда не возвращался, снабжал не только семью, но и соседей.

В этот день клёв был изумительный, такого Валера упустить не мог.

Мы возвращались из города, когда увидели, как наш Валера, в большой синей фуфайке, подбирается к немецким рыбакам со стороны порта. Как раз на пригорке было старое, грязное разрушенное здание без окон, по цвету напоминавшее фуфайку нашего рыбака.

Рыбаки были в азарте, мы стояли и наблюдали, как они таскали селёдку, били её по башке и складывали в вёдра.

Наш Валера зашёл с правого берега со своей самодельной донкой: вместо груза была привязана большая гайка и штук 5 крючков с ломтиками мяса и кусочками материи от старого корабельного флага. Если у всех удочки были заброшены вдоль по течению, то наш моряк забросил поперёк, а так как он был не слабый мальчик, то он перекинул все заброшенные немецкие снасти. Немцы как-то не обратили внимания, на его заброс, а начали беспокоиться только тогда, когда один из них стал выбирать свою леску. Его леска зацепилась за Валерину, та в свою очередь подцепила леску соседа. Валера тоже подумал, что у него клюёт, и рванул свою добычу.

Когда он собрал всех рыбаков в пучок, всё стало ясно. Сначала слышались непонятные реплики, затем несколько человек привстали со своих раскладных стульев и потихоньку направились к Валере. Но Валеру от них отделял довольно широкий овраг. Предвидя дальнейшее развитие событий, он бросил свою снасть и скрылся в разрушенном здании. От здания до проходной было метров двести. Чтобы по нам не заметили, что мы тоже имеем какое-то отношение к порту, мы потихонечку прошли мимо и свернули в другую сторону. Валера набирал обороты, затормозив перед проходной, спокойно пройдя мимо дежурного полицейского, скрылся на плацу между стоявших в ожидании погрузки машин.

Дальше спрятаться на судне – это дело техники, тем более, что у причалов кроме нас ещё стояли другие суда: т/х «Волгобалт-050» из России, и литовский паром. Немцы, конечно же, не побежали за ним, а двое самых шустрых подскочили к своим машинам. Пока они их заводили и выезжали со стоянки, Валеры и след простыл.

Золотое Слово-6

На проходной им полицейский что-то показывал в сторону плаца и стоявших парашютистов. Мы так поняли, что преследователи плюнули на затею найти неправильного рыбака и вернулись к своим местам у речки распутывать удочки.

На судне до отхода Валеру никто не видел.

Последующие приходы в Киль он в фуфайке на берег не сходил. Даже когда стоял на вахте на рампе (откидная аппарель, по которой груз закатывают на борт судна), то надевал свою парадную куртку.

Вот что значит ловить рыбу не по правилам.

Цена картошки

Наш маршрут, на гидрографическом судне г/с «Иван Киреев» лежит на восток. Задание у команды снять РИТЭГи – это маленькие радиоизотопные тепловые электрогенераторы, работающие за счёт распада стронция 90. Они обеспечивают питанием навигационные знаки и маяки Северного Морского Пути. Теперь они выработали свой ресурс (так нам заявили) и их необходимо снять, чтобы затем установить новые.

Экспедиция, состоящая из семи человек, должна быть высажена по пути на полярную станцию острова Олений, далее на полярную станцию на острове Большой Медвежий, который находится около Диксона и затем уже догresti до Тикси. Через Тикси, на вертолёте, поменять людей на полярной станции Буор-Хая, которая расположена примерно в ста пятидесяти километрах в море Лаптевых и находится на изгибе Янского залива, у неё и позывной «Волнолом»

Время наступило совсем иное: если раньше любые заявки с Севера выполнялись, на сто процентов, и даже перевыполнялись, сейчас всё изменилось: Союза не стало, не стало власти, которая отвечала бы за свои действия на благо общего дела, всё развалилось, сгнило, и летает в воздухе, как пурга, одна болтовня.

Забыли совсем про Север, про то, что здесь живут пока живые люди. Многие, правда, не согласные с такими условиями существования,

накопив на дорогу и выработав северный стаж, уезжают, порой оставляя все нажитое, самое ценное конечно отправляют контейнером на место предполагаемой высадки. Посёлки на севере стали как братья близнецы: кругом заколоченные покосившиеся двух и трёхэтажные дома, которые ещё могут выдержать напор снега; или просто разваленные, никому не нужные руины.

Кое-как существуют полярные станции. Всё время что-то просят у Гидрографических баз, ответственных за данные регионы, хотя и те и другие варятся в одном котле и подчиняются общей гидрографии.

На полярных станциях дежурят полярники, ведущие наблюдения за метеообстановкой и работающие на контрольно-координирующих станциях системы ГЛОНАСС.

На этом вопросе остановимся немного поподробнее.

Для точного определения местонахождения судов используется советская система, теперь уже российская система ГЛОНАСС (глобальная навигационная спутниковая система). И американская система GPS (global position system). В 1985 году СССР и США заявили о возможности использования данных этих систем гражданскими потребителями, с точностью определения координат до 100 метров.

Американская система GPS состоит из 24 спутников, вращающихся на шести орбитах, по четыре спутника на каждой орбите. Высота орбит составляет 20200 км, а период обращения вокруг земли равен 12 часам.

Система ГЛОНАСС должна состоять также из 24 спутников, расположенных в трёх орбитальных плоскостях по 8 спутников в каждой, разнесённых по долготе на 120°. Спутники находятся на круговых орбитах высотой 19100 км с периодом обращения 11 ч 15 мин.

Для справки, геостационарная орбита расположена около 36000 км, и спутники, находящиеся на этой орбите вращаются с периодом обращения вокруг земли равным 24 часа, то есть они как бы висят в заданных точках над землёй. На геостационарной орбите находятся спутники системы INMARSAT, обеспечивающие связью суда во всех точках мирового океана между семидесятью пятью

Золотое Слово-6

градусами северной и южной широты.

Спутники же, находящиеся выше данной орбиты, отстают от вращения земли, а спутники находящиеся ниже этой орбиты опережают вращение земли. Поэтому навигационные спутники систем ГЛОНАСС и GPS, за один оборот земли делают примерно два своих оборота.

В составе навигационного сообщения с каждого спутника систем GPS и ГЛОНАСС передаётся эфемероидная информация о его положении и временные поправки, а также сведения о состоянии всех спутников системы.

Аппаратура пользователей производит беззапросные измерения навигационных параметров и одновременно информация может быть считана с четырёх спутников.

Метод навигационных определений псевдодальномерный и радиальный псевдоскоростной. Раньше обе системы работали исключительно для военно-морского флота. Инициатива применения для международных целей систем GPS и ГЛОНАСС в интересах гражданских пользователей была проявлена ИНМАРСАТом и основывается на требованиях статьи 3 Конвенции ИМО, которая предусматривает обеспечение связью для подвижных объектов, и функции радиоопределения.

Базовый принцип дифференциальной коррекции прост. Судовой приёмник спутниковой навигационной системы определяет широту и долготу места в данный момент времени. Контрольная станция, координаты которой известны, измеряет задержку прохождения до неё сигнала для учёта в решении общей радионавигационной задачи.

Эта задержка передаётся на борт судна, где процессор вычисляет уточнённые окончательные координаты. Данные контрольных станций о задержках эффективны, если пользователь находится в пределах до 1000 км от данных станций. Используя метод дифференциальной коррекции в системах GPS и ГЛОНАСС, а также передачу данных о задержках с контрольных станций через спутники ИНМАРСАТ, при определении места в реальном масштабе времени можно достичь точности до 3-5 метров.

Такая станция находится и на острове Олений в Карском море, куда мы должны посадить двух операторов – полярников. Следуя в Карском море, на судне постоянно делались замеры сигнала данной станции, чтобы определить дальность её действия, что в конечном итоге составило 300 морских миль.

В снабжение, поставляемое на станции, входят не только продукты питания, но и оборудование, топливо для дизельных генераторов. Продукты в основном состоят из консервов и различных круп. Сами полярники, закалённые суровым жизненным опытом, являются и рыбаками, и охотниками, и поварами, и пекарями. На каждой станции имеется табельное оружие, которое обычно применяется для отпугивания белых медведей.

На всех судах по SOLAS 74/88 (safety of live at sea) и по правилам GMDSS (global maritime distress and safety systems) функции девять - (bridge to bridge) т.е. мостик-мостик постоянно несётся вахта на шестнадцатом канале УКВ связи. Дальность действия УКВ канала зависит от мощности передатчика и от высоты установленной антенны. В среднем - это расстояние равно примерно двадцати морским милям. Шестнадцатый канал является аварийным, на нём по международным правилам ведётся весь аварийный обмен, также это канал вызова, как судов, так и береговых станций с последующим переходом на рабочие каналы. Остров Олений расположен в зоне действия радиостанции гидробазы порта Диксон. В определённое время на коротких волнах в телефонном режиме, в диапазоне четырёх мегагерц происходит связь между полярными станциями: островов Олений, Медвежий и гидробазой Диксона.

Между гидробазой Диксона и островом Медвежий прорывается также связь и на 16-м канале УКВ. На этом, дежурном, канале следят все службы и в первую очередь, конечно, пограничники, у которых позывным сигналом является слово - «Застава».

Пограничники ведут наблюдение за вновь прибывающими судами, за перемещением между островами.

Диксон на сегодняшний день является

Золотое Слово-6

умирающим городом, живёт только за счёт снабжения, поставляемого, как говорят здесь с большой земли.

Раньше, когда по морям ходили пароходы, и работали они на угле, то Диксон был для них бункеровочной базой. Топливо бралось на борт из расчёта добраться до Диксона, где пополнялись запасы для продолжения намеченного пути. На угле теперь по морю не ходят корабли. На угле в Диксоне только работает котельная, которая обогревает этот заброшенный городок.

Полярники на станциях ловят рыбу, питаются консервами, но когда к ним попадают овощи, которые являются здесь большим дефицитом, например картошка – это считается высшим деликатесом, всё остальное перед ней блекнет.

Суда сейчас заходят в порт редко, а если и заходит кто-нибудь, то это становится целым событием. Никто старается не пропустить этого момента. Моряки везут выполненные заказы друзьям. Хозяева магазинов спешат на причал за своим товаром, короче, день прихода любого теплохода, парохода, баржи – это главное событие, которое может взбудоражить весь город. Поэтому любая более менее уважающая себя служба и организация, (таких на Диксоне, к сожалению, очень мало) всегда следит на 16-м канале УКВ.

Раньше было время застоя, когда СССР твёрдо стоял на ногах, даже со своими перегибами. По морям ходили наши многочисленные корабли, пароходства соревновались друг с другом, север снабжался на сто процентов, чувствовалась какая-то забота, потому что была ответственность за выполненное дело.

Сейчас картина совсем другая – снова застой, но совсем другой: правительство стремится вступить в капитализм, а на самом деле оно вляпалось в «разогретый асфальт» и никак ему не вытащить ноги, чтобы сделать правильный шаг.

Поэтому, когда зимовщикам достаётся

картошки немножко - всё остальное уходит на второй план. У полярников имеются переносные станции УКВ, которые также работают на шестнадцатом канале. Станцию обычно обслуживают как минимум два человека, по правилам техники безопасности. Каждый день ведутся работы по составленному графику: делается обход острова, постоянно приходится следить за антенным хозяйством, обслуживать дизеля, дающие напряжение для работы маяка, передатчиков и для обогрева зданий. Необходимо следить, чтобы ветер нигде не нарушил проводку, не разорвал кабеля, короче, делать всё необходимое для жизнедеятельности станции. И кроме самих полярников никто за них никакую работу не сделает.

Чтобы постоянно быть в курсе событий и иметь связь друг с другом, переносные станции полярников постоянно несут вахту на шестнадцатом канале УКВ. Так можно позвать мимо проходящие суда и рыбаков, если нужно попросить у них помощи и т.д.

Остров Медвежий от Диксона находится, как уже было сказано, в поле действия УКВ канала, поэтому на нём слышно, что делается в Диксоне, так и в Диксоне слышно, что творится на шестнадцатом канале на Медвежке, как её называют.

Мы были свидетелями такого разговора.

- Судно, заходящее в порт, прошу ответить Заставе, - говорят пограничники.

А в эфире слышно:

- Василий, где тебя носит, картошка готова.

- Судно, заходящее в порт, ответьте Заставе, - повторяют свой вызов пограничники.

- Застава, не мешай, у нас картошка, неужели не понятно, - несётся с острова.

Застава отвечает:

- Понятно, что у вас картошка, но судно, к которому обращается Застава, вы всё-таки лучше ответьте.

Маленький диалог, а говорит о многом: представляете, какая здесь цена картошки?

ИОСИФ СКАРБОВСКИЙ

ГЭТТО

Перед самой войной я окончила педучилище, но поработать в школе не привелось. Нас, молодых девчонок, мобилизовали для работы в госпиталях. Ещё и сегодня страшно вспоминать эти годы. Столько крови, искалеченных судеб, боли и смертей пришлось видеть. К этому нельзя привыкнуть. Прошло шестьдесят лет после окончания войны, а многие картины видятся, как будто это было вчера.

Но как бы то ни было, а война закончилась. Многие ребяташки, потерявшие родителей, одичавшие в круговерти войны, болтались на железнодорожных станциях и вокзалах. Надо было их учить жить по-новому. А война выкосила и опытных инженеров, и учителей. В РОНО хватались за голову. Недоставало ни опытных учителей, ни администраторов. Хорошо помню свой приход в школу села Наславчи Хмельницкой области. Встретил меня исполняющий обязанности директора школы инвалид войны Словачевский Марьян Людвигович. Было ему тогда лет сорок пять. Ещё молоджавый мужчина с будёновскими усами – на костылях. Мне он показался глубоким стариком. Позднее я узнала, что он служил в кавалерии сержантом. Кое-как осилил в своё время семь классов и был тяжело ранен при освобождении Киева. В коллективе молодых учителей он казался пожилым. И мы, девчонки, его боялись. На педсовете завуч говорила об успеваемости, о дисциплине, а Марьян Людвигович дремал, подставив под щеку огромную ладонь, которая прикрывала и усы. Его посапывание нас успокаивало, и мы старались шепотом обсудить повестку дня. Стоило только кому-то запнуться при выступлении, Марьян Людвигович просыпался и, обведя всех затуманенным взором, провозглашал:

– Гэтто безобразие! - что всегда

заставало нас врасплох.

Я долгое время не могла понять, что обозначает слово «гэтто». Мы многое слышали о гибели евреев в гетто. С нами работала учительница истории Бэлла Наумовна, которой чудом удалось спастись. В её рассказах это слово ассоциировалось с чем-то зловещим. Но почему этим словом злоупотребляет Марьян Людвигович?

Неужели он напоминает нам, что в случае чего мы опять окажемся в гетто? Это нас пугало. Из семи учителей – трое были евреями.

После этой фразы Марьян Людвигович опять начинал дремать. И когда последний выступающий замолкал, вдруг опять директор школы выдавал на гора своё строгое:

– Гэтто не порядок!

Завуч тут же докладывала ему, что все вопросы решены. И тогда директор кое-как вставал во весь свой богатырский рост, расправлял примятые усы и, чуть-чуть улыбаясь, опять произносил свое:

– Гэтто добре, – и уже не было так страшно. А когда мы, наконец, поняли, что Марьян Людвигович за словом «гэтто» прячет мирное и непугающее слово – «это», стали относиться к нему, как дети к отцу.

Мужик он был неординарный. Дети его боялись. И когда он шел по школьному коридору, громыхая костылями, ребяташки, прислоняясь к стене, замолкали. Мне всегда казалось, что дети смотрели на него со смешанным чувством. Тут были и зависть: вот он пришел с войны калекой, а их отцы не пришли с войны совсем. Тут было и чувство преклонения перед воином, на груди которого блестели ордена и медали. И чувство жалости, потому что все в школе знали: нет у него левой ноги, а на правой – с десятков шрамов. После того памятного боя в ноябре 1943 года, когда 40 армия 1-го Украинского фронта под командованием

Москаленко освободила Киев, прошло уже три года. И в школе знали, что, придя домой после госпиталей, их директор не нашел ни одной родной души. Все были убиты. Дом его тоже сгорел в пламени войны, и директор жил при школе в маленькой комнатке, бывшей кладовой.

Сельские ребяташки понятливы к чужому горю. Они и уважали, и жалели, и, кажется, по-своему оберегали директора. Иногда он приходил в класс, тут же кто-нибудь из ребяташек бежал за табуреткой. Марьян Людвигович усаживался, прислонив костыли к стенке, и начинал рассказывать о войне. Но, удивительное дело, никогда не подчёркивал своих заслуг. Называя десятки фамилий, он о каждом говорил добрые слова, ведь почти все герои его рассказов не вернулись с войны. В конце разговора он как-то тихо просил ребят помолчать, а сам огромной ладонью проводил по лицу, как бы смахивая слезу, и вдруг, обращаясь к ребятам, говорил:

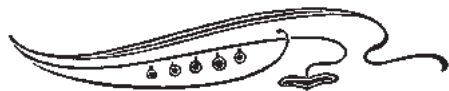
– У меня прамблема. Помогите-ка встать, – и ребяташки наперебой мчались к нему. Он своими сильными руками опирался на плечи ребят и поднимался. А кто-то уже подавал ему костыли. Все в классе вставали, провожая его, а он уже в дверях, обернувшись, с улыбкой говорил:

– Я вам тут наговорил матерал из новой истории. Помните!

И, громыхая костылями, уходил в свою каморку.

В следующем году, перед праздником Победы, вся школа хоронила Марьяна Людвиговича. Мне он запомнился на всю жизнь.

Его речь, усыпанная словечками: «гэтто», «прамблема» и «матерал», – уже не казалась мне безграмотной, а даже несла в себе дух сельского шарма.

Деликатес

Теплоход «Ростов», на котором я проходил судомеханическую практику, после небольшого ремонта должен был снова уходить в рейс. Я испросил разрешения у старшего механика и пошел в город в увольнение. Хотелось увидеть девушку, которую любил и по которой очень скучал. Я знал адрес, где она жила, и в течение часа был на квартире. Но любимая ещё не приехала от родителей, которые жили в другом городке. Вид у меня был сокрушенным, и хозяйка предложила выпить стакан чаю. За разговором я сообщил ей, что завтра ухожу в рейс за Полярный круг. Она живо поинтересовалась, не мог бы я купить у тунгусов осетра и сделать из него балык: скоро у старшей дочери намечалась свадьба и такой деликатес был бы кстати.

Тётя Фира дала мне денег на покупку осетра и вкратце рассказала, что с ним нужно сделать. Я никогда не видел эту загадочную рыбу и уж тем более никогда не делал балыка. Назавтра теплоход ушел в рейс на север Красноярского края. Началась будничная работа. Вахта. Сон. Свободное время и снова вахта. Практику проходил в должности рулевого–моториста. Каждая вахта доставляла непередаваемые ощущения. Чувствовать, как при малейшем повороте штурвала рулевого управления огромное судно послушно твоей воле. Но это не свободное катание по ровной степи на телеге, запряженной одной лошадкой. В машинном отделении стоят дизеля фирмы «Шкода» или «Ман» мощностью по 500–700 лошадиных сил. Да и свернуть судно с курса, когда оно идёт по створам, установленным на берегах, согласно лоцманским картам, – дело нешуточное.

Можно угодить на мель или распороть днище об острые камни порогов. А это происшествие с далекоидущими последствиями. И хотя в рубке на вахте всегда рядом или капитан, или старпом, или штурман, – ответственность по высшему разряду. Постоянно выдерживаешь прямую линию между глазом, флагштоком на носу судна и створом на берегу. А какие прекрасные пейзажи на берегах широкой реки! То на высоком правом берегу Енисея

Золотое Слово-6

видны сохранившиеся деревянные домики, в которых жили сосланные в сталинские времена жертвы политических репрессий. То вдруг на берегу стоит сохатый и внимательно наблюдает за идущим мимо него судном. Несколько раз видел и медведей, вышедших к берегу из тайги. Красота неопишная! А Енисей – трудяга. То и дело нужно выходить на крыло капитанского мостика, чтобы дать отмашку коротким флажком и разойтись со встречным судном правым или левым бортом. ГАИ здесь нет, но это правило неукоснительно соблюдается всеми судоводителями.

Я подошел к капитану и рассказал о просьбе тёти Фиры. На мое счастье, капитан и сам приготовился к этой операции. Он знал, в каком месте на моторных лодках тунгусы подходят к борту судов и предлагают рыбу на продажу. Из всех народов, живущих на берегах Енисея, только тунгусам разрешалось ловить рыбу варварским способом – на перемёт. Они живут вдалеке от цивилизации и это почти единственный способ заработать деньги, а у других судов – закупить провиант и продукты на долгую зиму.

Однажды после вахты я услышал серию гудков теплохода, о них мне заранее сообщил капитан. Выскочив из каюты, я вышел на палубу. Двигатели работали на малых оборотах. С мостика смотрел капитан, а к борту причаливала моторка. Матрос бросил верёвочный трап, и тунгус с мешком рыбы поднялся на борт. Капитан купил несколько больших и ещё живых рыбин, которые, кажется, назывались стерляди. Я попросил взвесить самую большую. Тунгус сказал, что это осетр. После нескольких ударов гирей по голове мы, наконец-то, взвесили его. О советах тёти Фиры, как сделать балык, я благополучно забыл. Взяв у кока острый нож, я распорол осетру брюхо. На моё счастье там было полно чёрной икры, о которой мы с тётёй Фирой не договаривались. Что с ней делать, я, конечно, не знал. Сбегав на камбуз,

я выпросил у кока трёхлитровую банку с крышкой и килограмм крупной соли. На радостях, что по возвращению из рейса я угощу любимую паюсной икрой, сложил чёрное богатство в банку и, присыпав солью, отнёс в кладовую при камбузе. Тушу осетра я освободил от внутренностей, промыл, густо посолил, поставил выструганные распорки и повесил вялиться на леера. Несколько дней поднимался на верхнюю палубу, чтобы проверить, как вялится моя рыба. Через полмесяца наш теплоход возвращался из рейса в Красноярск. От предчувствия, что сегодня увижу любимую и угощу её икрой, а тётю Фиру обрадую балыком, я помчался на палубу. Но, увы, моего подарка не оказалось на месте. После непродолжительных поисков я понял, что хозяйку мне нечем будет обрадовать. Успокаивал себя тем, что вместо балыка принесу ей полную банку икры. С этой мыслью спустился в кладовую при камбузе и обрадовался, увидев икру на месте. Я принёс банку в каюту и решил проверить содержимое банки. Открыв её, чуть не задохнулся от вони, которую она источала. Я без сожаления выбросил икру в Енисей. Словно побитый щенок, я появился у тёти Фиры и рассказал ей всю эпопею. Она сделала заключение, что балык украл кто-то из членов команды, а икру нужно было отделить от пленки и в течение пяти-семи минут солить в крепком растворе соли.

Из моего первого неудачного опыта был извлечён урок. После пятидесяти лет, убежавших с той поры, я бы сегодня не совершил такой ошибки. Но как не повернуть реки вспять, так и не вернуть назад молодость. Стоят незыблемо те берега на Енисее, и потомки того тунгуса всё также причаливают к борту судов на сигналы-гудки капитанов. Нет уже в моей жизни судоходной реки и необходимости доставать деликатесы. В любом магазине сегодня свободно можно купить всё что угодно.

О любви

1. Случайные розы

Однажды поздним вечером я возвращалась домой на последней электричке метро. На окне в конце вагона – там есть ещё такой маленький «подоконничек», лежал букет ярко-красных роз. Рядом сидела молодая пара. Когда парень с девушкой собрались на выход, я их окликнула:

– Вы забыли цветы!

Девушка улыбнулась:

– Это не наши... Кто-то раньше забыл.

Я доехала до конечной станции, постоянно поправляя букет, который то и дело съезжал с полочки под окном. Собираясь выходить, я посмотрела на цветы. Мне захотелось взять их с собой. Они как будто просили меня об этом. Букет лежал не сиротливо, не жалобно. Он рдел ярко-красными розами и звал прикоснуться к себе, прямо-таки гипнотизировал. Я подумала, что если его не возьму я, то достанется он либо уборщице вагонов, либо обходчику – в общем, кто-то да возьмёт его, так почему не я? Тем более, что мы уже сроднились с ним за эту поездку, когда я поправляла падающие на меня цветы.

Я принесла домой кусочек чужого счастья, чужой любви...

У меня было странное чувство, что я волей-неволей оказалась свидетельницей эпизода чужой жизни, переложенного на партитуру цветов и цвета. Я даже вазу подобрала им в тон – красную, именно к ней потянулась рука. Я играла с этим букетом, как маленькая девочка. Представляла, какой был парень и как выглядела девушка, которой он подарил эти розы. Как она приняла их, как засмеялась, спрятала лицо в буйстве ярких лепестков, задохнувшись ароматом. Как искрились её глаза, и его тоже. И как потом они, обнявшись, стояли в метро на эскалаторе и целовались. А затем сели в вагон, прижались друг другу и забыли обо всем на свете. И о букете тоже.

Такую картину рисовала я себе.

Возможно, всё было по-другому. Не так романтично. Но мне хотелось, чтобы это было именно так.

Наверно, вы сейчас читаете и думаете – вот пишет какая-то старая дева на пенсии, которой никогда не дарили цветов. Я вас разочарую. Цветы у меня в доме не переводятся. Нет-нет, я не учительница – опять не угадали. Просто мне их часто дарят.

Женщинам принято дарить цветы. И мне постоянно дарит цветы мой, м-м-м, возлюбленный. Извините, задумалась, как же мне его назвать? Да, пусть так. Немного старомодно, зато мило и нежно. У меня одна подруга говорит про своего приятеля: «Мой поклонник». Не нравится мне это определение. Поклоняются божеству. Может, она богиня? Я – нет. Я обыкновенная. Хотя умные книги уверяют, что все мы уникальные. Но это к делу не относится.

Короче говоря, чужие розы были не одиноки, в комнате стояли ещё две вазы с цветами. Мои цветы завяли, им на смену пришли новые, розы простояли три недели. Выбросить их я заставила себя волевым усилием. Даже засохшие они оставались ярко-красного цвета. Как же любил тебя твой парнишка, милая девушка! Мне становилось тепло от мысли, что где-то существует такая любовь. Тепло и грустно.

А вот теперь расскажу о себе. Может, вам показалось, что я слишком уж склонна к фантазии? Может быть и так. Просто, когда тебе тридцать шесть лет и ты не замужем, и у тебя нет детей, то надежда выйти замуж и родить ребёнка с каждым годом тает, как в жару мороженое. Вот и будешь тут фантазировать. Вы спросите, а откуда тогда два букета и «возлюбленный». Да просто надо же с кем-то быть! И совсем неважно, что он уже чей-то муж. Поэтому у нас при переписи населения и получается, что замужних женщин гораздо больше, чем женатых мужчин. Пропорция примерно один к двум. Понятно же.

А вот о любви и речи нет, о вечной – я вообще промолчу. Как говорится, хочешь бескорыстной и верной любви – заведи собаку. У меня нет собаки. И кошки тоже нет. Даже

Золотое Слово-6

рыбок. Не потому, что мне некогда. Времени у меня свободного много. Просто хочу я – мужа и ребёнка. И больше никого. Мне не тяжело было бы заботиться о рыбках и котёночке, с собачкой гулять, но пусть это потом появится – вслед за мужем и ребёнком. Вместе будем заботиться. А пока я готова ждать столько, сколько нужно. Хотя, если честно – не готова. Хочу – здесь и сейчас. Некогда мне уже ждать.

Каждая девушка мечтает встретить принца. На белом коне уже не актуально. Главное, чтобы сам соответствовал созданному в воображении идеалу. А какой он, этот идеал? У каждой свой, или есть общие черты? Конечно же, есть. Вот и ждём, пока в небесной канцелярии очередную партию принцев на землю не отгрузят. И радуемся, когда лимузин свадебный видим, весь в цветах и ленточках, и желание загадываем, своё, сокровенное.

Поэтому и я так обрадовалась, что эти случайные розы так долго у меня прожили. Тепло чужой любви меня согрело. Вот поэтому-то и жалко мне было их выбрасывать. Но сухие цветы хранить нельзя. Хотя и красивые, но мёртвые они. По фен-шуй, плохо. Или как это там называется. В общем, лучше не хранить таких букетов. Выбросила, значит.

А потом случилось чудо. Повезло мне несказанно! Не поверите – я его встретила. Принца своего. Совершенно случайно. Причём, ехала со свидания, такая вся счастливая. Домой уже собиралась, да подруга уговорила на выставку заскочить. Вот там он ко мне и подошёл. Молодой, красивый, талантливый – как раз мой идеал. Умный и интеллигентный. Галантный. С чувством юмора.

Я почему-то сразу вспомнила – «нельзя спать с человеком, который не может тебя рассмешить». Хотя и не думала тогда вовсе ни про какую постель. А глаза у него такие добрые, с искорками, а вокруг беззащитные реснички. Милый. В общем – качества его высочества перечислять можно до бесконечности. Влюбилась я. Не сразу, конечно. Просто понравился мужчина.

А он телефон мой попросил, и позвонил в тот же вечер. Свидание назначил. Вот с этого свидания и началась наша с ним совместная жизнь. Каких только слов и признаний я от него не выслушала, мне за всю жизнь столько

о любви не говорили все мои кавалеры, вместе взятые. Планы строили. Даже больше он строил, я так – прислушивалась, поддакивала, я ведь девушка осторожная.

Боялась в счастье своё поверить. Говорят, золотое правило математики – если задача решается слишком легко, вы что-то делаете неправильно.

Но настал день и вся осторожность моя, все сомнения развеялись. Поверила я ему. Потому что полюбила. Я по земле не ходила – летала, как птичка. Мы с ним весной познакомились. Лето прошло, как один день. А осенью он, тоже как птица перелётная, улетел. Так же внезапно, как появился в моей жизни.

Я понять не могла, как же так? Ведь он всю жизнь мою заполнил без остатка, воздухом моим стал. Как же я теперь дышать стану, в безвоздушном пространстве? Но вы знаете – получилось. Вот тут Бродского могу в пример привести – «И не могу сказать, что не могу жить без тебя – поскольку я живу». Это я так, к слову, не такая уж я и начитанная, просто услышала где-то. А знаете, почему получилось-то? Сами не догадались?

Ну, хорошо, не будет у меня мужа. Ничего страшного, потом, может быть, появится. Зато скоро будут у меня и рыбки, и котёночек, и собачка. И будет у меня, с кем о них заботится. Знаете, как дети любят всю эту живность?

А принцев на всех не хватает, поэтому нам рожать их надо побольше, чтобы ваши принцессы не долго в очереди стояли, и дай им всем Бог лимузины в цветах и ленточках.

2. Мемуары консьержки

*Кто любит прачку, кто любит маркизу,
У каждого свой дурман,-
А я люблю консьержкину Лизу,
У нас - осенний роман.*

Саша Чёрный

Жизнь удивительно скоротечна. Когда-то я работала большим начальником на крупном промышленном предприятии. На пенсию вышла давно, ещё при социа-

Золотое Слово-6

лизме. Ветеран труда. Работаю консьержем в подъезде многоквартирного девятиэтажного дома. Четыре года работаю.

Это мой подъезд, я прожила в этом доме почти сорок пять лет. Меня здесь все знают, и я тоже всех знаю. Дети нашего дома выросли на моих глазах и завели своих детей, молодые люди обрели зрелую мудрость, а пожилые совсем состарились. И всё чаще мне приходится провожать их в последний путь. Ведь всё – мимо меня.

Но я не хочу о грустном. Это жизнь. Просто всё, что происходит в доме, у меня на виду. Мы, консьержи, знаем о жильцах своих подъездов гораздо больше, чем вы себе представляете. Мы видим вас в те моменты жизни, когда вы себя не контролируете – вот вы возвращаетесь домой, в радости ли, в печали – вы ещё не успели надеть на своё лицо маску, заготовленную для домашних. Вам не нужно играть перед чужим человеком, присутствие которого вы воспринимаете как данность. Поэтому мы и видим все эмоции такими, какие они есть – живыми.

Мне всё время хотелось вести дневник, записывать то, что я вижу, как сторонний наблюдатель, но всё никак не получалось. Но теперь события сложились таким странным образом, что мысли в моей голове выстроились в стройную цепочку, и я хочу поведать вам о больших жизненных перипетиях маленького уголка жизни. А, как известно, в капле воды отражается океан.

Вы читали Сашу Чёрного? Очень тонкий, ироничный поэт. С моей точки зрения. Когда я в ранней юности услышала его стихотворение «Мой роман», в котором были строчки – «а я люблю консьержкину Лизу», я подумала, что Консьержкина – это фамилия. Читать такие стихи в то время не приветствовалось. Впрочем, как и многое другое.

Откуда мне, простой девушке из рабочей крестьянской семьи, было знать, кто такие консьержи? Это сейчас я причисляю себя к питерской интеллигенции, но это сделала я сама – училась всему, много училась. Хотя бы для того, чтобы уметь объяснить ребёнку, что нужно прочитать для пользы, для души, для жизни. Мои родители были хорошими людьми, но на книги их не хватало.

Отец работал на Адмиралтейском заво-

де, корабли со стапелей выпускал. Мама – в типографии наборщицей. Нас пятеро – накормить, обстирать, обшить – мамина работа. Заработать на это – папина. А мамина зарплата – так, на булавки. Но не работать было нельзя, хотя бы крохи в дом принести.

Но это уже всё после войны было. А что было до войны – я не помню. Маленькая совсем была, я с сорокового года, за год до войны родилась. Теперь из всей семьи я одна осталась. И те, кто старше меня был, и те, кто младше – все уже покинули этот мир.

У меня из близких только сын с невесткой, да внучка. Муж тоже умер, как раз четыре года назад, поэтому и пошла сюда в подъезд, время коротать. Не смогла сидеть дома в четырёх стенах, в пустоте. Сын с семьёй отдельно от меня живёт, у них вообще в другом районе квартира, не часто видимся.

Я всю жизнь о большой семье мечтала, как в старых фильмах показывают. Чтобы и бабушки с дедушками, и дядюшки с тётушками. Братья, сестры – родные, двоюродные, куча мала детей. И все друг друга любят, помогают в трудную минуту. Может быть, поэтому и воспринимаю всех, кто мимо меня проходит в свой семейный уют, как родных, чтобы не сойти с ума от одиночества.

Почему появились в подъездах консьержи? Помните, в лихие девяностые, ох, до чего это словосочетание уже во рту навязло, то и дело теракты по всей стране, как спички, вспыхивали. Люди тогда в подъездах сами дежурили – все соседи – по очереди. У нас тоже такое дежурство организовали, стол и стул поставили у входной двери. Помню, и мы с мужем однажды всю ночь сидели, сторожили дверь от чужого вторжения.

Затем придумали другой выход – врезали замок во входную дверь и всем жильцам ключи раздали. Гостей спускались вниз встречать, дверь отпирали своими ключами. Тоже не прижилось.

Вот тогда и вспомнили про заграничные примеры – и появились консьержи. Мы сидим, охраняем жильцов. Хотя какой толк от хлипкой бабули, если действительно заявятся хулиганы? Теперь домофоны есть, дверь на запоре, в видеоканере видно, кто там под дверью. Не могу сказать, что не страшно. Но с видеоканерой спокойнее.

Золотое Слово-6

Ночью спать можно, есть кровать, чтобы прилечь. Новшество такое нам придумали – весь день она, как верхняя полка в поезде, в собранном состоянии, а на ночь раскладывается. Но я сижу в кресле, дремлю. Всё равно не усну, даже если и прилягу.

Люди всю ночь ходят. Конечно, не так часто, как днём, но ходят. Дела у всех разные. И судьбы разные. Я эти судьбы со стороны наблюдаю много лет. И вижу, как в итоге люди счастье своё находят. И понимаю, что такое любовь.

Странно, наверное, в моём возрасте так говорить. Чего уж тут может быть непонятного в любви в семьдесят с хвостиком. Да и стоит ли вообще про это? Любовь для молодых. Нет, любовь для всех.

Я не зря так долго о ценности семьи говорила. Для меня семья – это святое. Ещё с детства запомнила слова отца: «Кровь гуще воды». Я тогда смысла не понимала. А теперь точно знаю, что это значит. Как прожить без родного человека?

Конечно, мы очень часто говорим тем людям, которых любим, что они нам родные. Встречается женщина с мужчиной, кажется им, что они родные друг другу. Но это только кажется. Это до первой бури. Случись что серьёзное – и не простят – ни она его, ни он её. А кого простят? Прощаем мы детей своих, родителей, братьев, сестёр. Бывает, что всю жизнь живут люди в смертельной обиде, но не выдерживают – прощают. А чужого человека – не кровного – не примешь в душу назад, а отпустишь на все четыре стороны. И простишь вроде по-христиански, а тепла уже нет и любить его не получается. Родного любишь как ни в чём не бывало. Почему мы детей своих прощаем? Да потому что – они такие же, как мы сами. А себя человек всегда простит, найдёт оправдания для любого поступка. Ребёнок между мужчиной и женщиной как связующее звено, ниточка кровного родства между чужими людьми. И для матери и для отца он родной по крови.

Вот и вывела я свою формулу любви. Птицы, когда любят – гнездо выют, птенцов высидывают. И люди то же самое – в семье счастье, в семье любовь. Только в последнее время статистика наша не очень удачная. И семья зачастую состоит из мамы и ребёночка. А папа отсутствует по разным

причинам. Хотя для мужчины показательно – он тоже ребёнка хочет именно от любимой женщины. Если хочет его вообще...

Моя формула любви: женщина, когда любит – хочет ребёнка родить. И не останавливает её даже гром небесный. Потому что любовь в высшем своём проявлении ищет воплощения, служения, самоотдачи. И женщина этому маленькому родному существу посвящает всю себя, подчиняет его распорядку свою жизнь. Он становится смыслом её земного существования. Смыслом любви.

Я ничего нового не сказала. Только сейчас всё пытаются перевернуть с ног на голову. Конечно, мужчины действительно немного утратили свои позиции как воины, добытчики и рыцари. Не хватает женщине тепла и любви. А хочется. Вот и читают наши женщины любовные романы – и импортные, и отечественные. В этих романах классический сюжет: молодой, красивый, богатый, уверенный в себе мужчина спасает из тягостных пут ужасной жизни очередную золушку. Она отвечает ему верной и пылкой любовью. Он надёжный и настоящий, в природе такие не встречаются. И любит он свою золушку так, как многим женщинам хотелось бы, чтобы любили их. Проявления этой любви в книжках описываются очень живо.

Вот и читают женщины об искусственных чувствах, выращенных за письменным столом. Ждут чего-то несбыточного, мечтают об эфемерном. Живут в мире фантазий, пока не проснутся и не поймут, что смысл любви не в красивости, не в приключениях, а в готовности посвятить себя родному существу. Которое будет нуждаться в тебе всю жизнь, равно, как и ты в нём. И когда женщина осознаёт своё желание стать матерью, родить дитя – значит, она действительно полюбила. Это как лакмусовая бумажка на чувства. А всё остальное – баловство, влюблённость, скольжение по поверхности.

Я хочу рассказать о своих наблюдениях, подтверждающих эту теорию. В моём подъезде четыре женщины ходят в интересном положении. Я несовременно воспитана, не могу произнести «беременные», слово такое неуклюжее.

Женщины абсолютно разные – и по возрасту, и по стилю жизни. Но глаза у них сияют одинаково. В них живёт любовь. Именно та самая, безусловная. Когда не за что,

Золотое Слово-6

не почему. А просто так – потому что есть. Расскажу подробнее о каждой. Интересные судьбы.

С самой младшей начну. Я её помню малышкой с двумя тонкими косичками. Правда, меня она вряд ли помнит с не седыми ещё волосами. Теперь это очень красивая девушка, мягкая и грациозная, как на портретах прерафаэлитов. Она учится на актрису в театральной академии. Вернее, училась. Теперь ей придётся отложить учёбу, по крайней мере, на некоторое время. Скоро родится малыш.

– Ниночка, а как же «Чайка»? – обращаюсь я шутливо, – девушку зовут Нина.

– О, Нина Заречная? – подхватывает она мой тон. – Подождёт немного.

Ниночка – счастливая девочка. Она любит папу своего будущего малыша. Он тоже артист, учится вместе с нею. Конечно, там и познакомились. А где же ещё? Ведь у артистов вся жизнь на подмостках, начиная со студенческих лет.

– И какая же фамилия у твоего Ромео? Кого искать на афишах лет через десять, если доживу? – продолжаю я милую беседу.

– Кротов! Помните, был такой замечательный артист Кторов? А у меня будет замечательный Кротов!

Нина смеётся и скрывается за дверью. Пусть подышит свежим воздухом, ей полезно. Какая умница, ведь теперь точно не забуду фамилию с такой-то ассоциацией. Актриса!

Вторая женщина – просто героиня. У неё трое сыновей от разных отцов. Представить себе не могу – одни мальчишки! Хотя, наверное, в этом тоже есть своя прелесть. Я знала одну женщину, которая плакала, когда родила дочку. У неё уже был сын. Но она снова хотела мальчика.

– Представляешь, – объясняла она свои слёзы, – в доме три мужчины и все тебя любят!

Третий – это, разумеется, муж. А в данном случае трое, без учёта мужа. Старший уже институт закончил, средний в школе учится, а самый маленький только на следующий год в школу пойдёт. Да и лет ей уже достаточно, точно больше сорока. Все её истории у меня на глазах происходили. Прямо традиция какая-то – рожать сыновей от каждого мужа.

Песня есть у Вероники Долиной: «Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила, - всех видов и мастей». Из песни слов не выкинешь. Мою героиню,

похоже, зовут – Виктория. Некоторые даже путают эти имена, и Веронику часто Викою называют. Неправильно.

Разговорились мы как-то раз с Викторией. Я её спрашиваю:

– И как это вы с тремя мальчишками ладите, трудно, наверное? Дочки-то не хватает?

А она мне отвечает:

– Я сильная женщина. И имя у меня почти мужское, парное, к тому же Виктория – означает победа! Так что – всё будет хорошо!

И как в воду глядела. Смотрю, ходит сейчас блаженная, ребёночка ждёт. Муж к ней вернулся – тот, от которого младший сынишка. А животик у неё такой, как будто девочка родится. Это я определять умею! Да, и опять-таки, – нарушает традицию моя соседка, муж тот же самый, – точно девочка будет.

Но главное – любовь. Как же иначе. Дети – венец всему.

Следующая история – это вообще кинематографическая драма. Женщину эту я знаю недавно. У нас художник живёт на первом этаже. Настоящий, член Союза художников. Он нам весь подъезд разрисовал, люди незнакомые приходят и удивляются, что это за картинная галерея вокруг?

Так вот, он женился год назад, и жена к нему переехала. Милая женщина, намного моложе его. Тоже художница, скорее всего его ученица, судя по такой разнице в возрасте. Ох, у них и баталии по ночам случаются! Я же рядышком сижу, на первом этаже, а их квартира практически напротив. Ревнует он её очень сильно.

Как начнёт кричать:

– Убью тебя! А потом – себя!

Она молчит, может, тихонько плачет? Я слушаю, переживаю. Чем убьёт-то? И вдруг вспоминаю, что помимо того что он художник, он ещё и охотник – значит, ружьё есть в доме, имеет право на хранение.

Страшно становится. И не зря. Однажды слышу – опять крики те же самые, потом затихло всё и вдруг – с улицы – звон разбитого стекла и глухой тяжёлый удар о землю, как будто кто-то из окна выпал.

Я бегом к двери, на улицу. И впервые оценила все прелести первого этажа. Я до этого случая первый этаж не любила – детство и юность прожила на первом, вечно окна занавешены, чтобы люди не заглядывали, а я солнышко люблю.

И что же я увидела – соседка моя стоит босиком, в халатике, тапочки в руках держит,

Золотое Слово-6

губы и руки трясутся, а глаза не испуганные, взгляд такой решительный, твёрдый. На улице прохладно, осень, люди уже в плащах ходят, а она босиком, в халате.

– Идите скорей сюда, – подошла к ней, за руку взяла.

Привела к себе в квартиру, я на третьем этаже живу в своём же подъезде. В одеяло байковое её закутала, чаю горячего заварила. Пожалела, что водку дома не держу – ей бы выпить сейчас от нервов.

А она говорит:

– Нет, пить бы не стала – нельзя мне, я – на третьем месяце...

– А из окна прыгать можно?

– Тоже нельзя. Только выхода не было.

Стул в дверную скобку просунула, когда он за ружьём побежал, а сама окно разбила и прыгнула. Я аккуратно старалась, чтоб не растрясти. И как только получилось? Не знаю! Уже когда на земле была – испугалась.

Вот так. Значит, права я была, есть ружьё в доме. Пока мы сидели, чаёвничали да разговаривали, пост мой без присмотра был. Но важнее человеку помочь.

– Что дальше будем делать? Может, позвонить кому-нибудь из подруг, чтоб приехали за вами? А хотите – у меня оставайтесь, переночуйте, а утром уже на свежую голову...

– Нет-нет, – перебила она меня, – я домой пойду. Сейчас он уgomонится. Всё хорошо будет.

А на мой недоумённый взгляд улыбнулась спокойною улыбкой:

– Люблю я его. Жить не могу. Я посижу ещё немного у вас, а потом к себе пойду, можно?

Я обратно на боевой пост спустилась, тихо вокруг, вышла на улицу, а там художник наш ходит взад-вперёд, тоже в тапочках на босу ногу, только куртка на плечи накинута. И зовёт жалобным голосом: «Вета, Вета, Веточка!». Прямо, как собачку кличет. Меня даже злость взяла. Сначала доведут женщину до безумия, а потом: «Вета, Веточка!»

– Что случилось? – спрашиваю его, – потеряли кого?

– Жена моя, Виолетта, из окна... стекло разбилось, она не удержалась...

– Ага, понятно, – я с интересом выслушала сбивчивое объяснение.

Вот такие дела, у нас ещё и синдром нечестности. Действительно, трудно признать свою ошибку. Посмотрела я на него – думала,

что только пьяный на подобные подвиги способен, а он – трезвый как стёклышко. Вот и пойми их – творческих людей. Надо же себя до такого состояния довести.

Ревнует – значит любит. Нет уж, увольте от такой любви. А ей-то, Виолетте его, каково? На третьем месяце. Ей ещё шесть ходить. Так и будет из окон прыгать?

Но жалко мне его стало:

– Идите домой, придёт ваша жена, у меня она – чай пьёт.

Только сказала, смотрю, а она уже тут как тут, ключи мне протягивает:

– Спасибо большое Вам за приют, я домой.

И смотрит на своё чудовище влюблёнными глазами. И он на неё такими же. Обнялись и домой пошли. Может, я не понимаю чего, но пространство между ними, когда они друг на друга смотрели, такое было наэлектризованное, как будто молния шаровая пролетела.

Конечно, и жутко так жить, и тревожно, но если она его так любит... Пусть терпит, решила я и успокоилась.

Вышла на улицу. Третий час ночи. Машины уже практически не ездят, люди не ходят. Только слышно, где-то вдалеке дворник улицу метёт. Тоже работа ночная. В пять часов утра потихоньку начнётся движение. А сейчас спокойно. Листья падают с деревьев. Тополя у нас все срубили, пуха от них было много, да и не надёжные они были, старые, трухлявые внутри. Зато клёны остались. Клёны такие красивые осенью. Мне кажется, они самые красивые. Листья на них и жёлтые, и красные, кое-где зелёные ещё остались. Вся осенняя палитра, бери кисть и пиши картину этими красками. Опять художник вспомнился и его жена. Дай Бог им счастья. И покоя. Как Мастеру и Маргарите.

Ну вот, от мысли к мысли... Маргарита – тоже персонаж моей истории. Это последняя моя героиня, больше детишек в нашем подъезде никто не ждёт. Хотя... может, пока просто не видно?

Маргарита мне как дочь, я с и мамой её дружила, и с тёткой. Они в деревне сейчас живут, город им надоел, домик купили на Псковщине и уехали. Им там нравится. Рита ездит туда в отпуск отдыхать.

Она удивительная девушка. Высокая, красивая, волосы светлые, пушистые, как крылья у ангела. Только вот не везёт ей в личной жизни. Это для меня она девушка, а

Золотое Слово-6

время – годы по-другому отсчитывает, ей уже тридцать шесть исполнилось. А замужем ни разу не была. Я очень по этому поводу переживаю. Конечно, есть у неё кавалеры, но всё что-то не то, не серьёзно это.

Но однажды... В общем, расскажу по порядку. Возвращается она как-то вечером, поздно, уже после двенадцати. Светится вся, а в руках розы. Красивые, ярко-красные.

– Сосвидания бежишь? Цветы красивые – сразу видно от души! – порадовалась я за неё.

– Не мои это, случайно нашла, в метро кто-то забыл, а я взяла. Не могла не взять, – к рукам прилипли.

Сказала и упорхнула бегом по лестнице, вся воздушная и загадочная. Я не поверила ей. Кто же цветы в метро забудет? А тут ещё сразу появился у неё молодой человек. Да ещё какой. Прямо-таки принц английских кровей. Нет, не шучу, правда, милый такой, предупредительный, всегда поздоровается, улыбнётся по-доброму. Маргарита с ним расцвела ещё больше.

Весной она с ним познакомилась, всё лето он у неё прожил. Я уже думала, что будет у нас новая семья. Нравились они мне очень, пара красивая. Летом как-то ночью гулять ходили, на Луну смотреть. Они на Луну смотрят, а я вышла на улицу – и ими любуюсь.

Но кончилось лето, и стала я замечать, что Рита одна домой возвращается. Терпела я терпела и не выдержала – спросила, где же её суженый? Не случилось ли чего? Посмотрела она на меня, отшутилась:

– Осень наступила. Он – птица перелётная.

Я больше приставать не стала. Только смотрю, нет в лице её грусти, ходит спокойная, уверенная, в состоянии какой-то внутренней радости. А потом сама подошла ко мне и сказала:

– Тётя Лиза, всё у меня хорошо. У меня мальчик будет. На УЗИ сказали.

А я-то и не углядела, что девочка моя в положении!

– Да как же ты одна, без мужа? Птица-то твоя не думает возвращаться?

– Нет, не думает. Птица – она высокого полёта, наверное. А я – обыкновенная.

– Ты – обыкновенная? Фильм помнишь – «Обыкновенное чудо»? Вот ты оно и есть! И всё у тебя будет.

А вот тут я – как в воду глядела.

Вернулся с Севера наш сосед, Маргаритин одноклассник – Григорий, Гриша Букин. Он в Риту с первого класса был влюблён. Но она внимания на него не обращала. Подшучивала над ним, романтиком называла... с большой дороги. Может, он поэтому геологом стал? Отработал на Севере пятнадцать лет, жениться не успел. Вернулся домой. Мама у него только осталась, отец умер пару лет назад.

Начал Гриша за Ритой ухаживать. То с работы её встретит, то гулять позовёт. Сначала она противилась, не хотела близко его подпускать. А сейчас, смотрю, идут рядышком, он её под ручку поддерживает. Она идёт, улыбается. Уже кругленькая стала, скоро рожать.

А на улице скользко, снег, лёд – конец февраля, зима лютует.

Заходят они в подъезд:

– Ой, и тепло же здесь!

А внизу около лифта батарея огромная, от неё и тепло.

– До чего же вы красивые оба, свеженькие, краснощекие, как школьники, – с удовольствием гляжу я на эту милую парочку.

– Вот, тётя Лиза, – верно, школьники. Один точно – он и есть. Я ему ещё в школе говорила: «Григорий, ищи Аксинью!». А он не послушался. Взял – и Маргариту нашёл! – Рита радостно смеялась, глаза её искрились от счастья.

Я подумала, что вот он, значит, и есть её Мастер. И всё окончится хорошо. Я успокоилась.

Насыщенная жизнь у консьержа. А вы что думали? Мы знаем о вашей жизни больше, чем вы сами. Волнуемся за вас, оберегаем ваш покой. Звучит слишком высокопарно? Не обращайтесь внимания. Хотя и зовут меня Елизавета Петровна, царственности во мне только на имя и отчество, а в душе я – Лиза по фамилии «Консьержкина» из своей юности. Вот ведь какие совпадения.

Я в словаре недавно прочитала, кто такие консьержи. Вот что пишут: «Первые упоминания о консьержах встречаются с XII века. Первоначальной функцией консьержей было поддержание горения свечей в замке. Позднее у консьержей добавились и другие обязанности».

Интересно. Про свечи мне нравится. Именно так – светло и радостно.

Да так и есть – для поддержания горения.

ХАФИЗ ШАХМАМЕТЬЕВ

Старший матрос

Лесовоз польской постройки «Двинолес» достиг цели своего рейса - Александрии. Сейчас, в окружении сухогрузов разного типа, торчал на внутреннем рейде в ожидании выгрузки пиломатериалов, которые месяц назад погрузили в Игарке. Время было утреннее, хотя и не спозаранку. Сергей Шканцев, молодой радист, с кружкой кофе вышел на крыло мостика. Дверь в радиорубку оставил открытой, пусть сквознячком протянет, здешний август не чета игарскому лету, где и в самую жару люди ходят в ватниках. Сергей пристроил кружку на планшире, затянулся сигаретой, благодать. На рейдовых стоянках вахту нести не надо, время от времени полагается вести приём циркулярных повесток на частотах родного пароходства, а так, занимайся чем хочешь. Вот Серёга и придумал себе занятие. Притащил в радиорубку магнитофон из трансляционной, чтобы вести перезапись понравившихся мелодий из судовой фонотеки. С плёнкой, правда, была беда. Одну единственную кассету в придачу к магнитофону «Комета», который Сергей приобрел в Игарке, хватило на запись пары концертов. Выручил начальник радиостанции, достал из своих запасов кассету в пятьсот метров, вручил Сергею со словами: «Разделишь на две меньшие кассеты, на одной сделаешь запись для меня». Так, теперь Сергей вроде бы и при деле. Задание озвучено, аппаратура настроена, дело за малым, выбирай, что нравится, записывай.

Сергей попыхивал сигаретой, пускал дым колечками, время от времени прикладывался к кружке с кофе, мысли его были далеки от александрийского рейда, в прошедшем отпуске. Конечно, можно сказать, что мечта его сбылась, приобрёл магнитофон, пусть и не заграничного производства, «Комета» весом в шестнадцать килограммов. Мечтал он, конечно, о совсем другой технике, названия фирм звучали как песня: «Пионер», «Сони», «Панасоник». И уж совсем с неслышанным качеством стереофонией. С

приятелем старшего брата, таким же фанатом звукозаписывающей аппаратуры, Сергей частенько забредал в ближайший от дома комиссионный магазин, в котором на полках ждали своего часа вожаделенные приёмники, магнитофоны, динамики и прочая техника с названиями, непривычными для слуха жителя российской глубинки. Знакомая продавщица, Соня, таким посещениям была рада. Приятель, Анатолий, трудился в каком-то НИИ и по роду своих занятий имел дело с секретной аппаратурой, иными словами, был радиоинженером, специалистом высшей квалификации, и о технике, стоявшей на полках, мог рассказать всё, разложить по косточкам обывателю все хитрости в эксплуатации. Продавщицу Анатолий приветствовал словами: «Здравствуй, Японочка, что нынче новенького, кто из дипломатов решил обменять привезённую технику на рыжие рубли?». Японочкой продавщицу Анатолий нарёк, видимо, из-за созвучия её родного имени с японской фирмой. Та нисколько не обижалась, выкладывала паспорта, формуляры, и если у самой были вопросы, углублялась вместе с ним в технические описания. В один из таких походов приятели застали покупателя, для которого Соня выставила на прилавок гору аппаратуры. Тот придирчиво осматривал клавиши, кнопки, пытаясь по своим обывательским приметам определить срок эксплуатации. Наконец, ткнул пальцем в стереомагнитофон: «Пожалуй, возьму этот прибор, выписывайте». Сергей машинально взглянул на ценник, почти четыре тысячи рублей, можно сказать первый взнос на трёхкомнатную кооперативную квартиру, и мужчина готов расстаться с эдакой уймащей денег. Анатолий, стоявший ближе к покупателю, неожиданной вмешался. Что его заставило вступить в беседу, Сергей мог только догадываться, скорее всего, впечатление, которое испытал сам: ладони мужчины были в шрамах, явно человека не из среды

Золотое Слово-6

дипломатов, но финский плащ, костюм, пошитый не на фабрике «Рабочий», выдавали в нём не простого обывателя. «Простите великодушно, - начал Анатолий, - неужели вы не замечаете, что идёт «завал» по высоким и низким частотам. Магнитофон, конечно, новенький, не более двух месяцев как на нём крутили плёнку, но вопрос какую? Явно не соответствующую техническим параметрам, скажу проще, нашей советской, а она для японской техники, что наждачная бумага. Так что, головки стёрты, вот и идёт искажение. Любую другую неисправность я могу устранить, но перемотать записывающие и воспроизводящие головки, увы, я не в силах». Мужчина выслушал, не перебивая, вложил обратно в карман бумажник: «Значит, по-вашему, «завалы» болезнь неизлечимая?» Анатолий подошёл вплотную к прилавку: «Вы позволите?» - поиграл клавишами, включил воспроизведение, зазвучала знакомая мелодия, только там, где должна была вступать флейта, пискливо вторгался неизвестный инструмент. «Надо же, пять минут назад мне прокручивали ту же плёнку, а я ничего не заметил, слух у меня явно не музыкальный, а вот перед дочкой было бы неудобно. Она в музыкальной школе учится, у неё абсолютный слух, сказать напрямую постеснялась бы, а «игрушку» забросила, в душе посмеялась». Анатолий щёлкнул выключателем, остановил плёнку: «Вижу, у вас есть желание дочь всё же обрадовать, давайте отложим покупку до следующего раза, оставьте телефон Соне, мы с ней со временем подберём что-нибудь стоящее, надеюсь, сроки и сумма вас не лимитируют?». Покупатель улыбнулся: «Вы совершенно правы, в деньгах и времени у меня ограничения нет», - мужчина налисточке, вырванном из записной книжки, сделал запись, протянул Соне: «Буду очень благодарен» и, повернувшись к приятелям, добавил: «Не согласитесь ли вы со мной отобедать?». Приглашение было принято, и Сергей с приятелем очутились за столиком в ресторане «Нарва», в двух шагах от комиссионного магазина. Новый знакомый, Алексей Егорович, так он представился, предложил в заказе не стесняться. Анатолий размахнулся и заказал бутылку водки, на что новый знакомый с усмешкой заметил: «А

может лучше коньяк?». Анатолий, нисколько не смутившись, согласился. Алексей Егорович придержал официанта, добавил: «Молодым людям по двойной порции чёрной икры и всё, что к ней причитается, а мне котлету на пару, овощной салат и минеральную воду». Сергей переглянулся с приятелем: «Что ж на себе-то экономите? – Анатолий кивнул вслед удалившемуся официанту. - А говорите лимита в средствах нет». Алексей Егорович поднял ладонь в протестующем жесте: «Анатолий, вы слишком прямолинейно мыслите, мой желудок не принимает уже другую пищу». Видимо, слова приятеля задела собеседника за живое, и он поведал друзьям свою историю, и если бы один из них имел отношение к кино, то непременно снял фильм на основе рассказанного. «Представьте себе молодого человека, возрастом, ну, скажем, как ваш приятель, - Алексей Егорович кивнул в сторону Серёги. - Я только что, отслужил в армии. Конечно, тянуло в родные пенаты, но мечта тянула совсем в другую сторону. Если я вам скажу, что я тяготился славой подпольного миллионера Корейко, вы вряд ли поверите мне. Но всё так и обстояло в действительности. Было только одно отличие: я воспитывался в простой семье трудяг, образование получил в провинциальной школе, привык выкладываться до седьмого пота и совершенно не представлял, что можно большие деньги заработать каким-то другим путём. Оповестил родных и, не заезжая домой, напрямик отправился в Калининград, где требовались обработчики рыбы на промысловый флот. Определили меня на плавбазу по вылову и обработке тунца. Что представляет собой рыбный цех в период путины, да ещё в тропической зоне - ад крошечный. Бок о бок орудуют ножами обработчики, откидывая внутренности и отходы в баки под разделочными столами, рядом в отсеке гонят рыбий жир, тут же отходы перемалывают в рыбную муку. Жара стоит невероятная, воздух спёртый, пронизанный рыбьими потрохами, вентиляция не справляется. И так несколько смен кряду. Под конец с ног валишься от усталости. В цехе я отработал пару путин, а потом определили меня в промысловую команду. Тунца-то как промышляют, на

Золотое Слово-6

перемёты, на крюковую снасть, которую опускают с вельботов. Их по бортам на шлюпбалках на разных палубах с пару десятков насчитать можно. Работа, на первый взгляд, куда как полегче. Ну, правда, на первый взгляд. Воздух, конечно, морской, недостатка кислорода лёгкие не испытывают, зато солёной водой поливает со всех сторон. Линь, на котором нанизаны поводки с крючками, ладони стирает до кости и не ровен час вместо живца сам на крюке окажешься, не миновать купания за бортом. Хорошо, если старшина команды расторопен, даст во время задний ход, а напарники ходом втянут тебя обратно в вельбот, спасёшься, а нет, так на базе завёрнутого в брезент в морозильнике вместе с уловом до Калининграда и доведут. Руки-то у меня все в отметилах, сколько раз крючки из себя выдёргивал, со счёта сбился. А самым первым так чуть сухожилия не порвал, решил обратным ходом вытащить. Хорошо бывалые моряки рядом оказались, втянули крюк поглубже, чтоб цевьё показалось, кусачками его отняли, а дальше уже по накатанной ране и вытащили. Через три дня повязку уже и скинул. Бывало, и на палтуса ходили в высокие широты. Там и летом вода выше пяти, семи градусов за бортом не поднимается, так что очутиться в почти арктических водах на пять-семь минут дольше, верная смерть. При такой сумасшедшей работе отпуск грезится, как оазис в пустыне. Уж на что заработки были высокие, так некоторые моряки умудрялись спустить всё здесь же, в Калининграде, не доезжая до родного дома. Мне казалось поначалу, что мои товарищи так ведут себя из какой-то профессиональной бравады, так, мол, принято среди бывалых моряков. А потом заметил, что местная власть некоторым образом поощряет такой «профессионализм» в кавычках. Приход в родной порт обставлялся с помпой, фейерверками, торжественным заседанием во Дворце Моряков и с дармовой выпивкой. Много ли надо мужику, постившемуся полгода в морях. Совсем чуть-чуть. А вокруг столько соблазнов, выпивка, красивые женщины. Да, они все красивые после выпитого вина. А к первым дням окончания путины шлюхи, простите меня за хлётское слово, со всего Союза слетались в портовый город. Мне одного раза хватило,

побывал на слёте ударников морской нивы. Я потом от всех торжеств отрекся, сразу вставал на вахту, благо желающих после рейса торчать у трапа не оказывалось. Недели через две смотрю, знакомые лица, опухшие, правда, по каютам распределяются, по утрам на работу спешат, кто грузчиком на складах, кто с автокаром управляется, а кто просто причал подметает. Вот, думаю и мой черёд наступил. Пишу заявление на отпуск, беру в кассе полный расчёт и напрямиком на вокзал, билет покупать. По пути к дому подарков накуплю, неделю трачу на то, чтобы с родными пообщаться, а потом напрямиком на юга подаюсь. Вы не удивляйтесь, молодые люди, к Черноморскому побережью я стремился не деньги тратить на увеселения и не отдыхать, а деньги зарабатывать. Ещё в мой первый отпуск по наитию отправился на юг нашей Родины, выбрал самый престижный пансионат - и напрямиком к директору, спрашиваю его: «Вам мастер на все руки нужен?», а он меня спрашивает: «А что умеешь делать?». Ответить, что прикажете, так сразу можно оказаться за дверью. Ну я и говорю: «У вас наверняка есть кладовка, забитая поломанной мебелью, электрикой и прочим хламом, на что укажете, то и отреставрирую в лучшем виде». И действительно, повёл он меня по коридорам в дальний угол, открыл кладовку, забитую хламом, поискал глазами, чтобы такое предложить и ткнул пальцем в хромоногий столик: «Сделай так, чтобы мебель мне понравилась». За три дня я управился, спал тут же в кладовке, благо разбитых диванов там было не счесть. Директор, правда, дал указание меня в столовой кормить до окончания проверки. На третий день я выкатил отреставрированный столик, под слоем чёрного лака столешница оказалась карельской берёзы. Увидел директор мебель, аж присел, меня спрашивает: «А можно я его домой заберу?» Что я мог ответить - «Конечно, ваше же имущество, вам и распоряжаться». С тех пор на время моего отпуска в пансионате железнодорожников мне предоставлялся отдельный номер, и я трудился во всех мыслимых качествах, от водопроводчика до электрика, от столяра до садовника. Мало того, постояльцы несли на ремонт обувь, сумки, очки. Вы, наверное, часто видели в

Золотое Слово-6

кинотеатрах, в фойе игровые автоматы для детей. Мишень поражать из ружья, торпеду пустить в силуэт корабля, баранку крутить и выворачивать по набегающей трассе, всё это позволяли автоматы на радость детишкам и подвыпившим мужикам. Последние были предпочтительнее, за тридцать секунд, что автомат действовал, выложи двадцать копеек. Так, отдыхающие на спор, кто удачливее, часами гоняли автоматы. Самое смешное, что зачастую победитель выкладывал за удовольствие пострелять по мишени сумму втрое большую, чем ему вручали проигравшие. Мне и ночью покоя не было, не ровен час автомат забарахлит, так дежурный спешит ко мне, а неисправность только в том, что касса переполняется. Однажды, в межсезонье, я приспособил старенький трактор для очистки пляжей от мусора. Вы знаете, сколько золотых украшений теряют люди за сезон? Говорить не буду, а то ринетесь в мусорщики. Пришлось через директора у местных властей выправить патент. И я с полным на то основанием открыл ювелирную мастерскую и стол находок. Одно время даже занялся ростовщицеством, ссужал каталам, приехавшим на юг, на свой промысел, под хороший процент большие деньги. И они исправно выполняли обязательства. Как-то мысль кольнула, а зачем, собственно говоря, возвращаться на палубу, за сезон возле пляжа зарабатывал в несколько раз больше, нежели за путину. Но не зря говорят, море зовёт, без старых друзей, чувства локтя, без вибрации корпуса под ногами я уже не мог, и всякий раз возвращался в Калининград. После сорока, когда появились первые проблемы со здоровьем, я огляделся, задался вопросом, а для чего всё это? Для кого? Последний раз, чтобы отправиться в рейс и пройти медкомиссию, пришлось заплатить врачам, чтобы в заключении не значились мои болячки. Вожделенный миллион, если всё собрать в одну кучу, может быть и был в кармане, но воспользоваться им в полной мере легально я всё равно не мог. Тем более что флот обветшал, пополнять флот новыми судами государство не собиралось, и я сошёл на берег. Обосноваться решил в Питере, купил кооперативную квартиру, женился на молодой вдове с ребёнком, потихоньку провожу время в ремонтной

ювелирной мастерской, трачу деньги с оглядкой, чтобы соседи не заподозрили чего-нибудь незаконного», - Алексей Егорович умолк, вилок раздал остывшую котлету, взглянул на притихших приятелей, на их вытянутые лица: «Вы думаете, с чего бы дядька разоткровенничался, да ещё с первыми встретившимися людьми. Поверьте, не обо всем можно говорить с женой, а с вами побеседовал, вроде легче стало. И потом, на тунцелове я вырос до шкипер-мастера, главного человека на промысле, второго после капитана, и в людях разбираюсь, как вон Анатолий в схемах. Знаю, в долг не попросите, ни с кем не поделитесь услышанным, а за услугу, что мне окажете, оплачу десять процентов».

Сергей допил остывший кофе, потушил сигарету: «Кажется, Анатолий через пару месяцев подобрал-таки нужную аппаратуру, и Алексей Егорович очень был доволен, и Анатолия не обидел, обещанный гонорар выплатил», - воспоминания об отпуске на этой мысли оборвались. То, что разыгралось на глазах Сергея, сначала повергло в ступор, а в следующее мгновение он уже мчался через радиорубку, по трапу вниз, к доктору в амбулаторию.

- Полундра, Борисович! – Сергей влетел в санитарный блок. - Давай, хватай носилки и на второй номер, Петрович на доски приземлился без страховки!

Михаил Борисович, молодой врач, год назад впервые ступил на палубу и за прошедшее время не раз подвергался безобидным розыгрышам. И на сей раз не спеша задвинул ящик с лекарственными препаратами, снял очки:

- Надеюсь, вы не весь кетчуп на него вылили?

- Побойся Бога, Борисович, - Сергей даже молитвенно сложил руки, - не шучу, с топовой площадки тяжеловеса* на втором номере Петрович выпорхнул, прямо на моих глазах.

- Ну смотри, Маркони**, магарыч с тебя, если разыграл, - доктор выудил из-за рундука*** свёрнутые носилки, ткнул один конец Сергею: - держи, спасатель.

Вдвоём с доктором с носилками наперевес выскочили на второй трюм перед

Золотое Слово-6

надстройкой. Вокруг лежащего на досках старшего матроса сгрудились моряки, не решаясь прикоснуться. Доктор растолкал соболезнующих. Лицо его даже посуровело, он отрывисто командовал, одновременно ощупывая лежащее тело:

- Носилки развернуть, пояс расстегните, сейчас я его положу на бок, край носилок подвиньте как можно глубже и помогите перенести его.

Пострадавшего матроса переложили на носилки и понесли к забортному трапу с правого борта. Сергей поднял страховочный пояс, лежавший на досках, покрутил его в руках. Дата очередной поверки, нанесённая с тыльной стороны, слегка стёрлась, но цифры трёхгодичной давности ещё можно было различить. Сергей машинально водрузил карабин на палец, фиксирующая собачка не вернулась на своё место: «Вот те раз, - в мыслях присвистнул Сергей, - значит, Петрович накинул карабин на леер снизу, понадеялся на страховку, а карабин не удержал страховочную цепь и от слабины выпал, так что Петрович только за воздух держался». Кто-то потянул пояс на себя из рук Сергея. Он поднял глаза, перед ним стоял боцман, взгляд его был устремлён куда-то в сторону, показалось или нет, Сергею, но в голосе боцмана слышались заискивающие нотки:

- Понимаешь, Маркони, нормальные пояса висят на переборке в кладовке по правому борту, а этот вообще валялся под верстаком, не понимаю, зачем он взял его, ведь не рабочий пояс, так, для списания лежал.

- А нормальных поясов сколько у тебя?

- Три, как и положено, - кивнул боцман.

- На покраске у тебя, Дракон, сегодня пять человек работает, значит, кому-то ещё такой же пояс достался, - Сергей перекинул цепь на боцманское плечо, - дай Бог, чтоб Петрович оклемался и зла на тебя не держал.

Сергей зашагал по доскам к коридору, где на носилках лежал Петрович. Вокруг сновали моряки, вахтенный штурман что-то яростно докладывал старпому. Из надстройки выскочил первый помощник. Растолкав сгрудившихся моряков, склонился над колобахой:

- Николай Петрович, прими лекарство, - в руках у первого оказалась бутылка с

коньяком, серебряная стопка, - коньяк три звёздочки, очень полезен для расширения кровеносной системы.

- Петрович! - Сергей шагнул вперёд из-за спин моряков к носилкам. - Не пей! Потом на тебя телегу накатают, что по пьяному делу свалился с верхотуры.

Стопка в руках первого дрогнула, коньяк выплеснулся на робу матроса и остался там коричневым пятном. Первый помощник выпрямился, сверкнул глазами:

- Вы, Сергей Алексеевич, не доктор и не смеете указывать старшему по званию.

- Доктор здесь я, - Михаил Борисович, отеснил Сергея в толпу, - и со всей определённой заверяю, при подобных травмах, сотрясении головного мозга алкоголь противопоказан.

- Да, да, конечно, - смешался первый помощник, - наверное, вы правы.

Он машинально сунул стопку в карман, склонился было над Петровичем, но передумал, махнул рукой и скрылся в надстройке.

Через десять минут к борту подошёл катер, по трапу поднялись два матроса. Они ловко перенесли Петровича на свои носилки и, балансируя на трапе, не спеша перенесли пострадавшего на катер. Все, кто был в коридоре, выстроились вдоль фальшборта, наблюдая, как носилки с Петровичем внесли в рубку.

- Михаил Борисович, - кто-то из моряков потянул доктора за рукав, - скажите, смогут хирурги поставить на ноги Петровича?

- Думаю, смогут, - доктор нагнулся, чтобы убрать носилки, - здесь наша военноморская база, а катер санитарный, разъездной с плавучего госпиталя, там очень сильные хирурги. Через месяц встречать будем Петровича.

* * *

Долгое стояние на рейде закончилось. Лесовоз пришвартовался у причала, и в две смены на всех трюмах засуетились грузчики. Доски были уложены в настил, одна к одной, словно паркет в спортзале. На то чтобы выдернуть каждую из них и уложить в строп-пакет, времени уходило предостаточно.

Золотое Слово-6

Только через три недели неторопливой работы сняли палубный груз, открыли трюма. Дело пошло быстрее, когда вместо повозок с запряжёнными мулами на причале появились грузовики.

Через месяц, к концу выгрузки на борт поднялся прихрамывающий, исхудавший старший матрос, Николай Петрович. Вечером в каюте боцмана моряки организовали небольшой фуршет по случаю возвращения колобахи. Как ни странно, но спиртным обеспечил первый помощник, искоренявший распитие на борту всеми доступными методами, вплоть до списания и выговоров. Петрович сам позвонил Сергею, пригласил на вечер, а утром поднялся в радиорубку, присел на диван, закурил:

- Послушай, Сергей, не стал вчера при всех исповедоваться, что ты мне посоветуешь, - колобаха поискал глазами пепельницу, Сергей выудил из-за приёмника раковину, приспособленную под сигаретный пепел, протянул гостю, - понимаешь, первый помощник требует от меня заключение врача. А тот при выписке строго настрою мне велел своему начальству эпикриз не показывать, а передать его только в поликлинику, копию в профсоюз.

- Ну, а мне-то показать рискнёшь, - улыбнулся Сергей.

- Для того и таскаю с собой, - Петрович достал из кармана листок, протянул Сергею, тот пробежал глазами текст. Одна фраза привлекла внимание: «...в крови следов алкоголя не обнаружено», причём частица «не» была подчёркнута дважды.

- Надо же, видимо, твой лечащий врач человек опытный, отсутствие алкоголя в крови выделил особо, - Сергей сложил листок и готов был вернуть его хозяину, как дверь в распахнулась, и в радиорубку шагнул первый помощник. Сергей сложенный листок сунул в вахтенный журнал и захлопнул его.

- Николай Петрович, а я вас обыскался, - широко улыбаясь, первый помощник шагнул к дивану, - вы мне обещали показать заключение врача, надо же оформить акт по форме «эн один».

- А что собственно вам мешает оформить акт и без врачебного заключения? - удивился Сергей. - Вы располагаете всеми

сведениями: фамилия, отчество, медицинское учреждение известны, а какие произошли нарушения, подскажет наш доктор.

- Вы, Сергей Алексеевич, вмешиваетесь не в своё дело, - первый помощник по-прежнему улыбался, но голос посуровел, - лучше обеспечьте приём радиобюллетеня, а то, один и тот же номер с прошлого месяца на доске висит.

- Все номера радиобюллетеней сложены в папочку в Красном уголке, - парировал Сергей, - а тот, что на доске, вывешен моим предшественником ещё в прошлом рейсе.

- И всё же, Сергей Алексеевич, - с нажимом продолжил первый помощник, - не усугубляйте, вы уже достаточно себя скомпрометировали.

- Тем, что не дал опохить Петровича перед отправкой в госпиталь? - слова Сергея согнали улыбку с лица первого. - Хуже уж не будет, давайте я ещё более себя уроню в ваших глазах. Так вот, на днях я заглянул в судовой вахтенный журнал, и что удивительно, запись о происшествии в день, когда произошло событие, отсутствует. А это значит, - Сергей взял паузу, убавил звук радиоприёмника, - никто не собирается оформлять акт по форме «эн один», во всяком случае, как производственную травму.

- Вы слишком много на себя берёте, - первый ткнул пальцем в Петровича, - а вот ему на самом деле можете сослужить плохую услугу, и не только ему, всему экипажу. Нас не объявят победителями в соцсоревновании, хотя все предпосылки по выполнению плана у нас есть.

- Так выходит, квартальная премия важнее здоровья конкретного человека? - Сергей хотел ещё что-то добавить, но только махнул рукой.

Дверь за первым закрылась, Колобаха за всё время перепалки не произнёс ни слова, только одной рукой, словно ребёнка, качивал другую:

- Что же теперь будет?

- А ничего, - Сергей прибавил звук, вслушался в морзянку, убедившись в чём-то для себя, звук убавил. - Если ты, Петрович, не дашь слабину, продержишься до Союза, будет тебе дополнительное лечение, санаторий и прочее. Волей неволей, а нашим командирам

Золотое Слово-6

придётся судовой журнал переписать, внести соответствующую запись, чтобы тебе выписку сделать, а польстишься на премию, заниматься придётся самолечением, на свои денежки, кровные. Только учти, с возрастом болячки могут вылезти, так что и с флотом придётся расстаться.

- Знаешь, Сергей Алексеевич, - Петрович оставил левую руку в покое, потянулся за сигаретой, - первый помощник уже артиллерия тяжёлая, меня и свои ребята донимают, чувство такое, что я в чём-то виноват.

- Себя не вини, Петрович, думай о своём здоровье, о семье, - Сергей взял в руки пачку сигарет, прикурил, - виновного, конечно, найдут. Да, он и сам вину за собой чувствует, моряков подбивает. Только одного ребята не понимают, если оставить всё как есть, любой из них может оказаться в твоей ситуации. Так всем и объясняй. Один мой приятель в таких случаях говаривал: «Весна покажет, где и кто нагадил».

* * *

С приходом в Ленинград старшего матроса списали в распоряжение отдела кадров. Прощание с экипажем, видимо, прошло довольно холодно. Сергей отметил про себя замкнутость Николая Петровича, молчаливость в последние дни. Он зашёл в каюту к Сергею, с чувством пожал руку:

- Не знаю, свидимся ли ещё, что получится в дальнейшем, не знаю, но всё равно, спасибо за участие, - моряк протянул пенал. - Возьми, Сергей, мне уже с большой рукой не справится с тонким инструментом.

- Спасибо, - Сергей раскрыл пенал, в нём аккуратно были уложены штихеля с лезвиями разной конфигурации для художественной резки по дереву. - Петрович, не жалко? Здоровье подправишь и снова сможешь заниматься резьбой.

- Ничего, не последний инструмент, даи когда ещё здоровье поправлю, а у тебя, я видел, не плохо получается.

Почти год пролетел, пока Сергей пошёл в отпуск. В отделе кадров и столкнулся с Николаем Петровичем. Приятели обнялись:

- Ну, где ты сейчас, на каком пароходе трудишься? – приступил к расспросам Сергей, но лучше бы и не спрашивал.

- Нигде, - махнул рукой моряк. - Ты как в воду глядел, и профсоюз не помог. Одним словом, травма у меня оказывается не производственная, а бытовая.

- Да, как же так?! – изумился Сергей. - У тебя все бумаги есть, подтверждающие правоту.

- Что толку, - кисло улыбнулся Петрович. - верят выписке из судового журнала, навернулся я, оказывается, не с мачты, а с трапа и в не рабочее время. Хорошо ещё не приписали «в состоянии опьянения».

- Погоди, а наш профсоюз, тоже верит филькиной грамоте?

- Сочувствует, но ничего поделывать не может, как говорится, очутился между молотом и наковальней. - Петрович поискал глазами, где можно пристроиться, и увлёк Сергея к стоящим в углу креслам. - С одной стороны, после пламенных речей на бассейновой конференции надо бы встать на защиту моряков. А с другой, мне намекнули, что план по несчастным случаям на тот год уже был выполнен и, если меня впишут в историю с моими болячками, то нагрянет московская комиссия, и всем покажется небо в овчинку.

- Погоди, шут с ней, с единовременной выплатой и санаторным лечением, но почему тебя в рейс не направляют?

- Ну, что ты, хоть сейчас выписку из приказа вручат, только им и пройденную медкомиссию подавай, а её, как ты понимаешь, - тяжело вздохнул моряк, - мне просто не пройти. Нужно длительное санаторное лечение, а я по деньгам давно уже на мели, ведь, «бытовуху» по закону лечат собственным коштом.

- Знаешь... - Сергей задумался, помолчал. - Есть у меня один знакомый, тоже моряк, только бывший, подпольный миллионер, как ни странно, одним словом, Корейко. Знакомство, так, шапочное, конечно, - и перехватив взгляд приятеля, мысль закончил другим. - Не думай, миллионером стал вполне законным путём. Скажу больше, трудом праведным. Так, вот, давай вечером

Золотое Слово-6

созвонимся, и я тебе сообщу результат.

Звонку Алексей Егорович даже обрадовался:

- Что ж, вы, Сергей, совсем пропали, я понимаю, были в рейсе, но не на годы же, - и, выслушав сбивчивую речь Сергея, предложил:

- Вот, что, давайте завтра встретимся, там же, в ресторане Нарва, и своего приятеля захватите.

Через неделю Сергей провожал Николая

Петровича на вокзале. Он отправлялся в Крым, в санаторий. Алексей Егорович для него устроил санаторное лечение, не требуя ничего взамен. Ещё в ресторане, прощаясь, строго настроено наказал: «Не стесняйтесь, если понадобится, ставьте в известность, а там, или лечение продлим, или учреждение поменяем».

Примечания:

*С *топовой площадки тяжеловеса* – с верхней площадки тяжеловесной грузовой стрелы.

** *Маркони* – устоявшееся прозвище радиста в судовых экипажах; не обделены и остальные моряки. Так, боцман именуется Драконом, старший матроса - Колобахой. Старший механик – Дед, капитан уважительно – Мастер. Матросов, почему-то всех скопом, именуют роголями, а мотористов – маслопупами.

***Рундук – со времён парусного флота в обиходе моряки так именуют шкаф для одежды, робы, инструмента.

Было у матери три сына

Было у матери три сына, но - Афган, Чечня, беспредел... А с кого спросить? Не с кого! Теперь вот ходит к ним каждый день на сельское кладбище. Придёт, перекрестится, поклонится каждому отдельно, с каждым поговорит, каждому в глаза посмотрит, каждому невидимую соринку с лица сотрёт... Поплачет, попеняет, сердешная, что не уберегли себя. Были бы живы - внуков бы ей народили, а потом, смотришь, и сами внучаток бы дождались. Никого у неё не осталось. Как есть – одна. Муж, Степан, не подставил плеча в безутешной её старости - ушёл вслед за вторым сыном. А последнего её сына, не пожелав отдать ему заработанное, - лихие люди жизни лишили. Все здесь, все рядом лежат. Одна она на земле замешкалась. Не берёт Господь, и в этом лишил Своей милости. А зачем она ей теперь, жизнь эта? Ведь не живёт она вовсе, а так... из мёртвых окон пустыми глазами на мир смотрит...

Строил Степан новый дом - сделал в нём четыре окна. Говорил, каждому сыну по окошку для светлой жизни, а нам с тобой, мать, одно на двоих, чтоб век в одну сторону смотреть, рассвету и закату вместе радоваться. А вышло - нет ей ни вечерней зари, ни зари утренней – одна ночь окна застит...

Соседи из сострадания подкармливают несчастную да по необходимости, то забор, то крышу подправят, то дровец к зиме подкинут. А словом утешать... нет, не утешают. Нет таких слов, которые могли бы её боль унять, хотя бы на время. Ходит мать в церковь, у Матушки Богородицы укрепления духа в своём невыносимом страдании просить. Священник, видя её муку, говорит: «Молись». Молится. День и ночь молится – не обретает смирения душа. Открылась священнику на исповеди, а он совестить стал: Бог, мол, знает, что делает. Идти против Его воли и роптать на Него - грех. Она и не ропщет вовсе. Смерти себе просит и всё. Наложила бы на себя руки, так этим к одиночеству и на том свете себя приговорит, - не свидится вовек с сыновьями и мужем своим Степаном. Священник человек хороший, грамотный, душевно советует. У него тоже есть сыновья. Но, видно, его молитвы

доходчивей до Бога - в армии никто не служил. Слушает она священника и не перечит, так и есть – всё от Бога: мир, войны, жизнь, смерть и нужно смиряться и жить дальше, никого не кляня, а войдёт в дом свой пустой - криком кричит: «Господи, накажи своим Божеским наказанием лиходеев за войны, за отнятые сыновние жизни! Брось тех иродов в реку из материнских слёз, чтоб им век там плавать и не достичь берегов! Господи, жить не хочу!». Строжит её священник: «Смирись! Гони прочь дурные мысли, да грех не надумайся на душу взять», а в глаза не смотрит, словно совестится, что к нему Всевышний благосклоннее... Нет! Не обретает смирения душа! Одно слово – мука...

Уходя, опять поклонится сыновьям и мужу, «Царствия Небесного» пожелает, в который раз повинится, что зажилась на земле, попросит своего Стёпушку забрать её, горемычную, к себе и, опустив сухонькие плечи, шатаясь, побредёт своей страшной дорогой к безжизненному дому своему. Встречные сельчане кланяются ей и, сочувственно вздыхая, отводят взгляды.

Да и что сказать? Было у матери три сына, да – Афган, Чечня, беспредел...

Желание

Жила в одной деревне семья: муж, жена да сынок ихний по имени Кузьма. Был он ребёнок поздний, единственный и оттого, верно, родители души в нём не чаяли. Ни к чему полезному не приучали. От работы, как от сквозняка берегли, мол, вырастешь – наработаешься. Вырос Кузьма всем на загляденье. Чуб русый - волной, глаза – чисто поле васильковое, плечи богатырские, кулаки пудовые. Такого не подумав не тронь - в бараний рог согнёт, на крышу закинет. Одна беда – кроме как балды бить да красоваться ничего тот Кузьма делать умел. Пока рос, работать родители не позволяли, боялись, что до времени силу надорвёт, а вырос да в эту самую силу вошёл, уже и сами побаивались на работе настаивать, глядя на его пудовые кулачищи. А ему и подай Господи. Аппетит хороший, наелся, напился, выпался да на улицу балды бить.

Золотое Слово-6

Женихаться время пришло - Кузьме равных нет, больно красив. По-первости девки – гужом за ним, а разглядели, что ни к чему не гош – охладели, с красоты-то воды не пить...

Погодки давно переженились, избы построили, детьми обзавелись, заматерели. Каждый какое никакое ремесло освоил, а то и не одно, все своим трудом живут-кормятся, а у Кузьмы одни забавы на уме. Вроде всё при нём, а чего-то не добрал. Стал народ над ним подсмеиваться, мол, велик Кузьмишка, да мал умишко. Матери за сына обидно, в сторону девок фырк, дескать это им страшно в девках засидеться, а я за своего Кузьму любую возьму! Да не тут-то было! Ни «лЮбая», ни любая не идут за Кузьму – кому лодырь в дому нужен, век за него хомут носи! Так и остался Кузьма бобылём.

Пока родители живы были, «жареный петух» ему ничем не докучал, а померли, туда-сюда и напомнит про «Кузькину мать»: кошель пуст, припасы на исходе, изба скособочилась, плетень вот-вот упадёт, кот от голода к добрым людям на довольствие стал, мыши и те по зажиточным дворам разбрелись. Кого в том винить? А некого! Не себя же?!

И придумал Кузьма своего Ангела-хранителя ругать. Дескать, тот во всём виноват и не выполняет должным образом Божьего поручения хранить и оберегать Кузьму от всяческих житейских бед и напастей. Вот и стал он бранить своего Хранителя день-деньской на все лады. И так он бранью ему надоел, что явился тот Кузьме и спрашивает:

- Это ж чего ты меня день и ночь бранишь, покою не даешь?

- А того и браню, что кошель пуст, изба скособочилась, плетень вот-вот упадёт, печь не топлена, коту и тому погреться негде!

- Так работать же надо! – возмутился Ангел. – Я тебе сколько раз на ухо шептал да под ребро толкал, учись хоть какому-никакому ремеслу, а то с голоду пропадёшь! А ты на другой бок круть, одеяло на ухо кидь да дальше спать!

- Ты что, с неба упал? Кто меня наставлял родителей слушаться? Я и слушался! А мне мать с отцом работать не велели, чтоб раньше времени не надорвался. А я ни тебя, ни тятю с маманей не выбирал, прожил с чем досталось! Ты во всем и виноват! Ты меня не доглядел, теперь как хочешь выкручивайся! А не поможешь, от голода помру – все на том свете Господу расскажу, какие я страдания, от

твоего недогляду, принял!

У того Ангела-Хранителя от возмущения аж перья на крылах дыбом встали. Обидно, что ему такой никудышный, глупый да ленивый на попечение достался. Видно молодой был в земных делах неопытный. Но делать нечего, приставлен – помогай!

- Ладно, – говорит он Кузьме, - три дня беру на раздумье, как тебе помочь, и ты думай, к чему у тебя в жизни больше стремления.

Полетел он к другим Ангелам, кто постарше, у кого дела поудачней идут, посоветоваться, как ему быть, а те ему и говорят:

- Кто в молодости работать не хотел, того в старости и дубиной не заставишь. Такой, лучше от голода на лавке помрет, но на реку с удочкой не пойдет: не ровен час рыба поймается - тогда возись с нею, чисти, да печь топи, да за водой в колодезь иди, да чугун на огонь ставь, да чтоб закипело - дровец подкидывай, а дрова-то то в лесу. Сколько нашего брата от таких Кузек пострадало, а с них как с гуся вода! Мы на них давно рукой махнули, и ты махни! На тыщцу трудяг всегда один лодырь приходится. Не нами это заведено, наше дело только опекать их, чтоб они совсем не выпахались. Видно, так для равновесия нужно. Да и так подумай, неужто тыщце одного прокормить не под силу? Он среди них затеряется и не виден, а иной оботрётся так, глядишь, ещё умней умных окажется, а в старости и пенсию ухватит – позавидовать. К тому же, раз нам можно выполнить одно заветное желание, так возьми выполни и дело с концом!

Хочешь не хочешь, а хотеть надо. Полетел Ангел к Кузьме и говорит:

- Могу выполнить одно твоё желание. Хорошенько подумай и говори!

- А чего думать, – хмыкнул Кузьма – Оно у меня и так одно единственное! – Хочу, чтоб живя в почёте и уважении за новым плетнём, в теплом крепком доме, с бессчётными сундуками и кладовыми набитыми добром, с непеременно полным кошелём, за постоянно накрытой скатертью-самобранкой в приятных разговорах с красавицей женой и веселыми детками в непеременно здравии до конца жизни я не знал бы никаких забот! Охнул про себя Ангел, а делать нечего, пришлось желание выполнять. Одним себя утешал, что не такой уж и глупый Кузьма ему на попечение достался...

Друг мой, кот...

*Роса войны багрова и густа
И оседает на телах погибших.
Смерть начинается с чистого листа
И сочетает бывших и не бывших.*

А. Маничев

*И, это видя, помни: нет цены
Свиданьям, дни которых сочтены.*

*В. Шекспир, сонет 73,
(перевод Б. Пастернака)*

Пролог

Друг мой, кот,

знаешь, я умираю. Так просто: красное вспухло перед глазами, стало багровым и нестерпимо ярким на секунду, потом провалью черно – и снова все четко и объемно. Кажется, еще более четко и объемно, чем раньше. Ну правильно, так и должно быть после смерти. Ты шерсть свою не подпалишь: умный, близко к кострищу не подходишь. А я уже над ним и наблюдаю сверху – как и написано во всех книгах, которые мне пришлось прочитать про начало Посмертия. Я странным образом не боюсь, потому что меня никто пока не встречает и не прошла еще первая ошарашенность: ведь только повернулся ключ – и... Седой человек, что потешно мечется вокруг места очередного городского аутодафе, мне неинтересен, как и другой, лежащий теперь вниз своим так напугавшим меня в последний миг лицом: какая разница теперь, ведь все равно остановить *это* они не сумели... А ты, друг мой, вышел из подвала все-таки на секунду раньше, чем было сделано то, последнее движение. Может быть, ты тоже – знал и хотел спасти? Какое счастье, что удалось успеть тебя заметить и порадоваться – твоей чудной озабоченной морде. Прощай, настоящий преданный товарищ, больше не встретимся: мы на том рубеже, где пути человека и кота расходятся... Казалось бы – как не вовремя умирать, когда жизнь едва-едва собралась начаться... Но какое странное безразличие к ней, навсегда покидаемой! Жаль, конечно, что хотя бы не завтра утром. Нет, вот завтра утром как раз могло быть жаль – и как еще! Хорошо, что сегодня. Пусть так... А-а,

вот и первые зеваки тянутся – конечно, даже ночью как пропустить такой аттракцион... Господи, что это еще! Люди, да остановите же ее кто-нибудь! Девочка бежит... по парапету, сейчас упадет в Неву! Помогите! Ах, ну да, конечно же, теперь никто не услышит... А она ловко так бежит, даже не балансирует, хотя такая маленькая, лет пяти, кажется... И коса летит, и платьице... Боже, да это та самая... коса... и платьице...

Все. Конец. Здесь не зажмуришься – хочешь не хочешь – смотри... Вот и встретили. Надо же, а еще не страшно было... Зря.

Глава 1

Он терпеть
не мог журналюг

и крупных женщин. А эта совмещала в себе и то, и другое. Зато он любил вьющиеся волосы по плечам и ясные серые глаза без примеси русалочьей зелени или подлой голубизны. Волосы и глаза именно того типа, какой ему нравился, журналистка тоже совмещала, поэтому, когда она вошла, сняла вязанную ажурными цветами шапочку, с уверенностью самовлюбленной женщины тряхнула волосами и с заученной открытостью глянула ему прямо в зрачки, Скульптор вздрогнул душой. В течение следующих полутора часов он так и не решил для себя, нравится ему эта случайная Гостья или нет, притягивает или отталкивает. Она будоражила. Не по-доброму, не солнечно, как бывает у светлых женщин, в которых раньше готов был одним залпом влюбляться, а как... Скульптор не мог подобрать сравнения... Вот, скажем, как чуть надорванная корочка запекшейся крови на разбитой и поджившей коленке:

Золотое Слово-6

так сладко и больно ковырять ее, поддевать ногтем – но едва глубже подцепишь, потащишь вверх – и боль уже жгучая, невыносимая... И ведь знаешь это – а руки так и тянутся... Вот она какая была, эта Гостья... Противная, неуклюжая, с притворно-оптимистичным уханьем больно ударявшаяся мягким бедром обо все подряд острые углы, с неприятно-хищной, парадоксально не красивой, а уродовавшей ее улыбкой – и совсем неожиданно милая, с беззащитным взглядом светлых глаз фарфоровой немецкой куклы, с низким ласковым голосом, вдруг трогательно выдвигавшая скромную нижнюю губку у края кружки с кофе – чтобы сдуть с правой брови упрямую светлую кудрю.

Внештатная корреспондентка – фрилансер – как немедленно сама себя отрекомендовала (а его передернуло) толстого культурного журнала, Гостья пришла к Скульптору по просьбе его давнего приятеля и коллеги, о котором тоже в свое время напечатала довольно вразумительную статью на четырех полосах с вполне приемлемыми, даже похвально нестандартными фотографиями. Приятель похлопотал, чтоб и ему лишний раз засветиться в глянцево-прессе. «А почему внештатная? – усмеялся тогда Скульптор. – На постоянную работу не берут за бездарностью? Или за гордостью? Дать, что ли, кому следует, брезгует?» Тот ответил, что не знает, но вроде, баба сама не хочет, типа, независимая слишком, а в деньгах особо не нуждается: муж содержит; да и детей двое – парни, им ведь тоже внимание требуется... В тот день Скульптор о ней впервые подумал – и с неудовольствием: раз журналистка, значит, Университет закончила, пять лет государство на нее деньги тратило, учило качественно и бесплатно; а она – порх замуж – и теперь не то домохозяйка через пень колоду, не то репортерка от случая к случаю; в результате – ни в семье порядка, ни обществу пользы... А она, небось, вся из себя «нестандартная», «творческая натура», никем не понятая, особенно мужем-кровопийцей... Тьфу. А сидела бы с самого начала на своем месте и не рыпалась с амбициями – так была бы хоть Жена и Мать. Вот именно так – с большой буквы. Как извечно от Бога положено... Вздохнул тогда и забыл, пока не позвонила и не напомнила про статью. Он как раз заканчивал памятник Столыпину – без формы лепил, набело руками мял терракоту – а заказчик отказался еще в самом начале и, косноязычно извинившись «Христа ради», трубку быстренько положил. Хорошо хоть аванс назад не потребовал, совесть не позволила. А работа уж захватила Скульптора, словно в снежную лавину попал – и не так даже работа, как личность изображаемого. Сколько перечитал про него, передумал – у самого душа изболелась. Не мог теперь «приостановить» работу, как предложили: для себя уж работал, не для денег. Пусть будет готов памятник, и, как только деньги, чтоб в бронзе отлить, всплывут откуда-нибудь... Никогда ведь не знаешь. Он и за труд не возьмет – лишь бы поставили где-то, чтоб люди смотрели и думали... Хоть бы чуть-чуть думали головами своими... Впрочем, в Петербурге ведь не поставят же его – чай, не Шемякин, дегенератов-микроцефалов не ваяет, чтоб в Петропавловке на позор выставлять. А в том городке, Ж-сранске каком-нибудь, где гипотетически и могут

поставить – Христа ради опять же – там людям есть, о чем подумать, кроме как о Петре Аркадьевиче. Как сегодня не сдохнуть. Как сделать так, чтоб и завтра еще пожрать... Какая там «великая Россия», блин... Эх, невеселые мысли были у Скульптора в тот день, когда Гостья со своим диктофоном к нему пожаловала...

Он опять не мог разобраться – с удовольствием или неприязнью следит за тем, как она непринужденно двигается по мастерской, женственно наклоняется, чтобы что-то разглядеть, нежно прикасается к готовым скульптурам, глядя в их пустые глаза, как живым людям, словно ожидая ответного взгляда, инстинктивно материнским движением, не истребимым ни в какой женщине, гладит их гипсовые и глиняные головы... Но вот Гостья приблизилась к Петру Аркадьевичу – и Скульптор подумал, что не узнает в лицо, он не из круга интересов таких утонченных дамочек... Она пристально смотрела не менее трех минут – лицо-то он уже проработал до тонкостей, самому приятно было – и вдруг сразила нездешним, невместным каким-то суждением:

- Знаете, а ведь Рай, наверное, именно такими вот людьми полон. Настоящими, я имею в виду.

«Нет, она мне, конечно, скорее нравится, - быстро подумал Скульптор. – Не все с ней так просто, как сначала показалось...»

- Я, собственно, обычно в это время обедаю, - вдруг неизвестно зачем соврал он. – Может, составите компанию?

- Ну... давайте. Не откажусь. А вы что, сами готовите? – невозмутимо отозвалась она.

Скульптор улыбнулся едва приметно, четко угадав в последней ее фразе неизменное женское желание на всякий случай узнать у мужчины без обручального кольца, женат ли он или, по крайней мере, имеет ли постоянную женщину, которая, как бы там ни было, голодным не бросит. Он атавистически подыграл ей – тоже на всякий случай:

- Приходится... Привыкаешь со временем, знаете ли... - и одним властным жестом остановил ее смутный порыв куда-то в сторону, вроде как на помощь ему, несчастному: - Нет-нет, я сам. Вы – Гостья, так что отдыхайте.

Она вновь показала ему свою жесткую полуулыбку, которую сама, вероятно, считала обаятельной, потому что задержала на лице:

- Какое там отдыхайте, я на работе, интервью беру, между прочим...

Скульптор мгновенно погас, мысленно хлопнув себя по лбу: «Чего это я? Какой еще обед? И какое интервью, кстати? На кой мне надо это все на старости лет? Тут с этой только начни – и не заметишь, как огребешь по полной...» Но пойти теперь пятками вперед – например, махнуть рукой и бодро так сказать что-то вроде – мол, действительно, не хочу вас задерживать, обед в следующий раз, а теперь берите ваше интервью и дуйте отсюда, мы оба с вами люди занятые – как сделал бы на его месте тот же приятель, Скульптор не мог по причине своей знаменитой и вечно осмеиваемой знакомыми стеснительности в присутствии женщин моложе восьмидесяти. Уныло потрусил на кухню – сунул в микроволновку позавчерашние котлеты

Золотое Слово-6

из готовых, плеснул на сковородку масла, быстро покрошил вареной картошки... На тарелки еще можно по ложке зеленого горошка... На вид не хуже, чем в средней руки кафе, а на вкус... Съест, не принцесса. Он человек простой, тигровыми креветками не питается, красной икры уже год не видел. Не от бедности, а из принципа: в стране народ миллионами мрет, а он тут будет перед капризными ранетками выпендриваться... Суп в кастрюльке – щи, совсем неплохие, между прочим. Сварил на куриных ножках, пену четверть часа снимал – брезглив потому что – капуста положил, лучку, моркови... Для густоты подсыпал рожков и ячки горстку. Ему в самый раз, а она уж пусть как хочет. Так, теперь хлеб нарезать, да без церемоний, не лепесточками... Поставил все на поднос и понес в комнату... Гостью подхватила, с подноса все быстренько на стол переставила, на тарелки посмотрела – и лицо стало непроницаемым. Он про себя усмехнулся: думает, наверное: «Как, Господи, я все это есть сейчас буду?!» Вот так-то, а ты что, милочка, думала – я тебе сейчас омаров под белым соусом подам? Весело стало Скульптору: Гостья смотрелась теперь совершенной жертвой и вновь стала симпатичной, мило, но не особенно старательно скрывая растерянность, словно всем видом нарочно говоря: «Я, конечно, эдакой дряни отродясь не пробовала, но придется давиться, да еще и виду не показывать. Я слишком хорошо воспитана, чтобы обижать людей. Нужно вести себя просто, дружелюбно и естественно. Пакость эту съест и похвалить. Но только так, чтобы он понял, гад, – нет, лучше не понял, а почувствовал – что я такое ем исключительно из великодушия...» Она решительно взялась за ложку, упорно играя роль снисходительной аристократки в гостях у непонятливого плебея – но тут ложка со звоном полетела на пол, а Гостья изумленно вскрикнула: к ней на колени беззвучно вскочил, как взлетел, матерый черный с белым кот по кличке Червонец.

Десять лет назад за такие деньги еще можно было купить бутылку дешевого пива, а черно-белый слепой котенок размером с некрупную мышь, допискивавший свое на заскорузлой ладони вылезшего рано утром на свет Божий хрестоматийного питерского бомжа, уже имел мало шансов дожить до полудня. «Червонец, мужик, а? – с надеждой прогугнил бомж. – Хороший кот, породистый...» В котолюбителях Скульптор себя особенно не числил, но тут вдруг вспомнил про Жену: она бы... Он быстро сунул в грязный кулак мужика зеленую десятку и, ладонями накрыв, бросился с котенком обратно домой, вдруг болезненно испугавшись, что тот умрет по дороге. Червонец не умер, продержавшись, вероятно, на кончике своей девятой жизни. Скульптор терпеливо вскармливал его две недели молоком из пипетки, пристроил в обувной коробке под самую батарею, а на ночь давал пососать кончик своего мизинца – и тогда, по-щенячьи поскуливая, малыш засыпал, для надежности обхватив его палец крошечными глянцево-черными лапками в белых «рукавичках». Еще белого в нем было – звездочка во лбу, как у теленка, да полоска вдоль животика, а так весь черный и совсем не пушистый, короткошерстный...

Словом, Скульптор полюбил Червонца, и оказался для него главным Существом в мире, вроде божества, а Червонец стал ему другом, каким может быть только кот, в отличие от жалкой собаки, которая на самом деле не больше, чем раб...

Скульптор всегда думал, что среди животных, как и среди людей, бывают более и менее одаренные особи – дух Божий дышит и среди неразумных тварей, и до них милостиво снисходя. И если случаются среди котов гении, то Червонец оказался именно из таких. Скульптор часто ловил себя на мысли, что заговори его кот однажды человеческим голосом – и он бы не удивился, настолько красноречивым был всегда его умный взгляд, разнообразными интонации голоса, способного в одном дыхании измениться от самого низкого воркующего «мур-ра» до пронзительно-требовательного помойного рева. Он обладал тяжелой мужественной красотой крепко сбитого кряжистого парня, утонченными манерами покорителя сердец и безжалостной хваткой кошачьего хищника из африканской саванны. О том, чтобы такого красавца кастрировать, Скульптор и подумать не мог без холодной дрожи в собственном рудиментарном хвосте, а потому периодически, особенно по весне, когда тембр котового голоса изменялся особым, прекрасно известным каждому кошатнику образом, он иногда самолично отлавливал ему в подвале сговорчивую подружку и доставлял на дом, запирая парочку в ванной на целую долгую ночь. Утром он виновато кормил обесчещенную даму сухим кормом и отправлял восвояси под равнодушным взглядом пресытившегося товарища... Но Червонец все равно втайне тосковал об утерянном рае и неусыпно караулил входную и балконную двери, откуда тянуло пряными ветрами запретной воли, и, как ни бдел над ним обожающий хозяин-друг, иногда – нечасто, раза два в год, не больше – исхитрялся вырваться на желанную свободу, сполна вкусить ее опасных радостей... Как ни искал его Скульптор, как ни надрылся странным криком «Червонец!!! Черво-онец! Где ты, стервец?!», пугая детей во дворах и прохожих на набережной, кот объявлялся строго через трое суток у подъезда, где честно и без тени виноватости поджидал истрадавшегося хозяина. Они замечали друг друга издалека, и тогда происходила «мини-встреча на Эльбе»: каждый с радостным воем кидался к другому, и Скульптор распахивал объятия, куда с готовностью одним прыжком взмывал с земли мокрый, вонючий, блохастый, иногда порванный до крови, абсолютно счастливый Червонец, сразу начинавший истерически мурчать на всю округу, страстно целуя друга в лицо... Он вообще любил и умел целоваться и делал это с налету, от всей широты бесхитростного сердца.

Вот и сейчас, понаблюдав из укрытия за Гостьей, он выскочил знакомиться с приглянувшейся женщиной, заявив о себе без всяких предварительных экивоков: просто и мягко вспрыгнул к ней на колени, не давая опомниться, обхватил за шею лапами и крепко поцеловал в напудренную и нарумяненную щеку: мол, вот он я, принимай, какой есть, ты мне нравишься! Да, конечно, в этом отношении проще быть котом, чем мужчиной... С посторонними людьми

Золотое Слово-6

Червонец прodelывал такое нечасто, блюдя строгий в этом отношении отбор, и отличался осторожностью в оценках: порой долго и пристрастно разглядывал гостя, обнюхивал с вежливого расстояния, прежде чем подставлял бархатную свою башку под осторожную человеческую руку. Влюблялся с первого взгляда, как сейчас, редко, но если уж такое с ним случалось, то взаимности требовал незамедлительной и адекватной. Скульптор испугался: сейчас она как завизжит – да за шкуру его и об стенку от неожиданности! Он подпрыгнул и метнулся на помощь обоим, умоляюще простирая руки и бормоча:

- Пшел, Червонец, чума такая!.. Вы извините, он у меня немножко... Но не кусается... То есть, не царапается... А ну-ка, иди сюда, невежа, сейчас я тебя по ушам! – наказывать, конечно, не собирался, но для виду изобразил негодование.

- Ах, нет! – вдруг почти пронзительно вскрикнула Гостья. – Позвольте ему еще у меня посидеть! Он ведь у вас – чудо! Какое же чудо! Слов нет!

Она на миг отстранила кота, любуясь, а потом вдруг тоже поцеловала – прямо в блаженную его шерстяную морду. И прижала к себе – без всякой ажитации, с искренним чувством.

«Котолюбительница...» - подумал Скульптор с той невольной симпатией, какая всегда охватывает человека, когда он сталкивается с другим, подверженным тем же нежным чувствам к подобным же существам, явлениям или занятиям.

- Вам никогда не казалось, - задумчиво лаская Червонца, проговорила вдруг она, - что лучший друг человека – вовсе не собака? Что в тех есть нечто уж слишком рабское... А вот кошки... Кошкина дружба дорогого стоит, вы так не думаете?

Он как раз именно так и думал, а Гостья в тот момент и не подозревала о том, что попросту мужика – добила, и все в ней, только что казавшееся неприятным, вдруг стало милым ему, причем, как-то именно через кошачью призму... Улыбка хищная – и что же? В ней есть что-то от львицы, а львица разве не хищник? Зато какой красивый! Крупная женщина, не хрупкая, хотя ему всю жизнь полупродростки нравились? Но разве красива тощая – кошка? Наоборот, нужно, чтобы она была гладкая, упитанная, лоснилась вся от довольства, лениво лежала, выкатив сытый бок... Вот точно как Гостья теперь с тяжелой грацией откинулась на спинку кресла, не выпуская из округлых объятий притихшего кота – хоть лепи ее прямо сейчас... Вьющиеся светлые волосы неспешно текут вдоль шеи, роняя на нее по пути золотые завитки, падают на мягкие плечи... Странное дело – а ведь любви с полной женщиной он никогда не пробовал – как-то вдруг с самого начала вбил себе в голову, что сексапильны только худенькие, у которых можно все косточки перебрать, – и поехало... Его Жена до пенсии обладала фигуркой мальчика – собственно, даже не мальчика, а лосенка или там какого другого копытного детеныша... Волосы темные носила пышной гривкой, до острых ключиц... А вот насчет сексуальности... Хм... Гостья, конечно, в этом смысле другое дело: тут опытность сквозит во всех жестах, о которых она сама и не подозревает, что это уверенные

жесты сексуально востребованной женщины, которая еще не остановила своего окончательного выбора на определенном самце и охотно, не торопясь, перебирает их, пробуя на зуб... Хотя странно, вроде муж у нее там какой-то, дети... А чего странного – брак, наверное, неудачный, живут только из-за детей, а на стороне оба простодушно погуливают: обычное дело – так что, может, и не против она была бы... Но эта треклятая разница, о которой в последние годы все чаще приходится вспоминать при знакомствах... Сколько ей? Лет сорок? Черт, вот это плохо – в дочери гонится... Хотя, может, ей и зрелые мужики нравятся... Старый конь, как говорится, борозды не испортит: поговорка-то была придумана про это про самое... Скульптор бросил на Гостью быстрый пронзительный взгляд, исполненный уже настоящего мужского интереса.

- А вы с детства кошек любите? – вдруг спросила она, аккуратно отпихивая на коленях кота влево и берясь правой рукой за ложку, чтобы есть суп, не прогоняя влюбленное животное.

С детства...

На Крестовском острове вдоль Морского проспекта до самого начала двадцать первого века стояли блочные с деревянными внутренностями бараки, куда после Победы тесно селили вернувшихся из эвакуации ленинградцев, не нашедших на прежнем месте своих проглоченных войной домов. Вместе с ними Бог весть откуда возвращались в город и обаятельные кошки, чьи родственники были в блокаду подчистую съедены, напоминая по вкусу диетическую курятину. В бараках на Морском они сразу стали полноправными обитателями, исправно неся извечную службу по ловитве еще раньше вернувшихся серых грызунов и воспитанию быстро народившегося в сорок пятом человеческого молодняка. «Дитя Победы» назывался каждый зачатый в сорок четвертом ребенок. В сорок пятом родившись, мягких игрушек не видел он даже во сне и не подозревал об их существовании, зато представление обо всем шелковистом, теплом и ласковом выражалось для него в нежном слове «киса». Дети и коты в длинных и черных, как тоннели, коридорах жили вперемешку – и будущий Скульптор тогда еще раз и навсегда принял их глубоко в сердце – хотя собственного питомца не имел до пятидесяти с лишним лет, до Червонца, то есть...

В бараке номер двадцать родила его мама, которая, не эвакуировавшись из города и чудом вырвавшись из объятий «великомученицы Дистрофеи», всю блокаду служила в частях МПВО, куда была мобилизована начиная с сорок первого и где известная аббревиатура, в строгом смысле означавшая «Местная Противовоздушная Оборона», расшифровывалась несколько иначе. «Мы Пока Воевать Обождем!» - радовалась в первые месяцы войны молодежь, не угодившая на фронт, а вместо этого обязанная нести поначалу не слишком обременительные и малоопасные по сравнению с фронтом дежурства. «Милый, Помогни Вырваться Отсюда!» - так стали расшифровывать уже с конца сентября... Маме Тане никто не помог – милого у нее еще не было – и она честно оттрубила все девятьсот дней, кошек к декабрю научилась свежевать и кушать

Золотое Слово-6

за мидую душу – пока их еще можно было отловить в городе, конечно... Все, кто шевелился, а не только МПВОшники, стали большими спецами по тушению зажигательных бомб и даже ухитрились породить бесхитростный анекдотец: «Меняю одну фугасную бомбу на две зажигательные в разных кварталах». Не мудрено: фугаска-пятисотка превращала семиэтажный дом в кучу пыли и щебня за пару секунд, в то время как зажигательные виртуозно тушились бдительными дежурными – пока те могли двигаться, конечно. Потом уже не всегда тушились, и над морозным городом все чаще и чаще вставали тусклые, медленные оранжевые зарева... Другая шутка – «Выходя из квартиры, не забудьте потушить зажигательную бомбу» скоро утратила актуальность: без крайней нужды – то есть, за хлебом и водой – уже старались дома не покидать, игнорируя даже бомбоубежища, где как раз, прошив дом насквозь, часто и разрывались фугасные бомбы (вовремя не обменные на зажигательные, конечно)... «Превратим каждую колыбель в бомбоубежище!» – кинул кто-то в массы еще один народный лозунг... И превратили, и выжили. В дом, где жила мама Таня – тогда едва перешагнувшая порог совершеннолетия девушка – в феврале угодила не пятисотка, а тонная. Завал никто даже не пытался разбирать – поэтому тел своих больных родителей она так никогда и не увидела, а в сорок четвертом, выйдя замуж за демобилизованного бойца и оказавшись с ним в комфортабельном по тем дням бараке, от вернувшейся из Свердловска бойкой плотно сбитой девушки-хохотушки услышала: «Блокадница, говоришь? Ой, не надо ля-ля! Все блокадники на Пискаревском кладбище лежат!» И не нашлась, что ответить. Танечка почувствовала себя виноватой в том, что выжила...

И в том, что муж у нее – инвалид войны, от которого осколок словно отгрыз сверху кусок наискось вместе с плечом и рукой – отгрыз и выплюнул остаток по причине крайней худосочности. Иначе, как «Отгрызок», отца Скульптора в бараке и не звали – впрочем, недолго: только и хватило мужика, чтобы наскоро, без чистовой отделки, слепить молодой жене ребеночка. Воевал он на Ленинградском фронте, внутри кольца, потому так до госпиталя и не узнал, что ППЖ – это, вообще-то, Походно-Полевая Жена – там, за кольцом, на фронтах, где ели. А у них, где котелок «балтийской баланды», сваренной из четырех банок шрот – со шпротами не путать! – и горстки ржаной муки, делился на двадцать рядовых и сержантов, считали ребята вполне искренне: Прощай Половая Жизнь – вот как это переводится... Потому, кое-как залатанный, только сына сделал – с горяча, не иначе, даже глянуть не дождался – и отошел. Туда, где и туловища у всех в целости, и конечностей полный комплект – и, говорят еще, плоды на деревьях растут очень вкусные. Питательные, главное, исключительно... Не какое-нибудь УДП – Усиленное Дополнительное Питание, а если точнее, то – Умрем Днем Позже...

Но некоторые не умирали вовсе – например, мамина школьная подруга Лариска. Уже в апреле сорок второго она с невинной гордостью рассказала Танечке, едва переступавшей по начавшему оттаивать Невскому

своими жидкими ногами-тумбами, что в самом начале января ей удалось почти что на законном основании (первая доковыляла) обогреть безголовый труп молодой женщины: голову той срезало снарядом вчистую, причем так аккуратно, что алую кровь толчком выбросило куда-то в сторону, и она вовсе не попала на вытертую беличью шубку, под которой на груди было спрятано главное достояние каждого ленинградца: карточки – две взрослые и две детские, с печеньем... «Умирать-то умирай – только карточки отдай!» – говорилось тогда уже безо всякого стеснения, и обыскивали не только достоверно мертвых – это делали всегда, ничуть не изводя себя никакими нравственными терзаниями, но и, случалось, просто ослабевших и еще, может, сколько-то и протянувших бы на своем недоеденном «попке»... Умная Лариса нашла в себе нечеловеческие силы полученные по чужим карточкам продукты не съедать тут же в голодной бессознательности – а экономить две трети, лишь поддерживая шаткие силы – и так обеспечить себе серьезный двойной паек почти до конца обморочного марта, когда нормы выдачи по собственным карточкам ощутимо поднялись – и можно было исподволь начать на что-то надеяться... До самого января сорок четвертого Татьяна растила в себе уверенность, что Ларискин страшный поступок обязательно будет свыше наказан: то ли подруга «угодит в траншею», попав под неожиданный артобстрел среди ясного июньского дня, то ли саму ее жестоко ограбят в начале месяца, и узнает она на собственной линиялой шкуре, каково это – без карточек вовсе, то ли просто съест ее изнутри неизвестный, но безжалостный зверь по имени Совесть... Но ничего похожего! Принцип неотвратимости наказания не сработал: наоборот, устроившись летом санитаркой в госпиталь, подруга подкормилась там еще основательней, так что стала и в прямом, и в переносном смысле аппетитненькой девахой, да и суженого себе прямо на рабочем месте отыскала, расписавшись с бравым чубатым краснофлотцем, обратно на фронт после выздоровления не отправленным; до конца войны она ходила счастливая и румяная, а после Победы родила одного за другим двух здоровеньких бутузков. Те двое неизвестных детей, что в стремительно отдалявшемся во времени январе лишились с ее прямой помощью карточек, из своего Рая им тоже не отомстили: мальчишки Ларискины выросли без больших приключений и в свой срок тоже превратились в бравых чубатых краснофлотцев...

А еще рассказывала сыну мама Таня, двумя с войны еще желтыми пальцами удерживая беломорину, докуренную уже почти под корень, что табачок в городе был второй драгоценностью после хлеба, и что курить научались рано или поздно все – и взрослые, и дети. Иначе с ума сойдешь; а покуришь – вроде и мозги на место становятся; на время, конечно, до следующей самокрутки... Самый лучший табачок, вспоминала она, двадцати семи лет отроду вовсе без зубов и почти без волос, был в папиросах, называемых любителями «Золотая осень», потому как делался он из сушеных листьев и тряпок – и ничего – курили за милую душу, а мерли – так не от этого... «Золотую осень» еще достать надо было ухитриться, вернее, шли на черном

Золотое Слово-6

рынке несколько штук за полновесный дневной паёк, выродившийся в «попók» в честь предгорисполкома Попкова, отнюдь не голодавшего...

«Но куда уж мне было папиросы курить – даже и «Осень» ту распроклятую... В МПВО мы только махорку и видели... Из чего ее делали – об этом, наверное и знать не надо. Одна особенно хороша была: «Стенолаз» называлась. Но та для мужиков больше. Ну, а мы свою звали «Матрас моей бабушки» - и точно, сразу на ум приходил... Только бабушек уже ни у кого не сохранилось. Или вот еще: «Сено, пропущенное через лошадь»... Как лошадь выглядит – уже едва и помнили...» - блокада въелась в маму Таню намертво, по ней она теперь навечно мерила все ценности – и пищевые, и моральные. Настолько крепко это в ней сидело, что неожиданного благополучия она парадоксальным образом боялась. Уже младшим школьником, перед самой смертью Сталина, Скульптор услышал от матери в знаменитом на весь Крестовский «Круглом» магазине, где с потолка свисали пахучие копченые свиные окорока и разноцветные балыки, а на прилавке небрежно были поставлены рядом округлые латки с черной и красной икрой, не то ироничное, не то скорбное высказывание: «Ничего, ничего... Блокаду пережили – изобилие переживем...» После войны став учительницей английского языка и потом очень быстро – директором образцовой школы, она зарабатывала достаточно, чтобы не нуждаться ни в чем, но до конца дней своих в смысле питания придерживалась строгого аскетизма – из сложного чувства стыда и вины перед теми, кто не выжил. Те умерли с мечтой о ста граммах – не «фронтовых» водочных, а ленинградских опилково-хлебных, и потому до смерти почти невозможно было для мамы Тани положить банальный кусок «Докторской» на полновесный ломоть ничем не испорченного ржаного хлеба – все вспоминалась ей каша-«повалиха» или знаменитый «Бадаевский продукт», то есть земля, пропитанная расплавленным сахаром, с которой только и нравственно, и правильно когда-то было для нее пить простой кипяток... Белый колотый рафинад пятидесятых-семидесятых считала мать неприемлемым развратом и в доме не держала, привив и сыну то же понятие о необходимости строгого бытия и ограничений почти что жестоких. «Нет ли корочки на полочке – не с чем соль доесть?» - часто шутила она в шестидесятом по утрам на кухне их уже новой квартиры-крошки в Дачном, и в результате на завтрак ели пшеничную кашу с черным хлебом, запивая чаем из ароматных трав, что было полезно и здорово, но скудно и уже совсем не своевременно...

Блокада так никогда и не отпустила его мать: уже пятидесятилетней дамой со вставными блестящими зубами и в седом парике она шла по улице, инстинктивно озираясь и прислушиваясь: то ли ожидала сигнала воздушной тревоги, то ли боялась ненароком споткнуться о «пеленашку» - вынесенный на улицу завернутый труп. Увидев детей, беспечно играющих в «Море волнуется раз...», неизменно сообщала сыну, что вот так же в блокаду на улице между артобстрелами ребята играли «В дистрофию» - те из них, которые еще до нее не доигрались. Грудные дети в

колясках заставляли ее вспомнить о других – блокадных «крючках», скорченных все той же неизлечимой уродливой болезнью... Она никогда не выходила из метро на станции «Гостиный двор», потому что именно там, на углу Садовой и Невского, находился тот самый «Кровавый перекресток», где в начале августа сорок третьего года, преодолевшие две блокадные зимы, победившие голод и уже не подвластные ему, видевшие то, после чего страх уходит навсегда, одновременно были убиты снарядом сорок три успевших поверить в жизнь ленинградца. В невинной Кунсткамере мать обязательно замирала перед фигурой грозного папуаса с натянутым луком в коричневых руках и стрелой, предусмотрительно направленной в деревянную раму витрины: ведь именно эта стрела во время разрыва снаряда сорвалась с тетивы, улетела в сторону немцев – и весь Ленинград шутил: «Ну, теперь победа не за горами, раз уж и папуасы вступили в войну!» «Джоконда» для мамы Тани существовала только одна – блокадная, а именно – фотопортрет девочки-подростка с вымороченной полуулыбкой точь-в-точь, как на леонардовском полотне в Лувре, собравший в те дни перед собой толпу дистрофиков на художественной выставке... «Мона Лиза? - простодушно восклицала при случае мама Таня. – Ну как же, знаю, это Вера Тихова...»

На самом деле мама Таня не пережила блокаду, а умерла в ней – только душа ее лежала где-то на Пискаревском или, может, просто под ногами гуляющих в Московском парке Победы, а тело по странному недоразумению осталось мыкаться по ленинградской земле, – понял однажды ее сын, когда уже стал Скульптором и делал дипломную работу в Академии Художеств – работу, которую назвал «Блокадная Мать», а лепил со своей собственной. Скульптором стать он решил еще в детстве на Крестовском, когда вдруг услышал от нее же легенду о неизвестном художнике: будто бы нашли в пустой квартире восковую медаль с текстом: «Жил в блокадном Ленинграде в 1941 – 1942 годах»... «А откуда видно что это – мать?» - прицепилась дипломная комиссия. – Если мать – то при ней должен быть и ребенок, а у вас? У вас – просто мужественная изможденная блокадница, а мать там она или не мать – этого по работе не видно...» - «Это моя мать, - тихо ответил молодой человек. - Только меня в блокаду у нее еще не было...» И получил за диплом четверку. Еще счастьем показалось, ведь поначалу собирались поставить «три»...

Война и Скульптора зацепила за душу всерьез, поэтому первые десятилетия после Академии все лепил и лепил он из податливой терракоты то маленького трубача в последнем бою, то блокадную девочку с лошадиными коленками, то почтальоншу в беретике и с похоронкой в руках... Что с похоронкой, например, это зритель должен был сам догадаться, и что бой именно последний – тоже, и что девочка – не калека, а просто два года проголодала... А зрителем оказывался, прежде всего, советский худсовет. И из трубача норовил сделать пионера-горниста, из почтальонши – студентку, читающую жизнерадостные стихи, а у маленькой блокадницы требовал обтесать коленки...

Золотое Слово-6

Ни на то, ни на другое, ни на третье Скульптор не шел по той же причине, по какой его мама не ела сахара, и в результате зарабатывал живые деньги только тошнотворной халтурой в пионерлагерях и детских санаториях, где приноровился по одним и тем же формам отливать беспроектных белых мальчиков в шортах и пилюльках и редких девочек в теннисных платьицах... Издалека да среди зелени смотрелись такие веселые композиции прямо Летним садом – зато жить потом можно было полгода без напряжения... Скульптор ненавидел себя за это – если только не миф, что человек может действительно ненавидеть сам себя – до самой середины девяностых, когда оказалось вдруг, что можно получить богатый заказ, например, на величавую бронзовую Дашкову в корсете и с прической – и будет она стоять, радуя людей и собственного создателя, на гранитном постаменте прямо перед зданием местной администрации никому неизвестного тылового городка, где главой всем на счастье оказалась деловая красивая женщина, с детства выбравшая себе княгиню примером для вечного подражания... Так, кроме Дашковой, встали в торжественные позы или расселись по строгим креслам на малых площадках и в чахлах сквериках не самые спорные государи, особо на рожон не лезшие общественные деятели и один скромный композитор...

- Вам не скучно?! – спохватился вдруг Скульптор, вынырнув из глубокой зеленой воды воспоминаний и заметив, что Гостья с Червонцем в обнимку, давно уже тихо доевшая и суп, и котлету, сидит напротив него и смотрит ему в лицо насмешливо-ласковыми своими глазницами. – Что же вы меня не остановили? Я тут, старый болван, рассентиментальничался...

Скульптор непредсказуемо смутился: чего это он перед ней, а? И про маму, и про войну... Ей-то какое до всего этого дело? Молодая ведь еще, да вдобавок, из этого, как его... потерянного поколения. Небось, сидит и думает: «Вот прорвало старпёра на мою голову!» Он рассердился на себя, а сурово глянул на нее и буркнул:

- Вам, может, еще кофе? – и на ее качание головой – строже: - Тогда уже давайте берите ваше интервью, а то и так Бог весть сколько времени у меня отняли.

Гостья едва заметно усмехнулась.

«Ну конечно, - мысленно рассвирепел Скульптор. – Вот сейчас точно думает: интересно, кто у кого отнял? Но если вслух скажет – возьму за шкварник и, блин, за дверь выброшу... Подумаешь, цаца!»

Но она вдруг отозвалась по-прежнему ласково:

- Какое интервью, помилуйте! Лучше того, что вы мне только что дали, и быть не может... Я из этого такую статью... - и она, поднимаясь, забрала и спрятала в сумку плоскую серебристую коробочку, весь обед промерцавшую на столе и определенную Скульптором как какой-нибудь крутой современный мобильник, оказавшийся, выходит, диктофоном!

Он даже осип и смешался от возмущения и ужаса:

- Нет, только не это... Это ведь совсем не то, что я... Подождите, я вам сейчас... Или нет, вот что: давайте просто бросим все это дело, а? У вас от других желающих отбоя не будет, а мне-то на что, строго

говоря...

Гостья подняла на него именно тот женский взгляд, перед которым Скульптор всегда был беззащитен, как новорожденный котенок перед голодной вороной: это взгляд – покорный, чуть ли не отдающийся, и в то же время ненавязчиво торжествующий, нежно-победительный... Ее сливочного цвета рука с единственным крупным аметистовым перстнем и жемчужными ноготками робко легла ему на рукав:

- Ну, пожалуйста... Я ведь без вашего разрешения все равно ничего не напечатаю. Я вам принесу показать, когда будет готово; все обсудим, исправим, если надо... Не будьте... таким. Не обламывайте меня... - лукаво, - я ведь уже загорелась вами, а вы...

Скульптор посмотрел на нее, стоявшую опасно близко, и понял, что на все согласен: эта ярко-синяя атласная блузка с мягкими рюшами вокруг довольно глубокого выреза теперь бросала холодный звездный отсвет на дымчато-серый раек ее глубоких и умных глаз, и он поймал себя на отчетливом желании вот прямо сейчас прикоснуться к ним губами... Он резко отстранился: только влюбиться ему сейчас и не хватало... А что... Запросто... Ему до семидесяти еще жить и жить – да и после... Нет уж, дудки, только не с этой. Сам ведь сразу понял: львица. А значит, искогтит всю душу, на лоскутки пустит, а потом и не оглянется. В таких случаях главное сразу – назначить непреодолимую дистанцию. Статью? Пожалуйста, мадам. Он не трус и не рохля, ваши нехитрые чары ему ничем. Намеренно холодно бросил ей:

- Ну что ж, напишете – скиньте мне на ящик, я гляну в свободную минутку. А теперь извините, я человек занятой... Дорогу до метро найдете? Надо дворами выйти на Среднеохтинский...

- Спасибо, я за рулем, - улыбнулась Гостья. – В Петербурге родилась и выросла, так что уж не заблужусь...

- В Ленинграде: мы с вами не немцы, - жестко поправил Скульптор, не только немецким названием в ее устах уязвленный, но и ее еще раз доказанным феминизмом: машину водить – не женское дело, это и в двадцать первом веке любой нормальный мужик скажет.

- Но и не ленинцы, к счастью, - мягко огрызнулась она. – Так до встречи.

- Всего хорошего, - намеренно не сказал «До свидания», а про себя еще и добавил: «Нет уж, милочка, встречи с тобой мне больше не предстоит»...

Но к окну все-таки подошел – глянуть, за каким таким рулем она гордо обретается – и увидел, как журналистка выскочила из подъезда в тонкой отороченной светлым мехом курточке, да в машину – нырк! Что за шикарное авто – в льдистых февральских сумерках да с девятого этажа особо не разобрался: вроде, недорогая темненькая иномарка, «оппель-кадет» какой-нибудь, или престарелый «фордишка»... Прогрелась Гостья минут десять с выключенными фарами – и знай порулила себе в сторону набережной... Вздохнул Скульптор: скатертью дорожка...

Дом, в котором он вот уже тридцать лет обитал – сначала с семьей, а теперь один – давно известен

был всему городу: именно сюда со всех его концов сосредоточенно стекались, как в паломничество, озабоченные невесты в отчаянных поисках свадебных нарядов, потому что в первом этаже располагался знаменитый магазин для новобрачных «Юбилейный», куда пускали только особых счастливчиков по талонам, выдаваемым в советских подозрительных Загсах... Окна квартиры-мастерской, доставшейся Скульптору после долгой и дорогой череды обменов, обманов и взяток, откуда в свое время его Жена традиционно ушла «к маме», из принципа не отсудив ни метра и забрав лишь свои носильные вещи, – эти окна выходили большей частью в серый и пыльный охтинский двор, и лишь одно, кухонное, – глядело на мир из узкого торца дома, позволяя видеть справа далеко внизу тускло-серебряный днем и чернильный ночью кусок несговорчивой Невы.

Скульптор еще раз взгляделся в сумерки – и вздрогнул: недалеко от его машины снова появилась та самая светлая «Самара». Если б он ее только по своему двору знал – то и глазом бы не моргнул: понятно, что соседская... Но тут... Он помотал головой: бред, кому он нужен, полунищий старик, живущий можно сказать, на пенсию... Ну, не совсем, конечно, а все же не столько приносят его редкие заказы, чтобы кто-то следил за ним с целью ограбления... Ведь бьется он над податливой глиной не так ради денег, как ради того, чтоб не лишиться последнего самоуважения... Чушь это все... Не эта «Самара» стояла у «его» магазинчика, когда брал любимую «Краковскую» и пару пива, не она ждала – и умчалась, когда от заказчика расстроенный вышел... А все же, если еще покажется – надо номер запомнить, мало ли психов... и мало ли «Самар»... Махнул рукой: глупости, не хватало еще начать об этом всерьез думать! Но и не о Гостье же...

Выйдя из кухни, задержался в прихожей у помутневшего от времени зеркала и даже фыркнул: герой-любовник, надо же! Оттуда сонно пялился потасканный яйцеголовый тип с розоватыми от недосыпания буркалами, гладко пробритыми бульдожьими брылами и клочковатыми бровями, одутловато-бледный и вообще отвратительный на вид... Скульптор с болью отвернулся, снова мысленно ругнув себя за давешние эксцентричные мысли о Гостье. Вот бы хохотала она, если б вдруг подглядела то мгновенное движение его души, когда ему на миг захотелось поцеловать ее! Идиот. Это ведь другое поколение – просто другое поколение, ничего больше. Его поздняя дочь не на много моложе Гостьи – и где она теперь? Правильно, вышла за еврея и уехала с ним в Америку, где и живет себе припеваючи... Его принципиальным ровесницам такое даже в кошмарных снах не снилось. А для дочери и для журналистки этой – ничего особенного... Впрочем, ведь мама Таня когда еще говорила: «Каждому поколению – своя блокада...»

Глава 2

Бетховен пришел к Нельсону

рано утром, хотя с давних пор знал (и неизменно удивлялся), что тот раньше полудня не встает. Хотя, строго говоря, зачем ему... Сам Бетховен с детства числил себя в «жаворонках», и это, как он тогда же и понял, обеспечивало ему немалые преимущества перед большинством населения, неспособным, выбравшись из постели по будильнику, ни запустить с места в карьер мыслительный процесс, ни совершать сколько-нибудь полезные действия – кроме необходимых физиологических... Было время – и он, лишь откинув одеяло, способен был сразу подскочить к инструменту – и пальцы сами летели по клавишам, как бы выполняя радостный утренний ритуал приветствия... Давно и навсегда миновало то незабываемое время – уж двадцать четыре года, как он слышал последнюю музыкальную фразу – а именно, первое утреннее завывание муэдзина. Оно донеслось откуда-то снизу, из несказанно далекого, неведомого кишлака, и таким казалось надрывно-отвратительным, так душу скребло, как ржавый гвоздь... Чего только ни отдал бы теперь, чтобы услышать опять. Что-нибудь услышать. Кроме того, что доносилось через чуткую пуговицу продвинутого слухового аппарата, способного превратить для него чужой натужный крик только в едва слышный шепот – и на том спасибо ему, драгоценному... Правда, еще задолго до того, как престарелые родители, каждый забрав вперед по две пенсии и одолжив денег у всех, кто готов был не особенно надеяться на скорое возвращение долга, торжественно преподнесли ему на День рождения это чудо корейской техники, предназначенное для тех, кто уж и вовсе всем «Пням-Пень», Бетховен сумел научиться читать по губам и говорить, не слыша собственного голоса, не хуже любого глухого с рождения... Господи, лучше бы он таким родился! И не прожил бы на свете двадцать лет, наделенный слухом – цветным и объемным, стереоскопическим, как зрение иных странных животных... Он слышал так тонко и мучительно-счастливо, что, казалось, мог бы, если б захотел, и соловьиный концерт на десятки голосов записать нотами, и шелест ветра в ветвях рябины-ровесницы под окном, на общественном газоне – ровесницы потому, что отец взял – и самовольно посадил ее в день рождения сына...

Бетховена произвели на свет самые простые люди: папа его всю жизнь водил неуклюжий троллейбус двадцать четверного маршрута, что шел от Московского Парка Победы до Троицкого собора, а мама трудилась рядовым бухгалтером в том же троллейбусном парке и имела три платья: два – коричневое с воротничком и синее на мысик – для работы, а третье – бордовое бархатное – для театра и гостей. Не от бедности – денег в семье хватало: отец получал неплохо, никогда не пил больше двух рюмок в праздник и других излишеств себе не позволял – но только мама не понимала

Золотое Слово-6

искренне! а зачем еще другие платья-то? Ведь больше одного за раз на себя не наденешь! А менять их... только хлопоты одни... Необычайные музыкальные способности любимого сынка она заметила первая – услышав, как точно попадает он в мотив старинной песни, когда в Новый Год, выпив и закусив, как положено, затянули они за столом с подружкой любимую: «Окрасился месяц багрянцем...» - а мальчишечка-то вдруг давай подпевать – да чисто так! Голосишко слабенький, писклявый еще, как и подобает тощему четырехлетке, а мелодия – ну ты подумай! «Ты, Любка, это... Учителю музыкальному, какому ни есть, нашего пацана покажи... Может, он у нас будет этот, как его... Фамилия еще немецкая, а может, из евреев... Рихтер!» - решил тогда же призванный в качестве третьейского судьи отец.

«Да какой там Рихтер! Если дело так и дальше пойдет, то Рихтера этого ваш мальчик скоро мелко видеть будет!» - постановила спустя две недели Елена Ивановна, учитель музыки в купчинской типовой школе, прослушав по просьбе знакомых стеснительного мальчонку с каштановой челкой и серьезными карими глазами. Она позволила ему позабавиться с выдавшим виды школьным фортепьяно, потеревить кремowego цвета клавиши с мелкими трещинками, и, внимательно прислушавшись к извлеченным из черного облезлого брюха школьного «инструмента» звукам, предложила заниматься частным образом у нее дома, плату запросив неожиданно умеренную. Елена Ивановна оказалась честным человеком: на мамино удивление смехотворностью запрошенной суммы, ответила, не дрогнув: «Это для того, чтобы стоимость уроков не стала для вас решающим фактором. Музыкальных дебиллов, чьи родители надеются сделать из них выдающихся исполнителей и платят по полной за мои ежедневные муки с их чадами, у меня достаточно. А ваш ребенок должен заниматься в любом случае – не важно, есть у вас деньги или нет. Закопать такой талант вы не имеете права – ни по какой причине. А раз случай или – называйте, как хотите – привел вас ко мне, то и я не могу отказываться. Не все за деньги в этом мире делается...»

Елена Ивановна не только поставила Бетховену руку, внедрила в его восприимчивую голову твердые теоретические знания, заложила основы будущей технической виртуозности, подготовила к поступлению в музыкальную школу при Консерватории. Она сумела заставить его самого словно прорасти в мир звуков – или, может быть, прорастить все самые прекрасные звуки мира в себе – а не просто научиться красиво извлекать их из коллекционного рояля от «Теодора Беттинга», унаследованного ею от чудом сохранивших его в революцию предков и любовно отреставрированного в новое время одним из штатных настройщиков Мариинки... «Мой рояль среди других роялей, - шутила она, - как скрипка Страдивари среди всех прочих...» Это еще не все – у нее, не имеющей даже традиционной кошки толстой и потной старой девы в роговых очках и с тощим кукишем на затылке, любимый инструмент был вместо родного существа, нуждающегося в ласке и заботе и страдающего в

ее отсутствие... Может, действительно дело было в волшебном рояле – кто знает! И правда, вполне достойный «Красный Октябрь» из комиссии, на который, просовещавшись на кухне всю ночь и к утру приняв жизненно важное решение, однажды разорились родители, не зачаровывал так своими звуками, не гудел так таинственно и нежно сумрачным духовитым нутром, не вызывал порой в сердце таких неодолимо подступающих рыданий... Музыка стала для Бетховена праздником и счастьем – а не предначертанной карьерой неизменного победителя скучных музыкальных конкурсов и юношеских ничтожных олимпиад... Он бы, если б не довела предначертанность, может, даже и не сделал музыку своей профессией, смутно чувствуя, что получать деньги за то чувство гармонии и восторга, которое она ему давала, – все равно что брать плату за близость с любимой женщиной или за долгую глубокую беседу с истинным другом... Но других путей, как будто и не виделось: иные области человеческих занятий, особенно те, что жидились на точных науках или технике, вызывали у него явное и тошнотворное неприятие, доходя даже до проявлений его самого пугавшего идиотизма. Например, упражнения по алгебре и геометрии в школе, что в простоте своей были подвластны даже тем, кто давно и безнадежно болтался между двойкой и тройкой, никогда не поддавались Бетховену – с каким бы отчаяньем обреченного он ни кидался на штурм... Да и родителей так подкосить было невозможно: причины им ни при какой погоде не объяснишь – а ведь высшей гордостью и счастьем стал для них, простых трудовых людей, нежданно, будто с неба упавший к ним талантливый сын-музыкант, после школы сразу принятый в недоступную, как далекая зеленая звезда, Консерваторию по классу фортепьяно, сын, которому предстояло еще и еще раз подтвердить для всего мира ту загадочную истину, что – вот может же быть, ядрена вошь!

В самом начале второго курса его совершеннолетие скромно отпраздновали дома с сияющими родителями, новым другом-валторнистом и стеснительной, впервые приведенной в дом одноклассницей Наденькой, с которой Бетховен только утром первый раз поцеловался в своем подъезде и оттого был совершенно неприлично (все время приходилось украдкой поглядывать на ширинку) счастлив. А через неделю пришла повестка в парадоксально всеми позабытый и по той причине раньше в расчет не принятый военкомат. Мама сама ходила к декану – и получила полную и закономерную его поддержку: такого талантливого студента можно считать частью золотого фонда страны, и уж конечно отсрочку ему сейчас выхлопочут, а там... «Не надо, - неожиданно уперся несуществующим рогом безусый юноша. - Отслужу, как все. Не сахарный. Я комсомолец. Мой талант теперь никуда не денется. Но благодаря государству он развивался. Это оно меня бесплатно учило и воспитывало. Я ему обязан. И точка на том». Терпеть не мог, всеми силами души презирал Бетховен здоровых парней «кровь с молоком», объявляющих себя чуть ли не инвалидами, охотно записывающихся в сумасшедшие – и все для того, чтобы не послужить

Золотое Слово-6

Отечеству, как всякий нормальный мужчина от века обязан. С души воротило, когда слышал их сучье скуление: «Не всем же по окопам с автоматом бегать... Я, например, Родине послужу своим талантом...» Ага, Родине, как же... Себе ты послужишь, а не Родине. А служить – это значит не как сам хочешь, а как долг требует. Тьфу, ур-роды...

А может, Бетховен и кривил душой: просто передышки малой захотелось: словно отступить от музыки на шаг – и подумать... И понять, что только она одна в жизни нужна. И еще, может, Наденька, если согласится, конечно. Когда он объявил ей о своем решении, Надя плакала безутешно но, видя непреклонность, смирилась, а в вечер прощания затряслась у него на груди: «Я буду ждать, буду... Ты верь в меня, милый, милый...» Они стояли, обнявшись, у окна в ее пустой квартире в потоке последнего питерского солнца, и Надя, не поднимая лица и обливаясь слезами, быстро-быстро зашептала ему в шею: «Хочу, чтоб ты стал у меня первым... И единственным... Сейчас... Прямо сейчас...» - но он заставил себя отстраниться, почти с силой выдравшись из ее цепких мокрых объятий: «Вернусь – и стану, - а про себя добавил: - По крайней мере, тогда будет ясно, насколько преданно ты меня ждала...» - а выйдя, замер вдруг на месте, вспомнив о своей мимоходной мысленке: ведь о любимых так не думают, наверное... И действительно, с Надей он больше так никогда и не увиделся. Без всяких угрызений совести тою же ночью в очередь с валторнистом в общаге оттрахал по самое не хочу сговорчивую разбитную брюнетку Евгению с музыковедческого, а поутру, провожаемый враз постаревшими и неожиданно маленькими родителями, трогательно жавшимися друг к другу на остром ветру, уже стоял среди других разномастных призывников во дворе районного военкомата. От паркетной службы в музыкальной роте Бетховен с возмущением отказался еще раньше, поэтому будущее его в те минуты было покрыто такою же тьмой, как у остальных испуганных парнишек как, собственно, это бывает всегда и у всех, и как должно быть по своей сути...

Несомненной казалась только музыка.

Тьма рассеялась окончательно спустя почти два года, когда он пришел в себя и не сразу смог открыть глаза: невероятная, ярко-красная боль рвала его голову словно хищным клювом, горизонтально распластанное тело терзала мучительная железная вибрация – но оттуда, из этой невыносимой красноты и тряски, не доносилось ни одного звука. Бетховен бесконечно долго открывал глаза, как Вий, боролся с каменными веками – пока, наконец, удалось приподнять их и удержать ненадолго... Тогда он понял, кто он сейчас: груз-300 в вонючей раскаленной «вертушке», а рядом, безмолвный и неподвижный, лежит другой такой же «трехсотый». Мало того, за те несколько секунд, что смотрел в полумрак, Бетховен даже успел углядеть светлый, почти что белый чуб, единственный дембельский чуб такого цвета в их взводе, с которым сразу ассоциировались ультрамариново-синие на тонком смуглом лице бедовые глазищи... Теперь он торчал в своей странно нетронутой, как снег на вершине горы, первозданности

над багровой, без единого белого островка, коркой присохшего бинта, сплошь покрывавшей лицо его земляка-питерца, взятого в армию тоже со второго курса – но только из Академии Художеств. С ним Бетховену во взводе скорешиться не пришлось – даром, что зёмы, да как-то не приглянулись друг другу с самого начала – но и до неприязни не дошло: с симпатией вспомнилось вдруг, даже сквозь боль, как лихо, едва ли не одним замысловато-изгибистым движением, тот вдруг стряхивал с карандаша на лист бумаги чей-то точный и законченный образ в нескольких линиях... Особо запомнились добрый губастый урюк Узукбай, и норовистый горбоносый джигит Аслан, и пучеглазый мясистый бульбаш по прозвищу Картошка... И в духаны, когда выпадало, парень этот носился не за ходовыми видеокассетами с порнухой или блестящими тенями для капризной бабы из медсанчасти, а все норовил выпросить у духанщика особенные какие-то авторучки, рисовавшие, будто тушью, цветной и черной, да пачку бумаги, вроде альбомной... Тогда, в вертушке, художник не стонал и не двигался: то ли в глубокой отключке лежал, то ли смилосердствовался санинструктор, вкатил промедола...

Теперь, двадцать четыре года спустя, обладатель все такого же светлого чуба, в котором, правда, может, и седины уж было больше, чем природного льняного цвета, вставал поздно, но Бетховену всегда бывал рад – даже спозаранку. Улыбнулся, открыв дверь – хотя улыбка его теперешний лик украсить не могла, конечно. Бетховен думал как-то подготовить парня сначала – все ж не каждый день приходилось им вспоминать о том существе из давнего прошлого, которого звали они не иначе, как Мразем – вот именно так: в женском роде, но с мужским склонением. Но понял, что подготовить не получится: удивительная весть сама так и рвется наружу, да и кореш его, небось, не красная девка – в обморок не свалится. И, хотя, как и сам Бетховен, на весть эту он тоже никогда особо не надеялся, но все равно ревниво ждал ее втайне. Ждал с того самого дня.

- Он здесь, - сказал Бетховен. – Я нашел его, Нельсон.

* * *

«Тот самый день» для Нельсона был во времени не совсем тот, что у Бетховена, потому что в трясуей «вертушке» он так в себя и не пришел – это произошло на целую неделю позже, в ташкентском госпитале. Но суть от этого не менялась: в тех смутных нездешних областях, где обитают страховидные химеры очищенной ненависти и златоликие, но не менее опасные привидения вечной любви, времени, как известно, не существует. Тишина, внезапно навалившаяся на него еще там, под отвесной зеркальной скалой, неумолимо отразившей весь замедленный, как в кошмаре, полет короткого огненного змея, неспешно плывшего ему прямо в голову – от которого, тем не менее, совершенно невозможно оказалось увернуться, - та тишина ожила сначала голосом его жены Верочки. «Все хорошо... Все хорошо... Все хорошо...», - повторяла

Золотое Слово-6

она с такой непрекращаемой убедительностью, что Нельсон, поверивший сразу и безоговорочно, потом до самой середины нутра своего удивился – как это она ухитрилась, сидя у его койки и достоверно зная страшную истину во всей ее невероятности, врать так нежно и правдоподобно. Она, которая и в школе, не выучив урока, не могла ответить рассвирепевшей училке традиционно-обиженным: «Я учи-ила...» В таких случаях Вера просто начинала беззвучно плакать, опустив голову, но даже самая невинная ложь не шла у нее с языка, уверенно застревая где-то на полпути. Их расписали сразу после выпускного вечера – двух влюбленных несовершеннолетних, за пять месяцев до этого неумело сделавших ребенка на узенькой кушетке в гостях у какой-то случайной подружки. Через неделю после свадьбы у молодой жены с не устоявшимися еще месячными и крайне субтильного телосложения приключился закономерный выкидыш – причем какая-то злорадная медицинская сволочь, без всякого наркоза вывернувшая наизнанку обливавшуюся густой коричневой кровью девчонку, не преминула сообщить ей прямо на столе пыток, что погибший плод был женского пола... В госпитале, куда она примчалась ночью прямо с самолета – бледная до зелени и с прыгающими губами – с ней тоже не церемонились, а без всяких околичностей сообщили, что ее двадцатилетнему мужу, студенту ленинградской Академии Художеств, а ныне рядовому СА, уже давно отпраздновавшему вместе с другими дембелями долгожданные «сто дней до приказа», слегка скользнула по верхней половине лица огнеметная струя, в результате чего упомянутой половины как таковой более не существует, как и правого глаза – целиком, а левого – на три четверти...

Им обоим вместе – потому что в жизни с той минуты они больше не разлучались ни на день – предстояло вынести одиннадцать пластических операций на том, что когда-то было ее любимейшим лицом в мире, и семь – на остатке левого, раньше синего, как горное озеро, глаза, который лишь через четыре года начал различать свет и тень, еще через два – движущиеся силуэты, после этого совсем скоро расплывчатый мир немного окрасился – но на том улучшения закончились навсегда. Ни читать самостоятельно, ни рисовать ее лучшему в мире мужу больше никогда не пришлось...

Но в самый первый день *Праздника Возвращения Звуков* Верочка, припав к груди возлюбленного, только твердила, что счастлива тем, что он жив и они вместе, обещала, что огромную пухлую повязку скоро снимут навсегда («Ну, конечно, ожог придется немножко полечить, а может, даже и прооперировать – ну, да это пустяки...»); что с глазами тоже обойдется, ведь задело буквально только краешком («Ну, правый-то глазик похуже, зато доктор сказал, левый целенький, почти весь целенький...»); что они скоро поедут домой в Ленинград («И мама испечет «Наполеон-мокрый» - или, может, ты больше сухой хочешь, с таким белым-белым кремом?»)

Он почти успокоился и, сжимая ей тонкую кисть, спросил, благо хоть рот уцелел в неприкосновенности, о том, что сразу стало – главным: «Вер, не знаешь...

Кроме меня... Еще кто-нибудь из взвода...» - и даже в непроницаемой темноте догадался, что она быстро-быстро закивала. Через час на его кровати сидел невидимый земляк-музыкант, хорошо запомнившийся по дням совместной тяжелой службы своей какой-то несеверной, смугловатой мужественной красотой – и тем, как, оскалив голливудские зубы на черном от копоти лице, он вдруг схватился обеими руками за уши и стал сползать спиной по зеркальной скале, а между пальцев с обеих сторон толчками выплескивались маленькие фонтанчики крови – и не удалось рвануться на помощь, потому что... Потому что больше ничего уже никогда не удалось... «Он не слышит... - шепотом, противоречащим смыслу слов, предупредила Вера. – Но по губам уже научился понимать немножечко... Если артикуляция четкая...» Так и скорешились глухой со слепым. Первый надсадно ревел, инстинктивно считая, что если удастся докричаться до себя самого, то и другие, верно, лучше услышат, а второй изо всех сил, до боли в губах, изображал, почти рисовал ими буквы и слоги: «Ну – ты – Бет – хо – вен – блин...» - и слышал в ответ словно рев реактивного самолета, от которого звенела лампачка: «От Нельсона слышу!!!!!»

Хорошо было тому, настоящему Нельсону: его единственный глаз видел Божий мир отчетливо, и он, если б захотел, мог бы рисовать...

А этот Нельсон способности к рисованию унаследовал от отца. Тот никогда ничему такому целенаправленно не учился, считая умение красиво изображать на бумаге интересные предметы и явления чем-то лишним, мешающим важным мужским делам и годящимся лишь в невинное хобби. Во всяком случае, не заслуживающим того, чтобы становиться профессией настоящему мужику, предназначенному для глобальных мыслей и великих свершений. Другое дело, превратившись в директора солидного питерского завода, то есть, продемонстрировав миру свою доказанную состоятельность, потешить иногда таких же солидных друзей, собравшихся на праздник у его очага, молниеносным наброском, изображающим то летящую к солнцу лошадь, то растерянный парусник среди бури, то молодую любовницу приятеля, стушевавшуюся в присутствии презрительно настроенных толстых чужих жен... И, разумеется, сделать вид, что к тебе не относится одобрительный гул, вызванный пущенным по рукам листком: «Толян, да ты талант! Жаль, в землю закопал!»

У матери Нельсона в работе ради хлеба насущного не было нужды, причем, даже такое скучное и малоинтересное занятие, как ведение хозяйства, жену обеспеченного человека на двадцать лет старше ее, обошло: это безраздельно поручалось приходящей домработнице – а бывшей ученице Вагановского училища осталось, по идее, только заниматься единственным сыном, любимцем и баловнем. Но ничего подобного: материнский инстинкт был развит у нее настолько слабо, что она едва интересовалась его школьными успехами, не всегда безупречный дневник подписывала, не глядя, а от сына откупалась нескончаемыми подарками и кондитерскими изысками. Мадам Марго было чем заняться в этой жизни. В

Золотое Слово-6

отличие от непробиваемого мужа, она посвятила свое существование тому, чтобы разнообразные таланты, наоборот, не закапывать. Исключенная из Вагановки за крайнюю долговязость и отсутствие каких-либо дальнейших перспектив, она, тем не менее, завела в супружеской спальне балетный станок и по утрам делала бесконечные батманы, жестко считая вслух: «И-раз, и-два, и-три...» - и так до бесконечности. Решили в свое время ее интеллигентные родители, что коли уж из девочки не получилась великая балерина, то, может, музыка станет ее звездной судьбой. В результате, теперь в гостиной стоял огромный полированный рояль красного дерева, и мать бесконечно, до судорог в пальцах доводила до совершенства какой-нибудь упорно не поддающийся ее виртуозности прелюд – и, опять же, металлический ее голос долбил неизбежное: «И-раз... и-два...» Рядом с пианино уверенно примостился дорогой импортный мольберт, на котором всегда торжественно присутствовал холст с незаконченной маминой фантазией маслом или пастелью: уроки живописи она брала уже сама, во вполне сознательном возрасте, дисциплинированно посещая какой-то левый хозрасчетный класс, где больше рассказывали о «течениях», чем пытались побудить учащихся хотя бы полуграммотно управляться с кистью. Но красивое свидетельство об окончании было честно выдано, что позволило Марго при каждом случае с полным правом вворачивать в разговор: «Вот мы, профессиональные художники...» Ее поставленными почти на серийное производство картинами, обрамленными в дорогие резные и золоченые рамы, было увешано все свободное пространство на стенах квартиры, исключая, пожалуй, только санузел, и многочисленные гости, бродившие в преддверье застолья с икрой и шампанским по этой вечной экспозиции, сдержанно хвалили и хромоногую лошадь с длинным туловищем, и аляписто-фиолетовый закат над неузнаваемой Невой, и некую многоугольную фигуру с неожиданно безумными глазами наискосок, определенную автором как «Портрет мужа художницы»...

Муж ничего – терпел, потому что самым парадоксальным образом любил свою восторженную идиотку с голубиным взглядом, неспособную ни на какие глубокие чувства ни к чему живому и вечно находящуюся в странном экстатическом надрыве по поводу собственной исключительной неповторимости... С молчаливого согласия мужа жена заказывала себе у жадной портнихи самые экстравагантные наряды с турнюрами, корсетами и кринолинами, изводя невероятное количество шелка, бархата, кружев и перьев, имея гардероб на вкус любой эпохи – не хуже любого эстрадного – и целую коллекцию немыслимых шляп всех цветов и пород. Начисто лишенная способности различать время и место, потребное для каждого туалета, она могла явиться в греческой тунике и высоких сандалиях, расшитых искусственными жемчужинами, или, наоборот, в бархатном платье «а ля Мария Стюарт» - на выставку гобеленов в Союзе художников советского времени и там самой стать центральным экспонатом для почти открыто вертящих пальцем у виска посетителей – но при этом искренне

считая себя аристократкой, не снисходящей до презренной толпы «гомо советикус»...

Отец Нельсона сам-то дураком не был, и, случалось, приняв на грудь немалую стопку после утомительного рабочего дня, доверительно говорил на кухне повзрослевшему сыну: «Мозгов-то у матушки твоей – меньше, чем у голубицы... Да чего там – и ни рожи, ни задницы, прости, Господи... А ведь поди ж ты – как припаяла меня к себе, сучка такая...» - наливал еще одну и, махнув рукой, опрокидывал. Сам Нельсон маму любил – но будто не как маму, а как Жар-птицу, волей судьбы поселившуюся в доме, или очень красивую драгоценную вещь, к которой нельзя прикасаться во избежание ущерба, а может, просто как Великую Загадку, не подлежащую разгадыванию никогда.

Когда он от нечего делать приглядывался к привычным картинам мамы, то иногда происходило удивительное: из глубины души поднималось чудесное, волнующее наитие – и через какой-то миг он точно знал, что именно жизненно необходимо привнести на конкретное полотно, чтобы оно превратилось из тусклого и пошлого пятна цветной грязи в одухотворенное произведение, радующее душу. Десяти лет отроду он однажды так и поступил: в одно из маминых многозначительных отсутствий, предназначенных доказать родным и подругам ее востребованность суровым внешним миром, Нельсон, встав на стул, снял со стены над буфетом убогую пастель, изображавшую мутную долину с неубедительными холмами на горизонте. За полчаса вдохновенного труда он насадил в долине поле алых маков, странные темные возвышенности превратил в благородные голубые горы, а на плоском бездушном небе прописал пару-тройку озаренных отсутствующим закатным солнцем облаков...

Отец вернулся раньше матери и застал отпрыска за работой. Нашкодивший отрок втянул голову в плечи, ожидая, что отцовская воспитующая длань вот-вот обрушится на его белобрысый стриженный затылок – но тот только сопел и хмыкал добрых пять минут и, наконец, никаких физических воздействий так и не применив, спросил озабоченно:

- Сам или срисовал откуда-нибудь?

- Сам, - обреченно уронил голову на грудь Нельсон.

- Так, - и отец вдруг грузным маятником прошелся по комнате; остановился и потребовал: - Еще есть что-нибудь? – и, в ответ на виноватый кивок: - Неси.

Сын принес папку и застыл перед отцом, глядя в пол и смертельно боясь, что папа сейчас взорвется своим знаменитым вулканическим гневом, обнаружив в наследнике – крепком спартанского воспитания парне – презренные девчоночьи склонности, и в несколько движений на ленточки пустит все рисунки из заветной папки, а потом как достанет из шкафа ремень... Отец рассматривал лист за листом, сохраняя на пухлом веснушчатом лице, которое никто, тем не менее, не рискнул бы назвать добрым или простодушным, выражение полнейшего бесстрастия. Ущерб никакого не нанес, и, вложив в папку последний рисунок, закрыл

Золотое Слово-6

ее и крепко погладил мощными ладонями.

- Так, - повторил он неумолимо. – Так. По математике больше тройки у тебя уже и сейчас не бывает. Дальше станет только хуже. Потом начнется физика – и вообще кранты. Думал репетитора тебе брать. Ничего подобного. С осени пойдешь в СХШ. Там твое место. Не мне решать, хоть я и коммунист. Господу Богу. А Он уже решил. Чего стоишь? Забирай эти бумажки и дуй к себе в комнату...

Вечером мама заламывала руки и с пылающими щеками прижимала к груди коллекционный кружевной платок: «Как ты посмел?! Нет, ты мне скажи, как ты посмел?! Неумелой детской рукой! Прикоснуться к работе профессионала! Изуродовать одно из лучших произведений! Нет в тебе совести! Совсем нет совести! И нет высокого страха перед творениями искусства! И это – сын художницы! Боже! Боже! За что Ты меня так сурово наказываешь?!» Пожилой отец с ласковой снисходительностью поглядывал из-за развернутой «Правды» на свою молодую высокую и костлявую жену, принимавшую замечательно красивые балетные позы, и нежно бубнил, кривя суровый рот в не идущей ему улыбке: «Не бери близко к сердцу, Риточка... Не перенапрягайся, девочка моя...»

Она умерла от аппендицита, когда Нельсону только что исполнилось шестнадцать, умерла, собственно, не от болезни, а все от той же непроходимой глупости: несколько дней испытывая мучительную боль в животе, она упорно отказывалась показаться любому врачу, трагически восклицая: «Советская медицина! Ха-ха! Она опасна для жизни! Если не пройдет, я поеду в поликлинику для творческих работников и добьюсь приема у профессора! За меня вся моя жизнь в искусстве! Я не позволю калечить себя какому-нибудь недоучившемуся ветеринару!» Когда аппендикс, наконец, разорвало и гной вылился в беззащитную брюшину, эти бездушные «ветеринары» целую неделю бились за ее никчемную, то потухавшую, то обнадеживающе загорававшуюся жизнь, организовали отдельный сестринский пост у ее постели и перешептывались между собой: «Известная художница... Надо же... Такая молодая...» - но повлиять на роковое решение злодейки-Судьбы уже не смогли.

Отгоревав положенный срок, отец Нельсона не додумался красиво вдоветь всю оставшуюся жизнь, а благополучно женился на бесталанной, но доброжелательной и милой женщине – глубоко равнодушной к почти уже взрослому Нельсону, зато сразу вознамерившейся подарить своему немолодому мужу нового, более перспективного наследника. Нельсон не расстроился, так как и сам переехал в типовую двухкомнатную квартиру к любимой жене и простой, как мать-земля, теще, выдюжившей в качестве презренной «разведенки» с дочкой целых семнадцать непростых лет, все это время промечтав о надежном добром сыне, наконец, обретенном в лице неожиданного зятя. Решения в семье она принимала единолично, и после окончания детьми СХШ, скороспелой свадьбы и несостоявшегося прибавления семейства, постановила безоговорочно:

- Так, двоих студентов мне не потянуть. В

Академию пойдет только один из вас. В семье главный – мужик, ему и нужно образование. Он будущий кормилец, а у нас – известно: без бумажки ты кашка. Поэтому ты, Верка, сейчас быстро на курсы какие-нибудь записывайся, чтоб через полгода – уже зарплата. Вдвоем его пока потянем: высшее получит – отработает. А насчет армии батя его через год договорится: как-никак, директор завода...

Но если Верочка, влюбленная в юного мужа и, вдобавок, наделенная жертвенным характером, даже и не пыталась воспротивиться волонтаристскому обращению матери с собственной совершенно иначе представляемой судьбой и немедленно отправилась обучаться на чертежницу, то отец Нельсона никаких указаний со стороны сватьи не потерпел – и через год грянул: «Какого черта? Мало было, что я тебя не гнул – позволил в мазилы податься, а не в мужики нормальные? На хилой шлюшке дал жениться, а не на девке порядочной? Так ты теперь требуешь, чтоб я и последней отцовской совести лишился? Хочешь кисточкой махать, чистоплюй? А за автомат пусть другие берутся, которые похуже? Сдур-рел совсем! Иди и служи Р-родине – муки прими, если надо! Иначе ты мне не сын...»

Но, конечно, на те муки, которые сыну его в действительности выпали, отец сгоряча не рассчитывал. С другой стороны, он ведь не предполагал о существовании Мразя на этом свете – вот именно так, в женском роде, но в мужском склонении... Теща рассказывала потом, как отец ревел медведем и бился головой о мебель, катаясь по полу, когда узнал про огненную струю, что спалила от носа доверху лицо и почти дотла выжгла глаза – ярко-синие, в мать – у своего старшенького...

Напрасно Бетховен боялся оглушить неожиданной вестью единственного друга: весть эта уже много жила в Нельсоне, еще не озвученная, как живет в теле женщины яйцеклетка, которой однажды предстоит быть – одной из тысяч других – оплодотворенной и превратиться в целый мир, неся в себе и жизнь, смерть, и бессмертие. Он верил, хотя и молчал, что Бетховен рано или поздно разыщет того, про которого они одни на всем равнодушном свете знали, что он, не дрогнув, небрежно послал на мучительную смерть пятьдесят человек – и ходит по земле счастливый и безнаказанный. «Однажды из-за горизонта выну, - только раз процедил сквозь зубы глухой слепому. – И к тебе приведу. И тогда мы его – казним».

Глава 3

Скульптор встретился с Гостьей снова

только через месяц. За это время он совершенно закончил Петра Аркадьевича, особенно долго провозившись с его плохо поддававшимися кистями – все хотел, чтоб были они точно такими, как и те, что давно истлели в Киевской земле – для чего увеличил

Золотое Слово-6

множество фотографий, разглядывал их иногда в лупу, а потом, недовольный собой, вновь размачивал в мокрых компрессах уже вполне готовые, просохшие конечности – и в который раз переделывал, все больше злясь на самого себя. Скульптор знал, что, кроме него, ни одному человеку в мире не придет в голову разбираться в ширине ладоней и форме пальцев век назад почившего великого премьер-министра – а вот не мог с собой ничего поделывать: решил так – и баста. О Гостье он совсем – совсем! – совсем, черт побери!!! – не думал. Да пусть она провалится со своей статьей, корреспондентка хренова... Навязалась на его голову – ему что, заняться больше нечем? Лукавил, конечно: она не уходила – не из головы, потому что всякое мимолетное воспоминание о ней сразу выкорчевывал нещадно – а из сердца или чего-то другого, что еще глубже гнездится и ведает самым сокровенным. Не присутствуя в мыслях, она все равно *была* в нем – вот что странно! Так человек чувствует устремленный на него взгляд другого – которого в этот момент не видит и о нем не помышляет... Она позвонила сама, чтобы вежливо, с оттенком некоторой интимности, на которую, собственно, не имела ровно никакого права, сообщить ему, что статья готова и выслана, ждет его одобрения...

К компьютеру Скульптор бросился с жадным нетерпением – и там ждал его унижительный, лишний раз напомнивший о неумолимом возрасте, облом: он не смог даже открыть электронную почту, не то что уж разыскать там какое-то «письмо с прикрепленным файлом» - Господи, откуда ж ему знать, что это такое! Почту полгода назад соорудил для Скульптора его четырнадцатилетний внук-американец, а вернее, юный и веселый безродный космополит, два раза в год привозимый своей русской матерью на историческую родину пощекотать нервы местной экзотикой. Обещал на эту сомнительную почту писать родному и любимому дедушке регулярные письма и высылать фотографии – на то Скульптор и купился, допустив внука до святая святых – своего верного компьютера выпуска конца прошлого века. На следующий день в доме появился анемичный молодой человек с чемоданчиком, протянул через всю стенку кабинета жирные белые провода – и выяснилось, что таким образом открыл мгновенный доступ в любую точку мира: подсоединил неведомый Интернет. Пальцы внука со скоростью сороконожки заметались по клавиатуре, и уже через минуту, как показалось шокированному Скульптору, он объявил: «Иди, деда, готово...» Процесс обучения длился примерно столько же:

- Во, смотри, деда: сюда жмешь, сюда, а потом сюда. Допер?

- П-подожди! – засуетился доперший ровно наполовину «деда». – Я лучше запишу...

Записал добросовестно, а бумажку потерял. Переписке завязаться было не суждено – дочь по телефону потом сказала, что внучок так ни одного письма написать и не сподобился – все собирался-собирался, да и забыл за ненадобностью – а что ему... Почта не пригодилась – но Интернет так и остался, откусывая от бюджета ежемесячно скромную сумму,

вычитавшуюся с пенсии автоматически вместе с коммунальными услугами... Пусть будет на всякий случай, решил Скульптор и выплату эту не аннулировал. Потому и пробился добрых часа полтора, пытаюсь попасть в недостижимый почтовый ящик, все время нарываясь на странные письма и пугающие картинки – словно в дремучей тайге плутал среди дикого зверья в поисках волшебной зеленой поляны... Но так Гостьину статью и не нашел, в чем пришлось ей на следующий день по телефону сухо признаться – с оправдывающей оговоркой, правда: «Может, вы куда-нибудь не туда послали?»

Она пришла на следующий день – с головы до ног в красном. Червонец прознал про ее приход минут за десять и вдруг аккуратной черной статуэткой, обернувшись толстым хвостом, уселся прямо напротив двери, не спуская с нее янтарного гипнотизирующего взгляда. Скульптор неожиданно разозлился: эта тварь бессловесная словно вытаскивала наружу и бессовестно демонстрировала то, что хозяин сам от себя старательно скрывал – а именно, неодолимое желание встать у двери и слушать урчание медлительного лифта... В раздражении он не больно пихнул Червонца тапком в бок:

- Пшел отсюда, черт черный, расселся на дороге!

- Умр-ру... - пригрозил кот, лишь немного отодвигаясь с пути.

Он вообще иногда разговаривал почти что по-людски: например, когда встречал в прихожей своего припозднившегося друга, неизменно кричал ему в лицо, элегантно танцуя на стиральной машине: «Ур-ра! Ур-ра! Жр-рать, жр-рать... Пор-ра!»

- Я сам тут сейчас умру! – гаркнул вдруг Скульптор в порыве бешенства и швырнул в озадаченное животное рекламным проспектом.

- Дурр-рак... - нежно отругнулся Червонец.

Хозяин поднял его, прижал к груди и прошептал:

- Конечно, дурак, - и в этот момент она позвонила в домофон.

Сняв с Гостьи теплую норковую куртку, Скульптор обнаружил под ней ярко-красное платье со смущающе глубоким вырезом, плотно облегающее все ее то ли отталкивающие, то ли соблазнительные выпуклости. У Жены, а потом и у Подруги их вообще не было, поэтому он и не знал, как к ним относиться. Гостья словно бы чувствовала себя у него как дома или пришла к близкому другу, причем этим близким другом, казалось, считала не его, а Червонца. Женщина подхватила кота и закружилась с ним по комнате, целуя в морду: «Милый ты мой! Друг ты мой, кот! Как же я рада тебя видеть!» А уж как кот-то был рад: он и обычно мурчал для хозяина очень громким мужественным басом, а тут, прижатый к ее полуобнаженной груди, аж загремел весь, пуская сопли и слюни от восторга.

- Осторожно, - ревниво предупредил Скульптор.

– Он линяет. У вас сейчас все платье будет в черной шерсти... - и с хмурым злорадством добавил: - И у него острые когти, так что он вам его еще и порвет.

- Наплевать, - небрежно отозвалась она. –

Золотое Слово-6

Мертвое платье или живой кот – что важнее?

Она именно так и сказала – «мертвое платье». А между тем, платье-то было совсем живое – струилось вдоль крутых бедер, волнилось вокруг полных коленей... Он опять подумал: «Лепить бы...» Гостья остановилась и посмотрела на него, прижавшись щекой к котовой голове. Он невольно приблизился – такое у нее в этот миг было светлое лицо. И прямой, спокойный и доверчивый взгляд. Интересная, конечно, женщина – и не только в смысле внешности: там, внутри, за этими ясными глазами, угадывалось так много всего, причем такого близкого... Скульптор едва заметно потряс головой:

- Компьютер тут вот... Я уже включил его... - пробормотал он. – У вас статья – на дискете?

Гостья глянула с неподдельным изумлением:

- На какой еще дискете? Их давно уже не бывает. Только диски лазерные. Но нам они зачем? Я со своей почты вам сейчас скачаю.

Он вообще потерялся – можно сказать, и до тайги еще не дойдя: с дисками, ладно, понятно, это блестящие такие, он знает – а вот насчет почты...

- Да, но ведь здесь же – *моя* почта? В моем компьютере – *моя* почта, так ведь? – он уже догадывался, что порет, вероятно, какой-нибудь фантастический бред, и готов был провалиться на месте – в нижнюю квартиру к вечно нетрезвым маргиналам.

Вот сейчас она презрительно расхохочется, обзовет ископаемым или еще кем-нибудь в этом роде, а потом снисходительно сообщит что-то продвинуто-интернетное, чтоб уж и вовсе его размазать... Да пошла она... Он заранее ошетинился, готовый к отпору.

- Да нет же, - осторожно поставив Червонца на стул, Гостья по-деловому уселась за компьютер, и руки ее (он заметил, что перстень на этот раз другой, гранатовый, кажется) залетали по клавиатуре не хуже, чем у внука. – Все легче гораздо, - и принялась серьезно и просто, без всякого превосходства пояснять: - Почта находится не в конкретном компьютере, а в таком воображаемом – виртуальном – ящике. Попасть туда можно из любой точки мира, хоть из Австралии. Надо только знать пароль... Вот видите, здесь выскочило: чужой компьютер? Для меня это так – ведь он же ваш – поэтому ставлю галочку и пароль теперь буду вводить вручную... А если б дома у меня, то само бы открылось – только и всего... Теперь смотрите...

Но Скульптор уже не слушал, что она говорит – до него доходил не смысл ее слов, а непостижимый *надсмысл*: она, определенно, была, как он определял таких женщин – *из его питомника*. Вот Жена не была оттуда. Подруга – только хотелось, чтобы была... А Гостья...

- И вот я вам ее выложила на рабочий стол, теперь закрываю Интернет, и – пожалуйста: вордовский документ, называется «Статья», чтоб вам было сразу видно... Сами умеете открывать? – между тем бойко и ровно говорила она.

Скульптор облегченно закивал:

- Да-а! Это-то я умею! Конечно, конечно, умею... - только это он и умел по компьютерной части, если почестному, но не обо всем же ей докладывать...

Закинув руки за голову, Гостья деликатно потянулась, словно после трудной работы, и глянула на Скульптора смутно-вопросительно. Он подхватился: «Ну, конечно, кофе теперь пить положено – и болван же я, в самом деле!»

* * *

За ночь небо затянуло, а к утру началась оттепель. Когда они одновременно ненадолго замолчали, Скульптор отчетливо услышал, как по подоконнику дробно стучат ледяные капли – и сразу представилось, как там, за шторой, уныло просыпается огромный, холодный и мокрый город. Там отвратительное мартовское утро с колочей серой кашей под ногами первых прохожих – бедного рабочего люда, тоскливо тянувшегося со всех сторон по Охте к всепожирающему метро. Впервые за последние семь лет Скульптор чувствовал себя безмятежно-счастливым. Он и его Гостья сидели, почти касаясь друг друга коленями, за маленьким кухонным столиком и давно уже не пили кофе, потому что он кончился около четырех часов утра, а потом они еще доели последние сосиски с хлебом, по очереди выдавливая на них горчицу из тюбика, а уж под самый рассвет закусили подсохшим сыром – и оба были очень довольны своей бивуачной трапезой. Скульптор уже считал Гостью совершенной красавицей в русском стиле, к тому же, наделенной изрядным обаянием – качествами, обычно взаимоисключающими, но, при редком соединении, дающими сокрушительный эффект гремучей смеси. Разумеется, он находил в ней редкий недамский ум в сочетании с победительной женственностью – и уже не смущался до полной багровости и не бормотал несурзное в ее присутствии, как это случилось в самом начале разговора, когда он вдруг решил разрядить обстановку и рассказать ей к случаю подвернувшийся бородастый «компьютерный» анекдот. Под ее доброжелательным взглядом, таившим в самой-самой глубине крошечный, но острый огонек насмешки, он вдруг снова заблудился в трех соснах. Анекдот был самый простенький: приносят, дескать, «новому русскому» в офис подписывать счет на заказанную технику; он читает: «Компьютер – семьсот евро, монитор – пятьсот евро, мышь – пятнадцать евро, коврик для мыши – два евро...»; он с возмущением отодвигает счет и выговаривает менеджеру: «Может, вы еще и тапочки для тараканов закупите?» Но Скульптор почему-то сначала запутался в ценах, потом вдруг сделал в самой середине непонятное лирическое отступление на тему «отчего мужик не разбирался в компьютерах», и, наконец, попутно потеряв и едва отловив обратно нить повествования, с трудом, краснея и потев, выгреб на уже совсем несмешную концовку... Он с ужасом ожидал, что сейчас повиснет неловкое молчание – но Гостья сердечно расхохоталась, из глаз ее побежали веселые теплые лучики – и Скульптору легко и хорошо стало на сердце. Он догадался, конечно, что она наделена врожденной деликатностью – и не захотела толкнуть падающего – многие женщины на ее месте сделали бы это с мстительным удовольствием – а предпочла ненавязчиво протянуть руку помощи,

Золотое Слово-6

спасла шаткое положение, заслужив тем самым его уважительную благодарность. Его сердце инстинктивно потянулось навстречу ей – ее глубоким глазам, низкому серьезному голосу, всему ее тяжелому ленивому телу... Он никогда не обнимал крупную женщину, и сейчас ему представилось вдруг – как спокойно и радостно могло быть, если бы... Он даже отодвинулся слегка от греха подальше, но от ненавязчивых чар ее уйти не удалось: его прорвало на откровенность. Опять, как в прошлый раз, понесло в детство – и припомнилось сразу, как однажды, упав на школьном паркете от подлой подножки, он сломал себе руку в двух местах – и ему вправляли смещение без всякого наркоза. Маленький и одинокий, он кричал и рвался из рук почти лежавших на нем двух могучих милосердных сестер, которые и тогда были не юными, а теперь уж наверняка померли; но бесстрашный средних лет врач – ныне точно уже покойник – не обращая никакого внимания на вопли страдальца, долго пытал его, как в гестапо, потом отстранялся, критически оценивал результат и, покачив головой, вновь приступал к истерзанной, тонкой, как ветка, руке, желая, вероятно, довести свою работу до совершенства... Ужас тех нескончаемых минут не покидал Скульптора всю жизнь, иногда преследуя на рубеже сна и яви, а вот рассказал Гостье, увидел в ответ искреннее, так и рвавшееся наружу сочувствие, и вдруг с изумлением понял: все, отпустило. Навсегда. Она тоже рассказала ему о себе, вернее, о двух своих мальчиках-школьниках, разнойцовых двойняшках, его внуку ровесниках, что, как во все века водилось, не слушаются матери, грубят и своевольничают, из школы носят двойки, а из двора – синяки, а ее опять на неделе вызывают к директору... Ничего особенного не говорила – а Скульптор внимал ее речам, как дельфийскому оракулу, потом сорвался с места и принес старый плюшевый альбом, куда еще мама Таня подклеила всю его детско-юношескую нехитрую историйку... Гостья долго смотрела на групповую фотографию 1963 года, где, лет за семь до ее рождения, сфотографировали его с новыми товарищами, новоиспеченными рядовыми Советской Армии, сразу после принятия Присяги. Сказала очень печально:

- Скажите, а почему... Когда я вижу всяких там солдатиков... Или матросиков... В форме, с оружием, гордых таких, красивых... Почему мне всегда так их жалко, а? Почему плакать хочется?

Он рискнул прикоснуться к ее плечу – так, вскользь, без всяких намеков:

- Может, это оттого, что у вас – сыновья? Были бы дочери – возможно, вы бы так не реагировали? – и почувствовал, что Гостья отчетливо вздрогнула под его рукой; на всякий случай он убрал ее подальше.

Чтоб утешить – осторожно вынул из альбома небольшую серую фотокарточку: его молодая мать, закрывая собой выкушенную осколком часть отцовского тела, стояла рядом с ним в белом беретике на фоне родного барака на Морском – и это было их единственным совместным изображением. Еще одно фото отца сохранилось только в его комсомольском билете – и все...

- Дайте... На время... - жадно схватила Гостья

снимок. – Я отсканирую и помещу среди других иллюстраций к статье! Вы, когда прочтете – увидите, я там и про детство ваше немножко... Как кстати! Надо же!

Отказать ей он уже не смел и, внутренне трепеща, кивнул:

- Только смотрите... Это ведь драгоценность... Вы понимаете...

На мгновение она сжала его руку:

- Можете не говорить...

Рука на руке лежала долю секунды, но Скульптор сразу же понял, что это быстрое и теплое дружеское пожатие забыть ему придется нескоро. Он теперь полностью доверял ей – настолько, что поделился очередным своим недоумением:

- Знаете, что я вам хочу сказать? За мной кто-то с месяц уже следит, как мне кажется, - («Сейчас она решит, что я параноик», - некстати прошла совсем не безумная мысль).

Гостья посмотрела без всякого недоверия:

- Что, правда, что ли? Вы уверены? Смотрите, сейчас действительно всякое случается: не забывайте, где живем. Почему вы так считаете?

Он постарался рассказать потолковее:

- Видите ли, повадилась тут машина одна – «Самара» серебристая такая, самая затрапезная. Я сначала не обращал особого внимания – мало ли во дворе машин, да и меняют их люди теперь часто. Дом у нас большой, как видите, рядом другие, так что ничего необычного. Потом замечать стал – черт возьми, она мне слишком часто на глаза попадается! Выхожу из магазина – стоит. К заказчику подъезжаю – смотрю, и она паркуется поблизости. Номер посмотрел, думал, похожие просто машины – ничего подобного: одна и та же. Как в кошмаре: где я из моей «Нивы» выйду – там сразу и «Самара» неподалеку, хоть ты что делай... Думаете, я спятил?

- Водителя рассмотрели? – деловито спросила она.

- А как же! – гордо сообщил Скульптор. – Раз, из машины выйдя, я не по своим делам пошел, а прямо к нему: ну, думаю, посмотрим, как ты завертишься, дружок! Подошел, нагнулся – и прямо в рожу ему глянул. Он, правда, отвернулся сразу, аж вниз нырнул, но я успел разглядеть: лет за сорок, чернявый такой, крупный...

- Господи, кавказец, что ли?! – ахнула Гостья.

- Нет, славянин, это факт – я ведь профессионально такие вещи ловлю – ну, там форма черепа, глаз, носа... Русский он, просто темный. Но вот что: я его никогда в жизни раньше не видел! Никогда! Это у меня тоже профессиональное – я бы запомнил! Не знаю его, вот в чем штука! Что ему от меня понадобилось, а? Думал к участковому сходить, пусть бы хоть по номеру эту машину проверили, да стыдно как-то... Кому за мной следить? Что у меня брать? Работы? Да кому они нужны... Их и в подарок-то не всегда принимают – ставить некуда... Деньги? Да я пенсионер вообще-то, концы с концами только заказами свожу – редкими и нерегулярными... Зачем меня пасти? Квартира? Так она на дочь и внука давно отписана, это проверить легко...

Золотое Слово-6

Скажут про себя – мол, сбрендил старикашка, вежливо выпроводят – и все дела... А может, действительно, сбрендил? – Скульптор глянул на Гостью почти беспомощно.

Она улыбнулась – и улыбка теперь была ласковая; с чего это в прошлый раз она ему хищной показалась?

- Что не сбрендил это точно, но могли ошибиться, - сказала мягко. – Поскольку особые причины за вами охотиться действительно, как будто, отсутствуют (хотя кто знает), то и прямой опасности нет, скорей всего. Вы все же понаблюдайте еще. Убедитесь – ищите концы в милиции, без знакомства не ходите, засмеют. Если что – я буду вашим свидетелем. Заявлю, что вы мне жаловались уже, что я тоже эту машину видела. Интересно, здесь она сейчас, «Самара» эта ваша? – и Гостя потянулась рукой к шторе, желая выглянуть в окно.

Отодвинула – и ахнула на хлынувший ей в ночное еще лицо отчетливый белый свет:

- Боже мой, это что – утро уже?! Господи! Я думала, не больше полуночи!

Он глянул во двор:

- Нет ее сейчас. Хорошо мы с вами посидели... Не было б только теперь у вас дома неприятностей... - и глянул исподлобья: знал ведь досконально, что у нее там не только распрекрасные двойняшки, но и папа их во всей красе – тоже; ревность заворочалась в нем и приоткрыла свой мутный глаз.

- А-а, - женщина презрительно махнула рукой. – Думают, я у родителей ночью, это не впервые... И отлично: дети сейчас уйдут в школу, а... - она запнулась и впервые заметно смутилась.

«...муж на работу», - мысленно досказал за нее Скульптор, жестоко укушенный вполне проснувшейся ревностью.

- ...а я приеду домой, завалюсь в постель и без помех выплещу, - вывернулась Гостя, как ни в чем ни бывало.

Он поднялся, не глядя на нее: все очарование минувшей ночи враз померкло от ее маленькой, но такой значительной недоговорки.

- Да, - произнес упавшим голосом, - конечно. Конечно, вам надо собираться...

Он опять смотрел, грустно припав лбом к жесткой оконной раме, как внизу ее скромный «оппель-кадет» (теперь он это знал точно) осторожно маневрировал среди невежливо припаркованных в самых неожиданных местах, еще не разбуженных, покрытых быстро тающим инеем машин, и думал, что она-то, может, и выпитая этим утром властью, но ему заснуть уж точно быстро не придется...

За одну ночь лед на доступном взгляду куске Невы приметно потемнел: весна все-таки пробивалась и к Питеру из своего бесконечного далека. Сколько еще таких весен ему предстоит увидеть? Десять... При хорошем раскладе – пятнадцать... Двадцать – это уже из области фантастики... А ей? Все сорок, если без рака обойдется... Он был рад, когда зазвонил телефон.

В такую рань мог возжелать немедленного общения только один человек на свете – тот, кто давно мог позволить себе пренебречь условностями.

Жена. Они расстались, не разведясь официально, одиннадцать лет назад, из них вовсе не общались пять, а потом, столкнувшись нос к носу на очередном идиотическом вернисаже, заговорили, как давние друзья – и так продолжалось до самого последнего времени. Темой долгих спокойных бесед всегда была покинувшая их не сильно им любимая дочь, равнодушный американский внук, ничуть не утолявший потребность в ее «бабушкинских» чувствах, потом ее же внезапный, с удивлением встреченный диабет и уже его вечно на ровном месте бунтующая печень. Иногда он Жену обрывал, иногда выслушивал – смотря, как карта выпадала. На этот раз склонен был подчиниться равномерному журчанию ее звонкого, невзирая на шестьдесят пять лет, голоса – и прилег с трубкой на диван, изредка в нее для порядка угукая, - а перед глазами все вставало чудное открытое лицо в обрамлении светлых мягких локонов, мерещился яркий и смелый – не пресловуто «свеженький», как любила Жена! – аромат явно дорогих и непременно французских духов... Они все равно должны хоть раз еще встретиться: фотографию-то она ему обязательно придет возвращать! И вдруг какое-то пролетевшее мимо и не пойманное вовремя слово Жены заставило его прислушаться к тому, что она говорила:

- ...почему и нет? Ты не волнуйся, я ведь давно все простила – теперь лишь бы Бог тебя простил. Мы же старики с тобой уже, в сущности, нас эти отношения... всякие там... больше не волнуют. Ну и давай тогда попробуем. Что терять? И так уже все потеряли, что можно... Старость-то одинокими встречать... Сам понимаешь... Мы же не чужие с тобой, столько лет прожили. Как ты считаешь? Эй, ты что – заснул там, что ли? Ответь что-нибудь, я что, зря полчаса распиналась?

Только тут до Скульптора дошло понимание простого факта, что эта честная и щедрая женщина предлагает ему сойтись с ней снова, чтобы жить и умереть вместе. Предлагает вкупе со своим прощением, которого вслух до сих пор никогда не произносила. Предлагает свою заботу и дружбу, взамен прося лишь одного: не покидать ее больше одну. Предлагает то, о чем он уже исподволь задумывался, не решаясь только первым заговорить о будущем, помня о своем пожизненном «непрощенном» состоянии. Предлагает сама. Но сегодняшним утром, с этим светлым лицом перед глазами – выглядя полным кретином, да им, по всей видимости, и будучи, он в ответ может только промямлить, как мальчишка, застигнутый за воровством яблок в чужом саду:

- Я... не знаю... Слушай, как-то все... неожиданно...

Жена на расстоянии чувствовала его всегда. Он ее – тоже. Поэтому тот вид молчания, которое сразу же установилось на том конце провода, он безошибочно определил как предгрозовое. Миг – и все громы и молнии обрушились ему на голову:

- Ах, во-от оно что... Следовало мне и раньше догадаться... Эти... - издевательски, - от-но-шения... не интересуют только меня. А ты и сейчас еще не нагулялся. И ждет тебя гусарская смерть когда-

Золотое Слово-6

нибудь... На очередной... - деликатное воспитание не позволило ей уточнить, на ком именно. – Что, права я? Отвечай немедленно! – хорошо знакомый звон близких слез отдался ему в голову.

«Хм. Благодарю покорно. Снова твое нежное сердце носить в трепетных ладонях – это уж извини, милая...»

- Да, - злорадно сознался он, тихонько бурля восторгом. – В моей жизни, кажется, действительно... Во всяком случае, я не готов сейчас обсуждать эту тему...

- Угу, - уже вполне стервозно отозвалась она. – Понимаю. Давай дальше, скажи на белом единороге. Только в зеркало на себя чаще поглядывай, – и трубка часто и оскорблено запищала.

Червонец, мирно проспавший всю ночь на стуле по соседству с Гостьей, проснулся только теперь и мягко прыгнул хозяину на живот, сразу прижавшись щекой к его груди, как удовлетворенная женщина.

- Да знаю я прекрасно, что там в зеркале... Видел сто раз... - горько прошептал Скульптор, теребя котовьи прохладные острые уши. – Права она. Опять права. Из этих она – вечно правых... Потому и сбежал от нее, иначе подход бы... Вот так-то, друг мой... кот.

* * *

Жена Скульптора в молодости была идеальна: недостатки в ней словно и не предусматривались. Все, что она когда-либо говорила или делала, а может, даже думала, никогда не подлежало пересмотру, потому что было правильным на полновесные сто процентов – и не согласиться с этим не представлялось возможности. Можно было только считать себя ничтожеством. Ее нравственная высота, небывалая тонкость чувств и восприятий, гибкость типично женского, с юности мудрого ума, хрупкая дымчатая краса скудельного сосуда – все это вместе возводило ее на хрустальный пьедестал обожания. Неизменно дружелюбная, открытая, ласковая, ни минуты не сидевшая без дела и не терпевшая никаких праздных занятий и разговоров, она могла быть и вежливо-твердой, когда дело касалось принципов – а их она имела немало, и все они были безупречны. Работая в школе учителем начальных классов и нежно любя своих многочисленных «деток», Жена уже с обеда появлялась дома, чтобы нести вторую любимую вахту – усейногоочага, где ее заботами царил сверхъестественный уют и порядок. Она относилась к семье, как к великому служению, подходя творчески к каждой, на первой взгляд, рутинной обязанности, проявляла таланты незаурядного художника и дизайнера – и все это незаметно, никогда не выставляя напоказ и не напрашиваясь на похвалу. Потому что художник в доме был один – ее муж Скульптор. Она же, лая порванную им дорогую рубашку или маскируя невыводимое пятно на новом платье дочки, с нестандартным вкусом вышивала на пострадавшем месте замысловатый вензель или авторскую розу – и все признавали, что вещь после починки стала не как новая, а гораздо красивее. Но Жена относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся, ни разу никто

не слышал от нее вполне бы подошедшего к случаю: «Посмотрите, как у меня получилось! Здорово, да?» Но она ничего такого не говорила, поэтому Скульптор просто молча надевал починенную рубашку – ему и в голову не приходило, что на свете бывает иначе – а дочь, наутро хватая обновленное платье, быстро влезала в него, выдыхала: «Прелесть!» - и летучий чмок в щеку становился для Жены главной наградой.

Скульптор взял ее уже практически старой девой и с тех пор долго и мучительно любил. Любил, как часть самого себя. Хотя и были они почти ровесники, любил, как маленькую девочку, осторожно перебирал ночью хрупкие косточки под ночной рубашкой, целовал острые позвонки на куриной шейке, зарывался лицом в пушистые, травами пахнувшие волосы... Она с готовностью отзывалась на ласку – но ласкалась только как трогательный ребенок или грациозная кошечка – но никогда как страстная женщина. Первые годы он не торопил события, боясь оскорбить ее проявлениями открытой мужской похоти, зная, что у каждой женщины – свой срок пробуждения. Он даже находил поначалу умилительным этот ее неизменный холодок, ее прохладное смирение в минуты ярких взрывов его страсти, ему даже где-то нравилась сомнительная игра, где он неизменно являлся скверным животным, а она оставалась вечно добродетельной и чистой, как хрусталь, полудевственницей. Перелом в его отношении вызвала она сама, когда однажды, в те неконтролируемые пронзительные секунды, которые так скоротечны, но так хочется продлить их хотя бы на полмига, вдруг с ледяным раздражением отстранилась от мужа и страдальчески пробормотала: «Ну, скоро уже?! Сколько можно...» - лучше б она в него выстрелила... Он оставил ее в то же мгновение – и в течение последующих двух дней смотреть в ее сторону и разговаривать с ней не мог. Самое поразительное, что Жена обиделась: в ее голову просто не помещалось понимание того, как страшно ранила, предала она своего мужа в наисокровеннейший момент...

Потом отлегло, конечно – и настал черед научно-популярной литературы. Скульптор перечитал уйму целомудренных советских брошюрок, посвященных «гигиене брака», пытаясь найти там рекомендации ученых медиков по вытравливанию холодности из любимой женщины. Везде писали, что нужно «проявлять терпение и нежную настойчивость» - Скульптор только усмехался: однажды, когда на пятом году семейной жизни он осмелился после часовых изнуряюще-невинных ласк осторожно поцеловать Жену в маленький шелковый животик, она напряглась так, словно он грозил ее зарезать, а когда с рекомендованной «нежной настойчивостью» опустил губами на два сантиметра ниже – она взвилась с супружеского ложа, попутно заехав ему острой коленкой по лицу, и стоя в глухой ночной рубашке на безопасном расстоянии, закрыла горящее лицо ладонями. «Что ты делаешь... Что ты делаешь... Что ты делаешь...» - в самом настоящем ужасе шептала она в угол. Тут Скульптору впервые захотелось ее хорошенько треснуть... Он этого не сделал, но предложил пойти к врачу – должны же быть, черт возьми, и в Советском Союзе какие-нибудь

Золотое Слово-6

специалисты! «Но я же тебе никогда не отказываю... - прошептала Жена, все так же не поворачиваясь. – Тебе не в чем меня упрекнуть...» Так оно и было: она никогда не прикидывалась смертельно усталой, если муж начинал недвусмысленно тыкаться ей головой в плечо, не жаловалась на внезапную головную, зубную или пяточную боль – нет. Она покорно поворачивалась к нему и закрывала глаза. Она была уверена, что дело жены, находясь на одинокой чистой вершине, – «снисходить» до мужа, «уступить» ему и «допускать до себя», чтобы не вынудить ненароком на какие-нибудь левые похождения. От чего ей лечиться? От собственного целомудрия?

С той ночи Скульптор на святость Жены больше не посягал, а любовь постепенно превратилась в жалость. Она по-прежнему оставалась для него самым близким и родным человеком, советчицей и другом все больше устающей души, но только настоящая, взаимно радостная близость может стать фундаментом будущей неразрывности, когда, познав друг друга до самого доньшка, можно уже и отказаться от прискучивших совокуплений, выполнивших полностью свое назначение... Но необходимого этого фундамента они так и не заложили – и семья их потихоньку оседала и крошилась, как дом, не имеющий прочного основания...

«Налево» он, конечно, ходил не раз и не два, и даже не десять. Ни к кому не привязывался, увлекался легко, еще легче – расставался, а Жена никогда ни о чем не спрашивала. Он приписывал это ее закономерному попустительству: семья в сохранности, выходные и отпуск – вместе, гости-друзья – общие, дочка при родителях... Так бы, может, и устоялось, если б однажды не появилась в его жизни Подруга.

Чтобы серьезно влюбиться в женщину, Скульптору необходимо было ее сначала зауважать. Случилось ему встретить у знакомых красивую, как Валькирия, художницу, работавшую почти только маслом, причем сурово, по-мужски подвижничая. Пейзажи, например, она писала исключительно с натуры, никогда не позволяя себе халтурить с фотографиями или легкими набросками, а, в прямом смысле пополам согнувшись под здоровенным этюдником и рюкзаком, непреклонно и без малейших жалоб взбиралась едва ли не по альпинистским тропам, чтобы поймать и написать горный рассвет или найти и увековечить поляну загадочных эдельвейсов. В девяносто третьем она оказалась с оружием в руках в рядах защитников Белого Дома, была потом зверски, почти до инвалидности, избита и, возможно, изнасилована победителями – но не посвятила остаток жизни бесплодному саможалению и зализыванию ран, а к лету закончила огромное, шесть на четыре, многофигурное полотно под названием «Победа», где, не убоавшись возможных репрессивных последствий, изобразила расстрел истерзанных спецназовцами женщин – с ликующей толпой освобожденного от чести и совести уже не советского народа на заднем плане...

Преклоняясь перед женственностью, Скульптор ненавидел дамскость – и этого порока в своей Валькирии не видел. Он любил ее маленькие жесткие руки, без

следов маникюра, потрескавшиеся от скипидара; знал, что она может, при случае, запустить лихим матерком в обидчика и не побрезгует стаканом самогона, если предложит друг; любовался блестящими, цвета теплой соломы, волосами, доходящими до копчика; в страсти она кричала, не закрывая глаз, и невидящие зрачки ее расширялись, совершенно похищая обычно прозрачно-голубой раек; и столько желанной ласки непринужденно, как имела право только жена, Подруга дарила ему даже мимолетно, что он все больше и больше уверялся с каждым днем: да вот же она. Все так просто: вот она – навсегда.

Пока он решался на объяснение с Женой – «Давно посторонние... годы спим в разных комнатах... дочь выросла и уехала... чего ради... можем обрести счастье с другими...» – добрые люди, как водится, его опередили, и разговор начала Жена. Такого оборота событий он предположить не мог даже в кошмаре.

- Какой позор... Господи, какой же позор... - страшным шепотом повторяла она, вперив остановившийся взгляд непосредственно в кафельную стенку на кухне. – И ты мог – ты... Какая низость... С блондинкой-профурсеткой... Боже мой... Боже мой... Изменять мне... Гнусно, тайно... – и с кем? Да что же это творится... Какая грязь! Как же теперь жить... И это – ты, ты...

Скульптор совершенно растерялся. Чего это она несет? Какие еще изменения, если он двадцать лет к ней не прикасался? Ну, почти двадцать... Не могла же она рассчитывать... Он пристально глянул ей в лицо и понял: могла и рассчитывала; более того, была уверена в его лебединой верности. Ему стало жутко: ну и дела...

- Я думала – у нас семья, - продолжала между тем Жена, все так же стеклянно глядя в пространство. – Я думала – я могу на тебя опереться!

- И правильно думала! – горячо воскликнул он, цепляясь за соломинку. – Всегда могла и всегда сможешь! Но тут ведь другое, Господи, ну пойми же ты! Ты мне друг, единомышленник, опора! Ну не получилась у нас семья! Не выгнанцевалась! Разные мы, не подходим друг другу! Разные, понимаешь? Ну что теперь – врагами становиться?

- А с той – одинаковые? – угрожающе тихо спросила она.

Он задумался, внимательно оглядел ее – непредставимо тонкую в коричневой водолазке и узких джинсах, красивую даже в слезах до умопомрачения – и такую навсегда потерянную... И вдруг сказал Жене то, чего еще не говорил Подруге:

- Нет. Но я ее, кажется... люблю...

- Потому и изменил мне? – слабым голосом спросила она – и тут началось форменное безобразие.

Внезапная холодная злость подбросила Скульптора с места, он схватил и вывернул, едва не сломав в один прием, хрупкую, словно птичью, лапку – и отшвырнул Жену к стенке с посудными полками, тотчас отзывчиво посыпавшими на пол звонкие цветные чашки.

- Су-ука!!! – заревел он. – Ты что думаешь – я тебе тут двадцать лет монахом жил?! Что баб не имел,

Золотое Слово-6

сколько мне надо было?! «Дорогой, я тебе никогда не отказывала...» Да лучше б ты меня по морде била – хоть честнее!!! Хватит, хватит, сыт я по горло твоей добродетелью! Я люблю женщину – грешную, чувственную, человечную – нор-маль-ну-ю!!! Ну, давай, ударь меня, прояви ты хоть напоследок какую-нибудь страсть!!!

- Довольно, - Жена глянула на него с искренней брезгливостью – как на раздавленного червяка – и тихо двинулась в сторону двери. – На этом у нас с тобой всё.

И уж будьте уверены, как она сказала – так и сделала: переехала в дом своего детства и пропала из его жизни на целых пять лет – но там, *наверху*, поношение непорочной весталки не прошло незамеченным. Безнаказанным его решили не оставлять – и, дав лишь несколько лет походить на длинной привязи по изумрудному лугу и слегка откормиться, отправили на только чуть отодвинутый во времени убой. Валькирия не изменяла Скульптору тайком: для этого она была слишком благородным человеком – поэтому, когда полюбила другого, так и объявила, без лишних мерхлюндий – и ушла, не оглядываясь, не давая липовых обещаний дальнейшей, все равно никогда не возможной в таких случаях дружбы.

Лет через семь приятель открыл для Скульптора ее сайт у себя на компьютере – и с первой же страницы глянуло совершенно незнакомое, вширь раздавшееся грубое лицо много и нехорошо пожившей старообразной женщины, обрамленное стриженными жесткими патлами неопределенного цвета; разглядел он и узловатые трудовые руки с короткими твердыми ногтями – и что он тут целовал когда-то в таком безумии, скажите на милость... Он не стал рассматривать ее новые работы, не заинтересовался заманчивыми, вероятно, «предложениями»... Этой женщины он не знал и узнавать не собирался, но в тот день окончательно умерла в нем и другая – та, что была когда-то светлой и грозной Валькирией его судьбы...

* * *

Скульптор понял, что заснуть ему сегодня не предстоит – и решил, чтобы время не уходило впустую, не тратилось на зряшные, но все равно по сей день болезненные воспоминания, заняться чтением Гостыиной статьи. Сел за компьютер чин чинном, удачно открыл искомый документ с первого раза – и пропал. Еще читая, понял, что Гостья по сути своей никакая не журналистка-неудачница, а самый настоящий одаренный, если не сказать выдающийся беллетрист. Впрочем, может, он смотрел сквозь призму нового мощного чувства, властно захватывающего все существо – но сладкий морозец бежал у него вниз по хребту, когда он читал не статью – какая там статья, что за неопределенное, плоское слово! – а увлекательный, полный живых подробностей, художественный рассказ о себе самом, увиденном другими, пронизательными и сочувствующими глазами. Неужели он успел действительно это все ей рассказать? Например, ошколеинтернате на Крестовском, где учились ленинградские

сироты, а они, благополучные «домашние» детки из трехэтажных бараков, презрительно называли их «инкубаторскими» и с жестоким детским хохотом швыряли в них куски угля через высокий забор... Или о своем единственном за всю жизнь, близком, почти что кровном друге, обретенном в Академии и обещавшем превратиться со временем в русского Микеланджело – но банально и унизительно погибшем в двадцать три года от рук пьяных хулиганов на неизменно криминальной Лиговке... Несколькими уверенными, сильными мазками Гостья увековечила его память – и на глазах у Скульптора впервые за много лет выступила подозрительная горячая влага... В статье мелькнул, словно быстро глянул из угла, даже Червонец, совершенно справедливо определенный ею не как пошлый домашний любимец, а как почти равный товарищ на жизненном пути художника... Гостья писала, разумеется, о Скульпторе, о его жизни и работе – с традиционными лирическими отступлениями и экскурсами в прошлое – но за четкими компьютерными строчками независимо ни от чего вставал и ее собственный, глубоко индивидуальный, харизматический образ.

Сердце Скульптора бухало тяжело, часто и мягко, когда он встал из-за стола и пустился вдруг нарезать круги по комнате, как старый неприкаянный пес, чувствующий приближение опасного шторма. На него, нежданная и непрошенная, надвигалась последняя, испепеляющая любовь: это он вдруг понял точно и неотвратно. Любовь, несущая смерть – это тоже стало почти ясно. К молодой еще, сильной, витальной, как сама природа, жаждущей жизни и властно берущей ее, талантливой женщине. Женщине, которая, не задумываясь, возьмет его себе, если вдруг пожелает, мимоходом присоединит к внушительной коллекции жертв, несомненно, имеющейся в памяти сердца и тела – иначе откуда такая самоуверенная, победительная манера обращения с малознакомым мужчиной и даже с его котом? Она получит от него все то самое последнее мужское, что он с восторгом отдаст ей, самое мощное, острое – наипоследнейшее... И останется от него – оболочка. Катастрофически быстро хиреющая, отягощенная пока игнорируемым, но грозящим вскоре превратиться в ужас геморроем, одолевающей все чаще и чаще всеобщей гипертонией, полным холодильником бесполезных снадобий, призванных продлить все более и более никчемное существование... Потом заведется где-нибудь подлый рачок-убийца – и пожалуйста: омерзительная дырка в боку с подвязанной баночкой для фекалий... А женщина спокойной и плавной своей походкой соблазнительницы пойдет себе дальше, к новой обязательной победе, с гордостью неся на поясе очередной лысоватый скальп...

К вечеру так ни минуты и не поспавший Скульптор уже мог считаться невменяемым. Прижав к себе несколько ошалелого, но, в общем, снисходительно отнесшегося к неожиданным хозяйским антраша кота, он метался по квартире, задевая готовые скульптуры, укоризненно глядевшие со всех сторон. Кому-то не пригодившиеся, а своего создателя неизменно радовавшие. Но не сегодня. «К черту! – повторял он,

Золотое Слово-6

будто его заклинило. – Ко всем чертям собачьим!» - но отчего-то еще дальше послать Гостью даже мысленно не решался, хотя обычно, да наедине с собой, в выражениях особенно не стеснялся. Проглотит – и не заметит, убеждал он себя в сотый раз. Преимущества – молодость, обаяние, имеющееся в наличии обширное будущее – на ее стороне... На ее! А в нем – на сколько еще хватит мужеского, когда и так одни поскребьши остались? Ведь уже отчетливо холодеет кровь, и он скоро – через пять лет при самом оптимистичном взгляде на вещи! – превратится в старую жабу, противную и никому не нужную... Останется только сдохнуть в гостеприимном хосписе среди других таких же вдоволь намыкававшихся бывших мачо, гремящих баночками в веселеньких, говорят, коридорах... И что она – рядом останется? Возьмет его стынущую руку и прижмет к груди? Отлетающей души коснется теплыми губами? Да ни в жизнь, даже представить смешно, ха-ха... А вот Жена, кстати – возьмет... И коснется, если надо. И глаза ему закроет, и отпоет, как положено, и на пожизненное поминовение в монастыре разорится... Все такая же худенькая, между прочим, все так же напоминает фигуркой молочного козленочка – ну, а к лицу можно и не приглядываться... А у Гостьи, если подумать, климакс тоже не за горами, и там уж, при ее склонности к полноте, ее разнесет так, что она в дверь станет пролезать боком... Впрочем, этого он все равно не увидит: она бросит раньше... Всё, всё, всё, всё... Похорохорился напоследок – и будет... Что там народ говорит про беса в ребро? Правильно народ говорит, на то он и народ... Дурак тот, кто не прислушивается к вековой мудрости...

Скульптор запил две таблетки снотворного водкой, смутно соображая, что рискует при этом жизнью, но залихватски пойдя на риск, и около полуночи его будто косой скосило прямо на неразобранном диване – и уволокло в черный омут непроглядного беспамьяства.

Когда он проснулся – нет, это слово, конечно, не подходило, скорее, очнулся от затяжного обморока – солнце уверенно лупило ему прямо по глазам сквозь незашторенное окно. Значит, снова подморозило... Интересно, там случайно не Восьмое марта сегодня? Или он его благополучно прохлопал и никого из знакомых женщин не поздравил? Да и фиг с ними, переживут как-нибудь... Вчерашняя буря утихла в нем совершенно – и он лежал, как раздавленная виноградная улитка после летнего дождя, с отвращением обоняя собственный кислый запах стремительно стареющего тела, провалявшегося полсуток в пропотевшей одежде... Надо же, хрен старый, а туда же... Телефон зазвонил, как всегда неожиданно, и Скульптор сразу понял что это она. Кто угодно мог звонить – и родственники какие-то водились на заднем плане, и знакомыми за жизнь оброс, как ракушками корабль – а вот не сомневался: она – и все тут. Но теперь он знал, что делать. Сухо уронил в трубку:

- Слушаю, - это вместо обычного своего жизнерадостного «Алло!»

Голос, далекий и теплый, сразу напомнивший капель под солнцем, тотчас отозвался:

- Это я...

Откуда она знала, что может и должна быть для него теперь просто «я», а не по имени-отчеству? Как смела это знать?

- Я звоню поблагодарить вас, - продолжала Гостья своим солнечным голосом. – За весь наш разговор, за эту ночь, которая в чем-то примирила меня с жизнью. Спасибо вам. Вы – настоящий...

Скульптор еле перевел дыхание: вот сейчас... если хоть какую-то слабину... то – сорвется и покатится... стремительно... в бездну... ну уж нет...

- Пустяки, - ответил сурово. – Не обращайтесь внимания. А сейчас извините меня, я занят. Очень срочная и сложная работа. Всего хо...

- Пойдите! – ее крик ударил почти отчаянным недоумением, голос сразу сорвался. – А моя... статья... Вы еще не... или...

- Читал, - сдержанно сказал он. – Написано грамотно. Можете печатать, а теперь изви...

- Подождите же! – вскрикнула Гостья, будто он ее ударил. – Фотография... У меня фотография ваших родителей... Я ведь должна отдать... привезти... Вы сами сказали...

Да, фотография... Про нее он забыл совершенно – а лишиться не хотелось бы... Конечно, нужно забрать – но только не сейчас, а когда утихнет насовсем... Может, через кого-нибудь, потому что увидеть Гостью еще раз...

- Это не к спеху, когда-нибудь при случае вернете, только не потеряйте, - раздраженный собственной несообразительностью, буркнул он. – У меня руки в глине, можете вы это понять?! Вы сейчас – мешаете. Пр-рошу пр-рощения, - последнее вышло и вовсе оскорбительно – ну да ничего, лучше уж так, чем...

Он тяжело оперся на телефонный столик и перевел дух. Вот и все. Больше она не появится. Слава Богу – пронес. Действительно, надо посмотреть, что там с глиной... Складки Петру Аркадьевичу на пиджаке поправить, что ли... Это уж последние штрихи. Хорошо получилось. Ай да Пушкин, ай да сукин сын...

Гостья приехала на следующий день без всякого звонка – предательски заголосил домофон, и Скульптор опять охнул: она – и сразу засуетились злые мысли. Ну и хватка у бабы, ничего не скажешь... Не так-то просто от нее будет отделаться... Раз палец дал – теперь руку до плеча откусит... Сейчас вот сказать ей: я, мол, вам подъезд открою, так бросьте в почтовый ящик... Или еще лучше: я не один, принять не могу – и пусть кушает... Или это уж совсем хамство? А не хамство приезжать вот так, как снег на голову? Ведь она же ему никто... Нахалка, вот что... - все эти соображения бойко провернулись в нем в нем еще до того, как он ответил на домофон и точно узнал, кто стоит внизу – мог быть и дворник, в конце концов... Но отозвалась Гостья – робко, извиняючись:

- Простите ради Бога, я тут в выставочный зал по работе ездила и захватила фотографию... Вы, может быть, хотите, чтобы я ее в почтовый ящик опустила?

Он не решил для себя – верит ли ей. А может, и правда – она просто щепетильный порядочный человек, возвращает ценную вещь, затерять ее боится, а он, осёл

самодовольный, накрутил себе: хватка, наглость... Просто хорошая женщина, жена и мать, одаренная журналистка, никакая не охотница за скальпами... И сейчас он выставит себя полным невежей и сволочью, не заслуживающим не то что такой гениальной статьи, но и вообще доброго отношения...

- Ну что вы, зачем... - пробормотал сконфуженно. – Поднимитесь на минутку.

Но когда увидел ее тревожные глаза на словно осунувшемся за двое суток лице, понял: никакой ошибки не было, эту женщину в нем что-то зацепило, он не получит по физиономии даже если вот прямо сейчас обнимет ее без слов и начнет целовать – но только тогда уже нельзя будет оторваться – ни сегодня, никогда. Он с этим и в гроб ляжет. А она?

- Огромное вам спасибо, - внушительно сказал Скульптор, забирая в дверях из теплой руки белый конвертик от диска. – Очень признателен, что потрудились привезти. Очень. Но я работаю. Прошу меня извинить.

Гостья убито кивнула, отступая в пыльный лестничный свет – и вдруг словно растворилась в нем вместе с голубоватым мехом коротенького пальтеца, кольцами светлых волос, бегущих по воротнику. Скульптор прикрыл дверь, и в тот же миг все оборвалось в нем. Вот теперь она ушла навсегда. Он тут издевался над ней, в мужественного героя играл, а она взяла и ушла. И все.

Червонец боднул его твердой черной головой в ногу – Скульптор вздрогнул, глянул на кога и быстро спросил, будто рассчитывая на ответ:

- Думаешь - ...?

Но сам он уже не думал – рванулся в чем был на лестницу, заметался по площадке и, увидев, что красная кнопка лифта горит, поскакал с девятого этажа вниз, ускоряясь с каждым прыжком, так что боялся не затормозить вовремя и врезаться лбом в бетонную стенку... Загадав на лету: «Если догоню, то... то все будет хорошо...», он вырвался из подъезда, будто его там убивали, теряя и кое-как цепляя обратно тапки, пронесся по узкой ледяной дорожке до угла – чтобы как раз успеть увидеть едва заметные на ярком солнце габаритные огни ее безнадежно далеко отъехавшего серенького «оппеля». Визитная карточка Гостьи лежала у него дома вместе с другими в элегантной коробке из-под английского чая – но в этот момент он уже знал, что позвонить ей никогда не посмеет...

Когда осторожно, чтоб не завалиться на бугристом льду – да головой об дом, оглушенно брел к своему близкому подъезду, знакомая серебристая «Самара» вновь оказалась где-то на обочине зрения. Равнодушно отметил: «А все-таки пасут гады какие-то...» - но это было последнее, что могло огорчить его в ту и без того горячайшую минуту...

Гостья уехала недалеко

и теперь плакала в машине, кое-как припарковавшись на Среднеохтинском. Жизнь в очередной раз летела под откос – впрочем, роковые эти откосы она уже считать устала. Да и были это, наверное, не откосы, а уступы в отвесной стене той главной пропасти, куда она начала стремительный полет еще двадцать три года назад – и все меньше и меньше шансов оставалось на то, что она сможет ухватиться за что-то спасительное раньше, чем придется вдребезги расколошматиться о каменистое дно... Скульптор не ошибался: Гостью он зацепил намертво с первой же встречи. Просто, рассматривая себя в зеркало и морщась от омерзения, он инстинктивно применил и к ней извечные мужские критерии подхода к влюбленности, не приняв в расчет, что женщина видит не внешность мужчины, а сразу замечает и оценивает то, что за ней стоит. В Скульпторе, чье лицо Гостья, пожалуй, помнила только в очень общих чертах, угадывалась хорошая родственность, словно души их где-то в забытых, но родных местах кроились по одному сложному, изгибчивому лекалу. По возрасту он годился ей в отцы, причем даже не в очень-то молодые папаши, и это тоже исподволь подкупало: собственный отец, как водится, всю жизнь бесплодно промечтавший о сыне-наследнике, холодно и подчеркнуто равнодушно относился к двум нежеланным дочерям. Вдобавок, если старшая еще оставляла родителям надежду на долгожданного мальчика в будущем, то рождение второй дочери – а ею-то и посчастливилось оказаться Гостье – сокрушило все отцовские чаяния, потому что задумываться о третьем чаде в двухкомнатной «хрущобе» считалось попросту нереальным: еще одного ребенка там элементарно некуда было девать. Гостья не ощущала себя «женщиной-дочкой» по натуре, но сначала смутно чувствовала, а потом, проанализировав, и поняла, что ей серьезно не хватает в жизни авторитета старшего, дружески расположенного мужчины, тем более что ровесники обоего пола казались ей невыносимо ограниченными, ее поражала чуть ли не животная узость их сознания, и в их присутствии она отчаянно, почти неприлично скучала. Она убить порой готова была симпатичную женщину, при знакомстве клявшуюся ей в вечной любви к художественной литературе – и потом у себя дома с гордостью демонстрировавшую трехметровую высоты стеллажи, тесно стоявшие вдоль длинных стен и битком набитые глянцевыми журналами из киосков и серийными изданиями, писанными не очень дружными, судя по местам «скрепки», бригадами «литсотрудников». Еще больше она начинала ненавидеть мужчину, который, судя по разговору и обхождению, сулил оказаться тончайшим, умнейшим и прочувственным другом, а потом обращался банальным и безыскусным самцом, не желающим ни знать, ни чувствовать ничего, что находилось дальше головки его зрегированного фаллоса. Гостью всегда

Золотое Слово-6

поражает тот странный факт, что человеческое отношение мужчин к ней заканчивалось с первым поцелуем. Он словно смывал все то ценное, душевное и трепетное, что было наработано до первого сексуального контакта – и дальше оно становилось ненужным и неважным, а целенаправленно осуществлялось лишь то, ради чего, собственно, и весь огород городился...

Люди на поколение старше казались другими, действительно более чистыми и понимающими – или, во всяком случае, они теперь попросту могли себе это позволить, в свое время насытившись плотскостью и закономерно возжелав высоких чувств... Две встречи со Скульптором потрясли ее, словно приоткрыли дверь в тот мир, где она впервые могла быть сама собою, говорить, что думает и ощущает, инстинктивно зная, что не встретит упреждающей агрессии... Она, конечно, видела и мешки под глазами, и глубокие морщины от носа к губам – но вместе с тем ясность и честность его глаз, бесхитрость слов и поступков, прямоту и откровенность суждений. Он был невероятно мужественным даже в своих погрешностях, да еще и простодушно стремился педалировать это качество, проявляя особую грубоватую заботливость, которая в сочетании со стеснительной нежностью, то и дело прорывавшейся в жестах и улыбках, становилась все неотразимее с каждой минутой... И еще этот его друг-котейка – как специально – просто сводник какой-то с человеческими глазами и повадками развратно-ласкового мужика... Гостья влюбилась. Она не начала еще думать о будущем, а начав, ужаснулась бы, как и Скульптор, подумавший о нем сразу – но, внутри себя зная, что ужаснется, гнала прочь даже малейшие проблески таких мыслей, как беспечный купальщик, слыша далекий гром и видя неяркие еще вспышки у горизонта, не торопится выйти из теплого озера, которому вскоре суждено забурлить под ливнем и принять в себя миллионы вольт стреляющих с небес голубых молний... Зато она представляла, как он будет целовать ей лицо, бережно держа его ладонями, как станет срывать его хриплый шепот у ее губ, она даже знала, какие именно слова он скажет в эти минуты – самые простые на свете, которых она никогда ни от кого не слышала... Она и сама знала, куда будет целовать его: в крошечный вертикальный белый шрамик над уголком рта справа... Интересно – другие женщины тоже с ума из-за этого сходили? Не может быть, чтоб она первая заметила. Или может? Откуда шрамик, кстати, – из детства, из армии? С ним тоже связана какая-нибудь неприятная история? Она это узнает и... зацелует... Вот так вот. А потом Скульптор внезапно взял и выгнал ее, не пустив даже на порог. Испугался того будущего, о котором она не желала ничего знать, или просто... она ошиблась? Может, на самом деле и не было с его стороны никакого радужного всплеска, окатившего ее тысячей ярких хрустальных капель? Может, это был только *ее* всплеск – и уж, конечно, не в горный чистый ручей ступила она, а, как всегда, в грязную лужу, окатившую помоями? Неужели почудилось? А на самом деле она вовсе не в его вкусе, он терпеть не может эдаких знойных «пышечек» и называет их жирными коровами – просто расслабился

занятой человек, обретя доброжелательного слушателя, поговорил о сокровенном – мало ли с кем не бывает! А потом, видя, что она начала навязываться вроде как в друзья или сомнительные подруги, – неприятно удивился и постарался отвалить побыстрее, и все дела... Ничего невозможного... Короче, дура. Толстая, никчемная дура. Слезы смывали с ресниц комковатую тушь, и две небольшие черные речки несли свои быстрые соленые воды вниз, вниз, прямо в шелковую шейную косынку...

Вот уже без малого шестнадцать лет они с мужем жили в разных комнатах. Собственно, настоящую комнату он джентельменски оставил ей, потому что как раз тогда, после похорон девочки без косы, выяснилось, что Гостья опять ждет ребенка, и отправить жить в чулан пусть ненавистную, но все же от него беременную женщину бывший офицер Советской Армии как-то не сумел, вырвав на остатках бывшего благородства. Вместо этого он разгрузил их поместительную кладовку от ненужного хлама, устроил там что-то вроде вентиляции и оборудовал для себя спартански обставленное и увешанное черно-белыми портретами одного и того же детского лица помещение для сна и одиноких тяжелых дум. Ей осталась бывшая супружеская спальня с широкой тахтой, давно позабывшей о тех радостных и славных делах, которые когда-то на ней вершились, старинным трельяжем розового дерева, очень мешавшим когда-то родителям в ее родном доме и спихнутым ей в качестве свадебного подарка, и обширным письменным столом о двух мощных тумбах, на котором в начале века поселилось и разрослось до неведомого колена сложное компьютерно-принтерное царство, необходимое для ее работы. Входили туда только мальчики, восьмимесячными вынутые один за другим из ее многострадального лоно посредством милосердного кесарева сечения: неспособная избыть запредельно кошмарные воспоминания о своих первых родах на акушерско-фельдшерском пункте в таежном поселке, Гостья истерически отказалась рожать еще раз самостоятельно. Она была счастлива, когда ей сообщили после наркоза, что оба разнояйцовых близнеца – здоровые мальчики: по крайней мере, ни у кого из них не вырастет в будущем толстой, в руку, темной косы...

Ее муж считал, что прекрасно знает, как именно надо воспитывать сыновей: защитниками Родины они должны быть – кем же еще? Он ошибался в этом вопросе так же точно, как и многие родители, мечтающие реализовать несбывшееся в своих детях, развернуться в них во всю ширь когда-то искусственно зауженной собственной души. Дети обязаны это воплотить, особенно мальчики – так считают отцы. Матери считают иначе: дочь должна стать счастливее, чем я – а уж что ей нужно для счастья – это позвольте мне решать, я мать и лучше знаю... Другими словами, пусть дети не рыпаются, а приходят на готовое... Гостья была категорически не согласна с такой точкой зрения, но голоса в семье она не имела: он не только не засчитывался, но и вообще не имел права звучать – с того далекого дня, когда однажды она взяла в руки острые портновские ножницы – и использовала

Золотое Слово-6

их не по назначению... Все семейные репрессии в отношении нее были вполне справедливыми – и Гостья со стоическим смирением принимала свою пожизненную отверженность, тем более что идти все равно было некуда... Но это была запретная тема для воспоминаний, та хорошо охраняемая непроходимая зона, где протянуты красные лазерные лучи, которые, если их только вскользь коснуться, мгновенно приводят в действие во всех направлениях нацеленные самострелы – и там уж ты бьешься в судорогах под жалящими со всех сторон пулями, желая лишь, чтоб они скорее дошли до сердца...

Муж Гостьи в качестве военного человека не состоялся. Очень хотел отдать всю мужественную жизнь родной Армии – как сделали его отец и дед, на которых он искренне равнялся, но... остаться на своем посту в середине девяностых посчитал унижительным превращением в холуя, не служащего великой и ясной цели, а подло прислуживающим у стола, где высокомерно пируют исподволь захватившие власть ухмыляющиеся враги... Выйдя в отставку, он быстро нашел себе место в военизированной охране, а лет через десять уже руководил всей службой безопасности серьезного и почти непотопляемого банка. Работу холодно ненавидел, но выполнял по-военному честно и споро и, когда показалось ему, что впереди у Родины забрезжил давно ожидаемый им рассвет, понимая, что возврата в Армию для него не существует, решил хотя бы бестрепетно принести ей в жертву самое дорогое: двух соответственно выпестованных сыновей... Для того следовало сначала превратить их в настоящих, а не только биологических мужчин, в первую очередь оградив от тлетворного влияния *Этой...* – иначе он жену за глаза не называл, а в глаза уже шестнадцать лет звал полным именем – и то в самых уж необходимых случаях. Давно бы уже он ее из дома своего без всякой жалости изгнал – да понимал, не тупой же: дому нельзя без хозяйки, а детям без матери, да и вообще – пусть учатся примеру его к ней отношения, что такое женщина в этом мире и какова ее унижительная при торжествующем мужском племени роль – чтоб не угодили потом в хищные когти *Какой-нибудь...* Как он в свое время... Пусть спины не разгибает – обстирывает, готовит, подает и убирает, а потом – в свой угол, и чтоб не высовывалась. Раньше по-другому считал, разговоры с ней разговаривал умные... Доразговаривался...

Мальчишек еще с детсадовского возраста лично поднимал он в половине шестого любого утра – и ненавязчиво жаркого июльского, и колочее темного декабрьского. Вместе с ним они делали четвертьчасовую зарядку, получая чувствительные подзатыльники, если начинали хныкать с недосыпа и звать к маме, а потом летом в одних трусах, а зимой – в тренировочных костюмах бежали на получасовую пробежку по району, прерывавшуюся на школьном стадионе, где от века вкопаны были железные брусья. Там он следил, чтобы парни подтягивались без халтуры, всякий раз подбородком касаясь перекладины – а если вдруг не касались, то себе дорожке выходило: такое подтягивание отцом не засчитывалось, и вместо него требовалось сделать полноценных два... Особенно

жестко наказывал за любые проявления душевной слабости. Однажды младшего (четыре минуты у них разница была, а сказывалась все-таки), не одолевшего сорок обязательных отжиманий от колючего мелкого гравия и пустившего по этому поводу позорную слезу, несильно, удар хладнокровно рассчитывая, бил под ложечку до тех пор, пока тот *не перестал плакать*. «Ты что, баба? – повторял тихо и размеренно. – Бабой хочешь быть, да?» Страшнее ругательства, чем эта злосчастная «баба» сыновья его не знали, и скоро перестали удивляться, периодически слыша от отца в адрес матери презрительное: «Да чего с бабы взять...» Они – не бабы, это мальчишки прекрасно усвоили, а мать – баба. И быть на нее похожими – страшнее ничего в жизни мужчины не бывает... Они – будущие офицеры, им эти сиропы с лимонадом заказаны...

Старший отца боготворил и слепо, как девчонка-подросток у эстрадной звездульки, перенимал у него все, что перенималось: манеру ходить, ставя носки твердо и прямо, медленно цедить слова сквозь зубы, держать вилку, как ложку, сплевывать, презрительно щурия глаз, склонять при разговоре набок лобастую голову, и, демонстративно не замечая мать, сидящую за компьютером, швырять ей на кровать грязные, подлежащие стирке джинсы...

Младший никому не подражал и держался спокойно, в стороне от матери – но и от отца тоже. Гостья долго подозревала, пока не убедилась окончательно, что очень не по душе ее любимому (старшего не любила совсем) сынку ни суровое будущее, назойливо навязываемое отцом, ни настоящее, исключавшее любое тепло, предписывающее отталкивать даже материнскую ласкающую руку... «Доласкалась уже один раз. Больше не дам», – тихо и грозно произнес однажды муж, видя, как жена прижала было на минуту к животу светлую головенку младшенького, после зимних пробежек под мокрым снегом схватившего полновесную, до полусмерти испугавшую ее ангину. Но сын все равно до самой юности находил момент, чтобы хоть мимоходом – но приласкаться к своей никем, кроме него, не любимой матери, понимая, что делает запретную, непозволительную вещь: ласкается к опущенной и вечно виноватой, не стоящей никаких добрых чувств «бабе». Следует отдать справедливость Гостьиному мужу: никаких таких категорических запретов он вслух никогда не произносил – но все вытекало из самого семейного уклада, заведенного отцом и покорно воспринимаемого матерью. Значит, так и нужно – давно сделали закономерный вывод сыновья, только для старшего он оказался приятным и правильным, а младший чувствовал всю его несообразную уродливость и боролся в меру скромных силенок, хлопал подрезанными крылышками... Гостья грустно целовала его прохладный лоб и осторожно подбрасывала кусочек послаще... Это все, что она могла теперь сделать доброго, вполне заслужив, как сама себя давно и успешно убедила, в свое время все, что теперь происходило с ней под этой крышей.

Квартира детства, где была до сих пор пописана, для Гостьи давно стала чужой: хохотушкой-школьницей она делила маленькую девичью комнату с мишками на

Золотое Слово-6

розовых иокрывальцах со старшей сестрой-букой, но та первая вышла замуж, привела к себе бездомного мужа, и Гостья была с поспешной небрежностью переселена за ждановский шкаф в комнату еще не старых родителей, где и обреталась до самого дня своей свадьбы. Уйти на съемную квартиру можно было уже давно, но сделать это Гостья не могла сначала из-за обоих сыновей, мысли о которых рвали душу, а в последние годы только из-за младшенького: ей было отчетливо ясно, что вдвоем отец с братом доведут его, может, и до витой петли, и если кто и сможет спасти его от неминуемой чуждой и противной участи или даже ранней гибели, то это она. Только неясно было, как именно.

Раньше, пока сыновья были маленькими, она как-то приспособивалась. Ее крошечным личным раем стала жалкая съемная дачка в ленинградской области, куда, даже без особенных ее просьб – лишь бы только убрать с глаз долой, муж ссылал ее с двумя подростками слегка детьми на лето. Несмотря на то, что на ниве охранной деятельности он быстро постиг ту истину, что за целостность своих лоснящихся от довольства шкур заинтересованные особи готовы платить не скупясь, муж придерживался той справедливой точки зрения, что на ведение хозяйства никогда не следует выделять избыточной суммы, ибо весь туманный «избыток» нелюбимая жена немедленно потратит на собственные нужды. Пусть лучше приучается к разумной экономии и никогда не забывает, что тратит чужие деньги, заработанные потом и кровью и выданные ей под отчет отчасти из милости... Но, приблизительно представляя себе достаточную сумму на месячное проживание в городе, он демонстративно не желал брать в толк, что у пары стремительно растущих, худых, как жеребята, подростков, с утра до вечера не тихо просиживающих за скучной партой, а занятых такими гораздо более интересными и полезными, но изнуряющими делами, как гонки на велосипедах, мотание на тарзанках, купание в мелкой быстрой речке до полного посинения, – и аппетит вырастает в геометрической прогрессии. Четырехлитровая кастрюля наваристого борща и чугунная латка калорийного жаркого не держались и полутора дней – и это при том, что мальчишки, невероятно спешащие, кем-то под окнами всегда поджидаемые, дробным вихрем врываясь на террасу, беззастенчиво потрошили старый пузатенький холодильник, поедая бутерброды с колбасой и сыром в астрономических количествах – и еще мимоходом утаскивали их для поддержания сил немощных сотоварищей... В результате сумма требовалась ровно вдвое большая, чем молча выдавал муж – но заикаться об увеличении довольствия было бесполезно: «Надо – заработай, - бросал он через презрительно приподнятое плечо. – А то привыкла, что все на халяву достается...» Он, разумеется, прекрасно понимал, что заработать летом, находясь на дачном хозяйстве, ей нечем и негде, да и зимой в городе с ее профессией – проблематично, но эти минуты давали ему пусть небольшое, но удовольствие от общения с женой – хоть унижить ее лишний раз – и то целебным маслом текло по незаживающей ране... И вскоре Гостья перестала это удовольствие ему безропотно доставлять. Она знала,

что ей теперь нужно для полного счастья: пакет муки, пакет риса, немного воды и соли, кило репчатого лука, чуть-чуть растительного масла и букетик зелени с хозяйской грядки... На эту-то роскошь средств хватало даже в конце месяца – а она приноровилась и в середине, и в начале так своевольничать...

С раннего утра, едва двойняшки, нетерпеливо проглотив по обязательному стакану парного козьего молока с драниками, бомбами ссыпались по крутой лестнице со второго этажа – и только она их и видела – Гостья повязывалась архаичным платком до бровей, влезала в хозяйкины резиновые сапоги на три размера больше, прихватывала из сеней одну из многочисленных круглых корзин – и отправлялась в близлежащий лес за грибами, количество которых в их замечательной местности странным образом не зависело от того, считался ли год «грибным» или нет. С начала июля уже всюду золотились среди палой хвои и ярко-зеленого, почти неестественного мха вездесущие лисички, торчали ровными полусферами шляпок крепкие, налитые сыроежки. С августа в строгой последовательности возникали сначала скромные, ничего из себя не строящие подберезовики на длинных, словно испачканных землей ножках, за ними вылезали, целеустремленно буравя коричневый дерн, тугие и прохладные, смущающей формы темно-оранжевые подосиновики, и уж потом, к пятнадцатым числам, долгожданные боровики орастали своим важным и торжественным появлением давно с истерической надеждой залезавших под каждую стелящуюся по земле еловую лапу грибников...

Гостья собирала их все, пропадая в лесах и рощицах по четыре, пять и даже больше часов – но то острое счастье, которое она испытывала в своих одиноких походах, вовсе от грибов не зависело... Давным-давно ей случилось прочитать в популярном журнале о любопытном медицинском случае: делая пациентке полостную гинекологическую операцию, врач вдруг с изумлением наткнулся на некое плотное, чуть ли не известковое образование у нее в брюшине – и заодно удалил его тоже. Гистологическое исследование показало, что подозрительный объект являлся чем-то вроде капсулы, содержащей в себе давно затвердевший гной и... рваный червеобразный отросток слепой кишки. Должным образом расспрошенная, пациентка рассказала, что несколько лет назад, находясь в какой-то далекой экспедиции, где от ближайшей медицины отделяли сотни километров равнодушной тайги, она почувствовала сначала тупые, а потом и резкие боли в животе – но, кроме как массируемыми атаками анальгина лечить их в тех условиях было нечем. И народное лечение помогло: боли постепенно утихли, оставив лишь периодические неприятные ощущения в животе... Только спустя несколько лет случайно выяснилось, что в сибирской тайге с ней случился гнойный перитонит, обаянный привести к смерти, но потерпевший парадоксальное поражение. Потрясенный организм мобилизовался в условиях крайней надобности и заключил излившийся в брюшину гной в плотный непроницаемый кокон, тем самым защитив себя от неминуемого истребления... Эта всего лишь

Золотое Слово-6

любопытная для других людей статья имела для Гостьи первостепенное значение, потому что такой же кокон, сотканный из неизвестной метафизической материи, она давно носила в душе, и содержал он орудия всех попыток на свете – но, прежде всего, острые портновские ножницы... Гостья ощущала этот твердый угрожающий кокон в себе всегда, даже во сне, он шевелился и предсказуемо – и совершенно неожиданно, потому что ассоциаций, приводивших его в движение, оказалось гораздо больше, чем она думала тогда, вначале, когда он только что образовался... Ну, ножницы, ну, коса, ну, менингококк... Это она поняла бы... Но не всё же... А оказалось, что всё.

Кроме леса. Там она кокона не чувствовала. Там она – пела, потому что у нее были средние слух и голос, а также далеко не средняя память, удерживавшая, как вдруг выяснилось едва ли не сотни прочувственных песен, которые она пела себе, собирая грибы. Она знала наизусть почти всех сколько-нибудь значимых русскоязычных бардов, несчетное количество самых странных романсов столетнего возраста и даже, как оказалось, псевдонародный репертуар нескольких голосистых певиц со старых виниловых пластинок. Не мудрено: в детстве у них с сестрой в комнате стоял передовой стерео проигрыватель... Грибы Гостья собирала как бы и мимоходом – но, вернувшись и постепенно начиная вновь ощущать известковое образование в душе, она все равно весело готовила рисово-луково-грибную начинку для пирожков – и, ловко переворачивая, жарила их, маленькие и аккуратные, на двух огромных, как противни, деревенских сковородах.

В обед грачиной стайкой налетали сынки с вечно голодными друзьями и, галдя и толкаясь на тесной дачной кухоньке, расхватывали горячие пирожки своими шершавыми, никогда вовремя не мытыми лапами в неизменных цыпках. Вот тогда она вспоминала, что такое счастье – особенно, когда младший, забывший на лето о тяжелом взгляде отца («Большой Брат видит тебя» - это безотказно действовало в городе), сгоряча бросался к ней на шею, называя «мамусечка» - и никто не спрашивал его, хочет ли он стать бабой...

Таких счастливых лета она прожила два – и окрепла внутренне, подобралась, почти готовая к отпору – или нет, пожалуй, даже к опережающему прыжку... Ей бы еще одно оживляющее лето... Но муж ревниво разглядел вдруг, что с осени дети непринужденно болтают с мамой о своих делах, не проходят высокомерно мимо, как он показывал своим навязчивым примером, и даже кто-то из них осмелился однажды оспорить его непререкаемый отцовский авторитет, пропишав нечто на тему о том, что «...а мама нам разрешала...» Словом, все лето с бабой провозжались – сами на осень бабами стали... Это следовало пресечь, пока не зашло невозвратно далеко.

Он и пресек. Начиная со следующего года дети отдыхали три месяца по путевкам в достаточно дорогих и престижных спортивных лагерях, где любой «бабий» дух мгновенно перешибался духом казарменным. Оба вместе однажды чуть не утонули в глинистом карьере с родоновой водой прямо на глазах у ответственных

воспитателей и вожатых, беспечно отправивших питомцев в заманчивую голубую воду и озоботившихся приготовлением обязательного на природе шашлыка... Четверть часа, мучительно захлебываясь, отчаянно выныривая и вновь обреченно уходя ко дну, братья спасали друг друга из кипящей воронки меж бурных белых ключей, Божьей милостью выплыли, и потом всю жизнь каждый из них искренне считал и рассказывал всем на свете, что спас жизнь другому, рискуя своей; судя по всему, они были правы оба...

С того дня, когда это случилось, Гостья отпустила себя на волю. В то время она уже внештатно сотрудничала в нескольких журналах и выгодно редакторствовала на дому в хозрасчетном издательстве, обеспечивая свои человеческие и женские потребности, на которые очень редко удавалось выкроить (вернее, украсть, если быть уж совсем честной) средства при той унижительной подотчетности, которую дома ввел ее супруг. Она уверенно позволяла себе теперь и приличную одежду, и более или менее невредную косметику, и редкие посиделки в кафе с ненадежными приятельницами – близкие подруги в ее жизни как-то не держались... Это были первые робкие шаги в человеческую жизнь – а потом из пестрого и мутного журналистско-писательского круга общения стали вычлняться поначалу с возмущением отвергаемые, потом постепенно заинтересовавшие жадные мужские лица...

Замужняя женщина с двумя детьми – всегда удобная любовница, от которой вряд ли можно ожидать каких-нибудь пугающе-радикальных требований, всегда рано или поздно предъявляемых озабоченными незамужними дамами, изо всех сил стремящимися превратиться в законных и уважаемых жен. Мужчины Гостью не боялись, а она не боялась их, заведомо неспособных причинить ей сколько-нибудь чувствительное горе: кокон из метафизически жесткой ткани, так никуда из души и не девшийся, надежно защищал ее от мелких укулов разбитой любви или обманутых надежд. Она шла на легкие связи мстительно-просто, с удивлением думая о забавной уверенности мужа в том, что, после всей той медленной казни, в которую он превратил ее жизнь, она уже никогда не расправит крылья, так и оставшись навеки в положении приговоренного на эшафоте, растерянно стоящего у плахи в те неопределенные минуты, когда палач небрежно отвернулся от него, ненадолго отложив законную расправу ради какой-нибудь собственной сиюминутной надобности.

Нет, вне дома, в гостеприимном социуме, Гостья теперь давно уже не чувствовала себя полупрощенной преступницей. Прошло несколько лет – и она даже начала смело задумываться о возможности прихода в ее вполне теперь созревшую душу обновляющей и воскрешающей любви. Настало время – и она готова была принять за нее любую подлую свою или чужую страстишку, в любых с интересом обращенных на нее глазах с уверенностью читала предсказание при дверях стоящей любви – и с открытым забралом и распахнутым сердцем доверчиво шла навстречу очередной пошлой случайной связи, неизменно

Золотое Слово-6

оставившей после себя мерзкое послевкусие, словно после изнурительной рвоты... Горечь наполняла душу, заставляя разубеждаться в возможности хотя бы подобия гармонии на этом неверном попрании для нее лично. Все потеряно, отрезано-таки теми ножницами, навеки застрявшими в душе – и не суждено ей пережить даже такой простой и многим самым немудрящим людям доступной вещи, как безоблачная ночь любви... Были ночи разнузданного секса в алкогольном остервенении, приуроченные к суточным дежурствам мужа, с последующим обморочным сном и некрасивым и неудобным просыпанием рядом с ненужным и случайным чужаком, или горькие ночи без сна за спиной кратковременно любимого, но равнодушного, лишь снисходительно пошедшего навстречу человеку, или ночи, прошедшие в раздражении на чью-то докучливую, но не встретившую ее равнозначного отклика страсть... Мнимые совпадения случились только два раза – но и они не принесли ожидаемого ровного счастья, имея отчетливый привкус украденности и конечности...

И конец закономерно наступал. В первом случае животно страдавшая жена Гостыниного возлюбленного подкараулила ее у дома, держа в руках маленькую бутылочку со зловеще-прозрачной жидкостью – и, каким-то дремучим чувством угадав в этой бутылочке свой земной конец, Гостыня внезапно совершила легкоатлетическое чудо, невольно побив, вероятно, мировой рекорд по бегу на короткую дистанцию. Она стремительно проскочила в свой подъезд и захлопнула его перед самым носом лишь на долю секунды отставшей соперницы. А любимый, которому, захлебываясь ужасом и рыданиями, она через четверть часа рассказала по телефону о немислимом происшествии, сразу и безоговорочно объявил о своем невмешательстве в их «разборки». Как похолодевшая Гостыня безошибочно определила по легкой самоуверенности тона, он даже некоторое своеобразное удовольствие получил от всей ситуации, доказавшей ему самому и его дружескому окружению, какую ценность он, как выясняется, представляет собой для немощного пола. Вот ведь как крут оказался – бабы из-за него даже кислотой друг друга поливают! Избежав поливания кислотой, Гостыня приняла на себя отрезвляющий ушат воды...

Во втором случае друг оказался давно разведенным и очень сочувствующим. Он водил Гостыню под руку по осеннему Александровскому парку в Петергофе, многозначительно прижимая ее восприимчивый локоть к своему теплему боку, и едва ли не плакал настоящими слезами, слушая ее щемящее-откровенные рассказы о быстро и бестолково идущей мимо жизни. Он сокрушался, обнадеживал и обещал. Пусть она забудет этот кошмарный сон, она святая и ни в чем не виновата, он ее, конечно же, трагически недостоин, но если она снизойдет – он поможет ей пробудиться для того солнечного счастья, которого она единственно достойна; долой, долой предрассудки – он достанет ей лучших адвокатов, отсудит детей у изверга-отца и с радостью станет им новым папой – самым любящими терпеливым; она – как солнце, взошедшее над его безнадежной жизнью и, разумеется, единственная

женщина, сумевшая проникнуть в недоступные другим глубины его ранимой души... Он читал витиеватые вирши собственного сочинения и неожиданным тенором на грани дисканта – хотя в жизни, как будто, говорил достаточно уверенным баритоном – исполнял под гитару наиболее душещипательные из бардовских песен. Дискант ей пришлось принять как данность и простить, но других недостатков Гостыня в любимом долго не видела: он даже ухитрился, единственный из всех ее разномастных мужчин, сделать ей приятный подарок в виде довольно пристойного серебряного браслета с камнями.

Но, к сожалению, камни в серебре, как клад в шкатулке, лежали на той заоблачной вершине, выше которой возлюбленный уже не взлетел. Целых три года после этого продолжались самые заманчивые обещания – и находились самые непреодолимые препятствия к их исполнению. Все решительные действия откладывались совсем недалеко – на ближайшее и доступнейшее будущее, до которого каждый раз рукой было подать, но которое всегда оказывалось волшебным образом недостижимо... Любовь эта рассосалась сама собой, как давний и уже безболезненный синяк на месте сильного застарелого ушиба...

Снова нанизывались одна на другую необязательные, но порой необходимые, как стакан водки после мороза, интеллигентные связи с долгими обнадеживающими разговорами о вечности, но длящиеся от месяца до трех – в зависимости от того, как скоро происходило и насколько взаимно удовлетворительным оказывалось всегда грязноватое соитие. Потом в течение смутной недели Гостыня уже давно не с болью, а с приевшейся тоской ждала, вся настроенная на мобильник в кармане, иногда мимолетно ранившего, а иногда и вовсе не поступавшего звонка... Время спустя все начиналось сначала.

Встретив Скульптора, она сразу поняла – одним из своих многочисленных чувств, далеко превысивших количество заветную цифру шесть – что на этот раз старый сценарий не запустится. Скульптор был *тот*, но не понял этого, а повел себя, *как все* – и это мучило больше всего. Кроме того, за него ей неожиданно с первых же дней жестоко пришлось заплатить.

До того все по местам расставившего дня Гостыня была с некоторых пор уверена, что муж вынужденно подарил ей ту же личную свободу, какую она давно уже безоговорочно предоставляла ему. Она самоуверенно полагала, что достаточно между делом проронить, будто встречается с мифической подружкой или ночует у родителей, чтобы вопрос о ее времяпрепровождении при более или менее длительном отсутствии даже не возникал у давно равнодушного мужа. Естественно, у него были – и не особенно скрывались – женщины, как постоянные, так и разовые, и Гостыне казалось, что и от нее требуется лишь соблюдение внешних приличий, да и то подразумевается без слов, что все условности необходимы только для святого обмана растущих сыновей, и отпадут сами собой по миновании надобности. Оказалось, что муж и в мыслях не держал никакого ее в этом отношении равноправия.

Звоня Скульптору из своей комнаты в то яркое

Золотое Слово-6

воскресное утро, когда была наполнена восторгом от их платонической, но, казалось, такой многообещающей ночи, Гостья слышала, конечно, как муж ее топает и гремит на кухне и в коридоре, но ей и в голову не приходило, что он может заинтересоваться одним из многих ее пустяковых телефонных разговоров – но до него, верно, долетело что-то недвусмысленное. А может, просто чутьем, присущим любому хищнику, почувал он, что здесь пахнет *настоящим*. Не мелкой интрижкой, обещающей оскорбить падшую жену еще больше, еще верней поставить ее на подобающее место, а чем-то великим – спасающим, ограждающим и вызволяющим. Тем, на что, как давно и навсегда ясно ему было, она не имела никакого морального права.

Впервые за много лет он ворвался в ту комнату, куда ему давно не хотелось даже заглядывать, и, без звука подскочив к Гостье, с глупым видом сидевшей у стола и плящущейся в пикающую трубку, схватил за длинные ненавистные волосы и с размаху ударил ее лицом о дубовую столешницу. Она дико закричала и вывернулась, но он с радостью увидел, что жидкая малиновая юшка почти что струей ливанула на все ее подлые бумажки, раскиданные по столу. Он хотел добавить ей еще и ногой под сучьи ребра, да на крик прибежали оба парня из своей комнаты... При них мать избивать все-таки не рискнул – мало ли, какотреагируют; за старшего не боялся, а вот младший... Баба и баба, сколько не выколачивал. Но не смог отказать себе в злом удовольствии сплюнуть в ее сторону и сурово пояснить оторопевшим ребятам: «Ваша мать – б...., как все бабы. Поняли, как б...ей учат?»

«Ничего, - сказала себе Гостья, неловко поднимаясь с пола и избегая смотреть в сторону застывших сыновей, боясь увидеть в их глазах не беспомощное сострадание ей, а молчаливую поддержку отца, особенно у младшего. – *Это* – ничего. Зато я теперь, кажется, люблю... Люблю, раз могу страдать не от этого...»

Статья, написанная про Скульптора, удалась ей особенно удачно: ничего удивительного, когда пишешь о любимом мужчине, чье расположение требуется незамедлительно завоевать; но и про все остальные ее большие и малые произведения смело можно было сказать, что их создание являлось самым любимым в ее несчастной жизни занятием. Собственно, ничего другого она делать и не умела: хозяйство шло через пень колоду, от воспитания детей она оказалась практически отстраненной, а дружеских связей надолго не хватало из-за патологической Гостьиной лени. Дружба, как и любовь, требует немалых усилий души и отнимает странно много времени – хотя результат, разумеется, стоит потраченных сил. Но на то, чтобы душевные силы, как и деньги, грамотно тратить, блюдя в этом отношении особо щепетильную бухгалтерию, Гостья попросту не хватило: много случилось безвозвратных потерь на рубеже опрометчивой юности...

Компьютер, хранящий в своем таинственном нутре более сотни ее мини-рассказов о реальных, подчас совсем незаметных людях, с которыми каждый мог столкнуться на улице, или, наоборот, о личностях-гигантах, подлежащих немедленному

увекочиванию, стал самым верным и надежным другом Гостьи. Вместе со всеми этими людьми, которых она неустанно расспрашивала под диктофон и без, Гостья путешествовала аж до обоих полюсов, они порой становились ее проводниками в канувшее прошлое лучшей всякой машины времени. Фотографии, что они щедро дарили или она сама делала иногда, в экстазе увлечения даже ложась на пол или на землю, если того требовал вдохновенно изобретенный ею ракурс, заслуживали отдельной полновесной выставки, призванной отобразить грандиозность чужих судеб и неохватное величие Божьего замысла в отношении самой совершенной и самой отвратительной из Его творей...

В таланте Гостьи имелся один значительный дефект – а может, и достоинство, смотря с какой стороны посмотреть. Наделенная фантазией, сравнимой по бурности только с весенним цветением Земли, она, тем не менее, начисто была лишена способности придумывать *из головы* персонажи и события, умея опираться только на твердый фактологический материал. Все люди, о которых она писала, действительно жили теперь или раньше на белом свете, все события произошли именно так, а не иначе, именно в той последовательности, как описывала Гостья. Когда ее просили что-то додумать от себя – ее обычно непринужденный язык заправского борзописца мгновенно немел, путался, и начинал косноязычно изрекать бедные и тусклые плоскости... Она убедила себя, что именно такая постановка словесного дара, организованная свыше, как, например, талантливый педагог ставит руку начинающему музыканту, и есть самая правильная из всех. Что проку плести сложные речевые кружева на коклюшках бесплодной фантазии, создавать искусственные мини-вселенные, населенные говорящими фантомами, обрекаемыми жестоким автором на запредельные страдания или фальшивую радость? Хорошо, если все это просто канет в тот же мутный омут, который затягивает ночные кошмары и мечтания – а ну, как оживет и материализуется в каком-нибудь невидимом до поры до времени, но реально существующем соседнем малоприятном мирке – и сошлют тебя туда – не пожизненно, а *навечно* – в компанию тобою же безответственно сочиненных и жаждущих мщения гомункулов?

Толстые дорогие журналы со знакомыми шеф-редакторами во главе охотно печатали Гостьины отчетливо талантливые эссе, но сотворить себе полноценную карьеру можно только прибавшись к одному изданию и войдя в его либо дружный, либо раздираемый распрями штат. Когда Гостья осмелилась заикнуться мужу о своем возможном выходе на любимую работу, он тяжело глянул на нее исподлобья своими мутно-серыми, как у хряка, глазами и медленно, грузно произнес: «Я и так все эти твои ночные писульки терплю только до тех пор, пока от них нет ущерба моим парням. Работающая баба детям не мать. Понятна мысль? Или хочешь, чтоб растолковал? Я это умею, ты знаешь».

Превратить свою жизнь в жаркий филиал ада Гостья тогда предусмотрительно не решилась,

Золотое Слово-6

зато, хлопотливым грызуном провозившись с месяц, причесала-подкрасила свои наиболее удачные эссе о современниках и собрала их в солидную книгу, немедленно же разослав рукопись по перспективным издательствам. Сразу два из них, равновеликие и равновесные, отозвались доброжелательными голосами в телефонной трубке, и осталось только выбрать то, которое больше понравилось названием – других критериев ей не предоставили. И выбрала она, разумеется, неправильно, заключив договор с наиболее благозвучным, которое, не сумев выжить в жесткий кризис восьмого года, было проглочено здоровущим прожорливым концерном и аннулировало все свои незапущенные вовремя проекты. Чувствительная редакторша, полгода состоявшая с Гостьей почти в личной уже компьютерной переписке, на прощание сентиментально прослезилась. Можно было бы продолжать целеустремленные искания и дальше, и, возможно, все еще и образовалось бы к всеобщему удовольствию, но первоначальный пыл у Гостьи поутих, как утихает со временем не оправдавшая душевные затраты влюбленность...

В любом случае, тогда, после школьных выпускных экзаменов, профессия была выбрана верно. Уже много лет Гостья с легким умилением вспоминала, как на творческий конкурс журфака, ничтоже сумняшеся, притащила жирный трепаный рулон школьных стенгазет, где несколько лет протрудилась бессменным «собкором», художником и выпускающим редактором – и ее не выгнали с позором вон из-за того, что ни одной настоящей публикации – даже в «Пионерской правде» – у нее не было, а неожиданно зачислили на первый курс тогда еще ленинградского Университета... Тайну своего зачисления Гостья так никогда и не разгадала: на вступительных экзаменах она недобрала целых два балла и в день зачисления, ее, как она искренне считала, не касавшийся, пришла с убитым видом лишь для того, чтобы забрать не пригодившиеся документы. В списке зачисленных она заглянула без всякого интереса – и вдруг ноги отчетливо ослабели: она увидела свою простую русскую фамилию и столь же распространенное имя, которые вместе могли принадлежать какой угодно счастливце – но не вкупе с ее невероятным отчеством: Гостья была ни больше, ни меньше, а Илларионовна... Четверть часа спустя, заполняя в деканате многочисленные необходимые для принятых на факультет анкеты, она обратила внимание, что на обложке папки, заключавшей в себе поданные ею документы и экзаменационный лист, чьей-то уверенной и явно *имевшей право* рукой цифра, означавшая итоговую сумму набранных баллов, была исправлена на другую, необходимую для поступления... Кто был этот добрый волшебник? Почему он решил дать незнакомой девчонке ничем не заслуженный шанс? Он никогда не явил себя за все пять лет обучения, не потребовал никакой благодарности, не оказал больше никакого покровительства... Но вот один раз вмешался – и обеспечил Гостье не только получение желанного диплома, но, будто наперед прознав общую безрадостность предначертанной ей судьбы, организовал светлую щелку в наглухо закрытых

ставнях той виртуальной комнаты, в которой ей потом пришлось жить. За его здоровье Гостья неизменно ставила в церквях свечки. «А имя его Ты, Господи, и Сам знаешь...» – всегда говорила она при этом...

Между тем дела у нее дома обстояли все хуже и хуже: она оказалась в родной двухкомнатной квартире самым настоящим уже не «третьим», а шестым лишним. Сестра ее ютилась в их бывшей детской со своим хмурым мужем и невероятно писклявой новорожденной девочкой, сорокапятiletние родители, любившие друг друга и вовсе не стремившиеся прекращать свою богатую сексуальную жизнь из-за присутствия за шкафом семнадцатилетней студентки, тоже постоянно выражали раздраженное недовольство. Во всяком случае, ей предписывалось «искать мужа с квартирой» и, похоже, к концу пятого курса дружная, но припертая к стенке унижительным «квартирным вопросом» семья уже готова была выпихнуть младшую дочь хоть в пещеру к неандертальцу – только бы избавиться хоть от одной из многочисленных донимавших проблем...

Курсант-выпускник знаменитого тем, что располагался в здании бывшего Третьего отделения, но совсем не престижного военного училища, с которым Гостья познакомилась у каких-то случайных приятельниц, внешностью далеко не отталкивал. Наоборот, его можно было рисовать на красочных плакатах, изображающих самых мужественных и готовых только к победам защитников социалистического Отечества. Сероглазый пшеничный блондин с квадратной челюстью майора Пронина, с традиционной косой саженью в плечах, упорно и многозначительно молчавший, он ухаживал за Гостьей с туповатой настойчивостью и не допускал и мысли о ее возможном отказе. Ехать одному на место далекой службы – учился он так себе, а влиятельными покровителями не обзавелся – парню мучительно не хотелось, потому что ничего привлекательного в изнуряющем онанизме над контрабандным затасканным порножурналом он, как разумный человек, не видел, да и вообще жизнь предпочитал ясную, чистую и правильную – с надежной женой-другом и не менее чем с двумя крепкими советскими детишками. Жене, разумеется, предстояло стать не только другом, но безотказно восторженной любовницей, а, следовательно, внешность играла роль едва ли не первую.

Он терпеть не мог гремящих костями на всех углах скелетообразных красоток нового времени, а предпочитал девушек с впечатляющими диаметрами обеих важных окружностей – и тут Гостьины тициановские размеры пришлись ему как раз по душе. Решил завоевать – и точка. Отступать он не привык, ибо считал себя настоящим, а не опереточным мужиком.

Была ли Гостья влюблена? Поначалу ей казалось, что да. Кроме того, та основательность, с которой суровый курсант ухаживал – то есть, по раз и навсегда кем-то утвержденному сценарию – априори означала самые серьезные намерения из всех возможных. В проштампованный сценарий входило обязательное первичное приглашение в кино, скромный букет на первом свидании, пешая прогулка в красивых питерских сумерках до ее дома, утренний звонок с обстоятельным

Золотое Слово-6

рассказом о недавно прочитанной мудрой книге и последующим приглашением уже рангом повыше – в труднодоступный театр, куда еще нужно было ухитриться достать два билета в бельэтаж... По мере развития событий дело закономерно доходило и до первого поцелуя – почему-то обязательно в подъезде – но пока что руки целующего скромно касались только спины лобызаемой девы. Там не за горами было уже и церемонное представление жениха растроганным родителям в прихожей с непременно виднеющимся на заднем плане через гостеприимную дверь столом, накрытым для чаепития, с ужасающим блюдом эклеров по центру. Совсем скоро гремел над летней Невой марш Мендельсона для пышной и белой, как зефирина на свадебном торте, смущенной невесты и накануне произведенного в офицеры озабоченного жениха, неизвестно, чем больше гордившегося: то ли двумя свежезолотыми погонами, на которые по очереди счастливо косился, то ли все-таки теплым и воздушным чудом в кривой фате, с надеждой уцепившимся за его новенький зеленый рукав...

Спустя месяц на секретной точке в тайге их было восемь человек: ее серьезный тугодум-муж, бойко, но бестолково руководивший всем этим неполным отделением, насмешливый сержант-сверхсрочник, по-настоящему командовавший всеми, включая и своего розового лейтенанта-командира, пяти рядовых, вырванных Родиной себе на службу из крупных областных ВУЗов и оттого к ней категорически непригодных, и ее, молодой неприкаянной жены, две недели как беременной, по каковой причине мучительно блевавшей под каждый куст...

Мужа она к тому времени уже прочно и безнадежно разлюбила – да и раньше не особенно обольщалась перспективой их показательного брака, почти не скрывая от себя, что просто неловко сбежала с его помощью из утратившего былую надежность родительского гнезда. Даже пять рядовых-студентов казались теперь привлекательнее законного супруга, сразу приобретшего все хрестоматийные черты самого банального солдафона. Вот отрубят они треклятый срок на таежной точке, закончат свои интересные институты – и превратятся в чудных трудовых интеллигентов, инстинктивно чурающихся кампании дубоватых военных... Не рожать бы – может уехала бы с одним из них... А теперь...

Для образованных ребят из приличных семей ее плачевное положение с самого начала не являлось никаким секретом. Недаром сговорились они из своих пеших командировок в ближайшее село за двенадцать нелегких километров, куда сержант еженедельно отправлял одного солдатика по неотложным нуждам их маленького дружного сообщества, приносить ей в качестве гостинца то десяток малосольных огурцов, считавшихся на точке деликатесом, то кружку квашеной капусты от самой опрятной бабушки в пределах досягаемости. Они бы таскали ей и редкие по красоте цветы из ставшей почти родной тайги, да боялись непредсказуемой реакции своего строгого командира. Так и осталась Гостья без таежных цветов: муж ее, почитая свою программу-максимум по ухаживанию

успешно выполненной, больше до гостинцев и букетов не снисходил: жену баловать – себе на шею посадить. А шея ему, чтобы умную голову держать, пригодится...

До райцентра, где существовала амбулатория и больница, и куда раз в месяц ответственно отвозил молодой лейтенант свою отяжелевшую жену на обследование, в страшную ночь ее родов они не успели добраться. От первых неясных схваток до судорожных потуг, превративших Гостью в бесстыдное в нечеловеческом страдании животное, прошло не более двух стремительных часов, в течение которых они доехали только до акушерско-фельдшерского пункта. Ей было уже все равно, и явно приближившаяся смерть – чья угодно – своя ли, ребенка ли – выглядела желанным островом сказочного блаженства. Все что угодно – мать родную, государственную тайну, христианскую душу – она отдала бы в тот невероятный час за избавление от убийственной боли...

Несентиментальная, корявая, как старый пенёк, акушерка, вынутая из стародевичьей постели на окраине мертво спящего села, только положив ей одну руку на бугристо-шевеливающий живот, сочно выматерилась:

- ..., спиной ведь идет,...!!! Сейчас оба содохнут!!!

- Чего?!! – обернулся от столика с инструментами позеленевший от такого известия до той минуты меланхоличный худосочный интерн в роговых очках, безжалостно сосланный родным мединститутом по распределению в, как теперь оказывалось, совсем неромантическую глушь; его руки крупно затряслись и губы запрыгали, но какой-то рисунок из учебника по акушерству за четвертый курс все-таки, вероятно, встал перед глазами. – Над-до... п-плодоразрушающую опер-рацию... Б-б-б-быстро... - тут комсомолец шустро и неожиданно правильно перекрестился: - Г-господи, п-помилуй Ты нас, грешных, п-пожалуйста...

Сам-то он младенца шадить не собирался, а милости просил исключительно для себя – но молитва дошла до черных здездастых Небес.

- Иди ты – плодоразрушающую... - акушерка решительно отодвинула растерянного доктора твердым острым бедром. – Ща поворот на ножку спворим, чай не впервой... Камфару приготовь, олух Царя Небесного...

Истерически-дикое «Не-ет!!», утробно испущенное начинающим эскулапом, было последним, что успела услышать Гостья меж собственных не менее варварских криков, а в следующий миг, пополам разорванная уже не земной, а явно преисподней болью, она стремительно низвергнулась в непроницаемую бездонную бездну долгожданного обморока...

Из бесчувственного тела была за ножку извлечена и очень быстро отшлепана по маленькой синей попе до первого крика крошечная и уродливая, но, насколько это вообще возможно после такого катастрофического появления на свет, здоровая девочка. Бог судил ей выправиться в безупречную красавицу, отрастить косу длиной и толщиной в собственную руку, прожить целых пять лет и под корень срубить жизнь родной матери. Но сначала ей предстояло быть насмерть полюбленной своим суровым отцом.

А Бетховен с Нельсоном не дремали

с того самого дня, когда белый от переживаний Бетховен еще до рассвета примчался к другу домой и, путаясь в словах, поведал, как случайно встретил Мразя на открытии второразрядной художественной выставки – да еще в качестве кого! В качестве скульптора-участника! Новость была настолько архиважной, что Бетховен пренебрег даже неписанным правилом, установленным в том доме его железной хозяйкой Верочкой – никогда не упоминать при ее муже ничего, что связано с любыми формами изобразительного искусства, второй большой любви Нельсона, только, в отличие от первой, навсегда утраченной. Ну и что? В конце концов, у Бетховена вообще только одна любовь и была – музыка, и он ее тоже лишился... По милости Мразя...

- Ты уверен? – тихо спросил тогда Нельсон. – Не мог ошибиться? Ведь почти двадцать четыре года прошло...

Бетховен был уверен. Мразь по военкоматовской линии числился в списках пропавших без вести – и действительно, после того, что он спокойно (это оба друга отлично запомнили) совершил тогда, в августе восемьдесят восьмого, подавать о себе какую бы то ни было весть ему не было вовсе никакого резона. Он не мог быть уверен до конца, что в том последнем бою у зеркальной скалы погибли все ребята до единого – и тут уж уцелевшие его не пощадят; не идиот же – должен понимать ясно... А вот поди ж ты – имя сменил (Бетховен специально на табличке прочел), профессию новую обрел (может, из прежнего хобби выросла, кто знает), не усидел в Иране (или куда там рванул из-за скалы той) – припекло, видать, ближневосточным солнышком... Но рожу-то не сменишь... Сколько ему тогда было, когда капитанские погоны носил? Лет тридцать пять, а сейчас, стало быть, под шестьдесят... Выглядит старше, потаскан, ничего не скажешь – а что удивляться, жизнь и по нему БТРом проехала... Черты лица остались теми же, только темные оспины на висках стали четче и жестче, кожа обвисла, как у старого бульдога, внимательные глаза ушли глубже, оделись сеткой мелких и частых морщин – так это от старости, а взгляд тот же... Помнил Бетховен его взгляд – обманчиво-порядочный, вроде как искренне заинтересованный, чуть ли не дружеский...

На выставке Мразь его не узнал – иначе обязан был испугаться и на месте обделаться. Ничего похожего: скользнул по нему дружелюбной улыбкой, как ножом полоснул – и мимо потек, с каким-то бородастым типом обниматься полез... С обжигающе-колотящимся сердцем с виду вальяжно прогуливаясь по недорогому вернисажу, разглядел Бетховен и скульптуры его, понатыканные тут и там среди картин на вершинах грязно-белых параллелепипедов. Видел бы Нельсон что-то, кроме мутных полувцветных пятен,

он бы, конечно, лучше определил, но Бетховен и сам догадался: добротнo сделано, не на дурачка рассчитано. Лица у скульптур одушевленные, и глаза у них не пустые, как это обычно бывает, а словно бы бьется за ними напряженная, значительная жизнь... Надо же... и как в одном человеке такие крайности совмещаются? Тогда – пять десятков парней, глазом не моргнув, «дхам» на растерзание беззащитными сдал, а здесь, скажите пожалуйста, две глиняные блокадные бабули – а может, и девушки, шут их разберет – и одна из них с трагическим лицом играет на скрипке, а другая, скорбью исходя, слушает...

Чтобы совсем убедиться – или разубедиться – в своей правоте, Бетховен в отцовской «Самаре», давно у бати добровольно-принудительно реквизируемой, Мразя у выхода скромно подождал, гадая, сумеет ли потом в городе удачно выследить и по дороге не упустить, а выяснилось, что и упускать некуда: Мразь спокойно проживал себе в соседнем дворе в таком же длинном и неудобном блочном доме, в каком располагался и замурзанный выставочный зал, на девятом последнем этаже, окнами в торец и во двор: следи не хочу. Он это, кто же еще – позади конспиративно труся, определил Бетховен: и походочку узнал – вроде как невытравливаемо-подтянутую армейскую, а вроде и нагло-расхристанную: несоветскую, из того, «свободного», свободой своей уже сколько стран задавившего мира... Жест особый вспомнил, когда тот ключ из кармана доставал, чтобы в подъезд свой проникнуть – точно так же, бывало, и кобуру в свое время лапал... Ну, все. И из-за края земли вынимать его не пришлось для Нельсона: сам в руки летит, голубок, думает, срок давности вышел – и можно вновь русскую истрадавшуюся землю безнаказанно импортными ботинками на меху попирать. Не выйдет...

В отличие от Нельсона, двадцать четыре года назад свалившегося на любящие руки юной жены (а вот интересно, всегда думал Бетховен, будь Вера тогда не женой уже, а лишь невестой, - пошла бы замуж или сдрейфила, как Надька, даже на просьбы его рыдавшей перед ней матери не отозвавшаяся?), он себя инвалидом не считал, на шее у родителей с копеечной своей пенсией сидеть считал недостойным, и потому, еще в армии получив водительские права, вот уже двадцать лет профессионально «бомбил» питерские богатые улицы. Официальным таксистом, конечно, устроиться не мечтал: работодатели как видели слуховой аппарат («А что это у вас в ухе такое интересное?»), так и шарахались, будто от чумного; и то сказать: хорош таксист со знаком «глухой водитель» на заднем стекле... Частным клиентам плевать было – лишь бы довез, куда надо, подешевле – а обидный дефект свой со временем он так ловко научился прятать, что о нем не все и догадывались, многие просто за нелюдима держали... Чистую выручку делил по справедливости: две трети – матери на хозяйство, одну – себе, на баб тратить. «Ходоком» за это время стал еще более виртуозным, чем водилой, но пол женский ни во что серьезное в своей жизни не ставил: за цветной под ногами мусор держал – только жалел иногда, что в тот последний пыльный и солнечный

Золотое Слово-6

день перед армией на Надькин отчаянный призыв не откликнулся: может и по-другому все пошло бы, если б он так пренебрежительно ее тогда не отодвинул... А теперь – кто был у нее первым, кто станет последним – Бог весть... Ну, да уж как вышло...

Музыка не покинула Бетховена, снилась ему по ночам и – вот удивительное дело! – в снах своих он глухим не был! Он слышал и бархатно поющий драгоценный инструмент давно покойной Елены Ивановны, и собственный добротный, уверенно звучащий «Октябрь», и сотни концертов для фортепьяно с оркестром, где за фортепьяно, конечно, неизменно сидел он сам... Стало быть, слух ушел, был грубо вырван с корнями – а музыка сохранилась? Где, в каких глубинах его организма она продолжала волшебным звучать? В мозгу, в крохотном участке, отвечающем за память? Нет, *помнил* он и наяву, а во сне – *слышал*... И не только музыку, а и забытый голос мамы, мурлыкавшей ему, маленькому, безыскусные колыбельные, - голос, который он наяву давно позабыл совсем, а во сне узнавал безошибочно... Где теперь гнездились в нем утраченная музыка и дорогой голос? В душе? Значит, она все-таки есть? Присутствие ясно слышимой музыки в деревянно глухой голове доказывало существование бессмертной души почти неоспоримо...

Интересно, а у Мразя тоже есть душа? Есть? Ну, так пусть летит на Божий суд черным лебедем... Бетховен исправно, несколько раз в неделю, приносил Нельсону самые свежие сведенья о вражеских передвижениях по городу – простых и совсем не подозрительных: за продуктами ходил, пиво в ларьке брал, к заказчику на старой «Ниве» ездил, а потом чего-то «Самарой» заинтересовался... Бетховен не слышал, конечно, как тот приблизился – едва успел чуть ли не под сиденье нырнуть... Поосторожней теперь следить придется, не запаниковал бы «объект» раньше времени... Правда, однажды Мразь отчего-то выскочил из своего подъезда как ошпаренный, в одном свитере и тапках – а морозище был... Добежал до угла, посмотрел там на что-то – и домой трусцой, пару раз чуть на лед не сверзился... А так ничего особенного...

Столкнуть его под поезд в метро? – дни и ночи рассуждали Бетховен с Нельсоном. Нельзя, там везде камеры наблюдения понатыканы, не убережешься потом – самих на пожизненное отправят. Под электричку? Это нужно на глухом полустанке делать, а зачем туда Мразь попрется, разве что за грибами... А если не попрется? Отравить гада? А с чего это он с ними обедать сядет? Ладно, прикинуться заказчиками и пригласить на деловой ланч. Даже если он яркого Бетховена и не узнает (хотя почему – приглядится и вспомнит), то латаный-перелатанный Нельсон уж точно возбудит подозрение, а он непременно хочет в казни участвовать – и как его не понять... Да и где такой яд добыть, чтоб и без вкуса, и наповал? Станешь справки наводить – засветишься...

Утонченный Нельсон возражал против того, чтобы Мразя тихо укокошить – исподтишка и с оттенком подлости. Приговоренный не должен в последние секунды смертного ужаса посчитать

происходящее жестоким убийством или нелепым несчастным случаем. Он должен узнать, что его не убивают за тощий кошелек бессмысленные бандиты, а казнят добровольные мстители-палачи, казнят от лица не только своего, но и тех сорока восьми парней, что из серого ущелья и от подножия отвесной скалы, преградившей путь к спасению, улетели вверх – но не свободными, перламутровыми в рассветном солнце птицами, а страшным грузом-двести в рокошущем «черном тюльпане»... Зачитать ему приговор – и разрешить последнее слово сказать, если липкий язык шевельнется. А не шевельнется – пусть молча на коленях ползает. Но не безвинной жертвой умрет, а кровавым преступником...

- Значит, план такой!!! - мечась по комнате с выставленными вперед по давней привычке руками, раненым мамонтом ревел Нельсон, в надежде донести до друга хоть комариный писк сквозь драгоценную жемчужину слухового аппарата. – Ружье охотничье двустольное и к нему крупную дробь берем в квартире моего отца: мачеха не откажет, совру, что на память о нем, да и баба она невредная!! Покойник-то охотником был азартным, и на медведя случалось ему ходить! Лопату покупаем сами, место тебе придется заранее выбрать – чтоб поглуше!! Потом знакомимся с ним и приглашаем на рыбалку, грибы собирать – или чего он там любит!!! Тебе гримироваться придется, чтоб не узнал ненароком! В доверие надо втереться! Если он ничего не подозревает, то почему бы ему и не поехать?! Ведь одинокий же, никаких развлечений!! А там уже дело техники!! Завозим в лес на твоей тачке!!! Лопату и двустолку сначала в багажнике оставляем, чтоб не заподозрил до времени!! Делаем привал на выбранном месте, жратву достаем, вроде как пикничок задумали!! Я ему зубы заговариваю, а ты за ружьем бежишь! Как возвращаешься – ствол ему ко лбу!!! А я приговор зачитываю – то есть, наизусть, конечно, говорю! Ты палишь первый, да так, чтоб он не сразу окохурился!!! Чтоб я мог потом добить с твоей помощью!!! И все!!! Закапываем поглубже, землю ровняем – и все дела!!! Ну, детали мы по ходу дела обдумаем...

Какие там детали... Практичному Бетховену хитроумный план не нравился категорически.

- Не барышня я, чтоб знакомиться! Как я познакомлюсь, платочек уроню, что ли?! – огрызался он. – А и познакомлюсь – не артист: как такую сложную роль играть! Ведь это ж долго с ним возиться надо, чтоб он доверять стал и поехать согласился! Не сумею я! Догадается! И потом, как это – гримироваться? Даже не знаю, с какого конца за это берутся! На клоуна буду похож! В цирке! Что он, дурак, что ли? Или что – череп побрить, а усы-бороду, наоборот, отрастить подлиннее? Так вообще решит, что чечен, испугается и убежит! И, кроме того, если даже до машины дело дойдет – будь уверен, кто-нибудь увидит, как он ко мне садится! И номер запомнит! Так всегда бывает! А потом Мразь исчезнет – а свидетель прямиком в милицию... Нет уж, это извините, другое что-то надо придумывать! Шевели давай, Нельсон, своими извилинами интеллигентскими – ты у нас мозговой центр – по праву рождения. А я Консерваторию не закончил, так в рабском сословии и

Золотое Слово-6

остался, мне исполнителем быть... И глазами твоими тоже...

Глаза Нельсон предпочел бы иметь свои собственные. Хотя бы один – чтобы рассмотреть Мразя получше, не совсем уж на горячего Бетховена полагаться. Без глаз стопроцентная уверенность, как ни крути – а не обреталась. Ненависть вела его друга по не зарастающей тропке большой памяти, туда, в давний закат на чужой и враждебной земле, где свершилось предательское злодеяние, не отмщенное и поныне. Надо ли мстить за ту вечную тьму, которая многих ожидает после смерти, а его по чужой вине настигла при жизни, сомневался Нельсон бессонными ночами, осторожно вертеться рядом со спящей крепким трудовым сном женой Верой на горячей подушке. «Мне отмщение и Аз воздам», - строго предупредил его Бог в Своей главной книге. Но разве не через людей действует Он в этом несправедливейшем из миров?

Только под утро забывался неугомонный Нельсон, слушая, как на мягкой подстилке в прихожей старчески шумно сопит его верный и любимый друг, седой эрдельтерьер по имени Раджа.

Одиннадцать лет назад специально обученного пса-поводыря организовал для Нельсона Комитет ветеранов Афганской войны. Раджу учили грамотно и долго, два года, поэтому в дом к своему подопечному, о котором следовало теперь заботиться до конца короткой собачьей жизни, он попал уже вполне взрослым, первое время катастрофически скучал по прежнему хозяину, вовсе не догадываясь о том, что это был всего лишь профессиональный кинолог, призванный натренировать животное в нужном направлении, передать его инвалиду-афганцу и никаких сантиментов при прощании не испытывавший. Раджа, умный красавец-эрдель с черным курчавым чепраком, кирпичными подпалинами, мордой-саквояжиком и жаркими южными глазами, тяжело переживал измену первого друга-предателя, с месяц был ни на что не годен и Нельсона до себя не допускал. Второй курс дрессировки проводила Вера, которую Раджа быстро вынужден был полюбить, потому что она его кормила и выгуливала – да и вообще он ничего не имел против милых дам, ведь кинологом-изменником был мужчина. Сначала он вообразил было, что в качестве поводыря предназначен именно ей, и все порывался упираться, когда она невозмутимо волокла его через дорогу на красный свет, или, наоборот, вдруг деловито устремлялся вперед, таща ее за собой на зеленый к приманчивым дверям мясного магазина, который для нее, убежденной вегетарианки, неизменно являлся драконьей пещерой ужасов... С того памятного дня в Ташкентском госпитале, когда ей сказали, что муж ее, вероятно, навсегда ослеп, хрупкая и нежная Вера давно научилась преодолевать такие незначительные трудности, как незапланированное упрямство дурацкой собаки, решительно и радикально. Пару раз Раджа был хорошенько выдран поводком прямо на улице под осуждающие реплики жалостливых прохожих, а потом на сутки оставлен без воды и корма, что живо и наглядно, во-первых, продемонстрировало ему, кто в доме хозяин, а во-вторых, напомнило о том, зачем он

вообще в этом доме нужен. Словом, через месяц пес исправно нес свою нетрудную службу по выгуливанию Нельсона в пределах их спокойного микрорайона, сначала с отвращением, трудясь только ради миски теплой баланды из манной каши и куриных горлышек, а потом с радостью и восторгом, потому что новый друг оказался гораздо привлекательней прежнего, равнодушно-строгого и часто надолго исчезавшего в неизвестном направлении. Между Нельсоном и Раджой вскоре завязалась суровая мужская дружба, они стали словно бы соратниками в невидимой борьбе со страшным врагом – вечными сумерками одного из них, полными разноцветных призраков прошлого и злобных серых чудищ настоящего. Разговаривая со своей отзывчиво бодающейся собакой, Нельсон часто ловил себя на мысли, что ему совершенно не мешает тот факт, что Раджа не умеет разговаривать. Ну и что, его другой близкий друг Бетховен с некоторых пор не умел слышать, а сам он – видеть, но на дружбу это ведь никак не влияло! Когда Вера уходила на работу, оставляя более или менее беспомощного мужа на долгие часы наедине только с неразумным, как ей казалось, животным, Нельсон все больше и больше убеждался, что пес его поразумнее и посовестливее некоторых особо отличившихся в этом мире двуногих... Во всяком случае, на предательство он не способен. Лгать не умеет. Не знает, что такое притворство.

Но прошло лет девять, и Раджа начал приметно сдавать: собачья старость неумолимо подкрадывалась к нему, лишая былой феноменальной зоркости и ослабляя тренированную память... Зато появилась не свойственная ему ранее неопрятная стариковская прозорливость, случалось, необыкновенно смущая деликатного Раджу, недержание мочи во сне, тяжелый его храп будил среди ночи усталых хозяев... Теперь ему, еле передвигавшему четыре облезлые лапы, самому требовался поводырь на прогулках – и уже Нельсон, обжившийся в своем полумраке до почти полной уверенности, служил другу верой и правдой, осторожно, с долгими остановками, водя его на длинном поводке между коварными холодными лужами... Неизвестно, что думали теперь прохожие об этой странной медленной паре, где первым размеренно брел очевидный слепой – в темных очках, с обязательной белой тростью, и бережно влек за собой на тонкой цепочке шатающегося лысого эрдельтерьера, гордо несущего, тем не менее, на шее красивую табличку: «Собака-поводырь».

О том, чтобы взять и коварно усыпить навеки старого четвероногого дармоеда, теперь на халяву присосавшегося к ее более чем незначительной зарплате скромной чертежницы и тем унижительным подачкам на бедность, которые ежемесячно получал от государства ее муж, Вера даже не заикалась, за что Нельсон был ей нежно благодарен. Жена, как он молча подозревал, даже принесла столько неоценимых жертв на алтарь любви, все равно чувствовала себя перед мужем несколько виноватой за то, что, пережив первую печальную беременность, сознательно не стала лечить вполне закономерное после варварских медицинских манипуляций бесплодие. В своей

Золотое Слово-6

ежедневной борьбе за каждый тусклый просвет в той плотной завесе, что всегда теперь окутывала ее несчастного мужа, она боялась, что с дополнительным потребителем ее вовсе не неиссякаемой энергии, каким станет ребенок, она попросту не сумеет справиться. Потом она прочла в повести у известного, но совсем не модного в перестройку автора, что самка любого дикого животного, прежде чем выйти с выводком на открытое место, обязательно выталкивает вперед одного из детенышей. Мать как бы заранее жертвует им во имя спасения себя и остальных, на тот случай, если впереди ждет грозная опасность. Вера поняла, что поступила в полном согласии именно с этим древним инстинктом, пожертвовав не рожденным и даже не зачатым ребенком, ради того, что было много значительней звериного выводка. Она стремилась не просто не усложнить до невозможности и без того нелегкую жизнь маленькой семьи, но и билась за сохранение своей собственной любви к мужу-калеке, любви, которой неминуемо предстояло бы померкнуть, ослабеть и вовсе угаснуть, если б вдруг одолели трудности, которые нельзя вынести без необратимого искажения собственной личности... Вера билась за свою цельность. И она ее сохранила. Да и то сказать – каково бы жилось ребятам при отце, на которого нельзя смотреть без жалости и отвращения? А как бы стал жить он сам, ни разу не взглянув на зачатых им детей? Не хотела Вера лишней драмы в своем доме – хватило ей уже этих драм. Так и объявила Нельсону однажды – и он ни на чем не стал настаивать.

Иногда, лежа без сна с Вериной теплой сонной головкой на своем плече, Нельсон размышлял о том, что они с женой все-таки самым парадоксальным образом счастливы. Счастливы даже как-то кощунственно: он, лишившийся главного из пяти наиглавнейших чувств, и она, пожертвовавшая ради него всеми возможностями своей юной жизни и, прежде всего, искусством, которое любила раньше не менее жадно, чем муж... От живописи Вера отказалась из деликатной солидарности и, стиснув зубы, вычерчивала каждый день сложные чертежи нелюбимых и неинтересных предметов, потому что не могла позволить себе мучить близкого человека своей возможностью запросто заниматься тем, чем ему было навеки заказано, да и просто терзать его самым желанным на свете запахом масляных красок... Вместо этого она однажды съездила в негостеприимную Польшу с единственной целью – купить там большую коробку духов «Может быть». Этого модного когда-то в восьмидесятых парфюма теперь нельзя было достать в России ни за какие деньги, а Вера знала, как мил для Нельсона ее прежний, юный запах, как он тоскует по нему в минуты их частой и привычной, но все равно умудрившейся не потускнеть за долгие годы близости... Души она сумела найти лишь в провинциальном Белостоке и, вызывая недоумение как хмурого польского продавца, так и обыскивавшей ее впоследствии на границе русской таможеницы, гордо повезла в Россию целый ящик маленьких тонких флакончиков с круглыми пластмассовыми головками, наивно надеясь, что этого запаса хватит ей до конца жизни...

От пушистой светло-русой головы, каждую ночь доверчиво лежавшей у него на груди, теперь всегда пахло этими давно немодными духами, и Нельсон растроганно думал о том, что Вера, уже справившая сорок четыре года, скорей всего, выносит на скучной своей работе и пошлые насмешки женщин-коллег за упорное употребление этого скромного девичьего аромата из далекого прошлого... Иногда он усмехался про себя, когда понимал, что приди он с войны целым и невредимым – и мог бы потерять ее очень скоро, потому что непутевые бабы всегда вешались ему, синеглазому блондину с мужественным голосом, на шею – и он неминуемо загулял бы на свободе от молодой жены – а мог бы бросить ее и позже, когда синие те глаза, которые Бог у него милостиво отнял, увидели бы, как она некрасиво стареет, как упругое бархатистое тело превращается в рыхлую квашню, а задорное девчоночье личико становится непоправимо бабьим, обвислым и густо крашенным... Теперь он ничего этого не знал и знать не хотел, помня ее только тонкой романтической девушкой с ровной русой челкой до бровей и ореховыми глазищами косули – ну, а руки и губы, неутомимо исследовавшие по ночам ее тело в самых сокровенных подробностях, – они привыкли делать это почти еженощно и не замечали свершившихся роковых изменений... Нельсон не мог без Веры жить не потому, что в грубом материальном смысле без нее давно спился и пропал бы, а просто потому, что любил и знал, что она тоже любит... Бог дал гораздо больше, чем отнял – проблеск этого понимания все чаще мелькал у него в сознании, и тогда Нельсон смущенно чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Жена давно уже стала для него своеобразным центром мироздания, он привык делиться с ней всеми своими мыслями, подробно пересказывать фильмы, прослушанные в ее отсутствие, звонить на работу по несколько раз в день, просто чтобы знать, что она есть у него... А вот попросить совета в том правом деле, что задумали они с Бетховеном еще до того, как Мразь был обнаружен и вычислен, Нельсон никак не мог – язык не поворачивался. Хотя и повторял каждый раз, когда вновь начинали они с другом толочь в невидимой ступе невидимую воду: «Вот бы у Верки спросить – она бы точно подсказала!» И однажды в середине дня, когда снова сошлись друзья у Нельсона на кухне, принявшись обсуждать и отвергать один за другим уже фантастические способы казни, горячо громоздить одну нереальность на другую, дверь вдруг бесшумно открылась и на пороге возникла совершенно непроницаемая внешне Вера, давно ушедшая на работу.

- Болваны, - спокойно сказала она. – Нужно просто прийти к нему домой, позвонить в дверь и отозваться женским голосом, чтобы он не испугался открыть. Ворваться, оглушить и связать. Он старый – сопротивляться не сможет. Быть при этом, разумеется, в перчатках. Очухается – зачитать приговор, дать последнее слово и повесить на люстре. В квартире ничего не трогать. Если он живет под чужим именем – а это так, конечно, ведь он военный преступник – то никакой связи с вами у него нет. Такое дело – «глухарь»,

Золотое Слово-6

вас никогда не найдут. И это действительно будет не убийство, а казнь.

- А... кто отзовется женским голосом? – глупо спросил прочитавший монолог по губам Бетховен.

- Я, - не дрогнув, ответила Вера.

...Обвинительный акт – он же приговор – сочинила, строго говоря, тоже она. Нельсон с Бетховеном так хотели уместить в каждое предложение наибольшее количество информации, что выстраивали на тетрадных листах странные сверхсложноподчиненные конструкции с целыми гроздьями беременных друг другом придаточных, наконец, уверенно запутывались в трудной русской грамматике и жалобно звали на помощь Веру. Она приходила из кухни, вытирая руки о фартук, с минуту сосредоточенно шурилась на измаранный петлистыми стрелками и неразборчивыми вставками линованный лист и твердым звонким голосом выдавала неоспоримую в своей точности формулировку. Готовый текст друзья вызубрили и сожгли: оставлять его без присмотра даже на день было опасно...

Ликвидацию назначили на самое мертвое время рядового безнадежного рабочего дня – на вторник, одиннадцать тридцать утра. В это время на работу уйдут все – и честный трудовой люд, и паразиты-«белые воротнички»; дети еще не вернутся из школы, зато бабульки, завершив утренний поход за баранками, усядутся пить чай перед телевизором: наличие южноамериканского сериала гарантировалось придиричиво изученной по совету все той же Веры программой телепередач. В домофон звонить не предполагалось, чтобы дорогого клиента заранее не встревожить, но Вера в непрменном парике и дымчатых очках должна была непринужденно дожидаться у двери подъезда, пока оттуда кто-нибудь выйдет. Ей предстояло просигналить по мобильному, что она внутри – и тогда уже Нельсон с Бетховеном максимально оперативно проследуют в подъезд из машины, оставленной предусмотрительно не на виду. На лифте вся тройка поднимется на девятый нужный этаж, и спортивный Бетховен займет позицию сбоку от двери, держа наизготовку мешочек с песком. Вера быстро позвонит в дверь Мразя и, сняв очки, с дружелюбной улыбкой встанет прямо перед глазком. На вопрос хозяина квартиры она сразу назовет его по новым, ложным, фамилии-имени-отчеству и помашет большим конвертом – мол, срочный пакет вам, надо расписаться... В таких случаях, утверждала Вера, даже в самых криминальных весях девяносто девять процентов населения откроет дверь... Дальше она напрямую участвовать отказывалась, вызываясь, однако, покурить на лестничной клетке, пока вершатся, в прямом смысле, суд да дело, чтобы обеспечить обоим исполнителям безопасный выход с места приведения приговора в исполнение...

Весь план был так прост и надежен, что заставить его сорваться могла только отвратительная случайность – и то она вряд ли могла оказаться настолько роковой, чтобы впоследствии безупречный сценарий нельзя было запустить по-новой.

И все с самого начала пошло, как идеально

заточенный конек по свежезалитому катку. Никто не обратил внимания на неприметную женщину с гладкими черными волосами и в мышинном плаще, рассеянно ждавшую кого-то у подъезда, никто не воспрепятствовал ее тихому проскальзыванию в дверь, никто не заметил, как, быстро шагая под руку, к парадной приблизились двое скромных, в китайских куртках мужчин – один, правда, носил подозрительные в пасмурную погоду непрозрачные черные очки – но кому это, на самом деле, интересно! Подъезд почему-то открылся мужчинам навстречу самостоятельно – но этого вообще никто не видел и над несуразностью не задумался... На нужной площадке мужчины уже стояли спинами к шершавой стене рядом с косяком рыжей железной двери, а женщина, только что позвонившая в дверь, с немного каменным лицом стояла перед глазком, держа перед собой обеими руками белый конверт, необыкновенно щедро обклеенный цветными марками – и тут на всю лестницу прозвучал безысходный животный рев.

Маленькая железная дверца, ведущая на чердак, с ржавым визгом распахнулась, и из отверстия, минуя ненадежную железную лесенку, неловко вывалился огромный тяжелый мужик. Он не успел и пошевелиться, как прямо на него с грацией рыси, в сибирской тайге бросающейся с кедровой ветви на беззаботную дичь, легко спрыгнул поджарый милиционер в бронежилете.

- Полиция, урод, - радостно сообщил он, артистично валя жертву мордой в серо-грязный бетонный пол и зверски заламывая ей руки. – Не дергайся, хуже будет... - и он торжествующе глянул на троих белых от ужаса людей, застывших у квартирной двери, как раз начавшей отворяться без всяких риторических вопросов изнутри.

Дверь открылась, явив в проеме удивленного пожилого человека с мятым лицом и в темно-синем шерстяном тренировочном костюме – эксклюзивном, доперестроечных еще времен – и одновременно с чердака весело посыпались другие накачанные парни в серой пятнистой форме и с автоматами. Их было явно слишком много на одного уже заваленного зубра, и они с молодым любопытством озирались вокруг, доброжелательно разглядывая случайных свидетелей своего подвига, полностью онемевших от такого зрелища.

Пожилой мужик тоже недоуменно осмотрелся, с некоторым смутным узнаванием задержав испытующий взгляд на лице красивого черноволосого мужчины в штатском – но тут уютный матерок, ровно и беззлобно звучавший на сцене, был прерван явно командирским железным баритоном:

- Так, граждане, не толпимся. Проходим по своим делам, не задерживаемся.

Дверь квартиры захлопнулась, глотая сдрейфившего хозяина, а три неизвестно чем занимавшихся на площадке, но ни о чем таком не спрошенных человека были быстро и нелюбезно запихнуты в специально для них вызванный лифт.

- Спалились, - выдохнул Бетховен на первом этаже. – Уходим...

Золотое Слово-6

Через полтора месяца, когда уже начинала робко пушиться первая чахлая северная сирень, и снова пришла в город короткая, восторгающая гостей и ненавидимая аборигенами призрачная пора схождения зари с зарей, Бетховен и Нельсон стояли на чердаке дома, что располагался торцом против торца длинного невзрачного дома их приговоренного врага. Расстояние оказалось приличным, едва ли не семьдесят метров, что совершенно не смутило важного по случаю торжественного дня Бетховена, запасшегося военным биноклем, и столь же совершенно не интересовало Нельсона, без очков различавшего в уж и вовсе кромешной тьме лишь бледное сероватое пятно на уровне человеческого роста. Сероватое пятно на самом деле являлось торцовым чердачным окошком и обеспечивало идеальный обзор Мразевой крохотной кухни, где он уже час в одиночестве мрачно пил темное крепкое пиво.

Наутро Мразю предстояло умереть – мгновенной, непонятной и, к неудовольствию Бетховена, безболезненной смертью – и поделаться с этим, вероятно, уже ничего было нельзя, даже если б друзья почему-то передумали: разминировать машину обратно, они, скорей всего, просто не сумели бы, не подорвавшись вместе с ней. А вот подключить взрывное устройство, замыкавшееся, по давней и верной традиции, на замке зажигания, оказалось неожиданно легко: четкая и простая, как в познавательном пособии для юного физика, схема нашлась на вполне доступном и абсолютно экстремистском сайте, обнаруженном Бетховеном уже на пятьдесят шестой странице поисковика, которому был поставлен конкретный невинный вопрос: «Как взорвать чужую машину?» Способов описывалось обнадеживающе много – от примитивных, доступных и пятикласснику, до непостижимых никакому инженерному гению. Нельсон убедил Бетховена особенно не усложнять себе задачу, чтобы в решающий момент не запутаться в разноцветных проводах так же, как еще недавно запутались они оба в придаточных конструкциях смертного приговора. Зачитывать его с того памятного дня, когда все их физиономии были сфотографированы профессиональной памятью не менее чем десятка местных полицейских, сочтено было опасным, и центр управления операцией в лице ласковой и надежной Верочки категорически потребовал проведения казни с почтительного и разумного расстояния, предпочтя пожертвовать давно вышедшим из моды рыцарством ради безопасности всех благородных участников справедливого мщения. Никто из них троих технарем не бывал даже во сне, и потому решено было остановиться не на самом простеньком устройстве, способном обидно подвести, но и не на заковыристом до чрезвычайности. Порадовало, что все необходимые детали и компоненты свободно и вежливо, с комментариями, продавали в хозяйственных, строительных, пиротехнических и прочих хлопотливых отделах питерских торговых точек. Конспирации ради все закупили в противоположных концах родного мегаполиса, но потом остались в нерушимой уверенности, что можно было не заморачиваться и купить все в одном месте за полчаса: никто из граждан

несчастной страны, где за последние двадцать лет прогремело множество самых разнообразных взрывов, не обращал на Веру с Бетховеном (приметного Нельсона все же оставляли в машине) ровно никакого бдительного внимания.

Давно уже было известно, что Мразь в своем неуютном дворе имеет постоянное личное место парковки, будто специально предназначенное для того, чтобы от взрыва не пострадал никто невинный: старушка «Нива» всегда стояла в кирпичном закутке между помойкой и трансформаторной будкой, надежно защищенная, вдобавок, и мощной кривой липой. Нужно было быть очень невезучим человеком, чтобы зазеваться в этом глухом месте именно в момент взрыва – но такие обычно до взрослого возраста не доживают, оптимистично предположил Бетховен.

На чердаке Нельсон угрюмо молчал, прислонившись к стене, что, в общем, не соответствовало его достаточно жизнерадостному характеру, не подорванному даже после всех нечеловеческих испытаний. Его постепенно одолевал холодный и гадкий ужас от мысли, что не видимый им человек, который сегодня на глазах скрупулезно описывавшего каждый его шаг Бетховена провел счастливый день с милой женщиной, а теперь блаженно пьет любимое пиво, обречен завтра погибнуть неожиданной и безобразной смертью... Если б Господь даровал полноценное зрение его единственному глазу на хоть минуту, чтобы успеть выхватить у спокойного Бетховена бинокль и разглядеть лицо приговоренного, Нельсон согласился бы весь остаток жизни не видеть больше во тьме никакого просвета. Строго говоря, зачем ему? Но он обязан знать точно, обязан... И эта женщина... Может, она любит Мразя? За что пострадает она? Нельсон тихо, но отчетливо простонал. Как узнал об этом глухой, как подушка, Бетховен? Но он легко прикоснулся к локтю друга, и Нельсон услышал:

- Я знаю, о чем ты думаешь. Я и сам об этом думаю. Только... Видишь ли, ему уже за шестьдесят, наверное, а он все по бабам ходит в свое удовольствие. А те сорок восемь наших ребят на горной дороге... Им было только двадцать. И кто-то, может, вообще попробовать не успел... Вот ради них, Нельсон...

Нельсон кивнул – да и вообще понимал, что уже, скорей всего, поздно, но сердце все равно подозрительно часто сбивалось с четкого ритма, вдруг трепетало, словно заполошно хлопало крыльями, и вновь с легким запозданием запускало свой привычный ход. Он знал, что с Бетховеном происходит то же самое, только тот из глупой гордости молчит о том постепенно завладевающим каиновом страхе, который раньше был до времени притуплен в многочисленных бестолковых хлопотах и мальчишеском охотничьем азарте. При той первой сорвавшейся попытке, прозвучавшей для Нельсона грозным предупреждающим набатом, они все трое действовали как бы и не совсем всерьез, словно каждый играл на сцене перед затаившим дыхание зрительным залом, где сидели только два зрителя – и, пожалуй, могли бы взять и укокошить ничего не подозревавшего Мразя на голом энтузиазме – а может, до поноса напугав, отступили бы в последний

Золотое Слово-6

момент. Могло произойти элементарное: не поднялась бы рука на чужую теплую жизнь... А на гору старого перекрашенного железа музыкальные руки Бетховена под мрачным руководством Нельсона поднялись без всяких сомнений – и вот она стояла, готовая при повороте маленького ключика разлететься на сотни стремящихся в светлое ночное небо ослепительно ярких метеоритов, несущих на себе неизбежную смерть... И уже ровно ничего не зависело от них, двух злобствующих калек, в мучительном ожидании, беззвучном для одного и темном для другого, топтавшихся на чужом чердаке.

Еще днем они увлеченно следили за Мразем, вдруг вышедшим из подъезда под руку с высокой и полной симпатичной женщиной лет сорока в легком ярко-фиолетовом платье до неожиданно тонких щиколоток. Она увезла его в своей скромной асфальтового цвета машине на берег залива, где, с комичной застенчивостью держась за руки, они несколько часов бродили вдоль кромки воды, но не целовались, а лишь изредка тесно соприкасались плечами, потом обедали в открытом суши-ресторане, долго и серьезно разговаривая, и вновь сели в машину, причем на этот раз за рулем сидел уже погрузневший отчего-то Мразь. У круглосуточного гипермаркета, сиявшего прожорливыми огнями, куда подъехали поздним светлым вечером, вышла странная неувязка: внутрь зашли и взяли железную тележку объекты слезки вдвоем, но около получаса спустя – что они там делали теперь уже никто не скажет: внутрь за ними пойти не рискнули – женщина вышла одна, без всяких покупок, и тут же умчалась не оборачиваясь, словно там, в магазине, Мразь ее чем-то смертельно обидел... Во всяком случае, свой главный объект они благополучно потеряли – но и легко обрели: через час он уже зачем-то потешно метался с криками по своему двору, словно ища пропавшую собаку – но только вот собаки-то никакой у него не было! Наконец, уgomонился, поднялся к себе и прочно занялся темным пивом, дав возможность без всяких помех и особых хлопот прикрепить взрывное устройство к днищу своего тупорылого автомобиля, а потом и вовсе сгинул из поля зрения, когда выключил свет, завалившись, верно, на боковую после волнительного дня...

- Теперь до утра. Хоть спать ложись... - хмуро пробормотал было Бетховен – но вдруг на том же дыхании матюгнулся: - ....., баба его!

Тяжелой лиловой птицей среди сонного перламутрового марева она неслась наискосок через двор от своей машины к незапертому подъезду, и длинная воздушная юбка сказочным шлейфом летела за ней... Промчалась и скрылась. В тот же миг Нельсон оказался у чердачного окна и глянул вниз с таким странным видом, словно вдруг на миг прозрел – и отшатнулся. Бетховен судорожно сглотнул сухим ртом и выдал:

- Ну, все. Теперь, как карта выпадет... Может, и ничего... - и намертво сжал ледяную руку друга.

Едва дыша, они стояли плечом к плечу. Минут десять ничего не происходило, и вдруг белое безмолвие ночи разорвал прерывистый вой автомобильной сигнализации. Бетховен вздрогнул, будто мог ее

услышать, но и на миг ему даже не пришла в голову здравая мысль, что ревет любая другая машина, кроме той, в которой всего с час назад он варварски-жестоко ковырялся. Это действительно была она, квадратная «Нива», надрывавшаяся в ночи, и у нее, наверное, после неумелого хирургического вмешательства закончилось неизвестный провод.

- Если просто отключит – ничего не случится? – малодушно пробормотал Нельсон, уже, казалось, готовый броситься на помощь Мразю и спасти, оттолкнуть его, закрыть собой, если надо...

- А хрен его знает... - прошептал тоже похолодевший Бетховен, внутренне настроенный на то, что время все-таки доразмыслить у них еще есть до утра – но вот вышло, что оставались секунды; он взял себя в руки: - Сейчас увидим.

«А я – услышу, - добавил про себя покрывшийся смертным потом Нельсон. – Да... сейчас услышу – и... И все...»

Но вдруг Мразь, как ни в чем ни бывало, появился в темном кухонном окне и распахнул его, свешиваясь во двор. Озадаченный Бетховен припал к цейсовским окулярам и забормotal:

- Ничего не понимаю... Сирена гудит еще или нет? Почему он отключать-то не идет? Чего высматривает? Свою машину по голосу не знает? Ишь, голый, смотри-ка... Нельсон, они там уже раздеться успели... Ничего, сейчас поскачет, как миленький, иначе весь двор проснется... Нет, не скачет... Вниз плянется... У окна стоит, а у самого из одежды – только перстень на мизинце...

Рука Нельсона впилась в его плечо с такой силой, что Бетховен мучительно взвыл и обернулся: ему показалось, что под стальной хваткой мгновенно треснула крепкая живая кость. Друг что-то потрясенно шептал, стоя в профиль и не давая возможности читать слова по губам, но он все равно непостижимым образом услышал:

- На каком мизинце... Ради Бога – на мизинце – на каком???

Глава 6

Скульптор

понял что погиб,

как только увидел Гостью перед дверью. Ничего никуда не делось. Он любит эту женщину – причем истерически, как студент-первокурсник. И любить ее теперь он будет до смерти. Хотя бы просто потому, что разлюбить уже не успеет, по всей видимости. Взглянув на нее еще раз, он убедился, что чувство его взаимно: это именно она теперь проведет рядом с ним весь куцый остаток его жизни, она же и закроет ему в конце пути глаза... У Госты было любящее лицо – вот в чем дело. Так никогда не смотрели на него ни Жена, ни Подруга, ни другие, еще раньше канувшие в бессознательность женщины. Потому что они Скульптора не любили. А она – любила, страдала и надеялась все эти три месяца,

Золотое Слово-6

пока он думал, что сумеет вытравить из себя вредные плевелы лишнего под старость чувства. Оказалось, что он усиленно выпалывал не упрямый сорняк, а драгоценную розу единственной любви, пришедшей, словно в насмешку, именно сейчас. Сволочь бесчувственная. За три месяца он ни разу не позвонил ей сам, а когда звонила она, тщательно придумав и даже разработав, как теперь ему было пронзительно ясно, приличный повод, отвечал намеренно жестко и старался быстрее закруглить разговор, чтоб, не дай Бог, не разбередила она его снова, не повлекла исподволь за собой в туманом порытый дол любовных недоговорок, призывного лукавства и умелого кокетства. Он знал, что легко бы туда повелся – и вот упирался на краю, взбрыкивал поистертыми своими копытами...

И, наконец, сумел убедить себя, что сурово разделался с неожиданной и ненужной немощью, как и положено нормальному мужику в таких случаях, утонув в любимой работе: сроду так с глиной быстро не управлялся, как теперь, когда дали ему заказ на бюст героя Второй Чеченской! Лепил он для сумрачного вестибюля дальней сельской школы, куда не так давно, в общем-то, всего лет пятнадцать назад, высыпали, счастливо галдя, по-провинциальному бедно наряженные в китайские бесформенные костюмчики выпускники, и среди них – курносый широкоскулый мальчишка-троечник, даже и не попытавшийся подавать свои безнадежные документы в захудалый институт бедного областного центра. В двухтысячном сержант-сверхсрочник с перебитыми автоматной очередью ногами скомандует «А-атставить, н-на!» испуганному рядовому, собравшемуся тащить его дальше на себе, прикроет на узком горном перевале отход застигнутого врасплох отделения, продержится под плотным железным огнем боевиков и калеными стрелами вражеского солнца с рассвета до полудня – но помощь к нему так и не придет... Серо-невзрачным и совсем не мужественным лицом этого сержанта и жил Скульптор последние три месяца, ласкал его чуткими своими руками, словно сына не дождался с той войны – где уж там какой-то случайной Гостье (да, случайной! он лучше знает!!!) вклиниться тут с дамскими своими финтифлюшками... Она давно ему безразлична. Вот, пожалуйста, раз так хочет ему этот журнал со статьей своей принести – да ради Бога. Он и глазом не моргнет. Возьмет в дверях – просто из вежливости. Но уж никакого кофе с разговорчиками не дождетесь, мадам! Знаем, пили... А журнал – в мусоропровод, потому что на фиг он нужен. Он большим делом занят, на мелочи не разминивается. Решил – и точка. Он мужик, а не сопля голландская.

Но оказалось, что сопля. Не голландская, а самая обычная, русская. Как увидел Гостью в темно-сиреновом платье до пят (уже въехал в тему, по питерским улицам с весны гуляя, что мода в этом сезоне такая – «макси» называется), с аметистовым ожерельем на светло-кремовой груди – так и сгорел. Гостья смотрела на него прямо и грустно, обнимая обеими руками толстый журнал, прижатый к животу, и Скульптор подумал вдруг, что у незамутненных другими цветными вливаниями серых глаз есть совершенно

неземное свойство: они ловят отсветы тех тонов, которые их окружают. Вот и у Гостьи они казались инопланетно-фиалковыми в те минуты – и огромными, страстными, вопрошающими... Журнал она протянула молча, как что-то незначительное и совсем внимания не стоящее, а сказала другое, единственно правдивое, то, ради чего и пришла:

- Я так соскучилась по вас.

Он открыл рот, чтобы ответить что-нибудь вроде «Ну, что вы! Какие пустяки! Кто я такой, чтоб вы по мне скучали!» - а вместо этого покорно склонил перед ней неумолимо лысеющую голову:

- Да, и я... Я тоже ... Очень.

...У кромки залива вместо предполагаемых больших желтоклювых чаек, для которых Гостья предусмотрительно купила в палатке у входа в парк целый круглый лаваш с кунжутом (Скульптор и сам бы его с удовольствием съел, если б не постеснялся), оказались полчища очень деловитых и абсолютно непугливых ворон. Они только тяжело и лениво отпрыгивали в сторону от людей и со снисходительной разборчивостью принимали подачки, презрительно кося блестящими кнопочками коричневых глаз. Гостья показала Скульптору, как две дородные вороны бесстыдно целуются невысоко на лиственнице, очевидно не снисходя до того, чтобы испугаться какой-то невнятной парочки бескрылых и безрогаточных.

С тех пор, как они вышли из машины («Нет уж, давайте на моей, вы какой-то заморенный весь, отдыхайте и радуйтесь жизни») ее теплая сухая ручка редко покидала его наспех отмытую горсть с голубыми разводами глины вокруг ногтей и фамильным, всегда пунктуально надеваемом после работы, перстнем-талисманом с черным нефритом. Теперь он бы ни за что ее не выпустил, особенно, когда с нежностью вспоминал, как только что эта слабая на вид лапка уверенно и непринужденно лежала на руле старенького автомобиля, а его хозяйка иногда поворачивала к нему голову, и правый глаз ее, который он единственно мог при этом увидеть, сиял уже откровенной влюбленностью, не маскируемой никакой благопристойной «человеческой симпатией».

Гостья шла по мутной воде босиком, перед этим отдав ему в сумку свои туфли с такой подкупающей простотой, что Скульптор почувствовал себя ей давно и навечно близким – она была рядом, как данность, словно все между ними уже свершилось, было сказано, решено и запечатано. Чудная уверенность, что рядом с ним – *его женщина*, накатывала на Скульптора теплыми волнами, и, когда это происходило, у него сладко покалывало сердце, потому что волны приходили не просто так, а всегда под каким-нибудь милым предлогом: то она наклонялась, приподнимая потемневший от воды подол, и наивно говорила: «Ну вот, посмотрите, вся мокрая до безобразия...», то вдруг аппетитно откусывала от замурзанной половинки лаваша и рассеянно давала откусить ему, словно позабыв о том, что они не только еще не целовались, но даже не перешли на «ты», то доверчиво прикладывалась щекой к его плечу, на секунду зажмуриваясь – и потом

Золотое Слово-6

шла дальше, как ни в чем ни бывало...

Он никогда потом не мог вспомнить, о чем они говорили у зеленой воды на сером песке. Оба трещали без умолку, даже перебивали друг друга, рассказывая, верно, что-то забавное, потому что Скульптор навеки запомнил, как Гостья хохотала до слез, запрокинув голову так, что видны были в глубине аккуратные дорогие пломбы у нее на верхних зубах, и он всерьез размышлял о том, сумеет ли впоследствии, когда все уже будет позволено, дотянуться до них языком – и это казалось безумно важным. Еще он долго вспоминал, как учил ее делать на легкой волне знаменитые «блинчики», по которым мальчишкой был большой специалист – а тут тряхнул стариной и сходу запустил аж девять – и жутко возгордился, зная, что самым нелепым образом краснеет, когда Гостья захлопала в ладоши, крича: «Класс! Класс! Вот это круто!» Но сама она оказалась вовсе не способной к такой науке, и все ее плоские камушки, неловко брошенные «с локтя», как он с ней ни бился, сразу же тонули с виноватым прощальным «бульком», и Гостью это тоже ужасно смешило, она отпрыгивала от воды, подобрав уже действительно мокрое и тяжелое платье – а Скульптор смущенно искал удобного момента, чтобы задержать ее, прижать к себе – и больше никогда не выпустить...

Маленький пляжный ресторанчик, замеченный ими одновременно, поманил здоровыми съестными запахами, Скульптор решительно потянул Гостью в ту сторону – но вдруг замер, сжимая ее руку и шурясь на недалекие сосны.

- Бред какой-то... - пробормотал он и потряс головой.

На озадаченный взгляд Гостьи растерянно пояснил:

- Все та же старая история... Странная история, должен вам сказать... Помните, я вам когда-то рассказывал про машину, «Самару»... Не помните, конечно...

- Все, что вас касается, я помню прекрасно, - твердо ответила она. – Это машина, из которой за вами, как вам казалось, следили.

- Мне ничего не казалось! – раздраженно бросил он. – За мной действительно следили! Я однажды даже водителя рассмотрел, bruneta. А потом, представьте, месяца полтора тому, увидел его на своей лестничной площадке. У двери у собственной! В которую перед этим позвонили! Его, еще каких-то людей – и десять ментов в форме. Дверь я от греха захлопнул, но в глазок посмотрел: менты затолкали его в лифт вместе с женщиной в парике и парнем в черных очках. Запихнули их и отправили вниз, одних. Значит, он не из милиции, во всяком случае... А у моей двери... Что он там делал, черт бы его побрал?! Долго я потом ни его не встречал, ни «Самары» его долбаной... Думал, отвязался, слава те... И вот сейчас, честное слово... Он там, между сосен, только что прошел с тем же мужиком в очках... Только не говорите мне пожалуйста, что я рехнулся!

- Нет-нет! – Гостья обеими руками схватилась за его локоть. – С чего бы вам рехнуться? Но может, показалось? Послушайте, когда за человеком следят, то

не просто же так, а с какой-то целью! Но вы мне про это чуть ли не зимой еще говорили! Если бы за вами следили, то давно бы уже сделали, что собирались! Ну, обобрали бы, или шантажировали, или... не знаю...

- ... убили... - мрачно подсказал Скульптор.

- И такое возможно, - отрезала она. – Но ведь не сделали ни того, ни другого, ни третьего! Значит, передумали. С чего теперь за вами ходить? Столько времени спустя!

- «День Икс» настал, - хмуро пошутил он.

- Идите вы... - с нервным смешком Гостья слегка подтолкнула его плечом. – Мало ли brunetов кругом, особенно теперь... А темные очки сегодня на каждом втором, кстати... Мнительность это все, вот что... Ну, вы, кажется, меня обедать вели, нет? – она опять задорно взглянула, и сверкнули в радостных светлых глазах знакомые теплые искорки.

Скульптор механически взял ее под руку и повел, но все очарование этого удивительного дня померкло в один миг. Причем не в тот, когда он увидел надоедливо и опасного bruneta – именно его, а не другого, он не сомневался! – а в тот, когда Гостья отмахнулась от его слов. Не произошло еще, значит, между ними того сокровенного, что чудилось там, у воды, и раньше, в ее машине, и еще раньше, у него дома, когда она только пришла... Не произошло *еще* или *вовсе* не предусмотрено? В душе Скульптора снова взбаламутилось задремавшее было нехорошее чувство, словно прошелестел невдалеке гнилой ветерок: тебе все кажется, дураку старому... она ведь чужая совсем... бросай ты это, пока не поздно – потом ведь не убежишь...

Ему уже не хотелось ни есть, ни пить, и на Гостью он глянул со скрытой враждебностью: действительно, что ей надо от него? Неужели вот прямо так влюбилась без памяти? Что-то плохо верится в такие чудеса на этом свете... Прошли те времена.

Вдобавок ко всему, ресторан оказался японским – из тех, что он всегда обходил с опаской и некоторым отвращением: черт их разберет, этих япошек с китаёзами, каких они там гадов жрут и не морщатся... А Гостья, наоборот, проявила себя жизнерадостным завсегдатаем таких подозрительных заведений: огромное меню, в котором Скульптор не понял ни слова и, оскорблено крикнув, отложил в сторону, Гостья изучила с абсолютной невозмутимостью, потом подозвала желтокожую официантку в кимоно и, как ему показалось, заговорила с ней по-японски – быстро-быстро, а та все кланялась! Жуть какая... В довершение неприятного впечатления, она привычным движением извлекла из длинного узкого пакетика две белые деревянные палочки, с легким треском отделила их одну от другой и ободряюще улыбнулась Скульптору через стол:

- Я покажу вам, как ими пользоваться...

Тут он не выдержал:

- Ну, уж нет! Я русский человек, в конце концов! И не собираюсь кр-рысятничать! Пусть мне дадут ложку и вилку! Зачем я должен ковыряться в еде какими-то дур-рацкими палочками?! Что за фиглярство, не могу понять!

Золотое Слово-6

- Тише, тише, что вы...- умоляюще зашептала она и накрыла его руку своей.

«Осталось ей только сказать, как, случилось, Жена в общественном месте: «С ума сошел? Веди себя прилично!» А, и ладно... Тогда просто встану и уйду... - зло подумал Скульптор. – Не судьба, так не судьба... Хорошо, хоть целоваться не полез сдуру...»

- Приборы принесите, пожалуйста, - окликнула Гостья официантку и взяла руку Скульптора уже обеими своими руками. – Ради Бога, не надо опять... Я еще раз не вынесу... Я за три месяца эти... Чуть не умерла... И вам было несладко... Правда ведь?

Он не вынес ее взгляда и начал бубнить что-то на тему о том, что едва ли надо обезьянничать с малоцивилизованных народов способы принятия пищи лишь из-за того, что это иногда кажется экзотичным – но раздражение только усилилось, потому что чувствовать себя виноватым и просить прощения Скульптор по гордости терпеть не мог и обычно сразу начинал ненавидеть тех, кого задел, если нужно было заглаживать вину. В результате ели молча. Для него Гостья заказала мелко наструганное мясо неизвестного зверя, плававшее в сомнительном соусе среди ядовито-зеленой маслянистой травы, но, занятый своими печальными мыслями, он не почувствовал никакого вкуса. Она же ловко орудовала палочками, закидывая себе в широко открытый рот продолговатые комочки слипшегося риса, накрытого кусочками явно сырой рыбы – и все это выглядело исключительно несимпатично, вызывая в Скульпторе едва ли не физиологическое неприятие. «Если она часто этим вот питается, - продолжал язвительно думать он, - то у нее там, внутри, пожалуй, что и солитер проживает...» Гостья вдруг осторожно отложила палочки, глаза ее теперь стали тяжелыми от непролитых слез:

- Я так не могу. Давайте уж лучше пойдем тогда...

Но Скульптор был всерьез обижен на нее за весь этот день – начавшийся такой многообещающей душевностью, а теперь обернувшийся вовсе не интересным и банальным, каких сотни прожил он с другими, давно забытыми женщинами: ловко провела, ничего не скажешь! А он-то, он-то раскатал губу...

Он насмешливо уставился в ее совсем потерянные глаза:

- Конечно, что уж теперь. Может, вы только сначала объясните мне, дуралею, – зачем вам вообще все это было надо? Что вы прилипли-то ко мне? Ведь вы благополучная женщина, обеспеченная, с интересной работой, подать себя умеете... У вас полно друзей, нормальная семья, здоровые дети... Муж хороший... - это последнее он специально вернул, чтоб кольнуть ее побольше и посмотреть, как дернется; она не шевельнулась, не моргнула даже. – Словом, все у вас другим на зависть – а вы тут что-то крутитесь, крутитесь, как, извините, муха над... Хм... - ему непременно захотелось именно оскорбить ее: а что, ей можно, а ему нет, что ли? - Нет, я ничего. Я просто понять хочу.

- Ладно, - Гостья отодвинула квадратную деревянную тарелку и быстро пробаранила пальцами

по столу. – Вот ведь... В такие минуты всегда жалею, что бросила курить...

- Все поправимо, - открыто ухмыльнулся Скульптор. – Бывших курильщиков не бывает. Как и бывших алкоголиков, и наркоманов... Это, так сказать, до первого срыва. Так что держите и не сомневайтесь.

Он протянул ей нераспечатанную пачку сигарет и зажигалку, что последние годы всегда носил с собой в сумке на случай, если самому неодолимо захочется: действовало безотказно. Мол, я только временно не курю, никаких обетов-зарок не давал, захочу и обратно курить стану. Пока держался. А вот Гостья сорвалась тотчас же – схватила сигарету почти с неприличной жадностью и затянулась так упоенно, что сразу стало ясно: курильщик со стажем, который по-настоящему бросит не скоро, да и то лишь в том случае, если его что-то до печенок испугает. Не раньше.

- Этого я никогда еще никому не рассказывала, - дрогнувшим голосом произнесла она. – Пора, видно, настала рассказать.

То, что Сонечке не предстоит стать миловидной девчушкой с симпатичным личиком и прелестными глазами, стало ясно уже в первом полугодии ее жизни. Родилась редкая, уникальная красавица, по сравнению с которой любая новоиспеченная «мисс Вселенная» спустя очень короткое время будет выглядеть оципанной болонкой. Девочка словно сублимировала в себе все самые привлекательные внешние качества, какие только существуют для ее невезучего пола, унаследовав, вероятно, по одной лучшей черте от каждой прекрасной женщины из близких и далеких предков. Уже в три года, когда и мальчики, и девочки выглядят одинаковыми бесполо-умилительными карапузами с перетяжечками на запястьях и, все одетые в шортики и яркие футболки, различимы между собой только для родителей, Соня смотрелась миниатюрной греческой статуэткой с тонкой талией, крутыми бедрами, узкими щиколотками и длинными пальцами. Волосы, настолько густые, что их трудно было расчесывать, вились до поясницы упругими каштановыми кудрями, и каждая прядь отливала своим неповторимым оттенком. Длина и густота выглядевших приклеенными ресниц, казалось, тянула вниз сиреневато-прозрачные веки. Глаза имели таинственный древнеегипетский разрез и невероятный, никогда никем в России не виданный цвет: они были отчетливо золотыми, как у дикой черной кошки. Светло-кремовая смуглость ровно покрывала ее кожу с ног до головы, оттеняя на идеально правильном, тонком лице ярко-розовый цвет капризных, луком изогнутых губ с крошечной коричневой родинкой над левым уголком – единственной родинкой на всем ее совершенном теле. С самого нежного возраста Соня никем не воспринималась как девочка – а только как взрослая женщина, обладательница невероятной, давно не виданной по грехам Земли красоты, не принадлежащей ни одной человеческой нации – неземной красоты, от сияния которой перехватывало дыхание. Незнакомые люди на улице просили разрешения просто посмотреть на нее подольше,

Золотое Слово-6

как, случается, чувствительные дамы выражают желание поцеловать чужого обворожительного младенчика. Поцеловать своего ребенка постороннему человеку легко можно запретить – но как запретишь преследовать его нездоровыми взглядами, как остановишь гнусный завистливый говорок за спиной: «Какая красивая, бедняжка! Вот увидите – такие долго не живут! А уж счастливыми точно не бывают!»

Ее отец и саму Афродиту, рожденную пеной морской, считал девкой-чернавкой по сравнению со своей бесценной дочерью. Гостья подозревала, что ее муж, как и все мужчины любого возраста, хоть раз близко взглянувшие на Сонечку, попросту влюблен в нее без памяти – и готов на вечную рыцарскую службу. Будучи классически нормальным человеком, имеющим десяток самых необходимых табу, он никогда и помыслить не смог бы о ней, как о женщине, но глядя на дочку, все равно выглядел несколько помешанным. Жена очень быстро превратилась для него лично лишь в место отправки неотложных физиологических нужд, а основная ее функция теперь, по его мнению, должна была заключаться в виртуозном исполнении роли униженной служанки при высочайшей особе сказочной феи, недоступной принцессы – Ее Высочества Дочери.

- Замолчи! – вдруг на полном серьезе рявкнул он на жену за столом, с ненормальным восторгом наблюдая, как годовалая девочка, вертясь на своем высоком креслице, силится выдавить гукающие звуки. – Ты что, не слышишь – Сонечка говорит!! А ты все вкоччешь, вкоччешь – тебя не переорешь!

- Встань, корова! – рывком выдергивал он Гостью из кресла, видя, что дочка двумя сильными руками пихает мать в бедро, намереваясь влезть на ее место. – Не видишь – Сонечка хочет сюда сесть! Тебе лишь бы развалиться – а там трава не расти!

- Опять пирожное жрать собралась? – отодвигал он ее тарелку за чаем, видя, как четырехлетняя дочь, только что лихо умявшая пару корзиночек и бисквит, неодобрительно наблюдает за матерью, робко осмелившейся поднести ко рту только что забракованный дитячком эклер. – А если Сонечка еще захочет? Только и знаешь, что ребенка объедать!

Плоды отцовского воспитания начали сказываться закономерно быстро, потому что вместе с пугающей красотой девочка от кого-то унаследовала еще и крайнюю восприимчивость вкупе с острым живым умом и поразительной памятью. Свою исключительность она осознала едва ли не с пеленок и уверенно пошла по земле сразу прямой и не забавной поступью, эту землю победительно попирая. Да и то сказать: свое право глядеть на мир с насмешливым прищуром превосходства, лишь пользуясь по мере надобности мелкими окружающими людьми, она читала не только в глазах дуреющего в ее присутствии brutального отца, но и в глазах тех, кто навсегда состоял для нее в ранге презренной прислуги – врача в детской поликлинике, у которой на приеме тряслись руки от восхищения, воспитательницы в саду, открыто преклонявшейся перед девочкой в присутствии всех остальных, совершенно неинтересных ей детей, соседки по площадке, застывавшей с открытым ртом

при виде царственного прохода невозмутимой девочки Сонечки, молодого знакомого милиционера-курсанта, инстинктивно отдававшего ей честь... Мать? Ну что ж, мать пока приходилось терпеть в злорадной надежде когда-нибудь поквитаться...

Гостья оставалась единственной не сдавшейся особью в окружении собственной дочери Софьи. С завидной регулярностью она обрушивала на своего мужа темные грозы справедливых упреков:

- Ты кого растишь?! – со слезами кричала она. – Ты же сволочь растишь – показательную! Отменную!

- Не смей так о моей дочери! – бурным медведем рычал он в ответ.

- Это и моя дочь тоже! – отбивалась жена. – У меня на нее столько же прав, сколько и у тебя! Даже больше, потому что я мать, а ты всего лишь отец! И я не могу смотреть, как ты калечишь ее личность! Имей в виду: если будет так продолжаться, то я подам на развод и через суд отберу ее у тебя! Не позволю превратить ребенка в тупое красивое животное!

- Тупое животное здесь только ты! – ревел муж. – Только вот не красивое, а уродливое! Потому и бесишься – исключительно из бабьей зависти и ревности! Если бы мне перед выпуском не нужно было хоть на черте жениться – ты бы в девках померла! Сейчас и подавно – кому ты нужна! А она красавица, и у нее в ногах тысячи мужиков будут ползать! Тысячи!

- Они уже ползают! – язвительно кидала Гостья. – И один из них – ты! На себя со стороны посмотри, срам-то какой! Ну уж хватит... Все... Разводимся на фиг...

Он подскакивал к жене с белым лицом и страшными глазами и шипел:

- Только попробуй... В тот же день сдохнешь... Лично застрелю... Лично...

Это он гипотетически мог, потому что Сонечка превратилась в гиперидею «фикс» для своего неудовлетворенного жизнью отца, не сумевшего реализовать главное жизненное начинание: уже через год с небольшим после рождения дочери полк, к которому принадлежала и странная таежная точка, был предательски расформирован, а офицеры с нищим пайком в зубах отправлены в принудительный отпуск без содержания... Он уволился из стремительно рассыпавшейся армии, думая, что уходит на самое короткое время, лишь пока страна не опомнится, – и осел в опасном, но родном Петербурге девяностых, выбрав себе профессию, не заставлявшую, по крайней мере, расстаться с казенным оружием, без которого он и вовсе чувствовал себя омерзительным гражданским кастратом... Соня стала отрадой, единственным лучом ослепительного света в поганой его жизни, и она же крепко удерживала его в ней крошечными своими ручками. Не она – может, давно бы ствол в рот вложил, на новую Россию наглядевшись. Не пришлось ему повоевать за Родину, как сызмальства мечталось. А вот за Соню убил бы, не задумываясь. Приспело бы жену – и ее тоже. Глупа была непроходимо, как все бабье, а это чуяла. Край не переступала...

Но переступить однажды пришлось.

Гостья категорически отказалась подчиниться

Золотое Слово-6

требованиям мужа стать пожизненным бесплатным приложением к своей дочери и провести рядом с ней в качестве покорной няни все часы и минуты до поступления той в школу. Снова, бледнея от гнева, она грозила разводом и судом – и только тогда муж выбрал платный почти приличный садик, куда отвел однажды девочку, рыдающую навзрыд. Пришлось скрепя сердце рассказать ей правду: это эгоистичная мать, думающая только о своей никчемной персоне, выгнала доченьку из дома к чужим людям, а ему, неутешному по этому поводу отцу, приходится до кровавого пота трудиться каждый день, чтобы кормить и наряжать свою любимую Сонюшку...

- Убей ее, папа! – заходила в крике трехлетка.
– Ты же сильный! У тебя пистолет! Бах! Застрели!

- Давно бы уж застрелил, - честно ответил он. – Только вот понимаешь, меня тогда и самого застрелят...

Но в детском садике Соне неожиданно понравилось. Она невозмутимо осваивала там новую важную науку должного обращения уже не с наскучившими взрослыми, а с малоизученными до того сверстниками. Роли красавиц-принцесс в шелковых платьях с рюшами и воланами принадлежали ей как само собой с первого дня – и девочка играла с удовольствием, вкладывая душу в создаваемые образы, как профессиональная актриса. Феноменальная память позволяла ей чуть не с голоса заучивать наизусть длинные стихи и песенки – и на частых детских утренниках, проводимых в дорогом садике по любому поводу, именно она блистала на маленькой сцене перед застывшей от восторга публикой, без запинки шпаря всего «Айболита» от начала до конца и «с выражением»... Видя единодушное отношение взрослых людей, и дети, поголовно недолюбливавшие Соню за банальное чванство, очень скоро приучились оказывать ей внешнее почтение, потому что любая малейшая обида, нанесенная Соне, каралась немилосердно, всегда оставаясь незамеченной в своей смехотворности, если ущерб причинялся кому-то другому. Так, например, смелый мальчик однажды рискнул не позволить ей молча забрать кусок сыра со своего бутерброда, что она вознамерилась походя сделать, даже не повернув головы в его сторону. «У тебя есть свой...» - робким шепотом возмутился парнишка – и тотчас подоспевшей воспитательницей был публично заклеимен презренным жадинай. Он еще легко отделался. Девочка, чьего крошечного пластмассового щенка Соня мимоходом присвоила просто потому, что игрушка ей приглянулась, а она привыкла, что все понравившееся немедленно поступало ей в собственность, тоже воспротивилась произволу и грубо отняла свою вещь обратно... И что же? Взрослый суд неоспоримо доказал, что щенок всегда принадлежал Соне, а ограбленную девочку, уже опухшую от слез, собственные родители в самых благих воспитательных целях заставили при всех извиниться за воровство и жестокость... Соня снисходительно кивнула. Она знала, что не подлежит критике, и очень трезво оценивала непобедимое могущество своих ослепительных глаз...

В те годы вошло в моду носить детей в церковь к причастию, причем это ухитрялись бойко проделывать даже некрещеные родители. Считалось, что ребенок станет здоровее и будет спокойно спать. Гостья, сама крещенная в младенчестве, поразмыслив, окрестила дочь еще в таежном поселке, где рожала (сорокадневная девочка весь обряд каменно проспала), потому что краткий призыв жестокого интерна к неведомому Богу в критическую минуту ее родов, призыв, мгновенно спасший от смерти и ее, и ребенка, засел в памяти железной занозой. Причастить уже двухгодовалую девочку, которую тогда еще беззаветно любила, она вознамерилась сразу по приезде в Петербург. Соню нарядили ради такого торжества в атласное белое платье и кружевной чепчик – и гордый отец понес ее, как всегда, серьезно молчаливую, к огромной золотой Чаше, которую держал молодой ласковый священник в голубом по случаю Богородичного праздника облачении.

«Причащается младенца София!» - умиленно объявил он, с сияющей улыбкой поднося лжицу с Кровью Христовой к чувственному надутому роту. Дальше произошло невообразимое: хрупкая принцесса в купидоновых локонах издала низкий и страшный животный рев. Ее маленькое тельце мгновенно выгнулось железной дугой в отцовских объятиях, а ручки и ножки задержались в кошмарных конвульсиях, но не хаотичных, а упорно стремившихся к Чаше. Девочка то по-звериному рычала, то хрипела, будто при смерти, вовсе не напоминая балованного ребенка, привычно капризничающего во время Причастия... Явно растерянный священник инстинктивно отпрянул, спасая Святые Дары, но Соня в последний момент все-таки дотянулась до Чаши ногой, и с недетской силой толкнула ее. Кровь Спасителя мира на глазах у всех плеснулась ей на подол – и вот тут-то городской церковный люд, в массе своей не выдавший ужасов беснования вживую, в одну грудь ахнул. «Отойдите пока... - опомнился все это время столбом простоявший алтарник. – Батюшка потом к вам выйдет...»

Чувствуя, что происходит нечто гораздо более страшное, чем кажется, Сонечкин отец попятился с нею прочь.

- Платье снимите и отдайте! – строго сказала ему подбежавшая свечница. – На нем Кровь Господня, его нельзя теперь просто так постирать...

- Доченька, успокойся... - протянула к Соне руки толком еще ничего не понявшая Гостья. – Это не страшно, это сладко, как варенье...

И с неистребимой материнской нежностью она посмотрела в заплаканное личико своего ребенка. На Гостью глянуло совершенно взрослое землисто-каменное лицо, исполненное холодной и вовсе не беспомощной ненависти ко всему живому; желтые длинные глаза хищника готовы были убить мать одним взглядом – и где-то на самом дне этих ледяным огнем пылавших глаз таился не успевший погаснуть запредельный страх... Через секунду все исчезло, как губкой стертая, и вновь перед Гостьей было знакомое прекрасное лицо любимой дочери – просто немного покапризничавшей в непривычной обстановке...

Золотое Слово-6

Бывает.. Гостья зажала себе рот обеими ладонями... Но муж ее уже взял себя в руки, как и подобает человеку военному.

- Какое еще платье?! – гаркнул он на свечницу. – У-у, карга старая!!! Развели тут... Чтоб вас всех!!

Прижав к груди крепко обхватившую его ручонками девочку, он без оглядки бросился к двери, печатая по привычке шаг. Люди в молчании расступались перед ними. Последней выбежала на паперть серая от ужаса мать...

- Ноги ее большие у попов не будет! – мрачно сказал муж в машине. – Хватит, поигрались... Бог, если есть, ее и так не оставит...

Единственное место, где люди не склонили перед ней раболопные головы, его дочь больше никогда не должна была увидеть...

...К четырем годам у Сонечки отросла замечательная коса, ее главная драгоценность в жизни. Такой не было ни у одной девочки из знакомых, в большинстве своем способных похвастать только жалкими лохматыми веревочками, убого свисавшими с их глупеньких страшеньких головенок. Сониная коса была толщиной в ее далеко не худую руку и доходила до самого крестца, всегда украшенная на конце роскошной лентой любимого пурпурного цвета. Процесс конструирования лучшей в мире прически отец никому не доверял и ежедневно заплетал голову дочери собственноручно, причем он научился ловко плести и модную корзиночку вокруг головы, постепенно плавно переходившую в корень коричневой, плотной и ровной косы из четырех прядей. Это Гостья делать умела неважно и принципиально не желала учиться, считая, что простой девичьей косички без всяких дурацких венчиков, плетеной из обычных трех частей, вполне достаточно для пятилетней девочки, и без того наделенной завидной внешностью. А еще лучше для нее – простая стрижка «в кружок». И голове легко, и к лицу идет, и родителям хлопот не доставляет. Но раз уж муж плел эту корону с армейским упорством, она не возражала: пусть делают, что хотят. А она возьмет – и родит себе другую девочку. Может, совсем некрасивую. Но родную и любимую, которую в обиду не даст...

В тот день, что разделил Гостыну жизнь на традиционные «до» и «после», драгоценную косу ей пришлось заплести самой – как и во все дни, когда мужу случалось рано утром уйти на работу. Она никогда не миндальничала попусту, а спокойно делила богатые волосы дочери на три толстые пряди и в меру своего невеликого умения заплетала надувшейся, как мышь на крупу, Соне аккуратную гладкую косу, вместо корзиночки оставляя на голове скромный прямой пробор. Соня не артачилась, потому что мать плела любимую «корону» очень редко, и всегда на это шла уйма с рождения высоко ценимого ею времени. Но в тот день ей предстояло танцевать в качестве солистки на очередном тоскливом утреннике партию девочки-пастушки – и обожаемый папа пообещал, что успеет заскочить в садик, чтоб полюбоваться. Ни за какие в мире блага не могла позволить себе красавица-пастушка трясти на сцене гладкой плебейской косой и

сообщила матери за десять минут до выхода:

- К завтраку в сад не пойду. Сегодня ты плетешь мне корзиночку. Мне на сцене выступать.

- Не могу доченька, – как можно спокойнее и дружелюбнее отозвалась ее мать. – Я по важному делу опаздываю.

Ей действительно предстояло через час, за который еще надо было успеть привести себя в порядок, собраться с мыслями и доехать до места, ответственное собеседование с главным редактором известного на всю страну политического журнала, работа в котором вот уже год казалась ей недоступной вершиной мечты – и вдруг выпал уникальный, почти невероятный шанс попытаться неулыбчивую судьбу.

- Можешь, – холодно отозвалась дочь. – Отложи свое дело, иначе папе пожалуюсь, и он тебе покажет.

Бояться своего неудачника-мужа Гостье и в голову не приходило, потому что была она насмешливо уверена, и уверенности той пока никакой его поступок не поколебал, что ни на что большее, чем очередная противная мужская истерика, к которым за шесть лет она успела притерпеться, супруг неспособен по определению.

- Не смей хамить! С матерью разговариваешь! – прикрикнула она. – Живей собирайся, завтрак ради тебя не отложат!

- Не буду, – тихо и спокойно сказала Соня. – И пока не переплечешь, как я хочу, в садик не пойдем.

- Сейчас получишь, – начиная звереть, предупредила Гостья. – Немедленно поворачивайся, мерзавка, и иди, как есть. У меня нет ни минуты, чтобы тут с тобой сегодня рассусоливать!

- А ты поищи, – пристально глянула дочка на мать, и та увидела, как лицо ее начинает быстро и жутко каменеть; в глазах девочки Сонечки вспыхнул мрачный тяжелый пламень, словно отсвет какого-то другого, далекого и неназываемого огня, от одной мысли о котором замерзает любое сердце.

Этот взгляд Гостья уже видела раз – три года назад, в церкви, у золотой Чаши, – видела и не могла без крупной дрожи вспоминать. Потому и не вспоминала. А сейчас он снова горел перед ней – уже более матерый и опасный – но она не позволила себе малодушного отступления:

- Да пожалуйста, – отчеканила воспитательно-железным тоном. – Останешься голодная, только и всего.

Следующие несколько секунд растянулись на семнадцать лет и снились ей все эти годы не только ночью, но и днем, если случалось вдруг безответственно забыться от усталости. Она услышала совсем не детский, а словно бы старческий, надтреснуто-свистящий свирепый шепот из уст своего пятилетнего ребенка:

- Ты, жирная сука. Ты сейчас же сделаешь то, что тебе велят, – из Сониных глаз вырвались и огненными жалами впились ей в лицо два острых ледяных луча.

И Гостья бессильно отвела глаза, уже готовая страдальчески покориться – но блуждающий взгляд ее упал на тонконогий столик со швейной машинкой.

Золотое Слово-6

Рядом, на куске ярко-желтого шелка, врезавшегося в память, как зазубренный осколок, лежали огромные портновские ножницы, только вчера по ее просьбе заточенные мужем на допотопном, цвета грязного марганца точильном камне. Рассудок помутился, и Гостья уже никогда не могла сказать, как ножницы оказались в ее руке. Сонину косу она отхватила одним махом, под корень, отшивырнула к стене, как убитую гадину, и развернула неожиданно мягкую, словно придушенный зверек, дочь лицом к себе, без всякого смущения глянув в ее остекленевшие от ненависти глаза:

- В следующий раз, если вякнешь, обрею наголо.

Тяжелым, будто испитым голосом пожилой женщины маленькая девочка устало ответила:

- Следующего раза не будет. Больше ты меня не увидишь, - и после звенящей паузы добавила одно короткое слово: - Здесь.

Соня, очевидно, знала, о чем говорила. Через час после того, как ее, больше ни слова не проронившую, но очаровательную с короткими кудряшками, как грезовская головка, мать сдала срукнарукисплывшейся в жабьей улыбке воспитательнице, у Сони начались стреляющие головные боли, от которых она жалобно, как кошка в руках садиста, кричала на весь детский сад до самого приезда «скорой». В машине, прямо на глазах перепуганных фельдшеров, она начала сплошь покрываться багровыми пятнами размером с ладонь – и вскоре забилась в неостановимых безобразных судорогах. В детскую инфекционную больницу девочка поступила уже без сознания с предварительным безнадежным диагнозом-приговором: менингококковая инфекция, генерализованная молниеносная форма. Антибактериальная массирующая атака на уже холодеющее, сплошной коричневой коркой покрытое детское тело не дала даже минимальных результатов – и к обеду любимая папочкина принцесса-Сонюшка умерла в реанимации, за сотрясающейся от ударов белой дверью, которую все-таки сумел в последнюю секунду профессионально высадить ее отец.

- Что вы сделали с ней?! Что вы с ней сделали?! – заревел он, как простреленный, имея в виду не чужое почерневшее лицо на громадной белой кровати, а коротенькие веселые кудряшки, насмешливо его обрамлявшие...

Потом ему объяснили, что такая редкая форма заболевания встречается только в исключительных случаях, когда по какой-то причине у ребенка резко обрушивается иммунитет – например, после неожиданного переохлаждения или глубокого шока.

Причина именно такого шока валялась дома под батареей, украшенная багровым, будто крови насосавшимся, бантом – в мстительном порыве Гостья, убегая на собеседование, специально не стала убирать мертвую косу с глаз долой: пусть полюбуется дражайший супруг, до чего доводит безответственное воспитание. Коса была обнаружена, поднята и аккуратно положена на стол. Ее-то первым делом и увидела, вернувшись к шести, впервые за много месяцев довольная и усталая Гостья – под большой новогодней фотографией дочери в костюме Снегурочки –

фотографией, у которой левый нижний угол уже был перечеркнут черной сатиновой ленточкой.

Муж бил ее, не посмеивую даже охнуть, сначала лицом об стену, держа сзади за волосы, а когда, оставляя широкую кровавую полосу, Гостья грузно сползла на пол – сломанным носом в плитус – принялся отделывать ногами в так и не снятых ботинках, круша ребра и целясь в незащитные почки. Он был твердо намерен забить жену насмерть и непременно довел бы дело до конца, если бы вдруг она смело не повернулась на спину под смертоносными ударами и не проговорила со странным равнодушием:

- Уймись, если можешь, скотина. Я опять беременна.

На обратном пути Скульптор вел машину сам. Мысли его спутались необратимо. С одной стороны, ему непреодолимо хотелось остаться одному, чтобы со вкусом прочувствовать и осмыслить все еще раз, а с другой он четко понимал, что таким рассказом Гостья каким-то образом навеки привязала его к себе. Навеки – это если они сегодня останутся вместе; но если сейчас он молча отвезет ее домой на ее же машине, то эту женщину точно никогда не увидит снова, потому что она приравняет его поступок к предательству и будет, в сущности, права. Своим рассказом она ненавязчиво обязала его, вырвала и захватила инициативу в отношениях – ту неприкосновенную инициативу, которая извечно принадлежит мужчине. Словно сказала: я твоя, а ты мой, раз теперь знаешь обо мне такое. А какое, собственно, если пристально посмотреть? Да ничего особенного она не сделала: отстригла косу распоясавшейся малолетке, непотребно нахамившей родной матери... Всякие там звериные голоса, потусторонние взгляды – это уже постфактум родилось, лирика, так сказать... Гостья сама для себя придумала страшную сказку, чтоб прочнее удержаться в чувстве вины. Если б девочка в тот же день так драматически не скончалась, весь выеденного яйца не стоивший конфликт кончился бы ничем – вернее, очередным истерическим припадком ее психованного мужа; и до рук бы не дошло, скорей всего, не то что до увечий... Через год и коса бы отросла лучше прежней, а ссора бы еще раньше забылась... Девчонка, правда, действительно грозила вырасти отменной гадюкой – ну, так тут и Гостья постаралась: кто ее заставлял все воспитание на откуп мужу-придурку отдавать? А тут менингит – да как некстати, прости, Господи... Умерла бы накануне или, наоборот, через месяц, и супруги у ее гроба, пожалуй, в слезах помирились бы, родившихся потом мальчишек папаша бы не уродовал, за дочку подспудно мстя, и жену живой не закопал бы... Но получилась эдакая заковыристая мистика, хоть фильм ужасов снимай... Конечно, тут Гостья жизнь под откос и обрушилась...

Очень хорошо понимал Скульптор, что жизнь этой измученной женщины, так и оставшуюся под откосом, только поросшую травой и побитую непогодой, именно ему теперь предстоит оттуда, надрываясь, вытащить и весь остаток собственной терпеливо выправлять... Или нет – строить заново... Вот именно – остаток. А

Золотое Слово-6

много ли ему осталось? Он воровато косился на нее, прямо сидевшую на пассажирском сиденье, и в какой-то миг с волнующим удивлением заметил, что профиль у нее откровенно греческий, и линия прямого твердого носа почти сливается и гладкой и чистой линией перламутрового в летней ночи лба. Он улыбнулся, подумав, что Гостья похожа на дорогую греческую гетеру в этом подхваченном под сильной грудью свободном платье-тунике до пят, с пшеничными кольцами волос вдоль полной красивой шеи... Он может, как ни банально это звучит, возродить ее к жизни, вернуть ей и себе счастье близости с любимым человеком, не напрасно, в конце концов, прожить эти туманные годы, в которых иначе ждет его катастрофа предсмертного одиночества... Может, если решится. Но вот именно проклятая нерешительность и была всю жизнь главным и роковым недостатком Скульптора, отравляя радость бытия как ему, так и ни в чем не повинным доверчивым спутникам...

- Сверните, - вдруг сказала Гостья, не поворачивая головы. - Вон гипермаркет, а вы же сами сказали, что в холодильнике у вас хоть шаром покати...

Да, действительно сказал – еще утром, кажется... Но какое ей дело могло быть до его холодильника? А такое. Такое дело, что ехать она собиралась сейчас все-таки к нему. Она принимала теперь решения, понял Скульптор. Дал под влиянием момента слабину, выслушал навязчивую исповедь – теперь отвечай. Он послушно припарковался среди десятков других машин, ждавших хозяев у гигантского желтого куба, зазывно сиявшего огромными буквами на боку, без устали втягивая в свою сверкающую утробу обманчиво деловитых, вечно голодных и неразборчиво прожорливых людей.

Гостья шла, непринужденно толкая тележку меж бесконечных, заваленных снедью стеллажей так уверенно, словно гуляла по Невскому. Она ориентировалась здесь, в ледяном дворце потребления, с легкостью и естественностью охотника-индейца в девственном тропическом лесу. Было очевидно, что, чувствуя себя в этом великанском чреве, как дома, Гостья и не думает замечать, что друг ее попросту испуган. Ему не то что неудобно, а страшно стало в этом необъятном муравейнике, где идея перенасыщения воплотилась в чудовищных, извращенных формах. Если бы мама Таня дожила до нынешних времен, а не угадала виновато от сердечной недостаточности перед самой перестройкой, то она умерла бы, попав в такое адское место, отчетливо понял Скульптор. Он с ужасом смотрел на приличных с виду людей, целеустремленно катящих перед собой огромные телеги, в которых громоздились грозные эвересты из пестрых коробок, кое-как сваленных банок, непристойно торчащих батончиков... Кому все это надо? Как это съесть? Или они просто повинуются неодолимому крабовому рефлексу, а потом половину выбросят? Съежившись, он трусил вслед за Гостьей, стараясь не смотреть по сторонам. А она то и дело останавливалась на секунду, небрежно кидала что-то в тележку и преспокойно плыла себе дальше, ни разу не поинтересовавшись у Скульптора о его возможных предпочтениях. Дно покрывали уже

какие-то тюбики, флаконы, пульверизаторы... А зачем его и спрашивать-то? Он теперь – ее мужчина, а значит, автоматически лишен права голоса, и вообще – она хозяйка и лучше знает... Его дело не мешать женщине выполнять свою вековую роль, а просто бессловесно оплатить покупки на кассе... И не под каким она не под откосом, кстати, если вдуматься. Прекрасно обжилась в этом мире; а что красиво страдает – так это в свое удовольствие, значит, нравится ей... Вот сейчас она спокойно утащит его с собой в этот чуждый ему и противный мир, где женщины лихо водят машину и берут себе приглянувшихся мужчин, где русские люди, не морщась, поедают сырую рыбу и чуть ли не головастики с помощью деревянных палок, где они не покупают себе хлеб насущный и вино для веселья, а жадно, как пираньи, хватают и жрут все условно съедобное в радиусе протянутой руки... Она, наконец, застопорилась со своей тележкой у какой-то полки и принялась пристально изучать надпись на пакете странно коричневых макарон, а потом подозвала к себе женщину в униформе и стала ее о чем-то подробно расспрашивать. Стояла с раздумчиво-отрешенным лицом в двух метрах, а казалось, будто плавала за стеклянной стеной в невиданно громадном аквариуме и была экзотической рыбой, которую он наблюдал с опаской и легким отвращением...

Скульптор сделал большой шаг назад. Покосился на нее, ничего вокруг не видящую, кроме своей злосчастной загадочной пачки в руках – и завернул за ближайший угол. Зачем-то стараясь ступать по возможности тихо, он быстро прошел вдоль стеллажа с разнообразными лимонадами (как остро вспомнились вдруг навсегда исчезнувшие с лица земли автоматы газированной воды – уж и попил бы он сейчас того нектарчика!) – и вдруг оказался прямо у пестрой линии касс. Подняв вверх пустые руки, как солдат, выходящий из окружения в плен, он протиснулся мимо равнодушной короткой очереди и, голову в плечи втянув, плавно устремился никогда ему не свойственным стремительным шагом в сторону противоположного выхода. Только когда на трассе ему повезло почти сразу же поймать машину до родной Охты, и он с глубоким болезненным вздохом откинулся на заднем сиденье, Скульптор почувствовал себя законченным и совершенным подонком. Теперь уж хочет он или не хочет – а с этой женщиной ему встретиться больше не предстоит. Такое не прощается.

К дому приехал хмурый и злой на весь мир, в круглосуточном «подвальчике-выручалычке», где добрый иноверный продавец, он же хозяин, продавал всем обладателям знакомых лиц спиртное в любое время суток (а незнакомым, но желающим доказать свою непричастность к племени ревизоров почему-то достаточно было для этого просто перекреститься), взял бутылку водки и пузырь пива, поднялся к себе на трескучем лифте и обнаружил, что Червонца в квартире нет, а балконная дверь открыта. Это его собственная была, разумеется, оплошность, Червонцем сразу умело использованная. В таких случаях кот, как бывалый канатоходец, протанцевав по перилам, мягко прыгал на карниз, царапая жесть острыми когтями, с риском

Золотое Слово-6

для жизни добирался до всегда открытого лестничного окна, несколько секунд, припав на задние лапы и устремив вождедеющий глаз на проем, расчетливо балансировал резко потолстевшим по такому случаю хвостом, потом без разбега пружинисто перелетал на подоконник – и только его и видели. Ближайшие трое суток звать черную бестию было бесполезно, но Скульптор никогда не выдерживал железного срока – мчался искать, жалобно зовя кота, как пропавшего ребенка, по всем окрестным дворам и подвалам. И на этот раз он еще долго и путано метался по округе, устремляясь на каждую мелькнувшую вдали темную кошачью тень, выкрикивал своим суровым басом странную для прохожих кличку, Червонца, конечно, не нашел, вернулся домой, сел за кухонный стол, разбавил пиво изрядной порцией водки, глотнул – и заплакал. Скульптор просидел неподвижно некоторое время – не всхлипывая, не утирая лица ладонями, а просто позволяя едким слезам неостановимо, как у апостола Петра, течь по своим шершавым, так сегодня Гостьей и не поцелованным щекам. Потом поднялся, решительно забрал пузырь с пивом и, срывая на ходу одежду, отправился в ванную, где сразу врубил мощную белую струю и повалился в горячую, пахнущую хлоркой и ржавчиной воду...

Как он смог услышать сквозь шум воды и собственные уже громкие рыдания тонкий писк дверного звонка? Он и в комнате-то не всегда его раньше слышал! Вероятно, даже сквозь всю безнадежность был на него настроен, как умный камертон! Скульптора молниеносно вынесло из ванны голого и мокрого, скользящего по линолеуму в первом попавшемся полотенце вокруг бедер – и, придерживая его непослушной пястью, он другой рукой бестолково гремел заартачившимся замком, суетливо бормоча магическое заклинание: «Я сейчас... Сейчас я... Сейчас...»

Когда дверь открылась, Гостья молча обняла Скульптора, пряча лицо на его груди – а он поначалу лишь мог обхватить ее свободной рукой, потому что другой все еще зачем-то стыдливо держал под животом холодную влажную тряпку.

- Миша, Мишенька! – плакала она, целуя его, куда придется. – Не могу без тебя... Любимый мой... Хороший...

«Да гори оно огнем!» - решил он и выпустил полотенце. Он прижал ее сразу всю, от колен до груди, оторвав от себя ее лицо, запрокинул его, стал целовать, как безумный, и, сбиваясь на хрип, повторял обрывающимся крещендо:

- Дарьюшка, родная... Ненаглядная, желанная ты моя...

Когда первая волна цунами схлынула, они так и стояли в прихожей, обнявшись – полностью одетая и обутая женщина и совершенно голый и босой мужчина – и одновременно услышали, как далеко внизу надывается истошными прерывистыми воплями автомобильная сигнализация.

- Моя... - обреченно прошептал мужчина. – Из сотни узнаю... Неделю уже барахлит, да все руки не доходят... Придется идти.

Женщина непринужденно рассмеялась, инстинктивно поправляя волосы:

- Куда ты пойдешь, на себя посмотри... - она мгновенно схватила с тумбы автомобильные ключи. – Я сбегаю. Долго ли на лифте...

Он на миг задержал ее руку в своей, потом поднес к губам и поцеловал теплую ладонь. Помедлил и попросил, заговорщицки улыбаясь:

- И знаешь что... Переставь ее чуть подальше... Туда, к набережной, что ли... Если опять заорет, то меньше народу разбудит. Да и мы ее здесь не услышим...

Женщина кивнула, ослепительно просияв, и выскользнула за дверь, а он, не прекращая улыбаться, быстро пошел к кухонному окну, чтоб увидеть, как любимая пойдет через двор, и успеть махнуть ей со своей приветливой высоты.

Глава 7

Перед выводом советских войск из Афганистана

мотострелковая часть сворачивала в восемьдесят восьмом году свою боевую деятельность. На Пункте Постоянной Дислокации уже несколько недель шла веселая, словно предпраздничная подготовка. Молодых и необстрелянных парней, учебку с ее казаками-разбойниками считавших пределом военных тягот и готовившихся к фронтовой романтике с черно-белого экрана, гоняли не по-детски. Алексей Веретенников, огонь, воду и медные трубы за полтора года прошедший не по одному разу, сидел, меланхолично покуривая «Кэмэл», на БТРе, подставив абсолютно коричневый, как у мулата, торс пыльному заходящему солнцу. Оно как раз нацелилось провалиться ровнехонько меж двух острых горных вершин, и осталось ему совсем немного – а потом после очень кратких и невнятных сумерек на измученную землю падет непроницаемая паранджа недоброжелательной восточной ночи. Алексей был, в общем, не особенно против заклеянной чистоплюями дедовщины, несколько даже завидуя первогодкам: что с того, что поползают немного раком, зубной щеткой отскребая и без того чистый казарменный пол! Ну, выплюнут на ладонь зуб-другой, ежели на «дедушку» зыркнул как-нибудь неподобающе – зато, скорей всего, направо и налево гордо называясь афганцами, дослужат до дембеля где-нибудь на паркете. А что не паркет по сравнению с этими дикими ущельями, где даже большую нужду приходится в случае чего справлять под себя, потому что остановиться в Афгане на пути следования, где ты всегда – мишень, и каждый камень готов стрелять, – значит, скорей всего, умереть на месте... И это еще ничего – умереть на месте, степенно размышлял Веретенников. Классно в плен попасть – раненым особенно. То, что добьют в затылок – это нормально, это благо, о котором молиться станешь

Золотое Слово-6

первой минуты. Потому что для начала обрежут тебе все, что торчит – с ушей начиная и далее вниз – глаза выколют шомполом, и только потом пристрелят, а в открывшийся в предсмертном крике рот напоследок вставят то, что торчало ниже всего... Он, Лёха, это сам видел, вот этими глазами. Слава Богу, что не было среди тех парней ни одного знакомого... А вот среди восьми обугленных грудных клеток из сожженной на ближнем перевале колонны, которые лично «грузом двести» отправлял, по крайней мере, три принадлежали его близким друзьям... Лёха автоматически при этом воспоминании снял и швырнул на броню все равно не нужный больше солнцезащитный шлем, дурацкой формой похожий на детскую панамку, и пятерней взъерошил свои выгоревшие до почти полной белизны волосы... Надо ж было так случиться, что у здорового духа, первым заваленного в следующем же бою и опрокинувшегося на спину, балахон распахнулся так, что всему отделению стал виден огромный лиловый член, стоявший на диво прямо. Чем они там занимались, интересно, прямо перед боем?! На мертвого духа обрушили шквальный огонь – и потом каждый уверял, что диво дивное отстрелил именно он – правда, помкомвзвода лейтенант Граев мордобой им учинил знатный, у троих вообще рожи подушками стали... Улыбаясь, Алексей прихватил шлем и грациозно спрыгнул с БТРа, тут же лицом к лицу столкнувшись с Таиром Амировым – коренастым азербайджанцем, которого во взводе любили даже украинские западенцы. Он казался мягким, тихим, услужливым парнем, почти без акцента говорившим по-русски, но не матерившимся даже на родном языке. Худшее, что он произносил, даже когда в бою неожиданно зверел не на шутку, проявляя малопонятный восточный садизм, было все-таки цензурное ругательство «Ара, ограш, гетваран!», и все знали, что он каменно надежен для тех, кому посчастливилось лежать или отходить под пулями с ним рядом.

- Лёха... А нарисуй мне кобру... Королевскую... - застенчиво попросил он, опуская долу глянцево-черные, как нос у кухонного пса, глаза.

- Зачем тебе кобра, Таир? – улыбнулся Веретенников. – Забыть не можешь? – и, видя, как друг обиженно набычился, поторопился успокоить его: - Давай тогда в казарму бегом, чтоб до проверки. У меня и альбом, и карандаши там, я ведь просто покурить вышел...

- Лёха... - осмелел стеснительный Таир. – А можно так, чтоб рядом с коброй – это... И я где-нибудь стоял?

Это, конечно, было не только можно, но и нужно, потому что Таира с самых недавних пор прозвали заклинателем змей после того, как ему удалось уговорить безмозглую королевскую кобру не нападать на него – и действительно, уж очень обидно было бы погибнуть накануне дембеля, да еще не от руки визжащего в раже боя «духа», а от банального укуса ядовитой змеи, которые и в родном Азербайджане водятся так же просто, как ласточки в средней полосе. Она поднялась перед спокойным от природы пареньком в вертикальную стойку под прямым углом и принялась

волнообразно шевелить своей отвратительной плоской головой, раздув от избытка охотничьих чувств знаменитый капюшон. Бежать или кидаться в сторону в таких случаях может только самоубийца – это примерно то же самое, что соскочить с мины-прыгунка, на которую по дурусти наступил: скорость кобриного броска вполне сопоставима со скоростью пули-дуры... У Таира, доживавшего, по сути, последние секунды, внезапно проявилась его темная азиатская голова, и каким-то чудным наитием он ласково, как девушке, предложил изготовившейся к убийству гадине: «Ала, гузал, су лар?» (Дорогая, милая, воды хочешь?) Кобра озадачилась: так вежливо с ней еще ни одна жертва не разговаривала. На долю секунды она перестала качаться – и этой доли хватило Таиру, чтобы со скоростью, почти равной змеиной, совершить молниеносный рывок за соседний камень, где в теории могла находиться еще одна такая же тварь... Услышав этот бесхитростный рассказ из уст любимого боевого друга, Алексей, помнится, с размаху обнял его, охваченный мгновенным счастьем – тем огненным счастьем, которое иногда вспыхивало в нем после тяжелого боя, когда он облегченно понимал вдруг, что оба они опять уцелели...

- Знаешь, чего я больше всего испугался? – наивно сказал тогда Таир. – Я подумал – а вдруг эта змея не женщина, а мужчина? На «ала» обидится – и все тогда... Ведь если змея – мужчина, то надо было «ара» говорить...

- Все нормально, - зажмурился, чтобы не заплакать, Алексей. – Здесь же Афган. Она все равно по-азербайджански не понимает...

В казарме он вновь с удовольствием достал альбом и коробку самых лучших карандашей, нашедшихся у духанщика, и, чувствуя на ушах и затылке молодое горячее дыхание сразу десятка ребят, как всегда, бросившихся жадно наблюдать таинственный процесс, несколькими скупыми, но точными линиями изобразил на листе весь драматический рассказ всеобщего любимца о том, как удалось ему победить свирепого афганского змея... Змей вышел очень страшный и очень испуганный – что дракон, попираемый Георгием-Победоносцем, а скромный заклинатель выглядел непобедимым сверхчеловеком с пламенными черными глазами, мечущими разящие стрелы. Рисунок всем очень понравился, а Таир вообще благодарил так, будто Алексей Веретенников не картинку забавную нарисовал на потеху публике, а лично спас его от неминуемой смерти в зубах афганской кобры...

Нетерпение в эти недели стало главным чувством всех старослужащих, вдоволь хлебнувших лиха на этой негостеприимной земле. Странно, но дело было даже не в постоянной опасности, глядевшей злобными глазами из-за каждого невинного на вид камня, целившей гранатой из каждого приветливого зеленого пятна. Двадцатилетние, они видели безобразную смерть веселых сверстников, но до последней секунды не верили в собственную. Они ухитрялись даже бросать мальчишеский вызов своей неуязвимости в минуты едва ли не панического бегства под сплошным огнем, когда приходилось, невольно прикрываясь ими, как щитом, тащить из неудачного боя стонущих раненых на худых

Золотое Слово-6

спинах: «Хоть бы ранило, бля... - почти на полном серьезе бормотал тшедушный паренек, подбрасывая на плечах, чтоб половчей улежся, медленно исходящего кровью товарища. – Чтоб не я ташил, а меня...»

Но не каждый же день все-таки приходилось стрелять – далеко не каждый, иначе никто бы с той войны не вернулся. Но ежедневно приходилось экономить драгоценную чистую воду, наблюдать, как быстро обезвоживается и без того изнуренный организм, и знать при этом, что любой глоток из соблазнительного арыка – это обязательный кровавый понос в перспективе – а безобидного гепатита уже почти не боялись... Их убеждали в необходимости умереть, если надо, за социалистическую Родину, но сама эта Родина не заботилась даже о том, чтобы досыта накормить своих отправляемых на смерть сыновей. Молодые солдаты, безжалостно обираемые «дедами» в смысле еды, иногда доходили до первых стадий дистрофии, но и самые бывалые старослужащие частенько держались в теле только тем, что при молчаливом попустительстве начальства бегали в кишлаки и обменивали на еду все, что пользовалось хоть каким спросом. Впрочем, из кишлаков приносили не только паршивую еду и третьесортное барахло – но и неизменный гашиш, который и добывать было не надо: грязные до какой-то предпоследней крайности афганские дети навязчиво продавали его вдоль дорог наряду с такими необходимыми вещами, как жвачка, зажигалки и презервативы – то есть товарами повседневного спроса... «Бакшиш!» (подарок) - просили они, кувыряясь в пыли и протягивая на черных ладошках заветные пакетики... Скоро эти ручонки крепко ухватят надежные израильские «Узи»... «Дурь» курили поголовно все – даже сверхзастенчивые паренки из интеллигентов, каждый день писавшие мамам успокоительные письма. Эти курили недолго, погибая не в первом, так обязательно во втором бою, если ротный не клал на них глаз, определяя при спасительном штабе или сытном и покойном госпитале... Хотя и это было относительно: долго ходили вдоль белых азиатских дорог рассказы о брезентовой палатке медсанчасти, которую однажды ночью без единого выстрела в несколько ножей вырезали душманы подчистую, а медсестер, блюдя странный отбор (именно красивые были убиты), утащили в качестве военных трофеев...

И Алексей Веретенников, и Таир Амиров, хлебнувшие не только военного горяшка, но и солдатских тягот сполна, понимали, что прежними домой не вернуться – и не только из-за того, что знали теперь, как легко умирает человек, на какой тонкой нитке подвешена его, оказывается, большая и тяжелая жизнь, но и оттого, что, долго прожив в скотском унижении, нечеловеческой грязи и моральном опустошении, сами отчасти превратились в отупевших от побоев скотов...

У самых, казалось бы, крепких и обстрелянных парней психика сдавала прямо на ровном месте – вот взять хоть Лёхиного земляка, брутального красавца-питерца из второго отделения, идола кухни и медсанчасти, однажды оказавшегося музыкантом, вырванным на помощь несчастным братьям-пуштунам прямо из Консерватории. Возвращаясь в сумерках из

давно освоенного кишлака, он почему-то беспечно отстал от своих – и вдруг бархатную тишину разорвали истерические автоматные очереди и неистовый рев... «Духи!!!» - орал, грамотно отстреливаясь, Санёк Изотов – и хорошо еще, что не вся сонная рота дружно бросилась ему на помощь. Спустя десять минут злого и хмурого Санька, увидавшего в ночи фосфорический блеск хищных глаз и уловившего чутким музыкальным ухом мягкую вражью поступь, привел на ППД, отобрав у него от греха дымящийся «Калашников», добродушный, ухитрившийся даже в спартанских условиях сохранить благостную полноту, сержант-хохол Осадчий: «Двух шакалов изрешетил, яко дуршлаг!», - сообщил он с ухмылкой – но никто и не думал смеяться, и Санька грозой шакалов, как он, может, боялся, не прозвали...

...Спустя две недели все они сидели в одном из четырех «Уралов», стоявших у белых стен вроде как дружественного кишлака. Несколько часов, мокрые насквозь, оглушенные тропической жарой и почти слепые от невыносимой белизны солнечного света, выцветшего от жары неба и жгучего воздуха, они выгружали из грузовиков муку, сахар, сгущенку и еще какие-то аппетитные, но при такой погоде вовсе не желанные продукты, привезенные сюда для умащивания седобородых неласковых старейшин. Это они должны были, использовав свое непонятное для русских, но неоспоримое на востоке влияние, устроить так, чтобы в ближайшие дни, когда колонна советской техники отправится по горным дорогам на выход, с территории кишлаков на нее не напали бы всеядные душманы. Переговоры шли во время разгрузки, неумолимо близились быстрые сумерки, и нервничал весь законопаченный в грузовиках и БТРах сопровождения взвод: какого хрена капитан Крапивин там застрял с этими старперами?! Ночь – время «духов», как обратно добираться будем? Опять «трехсотые» на себе «двухсотых» попрут? Потому что Крапивин, дипломат долбаный, уже третий чайник на мягких коврах допивает и шербет трескает?!

Комвзвода Крапивин популярностью у подчиненных не пользовался. Тип был скользкий, явно из гнилых интеллигентов, - какая вообще нужда принесла такого в армию? Стороной узнали и это: была, оказывается, у него когда-то злая невеста. Потому злая, что ни за что не хотела жениха из армии два года ждать. Другой бы плюнул и другую нашел, а Крапивина на ней почему-то заклинило: чтобы с капризной девицей не разлучаться, скрепя сердце и естество свое изнасиловав, поступил в военное училище в том же городе – а она за него все равно не пошла, кинула. Да и то сказать: судьба офицерской жены, видать, тоже не сахар.

Крапивин во взводе не свирепствовал, но, хоть и держался демонстративно вежливо, радости от него рядовые тоже не видали: все было отдано на откуп бывалому сержантскому составу, наводившему зубодробительный порядок по собственному разумению. Себя почитал капитан, по-видимому, «белой костью», солдат втихомолку держа за быдло без разбора способностей и происхождения, причем

Золотое Слово-6

подозревали, что тех горемык, что были из студентов, недолюбливал особо: ни одного из них Крапивин ни в прохладную контору писарем не порекомендовал, ни санитаром в дружелюбную медсанчасть не предложил... Вот и сейчас плевать ему было в уютной чистой комнате, что помкомвзвода лейтенант Граев уже не раз незаметно кивал ему на выход, вспоминая о сорока девяти ребятах, что в задыхаются, потом исходя, в раскаленных машинах и проклинают разнежившихся переговорщиков.

...Ехали быстро, но было понятно, что ночь наступит быстрее. Опытный солдат, Веретенников уже понимал, что боя сегодня, скорей всего, не избежать – и сердце сжималось в смертной тоске, к которой все равно никогда нельзя привыкнуть. Она каждый раз разная, эта тоска, и чувство обреченности вовеки не становится знакомым – ты каждый раз заново готовишься умереть. Да это еще хорошо – умереть... Не раз Алексей видел чудовищные раны, когда тело живого человека уже не выглядело человеческим, а лишь варварски разделанной тушей на столе сумасшедшего мясника... Уж лучше сразу, мрачно думал он. Но не теперь же, ядрена вошь, когда отметили знаменитые и долгожданные сто дней до приказа! Когда почти дотянули... Таир вот – дружан его, Санёк-музыкант, Серега Осадчий, так мечтающий о сале, которого здесь ни за какие деньги не добудешь... Советский паренек, уверенно и равнодушно перешедший из толстощеких октябрат в гордые пионеры, а потом, совестью несколько покривив, перебравшийся в обязательный комсомол, Лёша любил, помнится, смотреть по телевизору после смехотворной программы «Время» фильмы про Великую Отечественную войну. С нее не вернулся его дед с одной стороны, обидно подорвавшийся на mine уже в почти добитом Берлине, и бабушка с другой, военный врач, погибшая сразу в сорок первом при выходе из окружения. Они воевали за свою страну, освобождая ее от врага – это было просто и понятно ему с раннего детства. Здесь, в Афгане, он прекрасно мог взять в толк, ради чего в мучениях умирают его друзья и ежеминутно рискует отправиться вслед за ними и он сам: да, конечно, в этом стратегически важном для Советского Союза диком государстве, прочно застрявшем в средневековье, должна быть послушная Большому Другу власть, для чего необходимо любой ценой поддержать верных президенту Наджибулле пуштунов... Но вот нутром он не мог принять такого объяснения. Они ходили здесь по чужой земле, где народ совершенно не собирался считать их благодетелями, особенно после тех тошнотворных зачисток, в которых сам Веретенников не раз и не два участвовал со злостью и отвращением – так может, творилось все-таки что-то неправильное?

Первый БТР взорвали из гранатомета через десять километров, и почти сразу же вспыхнул замыкающий. «Вилка» - вот как это называется. Четыре грузовых «Урала» с этого момента превратились в классические ловушки, из которых нужно было мгновенно выбираться – под пули и гранаты, разумеется – потому что им предстояло сгореть до железного остова в считанные секунды. Немного, правда, помогало в те

мгновения, что «дүхи», нападая на врага, издавали пронзительный визг и поистине первобытный вой, изначально призванный деморализовать противника до ступора, но на самом деле хорошо обстрелянных русских уже не пугая, но служа ориентиром для огня даже в темноте. Веретенников автоматически выбросился наружу, безостановочно поливая огнем окружающие камни, каждый из которых, казалось, стрелял сам по себе, без участия укывшегося за ним разъяренного душмана. Настоящая темнота еще не наступила, а сумерки имели особый ярко-синий цвет в котором хорошо была видна вся та кровавая сумятица, что происходила теперь на серой горной дороге, где метались, беспорядочно занимая оборону, рядовые и сержанты, сумевшие выпрыгнуть из «Уралов» благополучно.

Алексей успел мимолетно удивиться самому себе, вернее, своей неистребимой способности даже в моменты смертельной угрозы регистрировать уголком сознания удачные колористические и композиционные моменты – в прямом смысле дьявольски красив был, например, оранжевым пламенем пылавший головной БТР в этой адской синеве – и тут Веретенников услышал короткий матюг у своего плеча: капитан Крапивин скрючился рядом с ним, прижимая к груди окровавленную левую руку, с которой осколок гранаты, как ножом, ровнехонько срезал мизинец под самый корень. Кто-то уже кинулся перевязывать командира, когда Алексей метнулся за ближний свободный камень, на ходу меняя магазин у своего горячего «Калашникова». Он не видел и знать не мог, кого еще точно задело, кого уже нет в живых – пульсировала только изредка мысль о Таире, который был действительно дорог, и лишиться его означало оторвать кусок сердца из тех, что были жизненно важны... Но голос стеснительного азербайджанца, выкрикивавший приличные не смотря ни на что выражения, обнадеживающе звучал где-то позади, вселяя уверенность в благополучном исходе: сейчас Таир найдет его и подберется поближе, тогда хоть за тыл можно будет не опасаться... Веретенников не выдержал и обернулся. За соседним валуном залег Сашка Изотов, жаля из-за него короткими точными очередями – и вдруг повернул к Алексею странно изумленное лицо:

- Глянь, зёма! Крапивин!.. - крикнул он. – Что делает, сука такая...

Алексей взгляделся и успел увидеть. Забросив автомат за спину и зажав под мышкой раненую руку, Крапивин, крадучись и оглядываясь, перебежками уходил вбок, целясь на серую, квадратную, как трехстворчатый шкаф, скалу. Оттуда не стреляли, но там кто-то был, судя по тому, с каким выражением поглядывал за немую скалу капитан: он едва заметно, поджав изгибистые жабы губы, кивал в ту сторону, словно обещая добраться поскорее... Веретенников с Изотовым изумленно переглянулись, Санёк нерешительно вскинул автомат, но инстинктивно медлил... Алексей похолодел, хотя, казалось, что ужасаться дальше сегодня уже некуда. Изотов медлил зря. У самой скалы Крапивин слегка оступился, и оба солдата ясно увидели, как его, чуть-чуть

Золотое Слово-6

пошатнувшегося, подхватила и втащила в укрытие отчетливо мелькнувшая рука в грязно-белом рукаве. В ту же секунду на их защитные камни обрушился целый шквал остро звеневших осколков, и парни припали к сухой земле, закрывая головы... «Отходим вверх от машин по ущелью! – грянул откуда-то бас помкомвзвода лейтенанта Граева. – Все живые, за мной! Пулеметчик, ко мне! Прикрываем отход!» Санёк и Лёха, молча откувырнувшись от камней, покатались вниз по обрывистому склону, в кровь раздирая тела о зазубренные обломки...

Отходили несколько часов почти в полной темноте. Помкомвзвода с пулеметчиком по прозвищу Пашка-Бэ-эм-вешка, потому что по совместительству тот был при надобности и лихим водилой, шли последними, злобно огрызаясь во враждебную ночь длинными смачными очередями и не подпуская «дúхов» слишком близко к измученным долгим пешим дралом, почти поголовно подраненным бойцам. Задела пуля и лейтенанта, сорвав ему над ухом кусок его рыжего скальпа, но он упорно держался замыкающим вместе с оптимистично настроенным и вовсе помирать не собиравшимся Бэ-эм-вешкой, успевавшим еще и травить по ходу дела абсолютно скабрзные анекдоты. Алексей и Таир шли, разумеется, рядом, и Веретенников чувствовал себя парадоксально спокойным: ему почему-то казалось, что, пока цел-невредим его тихий черноглазый друг, и ему самому ничего не грозит в этой проклятой всеми богами стране...

Но местности не знал никто, и к полуночи двадцать три уцелевших в мясорубке над ущельем человека уперлись в отвесную скалу, насмешливо отсвечивавшую в ночи гладкой, словно полированной поверхностью, что очень редко бывает в азиатских горах и почти никогда – в Афганистане. Высоту ее определили метров в восемьдесят – но могла она оказаться и больше, и меньше – без разницы, потому что без специального снаряжения влезть на нее все равно было принципиально невозможно. «Чимган», «Чимган», я «Чинара!» - в сотый раз отчаянно выкрикнул радист в заведомо мертвую трубку – и отшвырнул все бесполезное устройство прочь. Никто не сказал ему ни слова. Под этой зеркальной скалой, на вершине которой уже собралось штук тридцать-сорок насмешливо и торжествующе галдящих «дúхов», им на рассвете предстояло принять свой последний бой на земле.

Про капитана Крапивина знали уже все. Думать здесь было не о чем: нападение на колонну оказалось не случайным, а спланированным давно, во всяком случае, до разговора со старейшинами, в котором принимал участие и героический Граев, не заметивший ничего особо подозрительного. Ничего – кроме того, что Крапивин намеренно тянул время, без меры и оглядки на часы потягивая душистый горячий чай и покрываясь блаженной испариной. Опытный боевой офицер, не от беспечности он это делал. А просто знал заранее, куда и к какому времени приведет колонну техники, где именно погибнет весь без исключения личный состав его взвода. Не сегодня перемертвел капитан на сторону врага под влиянием жуткого момента – все давно

спланировал вместе с душманскими командирами, а цель имела простая и легко достижимая: приняв ислам, перебежать в экзотический Иран, например, и прожить там остаток подлых дней безбедно, еще и солидным гаремом, пожалуй, обзаведясь... В Союзе у него заложников не оставалось, свидетелям предательства предстояло сложить головы всем до единого, а капитана Крапивина внесут в список безвозвратных потерь по военкоматской линии – и забудут через месяц: кому он нужен, этот ни в чем не реализовавшийся неудачник... Ровно двадцать три проклятья пали в ту ночь на голову черного злодея на земле – и двадцать семь грянули с небес. Таких проклятий, которые никогда не возвращаются на голову проклиняющего...

Если бы эти старательно скрывавшие муку ожидания страшной гибели солдатики были взрослыми по-настоящему, а не стали ими лишь на войне, стремительно перешагнув все положенные ступени взросления, на коих полагалось постепенно набирать жизненный опыт, они бы, может, и дрогнули под этой скалой, где отчетливо веяло в душевной ночи властным холодом потусторонности. Но каждый из них, несмотря на то, что успел уже в короткой своей жизни увидеть худшее, все-таки твердо знал, что это худшее может произойти лишь с другими. Вот с ним же – не произошло! Всегда уцелевает и на белом экране, и в пронзительной книге в самой безнадежной бойне главный, необходимый в дальнейшей жизни мира герой, предназначенный отомстить за поверженного товарища, за собственную искалеченную, но все равно не отнятую жизнь! А кто главный в этом жутком кино, кроме тебя самого? Значит, ты и уцелеешь. А потом со знанием дела отомстишь... Но душа все равно сжималась и рвалась от извечного рабского страха, когда-то раз навсегда сковавшего сердце еще только-только согревшегося и даже не успевшего оглянуться Адама...

Безмолвно сидели рядом, привалившись друг к другу спинами, неразлучные Алексей и Таир, примолк добродушный Осадчий, баюкая раненую в мякоть руку, тяжело молчал, положив сильные руки на автомат и слушая обманчивые звуки горной ночи, питерский пианист Санёк. Сорок диких «дúхов» ждали серого рассвета на зеркальной скале, предвкушая, как легко прихлопнут сверху, будто неразумных мух, два десятка необрезанных гяуров, отданных им сегодня во власть все милостивейшим Аллахом; еще около ста человек, таких же непонятных, но чувствующих себя в полном праве на своей земле, отогнанные перед ночью шагов на сто, в потных смердящих балахонах бродили в темноте, по-шакальи нетерпеливо взвизгивая и вбирая трепещущей ноздрей сухой, не успевший остыть воздух... Все вибрировало, почти осязаемо гудело в ожидании малейшего проблеска света – и некоторые доведенные до крайности ребята уже повторяли про себя отчаянное «Скорей бы!»

Спокойным выглядел только неунывающий Пашка-Бэ-эм-вешка. Сидя на низком камне, он невозмутимо оглаживал по всей длине свой еще раз досконально проверенный, насколько это возможным

Золотое Слово-6

оказалось во тьме, пулемет, и непринужденно разговаривал с ним, как с боевым другом: «Ты уж, братан, того... Не подводи, ладно? А я тебе за это принесу настоящего ружейного маслица, а не машинного какого-нибудь... Если живы останемся. Ты и я... Договорились, что ли?»

Чуть заметная серая полоска, еще почти не видимая глазом, а прозорливо угаданная напряженными глазами двадцати трех молодых смертников, лишь собиралась возникнуть на востоке, когда Граев, ни на секунду в свою последнюю ночь не присевший, отрывисто скомандовал: «Взвод, к бою!» Он погиб первым, потому что очередь из тьмы была послана на голос, и смерть его оказалась легкой: пуля вошла в один висок и вышла из другого, так что двадцатидвухлетний лейтенант не успел даже особенно огорчиться.

Как они и договаривались, в ожидании ружейного маслица пулемет не подвел Бэ-эм-вешку. Чтобы ликвидировать их обоих, задорно поливавших пулями неприступное пространство на сто восемьдесят градусов перед собой, потребовался целый гранатомет – и только после этого несколько оторопевшие «духи» смогли осторожными перебежками приблизиться к вспыхивавшей очередями темнеющей громаде отвесной скалы. И неизвестно еще, кто победил бы в том бою, если б сверху не летели гранаты, если б не редкий, непонятно откуда взявшийся у дикарей огнемёт, прицельно спаливший в адском пламени пятерых увернувшихся от пуль парнишек, если бы просто больше было у них самих драгоценных патронов...

Таир умер так же скромно, как жил, и так же героически, как воевал. Он поначалу даже не понял, почему вдруг упал на спину от легкого, как ему показалось, толчка в живот, и презрительно поморщился, увидев сизую вздрагивающую горку собственных внутренностей, лежащих рядом. Таир просто взял их двумя руками и аккуратно поместил обратно в свое наискось распаханное чрево, не считая, наверное, такой ничтожный повод достаточным для того, чтобы выйти из боя – ведь стреляет же с левой сержант Осадчий, у которого вместо правой бьет ярко-красный фонтан, да и Лёха Веретенников так уверен в своем тылу – как оставить его одного!

Обернувшийся на тишину Алексей увидел, что друг его без единого звука буквально тонет в собственной крови, но силится поднять автомат и стрелять хотя бы из положения лежа – и сам плюнул на заведомо безнадежный бой, упал на колени перед Таиром – как раз, чтобы успеть увидеть, как из глаз его выкатился последний свет...

- Ы-ы-ы!!! – взревел он в отчетливо посветлевшее чужое небо и послал туда последнюю бесцельную очередь.

В этот момент огненная струя с жарким шумом пронеслась мимо – и Алексей инстинктивно откатился в сторону, атаквистически испугавшись быть именно сожженным заживо, предпочитая любую другую кошмарную участь – но вторая струя пошла уже прицельно по нему... Неловко увертываясь, он успел еще увидеть последний живой образ – выронившего

автомат Санька, у которого из обеих ушей хлестала почему-то очень черная кровь, услышать родной, знакомый и сразу опознанный гул, нарастающий сверху, обрадоваться – «Наши «вертушки!» - и его унесло огненным шквалом в нестерпимо жгучую непроницаемую бездну...

Только много позже Алексей Веретенников и Александр Изотов уже в Ташкентском госпитале узнают о том, что группа наших разведчиков еще накануне перехватила радиопереговоры «духов» и сумела вызвать помощь, опоздавшую примерно на час. Они напишут совместный рапорт о том, что видели в первом бою на горной дороге около ущелья, но двум потрясенным калекам никто не поверит, а рапорт их затеряется по нудным канцеляриям, медленно пробираясь вверх по бюрократическим инстанциям. Великая страна, которой они отдали один – зрение, другой – слух, вскоре исчезнет с политической карты мира, и никому уже недосуг станет разбираться в незначительном эпизоде мелкого боя на той изнурительной войне, что быстро признают неправильной и ненужной. В двух мирах, одном – темном, другом – беззвучном останется только большая память, подогревающая дремучую ненависть.

Эпилог

- На левом...

- прошептал, по непонятной причине леденя, Бетховен.

Не ослабляя хватки, Нельсон силой развернул его к себе и абсолютно беззвучно, но с отчаянной артикуляцией, проговорил:

- Да – нет – у – него – никакого – левого – мизинца!

- Чего?! – шепотом спросил остолбеневший Бетховен.

- Сам – видел – как – оторвало!

Черные очки Нельсона показались Бетховену огромными всевидящими очами, и какое-то время он серьезно пытался прочесть в них ответ на ужасный вопрос, с такой простотой и неотвратимостью возникший перед ним. Он прочел этот ответ. И знал, что нужно делать.

- Вниз, - скомандовал Бетховен чужим голосом и бросился к чердачному люку.

Каждый миг был на счету, и помогать Нельсону, тотчас рванувшемуся вослед, он уже не мог. Скатился с лестницы на площадку – и без особой надежды ткнул в красную кнопку лифта. Тот неохотно ожил в самом низу, но Бетховен не осознал, что слышит его тяжкое копошение. Он обернулся к товарищу, как раз рыхлым мешком выпавшему из люка: «Поедешь на нем. Встретимся внизу», – и сломя голову рванул вниз по частым цементным ступенькам. На втором этаже он глянул в лестничное окно и охнул, увидев то, чего боялся с первой секунды: вовсе не тот, кого все это время считали капитаном Крапивиним, а

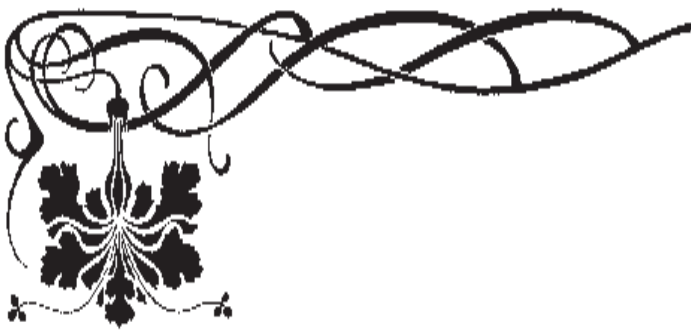
Золотое Слово-6

крупная высокая женщина в длинном лиловом платье и с радостным лицом легко, словно под музыку, выпрыгнула из подъезда и, крутя на пальце кольцо со звенящими ключами, вприпрыжку направилась в сторону припаркованной за домом «Нивы» своего друга. Теперь Бетховен мог поклясться, что именно слышит, как звенят ее ключи, но думать над этим не было времени, и он только мучительно прошептал ей: «Стойте...», ускоряясь, как мог. Но на первый этаж в этот момент приехал лифт с обезумевшим от страха Нельсоном, тотчас ринувшимся вон, и, спрыгнув с последних ступенек, Бетховен со всего разлету сшибся с ним на нижней площадке... Огромным кубарем они вдвоем подкатились к входной двери, в полутьме кое-как поднялись и, с мерзким хрустом раздавив Нельсоновы очки, вырвались в ожившую вдруг тремя короткими острыми звуками белую ночь. Узнав писк сигнализации и хлопок закрывшейся дверцы, Нельсон дико замахал руками и наугад устремился в ту сторону, косноязычно рыча невнятные мольбы, в которых только бегущий рядом Бетховен смог угадать страстный призыв не заводить мотор – но женщина, сидевшая в машине, их не поняла, зато обернулась и взглянула Нельсону – в лицо...

Алексей сгоряча пробежал еще метр и тихо опустился на колени, пытаясь поймать и задержать в ладонях судорожно затрепетавшее и рванувшееся вон сердце. Не смог – оно проскочило меж ребер и пальцев, шелковисто-упругое, и свободно вылетело навстречу двум сошедшимся в небе зорям. Веретенников ясно, как в детстве, увидел незнакомого, кипенно-седого, крепкого мужчину лет сорока пяти, горестно мечущегося у высокого черно-красного пламени. Мужчина его не заинтересовал – Лёха искал взглядом тонкого и сильного темноволосого Сашку Изотова, не находил и удивлялся, куда тот мог исчезнуть так внезапно... «Санёк, - прошептал он удивленно. – Какого хрена? Я ведь все вижу...» - но зрение опять стало предательски гаснуть. Последнее, что он заметил, заваливаясь набок, было торжественное и беззвучное явление атласного черного кота со звездой во лбу. Кот медленно и скорбно сел в гладком кольце своего хвоста – и остался так насовсем, неотрывно и бесстрастно глядя в гудящий огонь – впрочем, в реальность своего видения Нельсон уже не поверил.

Закончено 15 августа 2012 года в деревне Букино Пушкиногорского района Псковской области на вилле «Счастливая кошка».

НИКОЛАЙ НОВИКОВ

Путешествия в Античность

В разные периоды конца прошлого столетия нам – моей жене Людмиле и мне – довелось по несколько лет читать лекции в университетах стран Арабской и Чёрной Африки. Особенное впечатление оставила одна из крупнейших её стран – Алжир. В античные времена это была колония Рима. Ис тех пор осталось много римских городов, сейчас лежащих в руинах.

В шестидесяти километрах к западу от столицы, г. Алжира, на побережье Средиземного моря, расположился городок Типаза. Сейчас это очаровательный курорт, окружённый белоснежными пансионатами, весь в зелени и цветах. И, в то же время, это – бывшая столица Нумидии при Юбе II, названная им Цезареей. В девятнадцатом веке в центре древнего города французы начали археологические раскопки. И античный город стал проявляться. Мощные плиты дороги, остатки домов, вилл, форума и амфитеатра, портики, колонны, лестницы... Прекрасны мозаичные полы вилл: вот у одной пол выложен орнаментированными квадратами с розами в центре, у другой пол в геометрических узорах. Раскопано далеко не всё.

Город расположен на разных высотах, всё густо заросло и кустарниками, и мощными деревьями, корни которых глубоко вросли в руины. Чтобы добраться до античных слоёв, приходится снимать напластования от всех последующих веков – начиная с вандалов и византийцев до турок и арабов.

Типаза, в основном, разместилась на склоне морской бухты, и разбросанность её по соседним холмам придаёт ей живописность, романтичность и некоторую камерность. Всё-таки корни города нумидийские, и поэтому, хоть набор общественных зданий и конструкций вилл, вследствие воспитания и пристрастий Юбы II, вполне римский, строгость планировки, присущая римским городам, не выдерживается.

Она вся наклонена к морю. На главной улице Кардо максимум, выложенной каменными плитами, сохранились остатки портиков и колонн, украшавших дома. С любой её точки видно море. Под мостовой – тоннель квадратного сечения, достаточно большой, чтобы, согнувшись, можно было пройти. Очевидно, это античный коллектор дождевых и городских стоков. Мы с Димой, нашим сыном, прошли его до конца, до моря, – выйти нельзя, стоит древняя каменная решетка.

От многих сооружений остались лишь фундаменты и обломки колонн и капителей. Вот глубокое зернохранилище, где в ряд стоят совсем целые пифосы – громадные глиняные кувшины для зерна, почти с человека ростом. Есть пифосы и для вина. Не полностью ещё раскопаны плохо сохранившийся амфитеатр и площадь форума с постаментами скульптур. Обнажились входы в какие-то тёмные, идущие в глубину, сводчатые помещения и коридоры. Все древние постройки значительно, метра на три, ниже современного уровня земли. И зримо представляешь, как много ещё скрыто от наших глаз.

Руины живописно окружены соснами и эвкалиптами, повсюду купы цветов: розы, ирисы, кусты, покрытые шапками каких-то мелких цветков. Кругом тишина и покой. Курортный шум сюда не доходит, здесь хорошо бродить и думать о вечном.

Копать без разрешения запрещено. Но мальчишки продают монеты, бюстики и прочие сувениры, утверждая, что они древние. Мы купили гранитную голову двуликого Януса и ещё одну – мраморную, неизвестно кого, сильно подозревая, что работа современная. Хотя высечь два лица Януса из хрупкого гранита, всё равно, дело непростое, так что сувенир достойный. А вот полустёршиеся медные монетки, по приезде в Союз, мы показали в Эрмитаже. И, к нашему удивлению, нумизматический хранитель сказал, что они подлинные, второго века, хотя для музея интереса не представляют, так как их уже много.

При раскопках французами было найдено много скульптур. Ведь это был центр искусств Юбы II, большого любителя и почитателя греческой культуры. Здесь работали приглашенные греческие скульпторы, создававшие копии работ прошлого, и творившие сами. Поклонник искусства древних греков Юба II – а для него Фидий, Пракситель, Поликлет, Скопас и др. тоже уже были древними, так как жили за 400-500 лет до него – имел копии всех великих произведений, и они сохранились лучше оригиналов, многие из которых вообще исчезли. Ведь в Италии, да и у нас в музеях на большинстве великих скульптур написано «римская копия», которая на три-четыре века моложе оригинала. Все сокровища были помещены в музеи Типазы и, в основном, соседнего Шершеля.

Более равнинный Шершель, также

Золотое Слово-6

находящийся на побережье, в двадцати пяти километрах к западу от Типазы, гораздо больше её, но тоже «древнеримский». Тут ощущение, что древние развалины почти не пришлось откапывать – они органично входят в плоть города, находясь на одном с ним уровне. Центральная площадь – Римская Эспланада. Посредине – римский фонтан: в чаше фонтана – невысокая колонна с четырьмя маскаронами, в свою очередь, увенчанная небольшой чашей. По периметру площади сохранились колонны с капителями. Эспланада окружена старыми толстыми деревьями, стволы которых обрезаны очень коротко – метрах в четырёх над землёй. Странно видеть, как из узловатой вершины метровой толщины ствола во все стороны лезут покрытые листвой тонкие ветви, образующие шапку, накрывающую дерево. Рядом – музей. В нём-то и собраны все скульптуры из Шершеля и Типазы. Правда, самые лучшие и знаменитые из них были забраны в Лувр и в Алжирский музей античности.

В музее Шершеля запоминаются огромный, 2,5 м. высотой, Геракл Фидия, с дубиной и золотыми яблоками, и его же Аполлон; Сатир Праксителя, играющий на флейте, Деметра, школы Фидия – богиня плодородия. Много скульптур римского периода. Колоссальная статуя Октавиана Августа во внутреннем дворике, хоть она без головы и рук, производит внушительное впечатление. Множество скульптур римских и египетских богов, портретов самого Юбы, его жены Клеопатры Селены; есть и бюст её матери – Клеопатры.

Древнеримской ареной, раскопанной в Шершеле французами, и сейчас можно пользоваться. Правда, трибуны, сложенные из каменных блоков, французы использовали для своих казарм, но в основаниях трибун сохранились клетки для хищных зверей, с которыми сражались гладиаторы.

Возвращаясь из Шершеля, мы свернули на лесную дорогу, проходившую под акведуком. Древнеримский акведук через горы и долины вёл воду в город с гор, расположенных в 40 км. от него. Трёхъярусный, прозрачно-арочный, высотой 35 метров, он имеет три открытых желоба. Верхний ряд за 2000 лет в некоторых местах разрушен, но по нижнему до сих пор течёт вода! Как римские инженеры спроектировали и построили такой изумительной красоты, лёгкости и изящества ажурное произведение? Ведь вода идёт не по трубам, а наклон должен быть постоянным и небольшим – иначе поток либо прервётся, либо выльется! В этом краю бывают землетрясения, а

сооружение выстояло. А ведь уже при нас в Эль-Аснаме, в 150 км. от Алжира, было такое сильное землетрясение, что я у себя в Бумердесе, по другую сторону от столицы, ощутил качнулся вместе со стулом, на котором сидел – и это на первом этаже! А Эль-Аснам был сильно разрушен и разрезан трещиной пополам; весь мир тогда пришёл на помощь пострадавшим. И мы все на контракте тоже сдавали для них деньги и вещи.

На шоссе по пути от Типазы к Алжиру есть указатель к «Гробнице христианки». Мы свернули и увидели на холме удивительное сооружение. Цилиндр из обтёсанных камней, на нём – каменный же конус. Высота гробницы 40 м., диаметр 64 м. Цилиндрическая часть украшена колоннами ионического ордера и четырьмя ложными дверями. В верхней части гробницы видны большие разрушения каменной кладки: это просвещенные французы в девятнадцатом веке стреляли из пушек, стремясь проникнуть внутрь, в надежде найти там сокровища. После раскопок у основания была найдена настоящая дверь, которая ведёт в кажущийся бесконечным узкий коридор, идущий по спирали к центру, где находится небольшая погребальная камера. Там археологи ничего не нашли – видно, кто-то поработал лет на тысячу-полторы раньше.

По римским источникам сооружение относят к I веку н.э. По преданию, в нём была похоронена жена Юбы II Клеопатра Селена, дочь Антония. Поэтому древнее её название «Гробница римлянки». Название «Гробница христианки» произошло от крестообразных барельефов над ложными дверями гробницы. Короче говоря, точно о том, кто там был похоронен, ничего не известно. Историки предполагают, что это гробница всей нумидийской царской семьи, так как после Юбы II такое сооружение уже нельзя было осилить: Мавритания после казни сына Юбы II была присоединена к Риму и потеряла самостоятельность.

А может быть, Юба, строя такое монументальное сооружение для своей жены – дочери египетской царицы – хотел напомнить о пирамидах её прародине, в своей берберской манере?

И Типаза и Шершель – относительно небольшие римские города. Крупные города, такие как Джемила и Тимгад, где остались многие прекрасные сооружения: триумфальные арки, храмы, театры, термы и даже мраморные общественные туалеты, находятся значительно южнее, на границе Атласских гор и северной Сахары.

БОРИС ПРОСВИРИН

Правнук А. С. Пушкина в Саранске

Поэты и любители поэзии вдохновляются ощущением пушкинской Поэзии, которая живёт в каждом из нас с детства. Сегодня мы все более постигаем поэзию А.С. Пушкина как общенародное духовное достояние.

Бывает так, что простой, рядовой человек как-то сразу завоёвывает наши симпатии. А если этот скромный, рядовой человек ведёт свою родословную от национального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, то и подавно.

Он действительно скромный человек – правнук и единственный в России, прямой потомок А.С. Пушкина по мужской линии – Григорий Григорьевич Пушкин. Жил в г. Москве. До выхода на пенсию работал в типографии издательства «Правда». Активный участник Великой Отечественной войны.

К сожалению, сейчас, Григория Григорьевича Пушкина, правнука великого поэта, уже нет в живых, но во многих саранских семьях бережно хранятся книги А.С.Пушкина с подписью и добрыми пожеланиями потомка поэта. Тр тома сочинений А.С.Пушкина с подписью потомка А.С.Пушкина бережно храним я и моя дочь Наташа.

Вот его автограф и добрые пожелания на первом томе сочинений А.С. Пушкина, сделанные в то время, когда он был в гостях у нас дома: «На память Борису Ивановичу Просвирину. Зная Вас несколько дней, очень доволен Вашей заботой обо мне. Спасибо Вам за всё, Ваш Григорий Пушкин, правнук А.С.Пушкина 26.02.87».

На другом томе сочинений А.С. Пушкина «Сказки и поэмы» есть такая подпись моей дочери Наташе: «На память Наташе. Будь всегда хорошей дочкой своим родителям. Григорий Пушкин - правнук А.С. Пушкина. 26.02.1987 года».

Такой встречи с потомком Пушкина не было бы, если бы не печальная дата. По инициативе Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Мордовской

АССР, правнук А.С.Пушкина – Григорий Григорьевич Пушкин был приглашён в г. Саранск Мордовской АССР для участия в мероприятиях, посвящённых 150-летию со дня гибели великого поэта (февраль 1987 года).

Встретив московским поездом Григория Григорьевича Пушкина, поселив его в гостинице «Саранск», его ознакомили с планом проведения встреч с общественностью и коллективами г. Саранска. Выступая перед писателями в Клубе литераторов, студентами и преподавателями Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, учащимися общеобразовательных школ, работниками культуры и искусства, рабочими производственных предприятий и служащими госучреждений, правнук А.С. Пушкина подробно и понятно рассказывал о своей веточке «генеалогического древа», с подробным объяснением и демонстрацией фотографий детей и потомков Александра Сергеевича Пушкина.

Во время встреч и бесед со слушателями Григорий Григорьевич не произносил слово «прадед», а только очень уважительно «Александр Сергеевич Пушкин». И где бы ни проходили встречи, беседы с потомком поэта, я их, конечно, записывал. Во время встреч он признавался, что уж очень нелегка ноша великого предка. Многие люди думают, что он должен был унаследовать качества, которые присущи только Александру Сергеевичу.

- Нет, - говорил он мне и слушателям, - я обыкновенный человек, как и многие другие.

Но когда я внимательно во время наших бесед присматривался, то всё-таки находил внешнее сходство с его предком, и это я ему говорил.

- Удивился бы я, еслибы это было наоборот, - с улыбкой отвечал он. - Ну, а если говорить о руках? Есть такой «грех». Пигментные пятна на руках у меня остались от Ганнибалов. Вот, как говорится, и все наследственные

Золотое Слово-6

признаки.

Он поведал мне и о том, что и стихов А.С.Пушкина не декламирует, и объяснил, почему: «Для декламации стихов нужны способности, а я этими способностями не обладаю».

Были и другие вопросы, например, пишет ли он стихи. Очень образно, с улыбкой, правнук говорил, что особых поэтических генов у него нет, и что Александр Сергеевич своим потомкам оставил шутовское завещание в одном из писем к Наталье Николаевне: «Если Машка вздумает писать стихи, выпори её ...» В другом письме своей жене он пишет: «Не дай Бог, Сашка будет писать стихи да ссориться со своими тётками», а вот слова деда, Александра Александровича, старшего сына Александра Александровича, в роду Пушкиных передавались так: «Не пишите ни стихов, ни прозы, ибо лучше вы не напишите, а если хуже будет, то это будет кощунство».

- Мне же точно известно, что из всех здравствующих ныне потомков, пера в руку не брал никто, в том числе и я, - говорил своим слушателям Григорий Григорьевич. - С моим же дедом – Александром Александровичем встреч у меня не было так как я родился 19 декабря 1913 года, а дедушка умер первого августа 1914 года, но он-то наверняка меня видел младенцем-несмышленишем. Отца же я впервые увидел, когда мне было от роду девять лет. Я хорошо помню, когда отец приехал в Лобасню (ныне город Чехов). Встретив его на вокзале, мы сразу же поехали туда, где был похоронен мой брат Сергей.

Посыпались вопросы слушателей:

- Какие же пути привели в Лобасню потомков Пушкина?

Повествование прямого потомка:

- Родной брат Н.Н. Пушкиной (урождённой Гончаровой) Иван Николаевич Гончаров был женат на дочери генерала Васильчикова – героя Отечественной войны 1812 года - Екатерине Николаевне. Имение генерала располагалось на берегу речки Лобасни. В период Первой мировой войны мой отец Григорий Александрович Пушкин, пошёл по стопам своего отца, старшего сына поэта - Александра Александровича Пушкина, и со своей воинской частью отбыл на фронт. У мамы, Юлии Николаевне, на руках осталось

пятеро детей. Конечно, было тяжело в ту лихую пору. Вначале она переехала в Москву, к знакомым, а затем в 1915 году Гончаровы пригласили маму с детьми в Лобасню. Для получения первого паспорта у меня не оказалось документов, подтверждающих, что я родился в Нарве. Поэтому я считаю, что родился в Лобасне.

Я спросил:

- А почему вы так поздно увидели отца?

Он ответил:

- Вам уже известно, что отец мой был военным. Командовал 91-м Двинским полком. Октябрьский 1917 год застал его в Петербурге. Узнав о том, что в полку организован солдатский комитет, то он по прибытии сдал оружие, документы, снял погоны и предложил свои услуги как военный специалист. Воевал с частями Красной Армии. В 1922 году демобилизовался по ранению и контузии. В том же году он приехал к нам, в Лобасню.

Очень подробно Григорий Григорьевич рассказывал, как складывалась его жизнь в дальнейшем. Аудитория слушала его затаив дыхание.

- Выучился грамоте с помощью мамы и тёток Гончаровых. В бывшем имении была организована школа – семилетка. Меня тут же приняли в пятый класс. В так называемом населённом пункте «Новый быт», недалеко от Лобасни, открыли сельскохозяйственный техникум, который я и закончил в 1933 году. В то время специалисты для села очень были востребованы. Москве работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте лаборантом в микробиологической лаборатории. В 1934 по спецнабору был на службе в Армии. Шли годы службы. Подходила дата – столетие со дня смерти Пушкина. Служба моя проходила в Виннице. Для учёбы прожекторному делу я был откомандирован в Москву. И что интересно, - продолжал правнук, - узнав о том, что я – потомок Пушкина, командир Первого территориального прожекторного полка, где я продолжал служить стал просить меня остаться служить сверхсрочно. «Как же так? – убеждал он меня. - В такую дату, полк останется без правнука великого поэта». А тут в газете Московского военного округа появилась заметка. «У нас в дивизии служит

Золотое Слово-6

правнук А.С.Пушкина» и моё фото в военной форме. Но главное испытание было, конечно, впереди. Участие в войне с белофиннами. Затем Западная Украина, Белоруссия. Небольшая передышка. И Великая Отечественная война. При создании специального партизанского отряда «Подмосковье», в конце сентября 1941 года, я вступил в него добровольцем. И здесь я понял, что такое фронтовое братство...

После встречи с сотрудниками Республиканского краеведческого Музея, уже в гостинице «Саранск», Григорий Григорьевич, обратившись ко мне, сказал:

- На протяжении вот уже целой недели, общаясь ежечасно с тобой, Борис Иванович, я увидел в тебе серьёзного человека и вдумчивого руководителя. Отличная организация Пушкинских мероприятий, да и просто ты очень приятный человек – всё это говорит о том, что с тобой не страшно пойти в разведку.

Я сердечно поблагодарил Григория Григорьевича за тёплые слова в мой адрес, и мы снова продолжили нашу беседу. Я же - с блокнотом в руке.

- А не появлялось ли такое чувство, Григорий Григорьевич, что могла прерваться связь времён, если бы вы погибли во время войны?

- Я в то время, об этом не думал. Даже друзья да и близкие мне люди не знали, что я правнук Пушкина, – отвечал Григорий Григорьевич. - Вот когда наш партизанский отряд «Подмосковье» был расформирован, мне вскоре довелось партизанить в специальном отряде. Нас на автомашине доставили до Волоколамска-Шаховской. Там мы действовали до тех пор, пока не начался разгром фашистов под Москвой. В освобождённом же Волоколамске мы увидели семь повешенных советских патриотов. Разве можно, когда видишь такое, выпячивать свою «исключительность»? В 1942 году став бойцом Первой гвардейской десантной дивизии я воевал в составе Западного фронта. Затем на втором Украинском. При форсировании Днепра меня очень сильно контузило. После лечения был направлен на краткосрочные курсы. Присвоили звание гвардии лейтенант, но на фронт я уже не попал, так как был ограничен в годности, но продолжал служить

в Подмоскowie. Демобилизовался я уже в 1946 году.

- Наступило мирное время. Чем вы стали заниматься?

- Всего не перечислишь. До 1969 года трудился печатником в издательстве «Правда». Сейчас, то есть по приезде к вам летом, отдыхаю, а зимой снова работаю, - улыбается, - мне ведь всего-то пока 74 года!

Поддерживая разговор, говорю:

- Вас дома застать очень трудно. Я несколько дней подряд звонил вам, чтобы пригласить на Пушкинские мероприятия в наш город.

- Приглашений по стране очень много но вам я отказать не мог. В Мордовии я никогда не был и конечно было огромное желание приехать в Республику. Ведь родовое поместье Пушкина в Болдино находится на границе с Мордовией, Но я не раз был в соседней с вами области – Пензенской.

Я Григорию Григорьевичу поведал, что о нем я узнал именно от руководства Бюро пропаганды художественной литературы Пензенской писательской организации.

- Да, приглашают со всего Советского Союза, ведь я единственный потомок, по прямой, то есть мужской линии, из всех находящихся в нашей стране, а может быть и во всём мире.

- Скажите, Григорий Григорьевич, приходилось ли Вам вести переписку с родственниками, находящимися за рубежом?

- Нет. За пределами нашей страны род Пушкиных идёт от последней дочери Александра Сергеевича – Натальи Александровны, которая выходила замуж дважды. Первым мужем был Дубельт, француз, а второй англичанин – принц Уэльский. От двух браков у неё шестеро детей. Судьба, конечно, разбросала потомков по всему белому свету. Есть они во Франции, Англии, Америке, Марокко, на Гавайских островах, в Германии и даже в Китае. Меня часто спрашивают, а нет ли каких-либо реликвий Александра Сергеевича. Я и тебе, Борис Иванович, говорю, что нет. Многие документы, а также вещи были сданы на хранение ещё до Революции. Родственники хорошо знали и понимали, что всё, чем они располагали и имели, должно принадлежать народу. Часто, в том числе и в

Золотое Слово-6

Саранске, на встречах приходилось говорить, что я женат дважды. От второго брака у нас сын – Александр. Сын взрослый, любит очень литературу. Много читает. Но появляться на «сцене» пока не хочет. Он, как ты понимаешь, праправнук Пушкина.

Потом мы вспоминали о проведённых встречах в коллективах города Саранска. Особенно запомнилась Григорию Григорьевичу встреча с преподавателями и студентами Мордовского госуниверситета имени Н.П. Огарёва. Огромный зал не вмещал всех желающих увидеть правнука А.С. Пушкина. Море вопросов. Искренние и тёплые слова услышал Григорий Григорьевич в свой адрес и в адрес потомков Александра Сергеевича от студентов, преподавателей, ректора госуниверситета. Цветы, подарки. Фотографии на память. Очень рад был наш гость тёплой встрече с сотрудниками Республиканского краеведческого музея. Его долго не отпускали, задали массу вопросов, провели экскурсию по залам музея. Он очень внимательно рассматривал экспонаты музея, задавал вопросы, принял в подарок буклет музея и книги о Мордовии.

Особенно многочисленно было в Клубе литераторов Союза писателей Республики. Аудитория - поэты, писатели, литературоведы, журналисты, работники издательства, литературный актив, библиотекари города Саранска, члены литературных объединений, сотрудники Республиканских газет, радио,

телевидение. Выступление правнука поэта всколыхнуло поэтический дух литераторов. Один за другим они стали читать переводы и стихи Пушкина, одновременно сердечно благодарили потомка Пушкина за то, что он посетил Мордовию, за его встречи с коллективами города. Снова цветы. Фотографии на память.

Провожая Григория Григорьевича домой, в Москву, мы вручили ему фотографии, где он был запечатлён со слушателями в коллективах г. Саранска. Расставание с правнуком А.С.Пушкина было очень трогательным. Его провожало большое количество людей. В свою очередь, Григорий Григорьевич сердечно поблагодарил устроителей его встреч в городе Саранске – Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Мордовской АССР, Республиканскую организацию любителей книги, Республиканскую библиотеку им. А.С. Пушкина за представленную ему возможность встретиться с многочисленной аудиторией, и что Пушкинские мероприятия стали важным событием в культурной жизни Мордовской АССР.

Позднее я узнал, что сын Григория Григорьевича - Александр - скоропостижно умер, и не стало у нас в стране, по мужской линии, праправнука великого поэта... Смерть сына подорвало здоровье потомка А.С. Пушкина.

ОЛЬГА САФАРОВА

Бродячие или вечные сюжеты

Готовя к переизданию книгу «Малая энциклопедия сновидений», я столкнулась с теорией бродячих сюжетов и решила разобраться в этом. Вот что удалось раскопать.

Сюжеты по Кристоферу Букеру (английский журналист и литератор; *The Seven Basic Plots: Why We Tell Stories*, by Christopher Booker.)

1. Из грязи в князи: история обыкновенного человека, который открывает в себе что-то необыкновенное.

Примеры: «Золушка», «Давид Копперфильд», «Джейн Эйр». Из фильмов: «Золотая лихорадка», «Моя прекрасная леди».

2. Приключение (quest): полное трудностей путешествие в поисках труднодостижимой далекой цели. Примеры: «Одиссея», миф про аргонавтов, «Копи царя Соломона», «Вокруг света за 80 дней».

3. Туда и обратно: какое-то событие вырывает героя/героиню из привычной среды. Сюжет - их попытки вернуться домой. (Почему «Одиссея» не здесь, кстати?!). Примеры: «Алиса в Зазеркалье», «Робинзон Крузо», «Машина времени».

4. Комедия: Not just a general term, but an identifiable form of plot which follows its own rules. (Все равно очень скользкое определение). Примеры: Том Джонс, все романы Джейн Остин, «В джазе только девушки».

5. Трагедия: в кульминации главный герой погибает из-за своего недостатка характера, обычно страсти любовной, или жажды власти. Примеры: «Макбет», «Фауст», «Лолита», «Король Лир».

6. Воскресение: герой, под властью темных сил или проклятия. Чудо выводит его из этого состояния на свет. Примеры: Спящая красавица, *A Christmas Carol*, *The Sound of Music*.

7. Победа над чудовищем: герой или героиня сражается с монстром, побеждает его в неравной схватке, и получает сокровище или любовь. Примеры: Давид и Голиаф, Николас Никлби, Дракула, сюжеты Джеймса Бонда.

В книге французского театроведа Жор-

жа Польти («36 драматических сюжетов», 1895), было проанализировано автором более 2-х тысяч произведений и предложено действительно 36 сюжетов, к которым сводятся все известные литературные произведения. Многочисленные попытки дополнить этот список только подтвердили верность исходной классификации, а именно:

- * Мольба
  - * Спасение
  - * Мечь, преследующая преступление
  - * Мечь близкому за близкого
  - * Затравленный
  - * Внезапное несчастье
  - * Чья-то жертва
  - * Бунт
  - * Отважная попытка
  - * Похищение
  - * Загадка
  - * Достижение
  - * Ненависть между близкими
  - * Соперничество между близкими
  - * Адюльтер, сопровождающийся убийством
  - * Безумие
  - * Фатальная неосторожность
  - * Невольное кровосмешение
  - * Невольное убийство близкого
  - * Самопожертвование во имя идеала
  - * Самопожертвование ради близких
  - * Жертва безмерной радости
  - * Жертва близким во имя долга
  - * Соперничество неравных
  - * Адюльтер (супружеская измена)
  - * Преступление любви
  - * Бесчестие любимого существа
  - * Любовь, встречающая препятствия
  - * Любовь к врагу
  - * Честолюбие
  - * Борьба против Бога
  - * Неосновательная ревность
  - * Судебная ошибка
  - * Угрызения совести
  - * Вновь найденный
  - * Потеря близких
- Еще одно мнение. Согласно Борхесу,

Золотое Слово-6

существует всего четыре сюжета. Он их описал в новелле «Четыре цикла»:

«Историй всего четыре. Одна, самая старая - об укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои. Защитники знают, что город обречен мечу и огню, а сопротивление бесполезно; самый прославленный из завоевателей, Ахилл, знает, что обречен погибнуть, не дожив до победы. Века принесли в сюжет элементы волшебства. Так, стали считать, что Елена, ради которой погибали армии, была прекрасным облаком, виденьем; призраком был и громадный пустотелый конь, укрывший ахейцев. Гомеру доведется пересказать эту легенду не первым; от поэта четырнадцатого века останется строка, пришедшая мне на память: “The Borgh brittened and brent to brondes and askes”. Данте Габриэль Россетти, вероятно, представит, что судьба Трои решилась уже в тот миг, когда Парис воспылал страстью к Елене; Йитс предпочтет мгновение, когда Леда сплетается с Богом, принявшим образ лебедя.

Вторая, связанная с первой, - о возвращении. Об Улиссе, после десяти лет скитаний по грозным морям и остановок на зачарованных островах приплывшем к родной Итаке, и о северных богах, вслед за уничтожением земли видящих, как она, зеленея и лучась, вновь восстает из моря, и находящихся в траве шахматные фигуры, которыми сражались накануне.

Третья история - о поиске. Можно считать ее вариантом предыдущей. Это Ясон, плывущий за золотым руном, и тридцать персидских птиц, пересекающих горы и моря, чтобы увидеть лик своего бога - Симурга, который есть каждая из них и все они разом. В прошлом любое начинание завершалось удачей. Один герой похищал в итоге золотые яблоки, другому удавалось захватить Грааль. Теперь поиски обречены на провал. Капитан Ахав попадает в кита, но кит его все-таки уничтожает; героев Джеймса и Кафки может ждать только поражение. Мы так бедны отвагой и верой, что видим в счастливом конце лишь грубо сфабрикованное потворство массовым вкусам. Мы не способны верить в рай и еще меньше - в ад.

Последняя история - о самоубийстве бога. Атис во Фригии калечит и убивает себя; Один

жертвует собой Одину, самому себе, девять дней вися на дереве, пригвожденный копьем; Христа распинают римские легионеры.

Историй всего четыре. И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их - в том или ином виде».

В литературе также глухо упоминаются 14 сюжетов Шекспира, хотя в основном литературоведы прослеживают цепочки заимствований, начиная с античных авторов:

Магистральный сюжет Шекспира – это действительно отчасти сюжет противостояния человека и мира, который действительно заканчивается гибелью человека, но причина этой гибели – отнюдь не в мертвящей власти мира, но в том месте, которое пытается занять в этом мире главный герой. В магистральном сюжете Шекспира главное место отведено не просто противостоянию «я» человека и «они» мира, но «я» человека противостоит прежде всего «Ты» Бога, одновременно находясь в сложных отношениях с «они» мира и других людей. Магистральный сюжет трагедии Шекспира также можно определить как теодицею, пытающуюся ответить на вопрос об истоках зла в мире, и ответ на вопрос об истоках зла в мире у Шекспира вполне ортодоксальный. Истоки зла в мире – это желание человека переустроить мир по своей собственной воле, это жажда человека распоряжаться не только своей жизнью, но и жизнями других людей, и всем миром в целом.

Именно три точки построения магистрального сюжета Шекспира – «я», «Ты», «они» – составляют ключевую тему его сюжетов.

Существуют 20 сюжетов Роберта Тобиаса, директора департамента образования в Нью-Йорке, работавшего в государственных школах в течение 33 лет в качестве учителя и исследователя методик преподавания:

1. Поиск – интрига вовлекает героя в поиск персонажа, места, вещи – реальной или нереальной, иногда настолько нереальной, что вообще недостижимой, например, - бессмертия.

2. Приключения (авантюра) – сюжет вовлекает героя, ищущего счастье, в путешествие, так как счастье «...никогда не найдёшь дома...», и герой уходит за ним куда-то по мосту-радуге.

3. Охота – сюжет игры в прятки,

Золотое Слово-6

один персонаж выслеживает другого.

4. Спасение – зтот сюжет вовлекает героя в поиски с целью спасения кого-либо или чего-либо; обычно состоит из трёх основных действующих лиц: Герой, Жертва и Антагонист (враг).

5. Побег – сюжет описывает героя, заключённого в обстоятельства, в ситуацию, в тюрьму или куда либо против его воли и желающего сбежать (за исключением побега от «своих внутренних демонов»).

6. Месть – взаимоотношения героя и его антагониста из-за причинённого реального или воображаемого вреда.

7. Загадка – история, втягивающая героя в поиски ключа к скрытому значению (смыслу) чего-либо в ситуации намеренно созданной или имеющей множество смыслов тайны.

8. Соперничество – история, втягивающая героя в соревнование с кем-либо (его соперником) за некий объект или амбициозную цель.

9. Никчёмный Слабак – сюжет затягивает героя в соперничество за объект или цель, которая даёт великие преимущества или ставит лицом к лицу с полным поражением.

10. Принуждение (вынужденный поступок) – события, по той или иной причине, вынуждающие героя совершать глупые, неправильные или аморальные поступки.

11. Метаморфозы (превращения) – сюжет заставляет героя внутренне меняться по ситуации (рефлектируя в своей внутренней идентификации).

12. Трансформация (перерождение) – сюжет повествует об изменениях в герое в его путешествии на подмостках жизни, которые приводят его из одного главного персонажного состояния в совершенно другое (злодей превращается в добрягу).

13. Развитие и созревание – история, которая ставит героя перед лицом проблем, составляющих часть его взросления (путь от невинности к опыту).

14. Любовь – сюжет о преодолении героем препятствий на пути к Любви, когда препятствия преодолеваются всепоглощающей, истинной Любовью.

15. Запретная любовь – история преодоления героем препятствий, созданных социальным неравенством или различными «табу», что и подпитывает отношения, и иногда герой

находит цену этого преодоления слишком высокой, чтобы быть вместе с объектом любви.

16. Жертвенность – сюжет сподвигает героя на жертвенные действия во имя высшей цели или идеи, жертва ради любви, чести, милосердия, спасения человечества.

17. Открытия – сюжет, наиболее эгоцентричный из всех, который вовлекает героя в вынужденное преодоление великих и внезапных обстоятельств жизни и тем самым ведёт к открытию чего-то чрезвычайно важного (и сокрытого), тем самым достигая наилучшего понимания жизни (т.е. начинает больше ценить жизнь, ясней видеть цель жизни, и т.д.)

18. Несчастный случай – который случайно или сознательным выбором героя толкает его поменять приемлемое поведение на экстремальное и понуждает иметь дело с соответствующей ответной реакцией (главным образом, это сводится к психическим отклонениям личности).

19. Вознесение – история «из грязи в князи», успех и подъём героя благодаря своей доминирующей личности, черты характера, помогающей достичь успеха.

20. Низвержение – сюжет «из богатства в нищету» имеет дело с падением (крахом) героя из-за доминирования разрушительных тенденций, превалирующих в его личности и характере и в конечном итоге приводящих к краху.

Далее находим семь архетипических сюжетов мировой литературы по Карлу Густову Юнгу.

Карл Густав Юнг различает не столько сюжеты, сколько персонажи и их действия-функции, т.е. архетипы. Вот семь различных архетипов по характеристикам их «действий» и «решений».

Ведущие персонажи:

Протагонист: «... ведущий сюжета: тот, кто ускоряет действие». Определяется характеристиками «поиск» и «суждение».

Юнгианский эквивалент: Герой.

Антагонист: «... персонаж полностью противоположный Протагонисту». «Предотвращение» и «анти-суждение».

Юнгианский эквивалент: Тень и Злодей.

Страж: «... учитель или помощник, который содействует Протагонисту». «Помощь» и

Золотое Слово-6

«совесть».

Юнгианский эквивалент: Мудрец, также иногда называемый в совокупности наставником или ментором.

Ведомые персонажи:

Разум: «... принимает решения и действует основываясь на логике». «Контроль» и «логика».

Эмоция: «... реагирует эмоциями, бездумно». «Неконтролируемый» и «эмоция».

Закадычный друг: «... неизменный в своей лояльности и поддержке». «Поддержка» и «вера».

Скептик: «... подвергает сомнению всё». «Противостояние» и «безверие».

Юнгианский архетип-трикстер здесь часто преобладает, так как его задача спрашивать и бунтовать против обычного порядка вещей.

Причём один персонаж может нести более чем одну роль-архетип. Он может иметь множество особенностей и чувств. Комплексный персонаж может смешивать характеристики из нескольких разных архетипов. В дальнейшем, в работе «Алхимия сновидений» эти персонажи трансформировались в следующий перечень :

- Великий Отец
- Великая Мать
- Тень (Трикстер)
- Анима
- Анимус
- Ребенок
- Мудрец

Надо сказать, что в умах просвещённой публики существует путаница понятий – сюжет и фабула, и действительно, все справочники и литературоведы с киноведами, а также сомнологи (специалисты по сновидениям) как-то путают эти два понятия. Вот какую формулировку даёт Б. В. Томашевский: «Фабулой называется совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении... Фабуле противостоит сюжет: те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» (Томашевский Б.В. «Теория литературы. (Поэтика)». Л., 1925, с. 137). А вот что сказано по этому поводу в интернете: «С вопросом о сюжете обстоит в кино столь же неблагоприятно, как и в лите-

ратуре: сюжетными считаются вещи, в которых есть сложный фабульный узел. Но фабула ведь не сюжет...».

В 1921—30 годах литератор, профессор Института истории искусств Ю.Н. Тынянов выступает как литературовед и литературный критик, публикует книги «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), «Проблема стихотворного языка» (1924), представляющую наиболее его проработанную теоретическую работу, сборник статей о литературе и кино, где он пишет:

«Под фабулой обычно понимают фабульную схему. Правильнее считать фабулой - не схему, а всю фабульную наметку вещи. Сюжет же - это общая динамика вещи, которая складывается из взаимодействия между движением фабулы и движением - нарастанием и спадами стиливых масс. Фабула может быть просто загадана, а не дана; по развертывающемуся сюжету зритель может о ней только догадываться - и эта загадка будет еще большим сюжетным двигателем, чем та фабула, которая воочию развертывается перед зрителем. Фабула и сюжет эксцентричны по отношению друг к другу». (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. -М., 1977, с. 324-325.)

Вы что-нибудь поняли? Я – нет, хотя Тынянов очень авторитетный автор.

В рассуждении же о сюжете и фабуле, хочется снова вернуться к «магистральному» или, как нынче говорят – to the mainstream - к мейнстриму Шекспира. Мне представляется, что мейнстримом его творчества являются человеческие страсти:

Жажда власти – «Макбет», «Король Лир», «Укрощение строптивой», «Буря», «Антоний и Клеопатра», все исторические «Хроники».

Ревность - «Отелло», «Гамлет», «Сон в летнюю ночь».

Алчность – «Венецианский купец».

Всепоглощающая любовь – «Ромео и Джульетта», «Собака на сене», «Сон в летнюю ночь», «Конец – делу венец», «Цимбелин».

Отдельно стоят «Комедия ошибок» и «Слуга двух господ» – путаница на основе мнимого или действительного двойничества, а также - «Два веронца», «Двенадцатая ночь», «Как вам это понравится».

Причём, именно в драматургии Шекспира фабула такова, что очень трудно вычленить

Золотое Слово-6

сюжет, как правило, в одном произведении задействованы три сюжетные линии, как, например, в комедии «Сон в летнюю ночь».

Но именно потому, что в основе шекспировских произведений лежат непреходящие, гипертрофированные человеческие страсти, - они так актуальны и сегодня, и не зря новаторы-режиссёры переносят шекспировские драмы и сюжеты в нынешнюю парадигму.

По моей же собственной классификации в повествовании существуют всего две составляющие и одно условие:

1-е составляющее: фабула - это Путь (Дорога);

2-е составляющее: сюжет - это Событие (Случай);

Условие – это отсутствие или присутствие в них Рассказчика.

Путь (Дорога) – это жизненный Путь, хронология Событий, путешествие на небо, в ад, в параллельный мир, в прошлое, в будущее, просто по миру для удовольствия, вынужденное путешествие, бегство, поиск, путь обратно домой;

Путь - поиск чего-либо: врага, друга, сокровища, потерянного любимого, поиск решения, научного открытия, родственников, ответа на вопрос, духовный поиск и поиск самого себя, как внешнего, так и внутреннего.

Событие (Случай счастливый или несчастный) – это встреча с любимым, с Богом, волшебником, Чудищем, животным, с двойником; катастрофа, война, эпидемия; потеря или находка чего-либо, выигрыш, открытие, откровение-видение, Глас Божий, увечье; рождение, смерть, свадьба, измена-предательство; внезапное обнаружение себя и всей мизансцены в самых разных местах – на горе, под землёй, в доме, школе, в воде, в небе, на троне, в туалете, на крыше, на улице, в транспорте разнообразнейшем, в ином мире...

Рассказчик – его ментальное или физическое присутствие в сюжете. Ментальное – когда рассказчик не присутствует при событии и не участвует в действии, просто знает и рассказывает устно или письменно. О физическом присутствии Рассказчика интерес-

но мнение Ф. М. Достоевского, он писал в своих литературоведческих статьях: «...что, автор под столом сидел, всё видел и слышал и – вот, рассказывает? Откуда он знает, что делал и, тем более, что думал герой». Такое повествование задействовано у многих писателей, у Толстого, например – «Наташа подумала...», «князь Андрей почувствовал...», «Анна Каренина знала в глубине души...» Сам же Достоевский в «Бесах», например, ведёт повествование от имени некоего жителя города Скотопригоньевска, знающего всех и вся и, если он сам не присутствует при неких перипетиях романа, то всегда в тексте читаем: «...мне рассказывал такой-то, который видел (слышал, узнал от имярека, случайно наблюдал издали и пр.) сцену или событие, или ему кто-то из действующих персонажей доверительно сообщал, как было дело и что он (персонаж) подумал и почувствовал, и как решил действовать дальше. Тот же приём и в «Братьях Карамазовых», причём очень ненавязчиво, многие читатели и внимания не обращают, т.е. Рассказчик у Достоевского физически присутствует, но пассивно, в действии не участвует, просто наблюдает и выслушивает других.

Активное же физическое присутствие происходит в повествовании от первого лица, и там Рассказчик предстаёт инициатором, субъектом или объектом Событий в Пути, понимаемом широко как развитие Событий в действии во времени и пространстве.

В кино же Рассказчики, вернее Показчики – это режиссёр, операторы, актёры, и Наблюдатель - это зритель; иногда правда, присутствует и буквальный рассказчик в виде Голоса за кадром, комментирующего события. И, наверное, скоро настанет время интерактивного кино, когда зритель сможет принимать участие в событиях трёхмерного экранного действия и влиять на ход повествования. Вот это будет КОШМАР, тогда иллюзия и реальность проникнут друг в друга, а потом поменяются местами. Не хотелось бы присутствовать при этом, но - «прогресс» не остановить.

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Пространство жизни в «Пространных танцах»

«Пространные танцы» - это ансамбль солистов. Руководитель никого не назначает в исполнители номера. Всё решает то, как работает каждый из ребят. Результаты видны всем. 15 лет творчества, смелости и самовыражения – это надо увидеть и почувствовать.

«Круги на воде»

Само название танца, синий сценический свет, силуэты костюмов и необычная пластика артистов погружают нас в мир водной стихии - бесстрашной и в то же время пропитанной энергией. Белое трико, обтягивающее торс, руки, ноги; капюшон плотно облегающий голову; белая юбка, похожая на каплю, слегка надувается при движениях. Всё вместе создаёт ощущение грациозности и чистоты, периодически создавая эффект причудливого стоп-кадра. Необычный мир, в который мы попали, не покидая зрительного зала, притягивает.

Костюмы не создают законченный образ чего-то знакомого и понятного. И эта невозможность соотносить увиденное с известными вещами освобождает восприятие от стереотипов.

Ритм движений меняется, мгновенно переходя от медленного к быстрому, и вновь затухает. Музыка усиливает впечатление, направляет чувства в русло, определённое хореографом и в то же время своё для каждого зрителя.

- В современном танце главное - тело, его выразительность, - говорит руководитель «Пространных танцев» Екатерина Захарова. - Ни музыка, ни костюмы не должны мешать. Не только в смысле ограничения движений, но больше - не привлекать излишнего внимания, не доминировать. Одежда должна

подчёркивать пластические линии танца, а не существовать самостоятельно.

«Письмо из детского дома»

В какой-то момент этот номер ошпаривает чувства. Вдруг ощущаешь резко подступившие к глазам слёзы.

В отличие от других танцев, этот основан на песенном повествовании барда Виктора Третьякова. Сюжет прост. Мальчик Серёжа пишет письмо своей маме, которая когда-то подбросила своего малыша в приют, лишь написав на бумажке его имя. Теперь он растёт, ощущая себя в этом мире «нелюбимым, нежеланным, непрошеным». Страшные слова... Переданная языком танца драма маленького человека трогает до глубины души. И снова созвучие музыки, пластики, костюма создаёт завершённую картину пронзительных чувств.

Словно встревоженные худые воробышки на сцену выбегают дети. В невзрачных поношенных платьицах и чёрных трико до колен - девочки, в «дворовых» рубашках и коротеньких брюках - мальчики. Их движения быстры и коротки. Кажется, они привыкли занимать мало места в пространстве, в жизни. Загнанные ею в угол и всё же не утратившие надежды обрести маму, а значит жизнь «без клейма одиночества», они сопротивляются своему положению сирот как могут.

Их движения незамысловаты. Чувства проявляются короткими пластическими вспышками и - опять душа замыкается.

Откровенность повествования в песне и сдержанность рисунка танца рожают странное ощущение. Мы видим скрытных детей, разучившихся плакать, и одновременно слышим откровение их душ, рвущихся к несуществующим матерям...

Лишь чуть больше, чем на мгновение, в финале дети физически раскроются, замерев на полу с широко раскинутыми руками и ногами (да и то, это больше похоже на распятие) и опять сгруппируются, чтобы быть

Золотое Слово-6

готовыми ко всему...

- Мы танцуем в стиле джаз-модерн. Он требует передачи сути без каких-либо дополнительных прикрас и напыщенности, - объясняет Екатерина. - Всё должно работать на танец - на выражение чувств языком тела без самолюбования и манерности.

«Песочница»

Танцевальное действо приводит к мысли, что по правилам песочницы живут и взрослые люди.

Костюмы вроде бы из малышкового гардероба: шортики, рубашечки, гольфики - но они лишь намёк, стилизация знакомых предметов. В детских поступках проявляется характер. Легко понять, кто в будущем станет претендовать на роль Наполеона, а кто окажется приспособленцем, кто открыто заявит свою позицию, а кто исподтишка будет «лупить лопаткой» соседа.

Приятно умиляться успехам своих чад, не замечая их вторую жизнь за порогом дома. Иметь смелость и зоркость честно признаться себе, кого мы растим - значительно сложнее. Может быть, поэтому иногда даже среди профессионалов - членов жюри фестивалей после этого танца наряду с похвальными отзывами можно услышать слова неприятия - «жесть!»

- Мы никогда не создаём однозначный образ. Всегда оставляем большое пространство для воображения каждого зрителя. Поэтому в одном и том же танце люди могут видеть абсолютно разные образы. Мы не вкладываем в танец какую-либо идею. Наша задача — воздействовать на ощущения зрителей, пробудить их чувства», - подытоживает Екатерина.

И надо признать, юным артистам (а они точно больше, чем просто танцоры) это блестяще удаётся.

На велоДне

Ах, какой хороший праздник получился в Заречном во Всероссийский велодень. Я ходила среди бодрых велосипедистов и по-детски завидовала им. Послушав

речи выступающих, охваченная великим энтузиазмом, я решила купить велосипед. А по дороге домой даже косо поглядывала на проезжающие мимо автомобили.

Лиха беда начало...

Выбрать велосипед особого труда не составило. И вот - я обладатель чудесной двухколёсной машинки. Теперь буду ездить по городу на личном транспорте, укреплять здоровье, экономить своё время, деньги и при этом не загрязнять окружающую среду.

В состоянии эйфории я подкатила к дому... и впервые задумалась - где буду ставить свою «лошадку»? Потоптавшись около подъезда, я потащила её на четвёртый этаж. Хорошо, что при этом никто не видел моих конвульсий.

Дома была только кошка. Она уставилась на меня круглыми глазами, вздыбив на спине ирокез. В маленькой прихожей велосипед казался громадным монстром. Я заметалась. Скоро придут домочадцы и вряд ли им понравится разуваться, стоя на одной ноге, и пробираться вдоль стеночки. Но поставить в квартире транспорт больше негде. Поэтому пришлось вынести моего блестящего друга на лестничную площадку и приковать к батарее.

Но вот незадача - по информации работников полиции для похитителей велосипедов не проблема перекусить даже стальной тросик замка. Вот уж действительно, во многом знании много печали. Всю ночь мне снились кошмары.

Кто бы знал.

И всё равно утром я проснулась с ощущением праздника. Спускать велосипед с четвёртого этажа оказалось ещё труднее. Заднее колесо нещадно стучало о ступени, а педалями я разодрала себе ноги. Руки дрожали от непривычных усилий. Немного отдохнув, я всё же оптимистично воссела на свой личный транспорт.

Еще вчера было продумано, как добираться до работы - только не по проезжей части. Автомобили - зло. Они как танки, а я такая беззащитная на своём велосипедике. Но по тротуарам оказалось ехать весьма проблематично. Пешеходы явно были недовольны моим вторжением в их зону. А меня раздражало... всё!

Утром много людей идет на работу. Лавировать между ними неудобно, но не

Золотое Слово-6

беда. Самым страшным на пути следования оказались... дети. Эти непредсказуемые существа как будто специально внезапно выскакивали из-за кустов, чтобы попасть мне под колёса. В сравнении с этим ужасом, тряска на трещинах и камнях в асфальте казалась милым пустячком.

Увидев потоки заводчан на финишной прямой к «Старту», я находчиво поменяла маршрут. Небольшой объездной круг даже лучше укрепит мои мышцы, уговаривала я себя, поглядывая на часы. Надо было поторопиться, чтобы не опоздать на работу.

Развив скорость на пустынном участке тротуара, не доезжая до кольца автобусов, — я чуть было не попала в аварию. На дорожке для пешеходов, ну совсем рядом с конечной остановкой, зияло два больших провала в асфальте. От внезапного стресса я бросила оземь свою новенькую машину и заплакала. Сил не было. Остаток пути я дошла пешком, ведя рядом собой велосипед...

Вам и не снилось...

Ночью снилось, что моя семья и все соседи купили велосипеды и дерутся, отвоёвывая место на лестничных площадках. Вырвавшись на улицу, я увидела, что все вокруг едут на двухколёсном транспорте.

Маленькую старушку под руки вели к велосипеду. Женщина сопротивлялась и плакала, но её силой усадили на седло, приковали наручниками, разогнали велосипед и отпустили. Ей ничего не оставалось, как, судорожно вцепившись в руль, лететь вперёд с перекошенным от крика лицом. «В

поликлинику», - строго ответил мужчина на мой немой вопрос.

Около магазинов и учреждений велосипеды громоздились кучами, сверкая многочисленными спицами. Вокруг бродили ругающиеся хозяева, пытаясь отыскать свою машину.

Плотные потоки велосипедистов тянулись к заводу, цепляясь друг за друга рулями, педалями. Незадачливые седоки падали, их тут же увозили «кареты» скорой помощи, которые непомерно расплодились в городе. Оказалось, что многие из них нелегально работали как такси, высаживая перебинтованных для виду пассажиров у городских учреждений.

За проходными вырубали лес, чтобы поместить туда все автомобили, выставленные за черту города, подобно ботинкам, сурово выброшенным за порог на лестничную площадку. С внутренней стороны периметра сносили дома, чтобы сделать многочисленные стоянки для велосипедов, на которые должны были пересаживаться автовладельцы, чтобы ехать по городу.

На меня надвигалась огромная толпа людей на велосипедах, синхронно трясущихся на неровном асфальте и кричащих: «Это тапки! Это тапки!». Многие падали в ямы и выбывали из строя. В ужасе я зажмурилась... и проснулась.

Солнечные лучи спокойно лежали на стене, за окном пели птицы. Напрягая слух, я с удовольствием отметила звук автомобилей.

«Дорогой, отвези меня в офис на машине!» - попросила я мужа.

ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВА

Успех по вертикали

Санкт-Петербург - мечта каждого, кто хочет жить в европейском городе. Основанный Петром Первым в дельте Невы, он является одним из крупнейших культурных центров мира, богатых историческими традициями, и является одновременно самым большим музеем современного искусства, не только под открытым небом.

В выставочном зале Союза художников России, на Свердловской набережной в доме 64 со 2 по 10 июня 2012 года проходила выставка «Ленинград – Петербург, Ленинградцы – Петербуржцы».

Устроителями выставки были Академия русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина и Гильдия живописцев Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербурге усилиями Российского Межрегионального союза писателей (РМСП) и Международной академии фундаментального образования (МАФО) 15 декабря 2003 года была возрождена Академия русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина (АРСИИ).

Возрождённая Академия ставила своей целью объединение творческого потенциала деятелей русской культуры: писателей, поэтов, драматургов, искусствоведов, художников, архитекторов, скульпторов, дизайнеров, композиторов, музыкантов, режиссёров, артистов, работников библиотек, музеев, архивов и т. д.

Открытие состоялось в 15 часов 2 июня 2012 года. На нём присутствовали президент АРСИИ Евгений Павлович Раевский, вице-президент Дмитрий Николаевич Киршин, Заслуженный художник России Александр Федорович Полозов. На выставке были представлены работы многих научных отделений Академии.

Побывав раньше несколько раз на выставках АРСИИ, я горела желанием как можно раньше попасть на открытие. День выдался

по-летнему тёплый, солнечный. Я с лёгким волнением вошла в вестибюль. Сделав несколько шагов, остановилась, замерев от восхищения, и начала осмотр с картин.

Итак, картина художника Валерия Леднёва «На новогодний бал». Главная героиня этого полотна – девочка в шёлковой, словно светящейся юбке с цветным веером в руках. В комнате стоит украшенная ёлка. На заднем плане – отражение в зеркале, там мы видим оставленные игрушки. Все приготовления позади, девочка словно прощается с детством, вся в предвкушении грандиозной светской церемонии. Это сцена ожидания выступления девочки на ней.

Александр Федорович Полозов. Особое место в творчестве художника занимает портретное искусство, здесь он воистину мастер. О нём можно написать целую книгу. Его любимой темой является Арктика. Перед нами портрет Николая Иванова, начальника антарктической геологической станции «Дружная-4». Привлекает к себе его серьёзный, внимательный взгляд. Нейтральный фон портрета способствует сосредоточению на психологической характеристике героя.

Продолжая рассматривать картины Александра Полозова, невольно обращаешься к центру зала, на портреты, выполненные крупным планом в сдержанном колорите, построенном на сочетании алого, бордового и коричневого. Портреты героев точны и разнообразны по содержанию. В талантливых работах раскрывается огромный творческий потенциал портретиста.

Поэт Евгений Павлович Раевский на портрете представлен с подобающим достоинством. Портрет удивительно точен в передаче черт его характера. Яркие цвета подчёркивают энергию создателя и обостренную работу ума. В то же время художник придал лицу особую выразительность, романтичность, задумчивость. На заднем плане высвечивается

Золотое Слово-6

скульптура Аполлона, которая символизирует в этой работе гармонию творческого стремления вперёд и спокойную мудрость много пережившего человека.

Портрет артиста балета Бориса Бланкова я бы назвала портретом души, которая вмещает весь мир балетного искусства. Утончённый, изящный, в идеальной форме, со светлой душой, герой картины готов в любое время к исполнению своего профессионального долга. Мне повезло. Я давно знаю об его искусном исполнении танцев не только на театральной сцене. Его искусство запечатлено и на кинолентах. Он всегда остаётся таким же молодым и энергичным, как на картине.

А вот портрет «Мисс Романс» – перед нами певица Ольга Питериш. В этой работе для художника главным становится живая, непосредственная красота Ольги. Гибкостью и утончённостью линий портрет напоминает искусство барокко. В то же время портрет остро современен. В работах Полозова всегда чувствуется кипение жизни.

Далее бросается в глаза картина «Город святого Петра» – художник Светлана Рубан. Поразила она меня, прежде всего, деликатным, нежнейшим отношением к цветам. Многие художники считают, что распорядиться цветом надо по-хозяйски, но не расточительно. Цвет – это драгоценный эликсир, который следует вкушать по капле. Художник Светлана Рубан овладела этим искусством в такой мере, что от полотна трудно отойти. Взгляд зрителя движется по кругу, и мы вновь и вновь попадаем в плен живописного пространства. Светлые тона и общий золотистый колорит картины придают изображению особое звучание. В центре, в правом и левом углах картины много церквей со светящимися золотыми куполами. Это символизирует духовную основу русской действительности. Народ сконцентрирован вокруг церкви. Художник приближает фигуру Петра Первого на парящем в воздухе коне к переднему плану картины. Таким образом его изображение становится более масштабным и лаконичным. За ним простирается город в сдержанной колоритной гамме. Художница показывает Петра Первого как главу госу-

дарства и великого полководца, придаёт его образу парадную торжественность. Это создаёт атмосферу триумфа. Огромный конь с Петром Первым, встаёт на дыбы олицетворяя силу защиты города не только с земли, но и с неба. Он словно парит над городом. В правом верхнем углу полотна изображён ангел-хранитель города с большим крестом. В персоне Петра Первого с вытянутой правой рукой, с открытой ладонью запечатлено преобразование «Отца Отечества». Сцена передана в живописном непосредственном движении, диалог жестов придаёт ей динамичный характер. Петр Первый максимально приближён к зрителю, он соучастник происходящего, словно обращающийся к горожанам: «Петербуржцы, я подарил вам город, так любите его, берегите и совершенствуйте его!». Многие зрители стараются сфотографироваться у этого полотна. Около него возникает ощущение праздника. С этой картины с нами говорит весь Петербург.

Ах! Эти «Розы»!!! И снова художник – Светлана Рубан. Цветы всегда восхищают поэтов, художников, музыкантов, да и вообще всех творческих людей. Её розы пробуждают мысли о любовном свидании. Вот и девушка, красивая, с изящной фигурой и тонкими линиями лица, вдохновлённая розами, вся в ожидании своего героя. Лёгкий поворот головы, улыбка придают очаровательную живость юному обаятельному существу. Чувственная красота передана с необычной силой. Девушка внешне спокойна. Букет приготовлен для встречи. Она непременно состоится.

Далее в причудливом переплетении расположены работы двух искусств — живописи и фотографии. При вдумчивом рассмотрении каждая фотография даёт обильную пищу для новых размышлений.

Таковы работы Дмитрия Киришина. На фото ребёнок – девочка. Мышление сегодняшних детей отличается от восприятия мира нашим поколением. Они другие, они не любопытны, а любознательны. «За забором лошади!» Вопрошающая поза, повернутая головка девочки обязательно требуют нужного разъяснения: почему они здесь? Здесь ко-

Золотое Слово-6

незагод? Или лошадей вывели на прогулку ученики конной школы? Она должна услышать правильный и точный ответ. В отличие от многих детей с «клиповым сознанием», девочка предельно внимательна. Этот ребёнок обязательно хочет услышать о лошадях всё: о кормлении и воспитании, скачках, об участии в цирке. Ведь не зря же девочка оказалась здесь и в это время. С детства закладываются нотки правильного воспитания. С детьми работать и просто и сложно. Ребёнок верит во всё, и это большая ответственность. На фото не существует конфликта, и ребёнок, улыбаясь, оборачивается, готов выслушать собеседника. Девочка смотрит доверительно, она верит, что существуют доброта, любовь, вера, дружба. Эти чувства нужны детям и взрослым

Всматриваюсь в следующую фотографию «Петербургская русалочка». Она захватывает выразительностью контура и цветовой интенсивностью при преобладании светлорусского цвета. Эта смелая девочка, со светящимися глазами, хорошо, спортивно натренированная, уверена в себе. Она не боится глубины. Вода прозрачна, дна не видно. Девочка - хорошая пловчиха, она знает, что достигнет цели

На фотографии «Ничего не боюсь» запечатлена ещё одна смелая спортивная девочка. Улыбаясь, в невесомости парит высоко над землёй, и только вершина ствола для неё основа, крепко уходящая в землю корнями. Дерево – голиаф растительного мира, олицетворяет стремление к физической и духовной трансформации, росту и переменам. Это двойник девочки, стремящейся к достижению звёздной высоты. Тема фотографии «Ничего не боюсь» является продолжением другой работы. Здесь мы видим одно действие, происходящее за другим. На фотографиях одно и то же лицо девочки, но на разных этапах становления личности. Сначала - не любопытство, а любознательность. Что же там за забором? Ах, лошади. Затем спортивная русалочка. И, наконец, дерево и девочка, достигшая его вершины. Само дерево - это «Древо жизни». Этот ряд фотоснимков показывает смену важных периодов в судьбе

девочки. Формирование личности оказывается главной движущей силой изображённых ситуаций. Дотянуться до небес, вне всякого сомнения – это путь к достижению звёздной высоты. И она её достигнет, твёрдо шагая по земле к намеченной цели.

Наследие блестящих живописцев и фотографов ощутимо в мировой модной индустрии. И нашли же тихую спокойную гавань «Сизари» – фото Евгения Раевского. Цветовая интенсивность красок не даёт пройти мимо и притягивает к себе. Сочетание синего и светлого в образе неба делают его символом вечности, божественности и чистоты.

Для любого художника женщина это муза, это вдохновение. Но художнику необходимы мудрость и терпение. У него должна быть верная подруга, которая всё знает и во всём помогает. Всё это нашло отражение в фотографии Евгения Раевского «Портрет Елены Сакс». Образ русской женщины связан с пушкинским идеалом Татьяны. Перед нами титулованная особа, элегантная и красивая, с великолепным вкусом. Шею украшает изящная тонкая нить ожерелья. Женщина светится изнутри и счастлива. Эту романтическую ауру она прикрывает шляпой, пытаясь сберечь, поглубже спрятать своё внутреннее счастье. Но её главная особенность – истинная интеллигентность.

Для настоящего петербуржца романтика начинается не только в пределах «исторической части» города, не только там, где Невский проспект, а и в дальних его уголках... Весь город как на ладони представлен в фотографиях Натальи Веселовой - панорамные виды на архитектурные достоинства города и комфорт нового века, Запечатлены наиболее известные объекты, замечательные современным соответствием как исторической городской среде, так и духу нашего времени. Современность - его суть: постоянное открытие новых магазинов, бутиков с многообещающими скидками и акциями от ибилия товаров. «Весенние лики Невского» – работа, воспевающая современную жизнь в её многообразии. Открытие после ремонта и работа в полную меру большого торгового

Золотое Слово-6

центра запечатлела фотография «У Елисе-евых». В фотографиях «Трудовые будни» и «Вечер трудного дня» мы видим отражения в зеркалах и окнах автомобилей: улицы, загруженность автомашинами, наши пробки - не пройти, не проехать.

Лично познакомившись с доктором Шелаевой, я могу сказать, что сходство с портретом на фотографии поразительное. На фото, как и в жизни, читаются строгие черты характера. Смотришь на портрет, и приходят мысли: с этим ответственным человеком можно решать серьёзные проблемы.

Настоящая жизнь Петербурга, точно увиденная и заснятая по вертикали снизу вверх, отражена в работе «Петербургское небо». Улица. Гладкая асфальтовая дорога. По обе её стороны – исторические здания, отснятые крупным планом, создают впечатление массивности и непоколебимости. Вверху над ними синее-синее небо – создаётся закрытое пространство, охраняемое небесами. Хочется побыть в этом таинственном замкнутом пространстве, прикрываемым синим холстом неба над домами. Это просто великолепно!!! Перед нами не фотография, а живопись, выполненная с помощью фотоаппарата.

Фотография «Лёд идёт». Чем больше созерцаешь и вдумываешься, тем более возникает огромное внутреннее напряжение и создаётся ощущение взрыва, необузданной энергии: вот, вот она должна выйти наружу и приоткрыть это светлое полотно, брызнуть белым светом. Петербург живой и многоплановый, в реальном времени видим мы. Наталья Веселовой это удалось!

Много представлено картин Софьи Дубовской. Все они заслуживают внимания. Но меня поразила картина «Мостик над прудом». Сейчас трудно найти объекты с чугунным литьём наших русских умельцев. И вот изящные перила, выполненные с редким искусством. На картине воцарилась торжественная тишина умиротворённости. Вспоминая детство, хочется постоять на этом мостике и ощутить тишину, дуновение лёгкого ветерка, услышать шелест листьев, смотреть на водную гладь, волнуемую слабым ветер-

ком. На красоту природы смотреть никогда не устаёшь.

Эмоциональный стресс вызвала у меня работа художника Игоря Сафронова «Русская Голгофа». Это целый цикл, состоящий из нескольких частей:

1. Братья и сёстры;
2. Лестница, крестный путь художника;
3. Поэт Осип Мандельштам. «Я вернулся в мой город...»;

Исторические события, к которым обращается художник, всем знакомы и памятливы. 30-е годы XX века - годы страшных репрессий, когда по несправедливым обвинениям были арестованы многие деятели литературы и искусства. Ольга Берггольц записала пережитое в это трагическое время горькими строками, опубликованными через много лет:

*Неужели вправду это было:
На окне решётки, на дверях?..
Я забыла б – сердце не забыло
Это унижение и страх.*

В 1939 году Ольга Берггольц была освобождена, реабилитирована и вернулась в дом на улице Рубинштейна. Судьба тех, кто попал в водоворот революции 1917 года и гражданской войны, была в основном трагична. Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Анна Ахматова и другие. Для этих людей ситуация в стране стала жизнью на Голгофе. В одном из своих стихотворений Анна Ахматова называет Петербург-Ленинград «гранитным городом славы и беды». Она писала:

*...Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.*

И это дополнительно подтвердил своей работой художник Игорь Сафронов. Наибольшее внимание притягивает из всего цикла работа «Голова Мандельштама». Он использует приём пермутации, натуралистически соединяя в одном существе разнородные, несовместимые в реальности элементы. Де-

Золотое Слово

Дерево на голове кажется гигантским по сравнению с изображенными на картине людьми. Масштабное несоответствие порождает у зрителя психологический дискомфорт, усиливает интенсивность эмоционального переживания. Дерево, выросшее из головы, олицетворяет нарастание времени перемен из умов представленных художником лиц. Игорь Сафронов творчески воплотил в своих полотнах мистический язык аллегорий. Через внимание к знаковому объекту создается общий композиционный строй.

Следующая фотография из жизни города – фоторабота Ирины Зимневой «Петербургское солнце». Этот уникальный кадр раскрывает жизненную энергию города, торжественность, духовный рост. Такой кадр трудно уловить, но Ирине Зимневой это удалось.

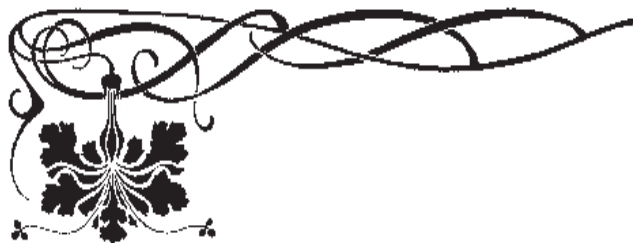
Притягивает к себе картина «Гитарист». Он совершенно отрешён от внешнего мира. Удлиненные пропорции, мистические отсветы говорят об одухотворённости образа. На заднем плане высвечиваются бескрайнее море и небо, усиливая тему вселенского одиночества.

На выставке представлены работы многих художников, скульпторов – всех сразу невозможно описать. Здесь и великолепные работы Марии Трофимовой, народного художника России Николая Репина, Ольги По-

ляковой, Вячеслава Полякова и т. д. На картинах художников и в скульптурах можно найти множество бытовых сценок, натюрморты, пейзажи, – из них складывается вся жизнь Санкт-Петербурга и его обитателей.

Пролить свет на хмурые питерские будни - задача сложная и, казалось бы, человеку неподвластная. Но на выставке, созданной АРСИИ, лучится каждый предмет, на многих из них живут блики солнца, доброты, света, духовности. Я старалась внимательно вдумываться в каждую картину, фотографию, в каждый предмет на выставке, делая логические выводы. Представленные на выставке предметы на фоне современной жизни Петербурга выглядят мощнейшим интеллектуальным прорывом. На выставке представлен рост национального самосознания. Члены АРСИИ творят искусство на все времена. И я уверена, что ещё много будет решено ими творческих задач.

От выставки остаётся впечатление праздника и основательной эмоциональной встряски, являющейся источником вдохновения. Выставка эта – важное событие в городе. Устроить такую выставку просто необходимо ещё много и много раз, желательно в центре, чтобы могли посетить её многие жители своего любимого города.

Содержание

Владимир Крайнев

«Великий Влюбленный» 4

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Александр Полозов 18

Николай Суратов 19

ПОЭЗИЯ

Евгений Раевский 21

Андрей Маничев 23

Валентина Чирок 25

Василий Денисюк 27

Виктор Кудрявцев 28

Вера Кулемина 29

Виктория Лявданская 31

Игорь Сафронов 32

Анатолий Линник 33

Вонтер Лак 34

Евгения Корн 35

Людмила Новицова 36

Иосиф Скарбовский 38

Галина Парасова 40

Ирина Питаренко 41

Евгений Смоляков 43

ПРОЗА

Я.Подпсев 46

Алексей Воронов 72

Иван Ильин 76

Галина Ковальская 90

Виктория Лявданская 93

Валентин Лядацев 95

Нина Озерова 96

Мария Орфанудаки 101

Светлана Панова 103

Юрий Пейсахович 120

Елена Покровская 124

Геннадий Серов 125

Иосиф Скарбовский 133

Ирина Питаренко 136

Хафиз Шахмамметьев 143

Наталия Шитикова 151

Наталья Веселова 153

Николай Новиков 206

Борис Просвирин 208

Ольга Сафарова 212

Галина Парасова 217

Валентина Федорова 220

Золотое Слово №6
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2012 г., 226 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: www.rmssp.pro, www.evgeniyraevskiy.ru

Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 11-я линия, д. 48, кв., 10.

Контактные тел.: 8-921-908-97-16, 8-921-441-75-84

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства
«Гамма»

Санкт-Петербург, наб.Обводного канала, д.87

Печать офсетная. Формат 60x84/8. Печ.л. 15.

Заказ № 167 Тираж 900